12 ступенек на эшафот...

Вильгельм Кейтель

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Генерал — фельдмаршал Вильгельм Кейтель стоял у истоков создания регулярной армии Германии после прихода к власти Гитлера в 1933 году. Международный трибунал обвинил его как одного из организаторов 2 — й мировой войны в совершении преступлений против человечества. Предлагаемые читателю «Воспоминания» Вильгельма Кейтеля написаны в Нюрнбергской тюрьме после вынесения смертельного приговора. За несколько недель до приведения приговора в исполнение генерал — фельдмаршал вермахта пытался осмыслить свою судьбуи причины бесславного конца Третьего рейха. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

- 12 ступенек на эшафот…
  - Вступление
  - Часть 1. Вильгельм Кейтель
    - Глава 1. Детство, отрочество, юность
    - Глава 2
  - Часть 2. Армия перед войной
    - Глава 1. Воспоминания фельдмаршала 1933–1938 гг
    - Глава 2
  - Часть 3. Война
    - Глава 1
    - Глава 2. Поход на Россию
    - Глава 3. На Восточном фронте 1941–1943 гг
    - Глава 4
  - Часть 4. Конец третьего рейха
    - Глава 1
    - Глава 2
  - Приложение
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110

12 ступенек на эшафот… Кейтель Вильгельм

Вступление

15 октября 1946 г. во внутреннем дворе Нюрнбергской тюрьмы появились три свежевыкрашенных темно—зеленой краской эшафота — два «рабочих» и один запасный. Смертный приговор десяти (одиннадцатый приговоренный к смертной казни через повешение — рейхсмаршал Герман Геринг — покончил жизнь самоубийством за 2 часа 10 минут до казни) бывшим руководителям Третьего рейха был приведен в исполнение в ночь с 15 на 16 октября. В 0.55 в присутствии 8 журналистов — по два от Великобритании, СССР, США и Франции — 12 последних шагов в своей жизни сделал бывший рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп. Джон Вудд, сержант армии США, палач—доброволец Нюрнбергской тюрьмы, ловко манипулируя веревкой, управился с 10 оставшимися приговоренными меньше чем за полтора часа. В эту же ночь тела казненных были перевезены в Мюнхен и кремированы, а прах их развеян. В Соединенных Штатах Америки сержант Вудд здорово поправил свое финансовое положение, торгуя аккуратно отрезанными кусочками «исторической» веревки, пользующимися большим спросом у любителей экзотических сувениров…

С 1936 по 1945 г. Адольф Гитлер произвел в фельдмаршальский чин 19 высших армейских офицеров и 6 — люфтваффе. К концу войны в строю оставались только двое из девятнадцати генерал—фельдмаршалов сухопутной армии — остальные были отстранены от дел, отправлены в отставку или же… мертвы:

Вернер фон Бломберг умер в следственной тюрьме Нюрнберга в 1946 г.;

Федор фон Бок погиб во время бомбежки в 1945 г.;

Вальтер фон Браухич скончался в гамбургской тюрьме в 1948 г.;

Эрнст фон Буш скончался в британской тюрьме в 1945 г.;

Эрвин фон Вицлебен казнен по приговору Народного трибунала как активный участник заговора «20 июля» в 1944 г.;

Ганс фон Клюге покончил жизнь самоубийством в 1944 г.;

Эвальд фон Клейст умер в русском плену во владимирской тюрьме в 1954 г.;

Вальтер Модель покончил жизнь самоубийством в

1945 г.;

Вальтер фон Рейхенау скончался от сердечного приступа в 1942 г.;

Эрвин Роммель покончил жизнь самоубийством в 1944 г.

Из 25 фельдмаршалов Третьего рейха Вильгельм Кейтель, начальник штаба верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ), оказался единственным, кто был приговорен к смертной казни в Нюрнберге. На последнем, 407–м, заседании Нюрнбергского трибунала Кейтель внешне невозмутимо выслушал приговор и по подземному ходу, соединявшему Дворец юстиции и тюрьму, был препровожден в камеру. Только там он дал волю своим чувствам: в своей книге «Нюрнбергский дневник» доктор Джильберт, американский офицер Службы внутренней безопасности и судебный врач—психиатр, свидетельствует о том, что Вильгельм Кейтель рассчитывал… на расстрел.

Этот приговор вызвал неоднозначную реакцию в стане недавних союзников. Дуайт Эйзенхауэр, бывший главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Западной Европе, во время процесса — командующий оккупационными войсками США в Германии, будущий 34–й президент США, заметил:

> «Удивлен, что судьи сочли возможным хладнокровно осудить военного человека. Полагал, что судьба солдат составит специальную заботу трибунала…»

Правительство и Сенат Колумбии — единственные среди всего мирового сообщества — выступили с предложением смягчения наказания и помилования всех приговоренных к смертной казни…

Человек умирает так, как жил. Кейтель отказался от последнего свидания с женой, которую очень любил и не хотел «травмировать душераздирающей сценой прощания»; вплоть до последней минуты он писал свои «Воспоминания». Говорят, что на пороге Вечности человек всегда бывает нелицемерен и правдив — справедливый приговор потомков значил для фельдмаршала больше, чем близкий уход в небытие. Вильгельм Кейтель хладнокровно и с достоинством держался на процессе и, по свидетельству очевидцев, так же принял и смерть. Его последними словами были:

«Германия превыше всего…»

RadioHeads©

Часть 1. Вильгельм Кейтель

Глава 1. Детство, отрочество, юность
Истоки

В 1871 г., в дни возвышения Пруссии и рождения Второго немецкого рейха железной волей канцлера Отто фон Бисмарка, бывший окружной королевский советник Карл Вильгельм Эрнст Кейтель отказался от аренды государственных земель под Бургштемменом в округе Альфельд и приобрел недвижимость в Гандерсхайме на западе герцогства Брауншвейгского. Древний род арендаторов Кейтелей издавна пользовался почетом и уважением сограждан. Еще отец Карла Вильгельма Кейтеля, получивший ленную грамоту на имение Поппенбург от ганноверской короны, принимал в своем доме последнего суверена Ганновера, Георга V, когда тому случалось бывать в загородной резиденции королевского двора в соседнем Мариенбурге.

После аннексии Пруссией маленького Ганноверского королевства в 1866 году Карл Вильгельм Эрнст Кейтель, глубоко религиозный человек, выросший в патриархальной евангелически—лютеранской семье, отказался от «принудительного прусского гражданства» и уже в преклонном возрасте, разменяв седьмой десяток, покинул родовое гнездо и обрел вторую родину на брауншвейгской земле.

18 декабря 1871 г. Карл Вильгельм Кейтель подписал купчую на имение Хельмшероде под Гандерсхаймом. Прежний хозяин имения, фабрикант и владелец стеклодувных мастерских Фридрих Людвиг Штендер из Ламшпринге, занимался не столько возделыванием земель, сколько развитием своего хлопотного производства. По брауншвейгскому поземельному кадастру 1871 года, «имение Хельмшероде состоит из усадьбы и 920 моргенов и 114 квадратных рутов[1] пахотных земель в Геренроде…

…Поголовье скота — 14 лошадей, 52 коровы, 38 свиней и 410 баранов…»

Общая стоимость имения составила 124.000 талеров (примерно 432.000 марок) — колоссальные по тем временам капиталовложения. Долговые обязательства семейства и необходимость в связи с этим вести скромное и экономное существование во многом определили судьбу наследника Хельмшероде, Карла Вильгельма Августа Луиса Кейтеля, и его сына — будущего генерал—фельдмаршала Третьего рейха.

С тех пор как первым владельцем имения стал некий Ионас Бурхторф из Ламшпринге, скупивший несколько разоренных Тридцатилетней войной крестьянских подворий, упоминаемых еще в летописях XI века, земли переходили из рук в руки выходцев из помещичье—арендаторских кругов. И это весьма важное обстоятельство для нашего повествования, поскольку много десятилетий спустя Нюрнбергское обвинение попытается представить фельдмаршала Кейтеля воплощением реакционного прусского юнкерства и немецкого милитаризма, хотя, как в этом предстоит убедиться читателю, атмосфера Хельмшероде была исключительно патриархально—земледельческой. В роду Кейтелей были штейгеры[2] и даже торговцы, но никогда — военные. Более того, когда в 1872–1873 гг. Август Луис Кейтель проходил годичную службу в 13 Кассельском гусарском полку, его батюшка запрещал ему появляться в имении в ненавистной прусской форме. В отчий дом Август Кейтель мог попасть, только переодевшись в цивильное платье…

«Достопочтенный советник», как уважительно называли Эрнста Кейтеля его соседи—помещики, скончался, как и подобает землевладельцу, по пути из усадьбы на поле. В ландо с ним случился апоплексический удар, и любимый жеребец хозяина, развернувшись на узкой дороге, привез в усадьбу уже остывшее тело…

В сентябре 1881 г. его сын и наследник женился на дочери землевладельца из Восточной Фрисландии — Аполлонии Виссеринг. Советник в отставке Бодевин Виссеринг был депутатом рейхстага и прусского ландтага от Консервативной партии. Его супруга, Иоганна Виссеринг, урожденная Блоней, происходила из старинного дворянского рода французской Швейцарии. Как и семейство Кейтелей, Виссеринги были абсолютно чужды военному образу жизни. Испокон веку в их роду были только земледельцы и помещики.

22 сентября 1882 г. счастливая супружеская пара произвела на свет первенца — Вильгельма Бодевина Иоганна Густава Кейтеля, будущего фельдмаршала и начальника штаба верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ). Мать скончалась от родильной горячки в возрасте 33 лет, в первые дни Рождества 1888 г., дав жизнь второму сыну, Бодевину Кейтелю. Отец, тяжело переживший трагическую смерть любимой супруги, замкнулся в себе и с головой погрузился в хозяйственные заботы, а Вильгельм Кейтель с детских лет лишился тепла материнской ласки.

Впоследствии Кейтель с восхищением вспоминал настоящее подвижничество отца, сумевшего не только в одиночку

справляться с хозяйством, но и вытащить поместье из долгов. Он записал в дневнике:

«Горжусь, что я сын настоящего бойца…»

Немудреный крестьянский быт, не имевший ничего общего с жизнью великосветских помещиков, наложил свой отпечаток на мир юного Вильгельма. Как—то, когда в юноше неожиданно проснулась страсть к охоте и оружию, отец сухо заметил:

«Настоящий крестьянин не может быть хорошим охотником…»

Сам он за всю свою жизнь никогда не брал в руки ружья.

Первые уроки грамоты Вильгельму Кейтелю преподали домашние учителя. Как и все дети его возраста, он с большим удовольствием проводил время в компании конюхов и садовников, постигая нехитрые премудрости крестьянской науки. На Пасху 1892 г. отец отправил его в Королевскую гимназию и реальное училище Геттингена. Это означало проживание на полном пансионе у более или менее гостеприимной хозяйки. Сохранились «дневники успеваемости» — тетрадки в голубом переплете — гимназиста «сексты»[3] Вильгельма Бодевина Иоганна Густава Кейтеля: история, география, гимнастика — «хорошо»; греческий и латынь — «удовлетворительно». Позднее гимназист Кейтель записал в дневнике:

«Мне совершенно не нравится в школе. Профессор Тимме, преподаватель закона божьего и греческого, услыхав мой перевод второго послания апостола Павла к римлянам, задумчиво произнес: «Да—с, Кейтель, будь ваша воля, вы бы предпочли верховую езду деяниям всех апостолов». И он тысячу раз прав…».

Средний балл повысился только в «приме».[4] Лучом света для «геттингенского затворника» стали регулярные воскресные визиты к дядюшке Клаусу Барингу, женатому на сестре отца Вильгельма, арендатору монастырских земель в Мариенгартене под Оберньеза. Их сын, Теодор Баринг, и Вильгельм Кейтель сидели за одной партой в геттингенской гимназии. Здесь, в имении, Вильгельм мог вдохнуть полной грудью свежий степной воздух и даже отправиться на охоту с друзьями. Цель была ясна: закончить учебу и быстрее вернуться домой.

Однако поигрывающий мускулами Второй рейх имел совершенно другие виды на подрастающую молодежь…

Вольноопределяющийся Вильгельм Кейтель

Милитаризация всех сфер жизни, изменение статуса офицера

—резервиста и того положения в обществе, которое давал молодому человеку офицерский чин, заставили многих родителей, прежде совершенно чуждых военному делу, отдавать своих сыновей в армию. В геттингенской гимназии Кейтель и Баринг оживленно обсуждали перспективы военной карьеры со своими приятелями из выпускного класса — среди них был Феликс Бюркнер, прославившийся впоследствии как профессиональный жокей. Мечты о кавалерии пришлось сразу же оставить, поскольку покупка и содержание лошади относились в тогдашние времена к обязанностям кавалерийского офицера, а такие расходы были не по карману семьям Барингов и Кейтелей. Чтобы удержаться на плаву, отец Вильгельма был вынужден экономить каждый пфенниг.

Для обожавшего лошадей и верховую езду юноши оставался единственный выход — полевая артиллерия. «Ничего, там тоже ездят на лошадях, — записал в дневнике Вильгельм и тут же добавил: — Не могу отделаться от мысли, что армия — это не мое. Понимаю, что так или иначе, но служить придется. И все же, все же… Я бы хотел вернуться в имение».

Жизнь не стояла на месте. Теперь служба в прусском полку — что было совершенно неприемлемо для его деда, ганноверского королевского окружного советника, — стала нормой и знамением времени. На Пасху 1900 г., после перевода в выпускной класс гимназии, отец записал Вильгельма вольноопределяющимся в 46 полк полевой артиллерии, дислоцировавшийся в Вольфенбюттеле и Целле. Хотя вольноопределяющийся и жил на свои личные средства, а не на государственные, он имел определенные привилегии: доброволец служил не три года, как остальные, а только год; кроме этого, мог сам выбрать себе не только род войск, но и место прохождения службы. Так что решающими обстоятельствами при выборе 46 артиллерийского полка стали, во—первых, его брауншвейгский контингент и, во—вторых, приемлемая удаленность гарнизона от Хельмшероде.

Тем временем старший Кейтель женился во второй раз на Анне Грегуар, домашней учительнице второго сына, Бодевина. Разговор по душам со старшим сыном состоялся сразу же после его приезда на летние вакации в отчий дом:

«Вильгельм, я знаю, ты хочешь вернуться в имение, но две семьи оно не прокормит. Сам я достаточно крепок, чтобы даже через десяток лет уверенно держаться в седле, и не собираюсь удаляться на покой. В лучшем случае в обозримом будущем здесь тебя ждет работа подручного, но не хозяина. Вместе с тем ты прекрасно образован и вправе претендовать на должность управляющего крупной усадьбой, но, увы, в Брауншвейге

слишком много претендентов и слишком мало вакансий…»

По семейному преданию, этот разговор закончился едва ли не слезами, но судьбоносное решение было принято. Так началась карьера профессионального солдата, завершившаяся всеми мыслимыми и немыслимыми почестями и наградами, маршальским жезлом и… виселицей в Нюрнберге.

Очень важно постараться удержать в памяти образ расстроенного решением отца молодого человека, чтобы правильно понять и оценить ту роль, которую сыграл Кейтель в истории Третьего рейха и 2–й мировой войны. На непросвещенный взгляд и с точки зрения англосаксов, каждый немецкий генерал—фельдмаршал был, прежде всего, продуктом кадетского корпуса и военного воспитания. На американцев, кичащихся своими глубокими познаниями в области психологии, массивная фигура фельдмаршала с моноклем на черном шнурке действовала, как красный цвет на быка. Особенно когда они узнали, что «прусский юнкер» ко всему прочему еще и «крупный землевладелец».

В начале марта 1901 г. Вильгельм Кейтель сдал последний экзамен в геттингенской гимназии, а уже 7 марта прибыл в расположение 46 Нижнесаксонского полка полевой артиллерии. Штаб и 1 дивизион (в том числе и 2 Брауншвейгская батарея) располагались в Вольфенбюттеле, 2 дивизион — в Целле. 18 августа 1902 г.

Кейтель был произведен в лейтенанты. Он был сильным, с крепкими крестьянскими корнями, умел обращаться с лошадьми и нижними чинами, проявляя природный талант командира. В лице командира 1 батареи гауптмана фон Утмана молодой лейтенант нашел опытного наставника и мудрого воспитателя. Для получения лейтенантского патента Кейтель окончил военное училище в Анкламе. Закончил лучше, чем рассчитывал сам. По собственному признанию, он не особенно утруждал себя зубрежкой в пору ученичества, однако результаты неизменно оказывались блестящими. И в дальнейшем, на высших командных должностях, он всегда делал нечто более значительное, чем ожидали от него окружающие, и всегда больше и лучше, чем сам планировал сделать. Он не владел искусством «спрямления углов» и не умел облегчать себе жизнь.

В чине лейтенанта Кейтель был переведен во 2 Брауншвейгскую батарею. Командиром 3 батареи был еще один новоиспеченный лейтенант, Гюнтер Клюге. Несколько позже, когда его отец получил дворянский титул, к фамилии Клюге добавилась приставка «фон», а сам он стал генерал—фельдмаршалом Третьего рейха. Клюге пришел в полк из

кадетского корпуса. Уже тогда Кейтель считал его заносчивым выскочкой, сполна обладавшим тем «букетом отрицательных благоприобретенных качеств», которые дают воспитание и образование в закрытом учреждении казарменного типа. В свою очередь, Клюге был крайне невысокого мнения о воинских талантах лейтенанта Кейтеля, называя его «абсолютным нулем». Командование считало Кейтеля прекрасным офицером—строевиком.

Полярные оценки, суждения и мнения сопровождали офицерскую карьеру Кейтеля на протяжении всей жизни. Что можно сказать по этому поводу? По его собственным словам, он не был «тихоней, пронырой или ханжой». Единственным увлечением и страстью всей его жизни стали породистые лошади, анекдоты о лошадях, коннозаводские аукционы, купля, продажа — в общем, все, что было связано с этими благородными животными. Он увлекался охотой, благо поблизости в Хедвигсбурге проживали страстный поклонник «мужского вида спорта», дальний родственник Кейтелей, Фриц фон Кауфман, и его друг Вильгельм Вреде в имении Штайнля под Рингельсхаймом.

Кейтель прекрасно танцевал и всегда открывал балы при дворе принца—регента Альбрехта Прусского в Брауншвейгском дворце. Он не отличался пуританством, мог приударить за понравившейся ему особой, но был непримиримым противником распутства и безалаберности в финансовых делах. Осенью 1906 г. лейтенант Кейтель проводил друга детства Феликса Бюркнера в Военную кавалерийскую академию, выделявшуюся на фоне прочих военных учебных заведений свободой царивших там нравов, со строжайшим напутствием:

> «Никаких азартных игр и никаких любовных историй…»

С искренним недоумением и даже брезгливостью он выслушал печальную историю своего приятеля, офицера гусарского полка, и, потрясенный происшедшим, записал в дневнике:

> «…Несчастный женился на торговке из Линдена, влез в долги и был вынужден бежать от позора в Америку».

Во время службы Кейтеля в Ганновере разразился «кавалерийский скандал», когда в ходе специального расследования выяснилось, что ровно треть кадетов играла в

запрещенные специальным указом азартные игры, офицеры погрязли в долгах… Воинская дисциплина пришла в полный упадок… После вмешательства кайзера все «опозорившие честь мундира» были изгнаны из армии с позором. Такие эксцессы Кейтель просто отказывался понимать. О его болезненной щепетильности ходили анекдоты. В 1934–1935 гг. Кейтель командовал дивизией в Бремене. Отправляясь на официальный прием, он вызывал служебный автомобиль, если же приглашали и его жену, то она добиралась… на трамвае. Кейтель считал некорректным «катать» супругу в командирской машине.

В дневниках Кейтеля подробно описана жизнь гарнизонного лейтенанта — казарма, учебные стрельбы, маневры, офицерские скачки с препятствиями и, конечно, осенняя верховая охота. Удивительно другое: на фоне тщательно выписанных картинок зарегламентированного солдатского быта нет даже и намека на существование каких—либо увлечений и пристрастий, выходящих за рамки сугубо служебных обязанностей. Трудно судить и о круге чтения молодого человека, поскольку, кроме программной методической литературы по военному делу, в его записках даже не упоминаются популярные в то время литературные произведения. Рассуждения о политике впервые появляются на страницах дневника в 1913 г. — в последний предвоенный год. По всей видимости, дело не только в том, что записи представляли собой своего рода эскизный план будущих мемуаров фельдмаршала, написанных потом, в плену, в 1945 г., по его собственным словам, «чтобы отвлечься от мрачных мыслей и убить время…». Скорее всего, эти проблемы его действительно мало занимали. Он «горел» на службе, а еще оставались лошади, охота, сельскохозяйственные выставки в Ганновере и Хельмшероде. И в этом смысле он ничем не отличался от многих офицеров, выходцев из «почвеннической» среды.

Между тем служба шла своим чередом, и вскоре командование обратило внимание на исполнительного и способного молодого командира. В 1904–1905 гг. Кейтель с успехом окончил годичные курсы артиллерийско—стрелкового училища в Ютербоге. В порядке поощрения академических успехов руководство учебного заведения ходатайствовало о переводе лейтенанта Кейтеля в числе лучших выпускников курса в учебный полк артиллерийского училища, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы остаться в Вольфенбюттеле и не потерять связь с отцом и имением.

В 1908 г. после тяжелейшей травмы (двойного перелома таза), полученной во время офицерских соревнований по верховой езде, — при преодолении препятствия лошадь упала

прямо на него — встал вопрос о переводе Кейтеля в инспекторат военных училищ. Единственным предварительным условием было отсутствие семьи у претендента. Кейтель доложил командиру полка оберсту[5] Штольценбергу, что помолвлен и собирается вступить в законный брак. Оберст Штольценберг, великолепный офицер, жесткий и требовательный командир, назначил лейтенанта полковым адъютантом. Любопытно, что буквально за несколько дней до этого назначения, во время учебных полковых стрельб, взбешенный постоянными придирками командира, Кейтель демонстративно швырнул полевой бинокль под ноги Штольценберга, давая понять, что отказывается впредь видеть что —либо еще. Возможно, оберст понимал такой тон лучше, чем беспрекословное повиновение.

До этого назначения с такой строгостью и взыскательностью командования Кейтелю сталкиваться не приходилось. Впервые в жизни ему пришлось заниматься делопроизводством и проводить столько времени за письменным столом. В круг служебных обязанностей полкового адъютанта входили работа с личными делами рядового и офицерского составов, контроль над проведением мобилизационных мероприятий и многое другое.

18 апреля 1909 г. состоялась церемония бракосочетания лейтенанта Кейтеля и Лизы Фонтен, дочери промышленника и землевладельца Арманда Фонтена. Тесть, хозяин поместья Вюльфель, вошедшего впоследствии в городскую черту Ганновера, владелец пивоваренного завода, был намного богаче своего зятя. Однако вряд ли он мог даже и мечтать о лучшей партии для своей дочери, нечистокровной немки, породнившись с «прусским» лейтенантом. Фонтен, галантный кавалер, страстный охотник и великолепный стрелок, был счастлив вдвойне, обнаружив родственную душу в зяте—офицере. Кейтель знал толк в хорошем табаке и был не прочь осушить бокал—другой старого доброго вина…

В записках Кейтель подробно рассказывает о том, как познакомился с будущей невестой и супругой в доме своего родственника Виссеринга в Ганновере; как долго сомневался в том, будет ли его избранница непринужденно чувствовать себя в убогой сельской обстановке; сумеет ли он соответствовать уровню Лизы и удовлетворить ее богатые духовные запросы…

Лиза Фонтен, иконописная красавица с идеальными пропорциями лица и фигуры, как будто сошедшая с полотен старых флорентийских мастеров, получила блестящее домашнее образование, увлекалась литературой, музыкой, живописью, театром… Внешне холодная и надменная, она была более сдержанной и менее сентиментальной натурой, чем Вильгельм

Кейтель. В определенном смысле Лиза была полной противоположностью своему супругу. Как правило, в таких браках спутники жизни дополняют друг друга — не стала исключением и чета Кейтелей. Рука об руку прошли они через все бури и невзгоды века, а в послевоенной Германии все были потрясены внутренним достоинством и гордостью, с которыми вдова несла свой тяжкий жизненный крест.

Вместе с новой адъютантской должностью пришли умножившееся чувство внутренней самодисциплины и гражданской ответственности — как бы высокопарно это ни звучало. Письма Кейтеля предвоенных лет более рассудочны и менее эмоциональны. В ходе учебных стрельб в Альтенграбове весной 1910 г. на молодого офицера произвело неизгладимое впечатление знакомство с инспектором артиллерийских войск генералом фон Гальвицем. Гальвиц, выдающийся стратег и опытный командир, — после окончания войны многие прочили ему блестящую политическую карьеру — оказался одним из немногих высших офицеров довоенной Германии, упомянутых Кейтелем в его записках. Под влиянием Гальвица молодой офицер в первый раз задумался о необходимости коренного реформирования артиллерии — оснащении дивизионов большим числом легких полевых гаубиц, усиленном насыщении боезапасом и формировании в пехотных частях дивизионов артиллерийского сопровождения: обо всем, необходимость чего была подтверждена впоследствии ходом 1–й мировой войны.

В 1913 г. на осенних маневрах 10 армейского корпуса начальник штаба корпуса оберст генерального штаба барон Густав фон дер Венге граф фон Ламбсдорф, бывший военноуполномоченный немецкого кайзера при дворе русского императора, со всей определенностью дал понять офицерам, что «Тройственный союз» находится под угрозой полного распада, несмотря на все усилия Его Величества разрядить напряженность и смягчить ситуацию. Граф рекомендовал активизировать проведение всех мобилизационных приготовлений в связи с обострением ситуации на Балканах. Начиная с 1910 г. за этот участок штабной работы отвечал полковой адъютант 46 полка полевой артиллерии в Вольфенбюттеле оберлейтенант Кейтель.

После завершения учебных стрельб граф Ламбсдорф вызвал оберлейтенанта в свой рабочий кабинет. После собеседования, ответив на десятки неожиданных вопросов генерала, Кейтель не исключал возможности своего назначения бригадным адъютантом. Во всяком случае он, как это выяснилось впоследствии, вполне справедливо предположил, что Ламбсдорф намеревается вызвать его на весенние контрольные стрельбы,

которые проводил штаб корпуса. Зимой 1913–1914 гг. Кейтель с удвоенным усердием принялся восполнять теоретические пробелы в своем армейском образовании, решительно необходимые для службы в штабе. Среди прочих книг была и пресловутая памятка офицеров генерального штаба, широко известная в узких армейских кругах как «Седой осел»!

Все произошло именно так, как и предполагал оберлейтенант Кейтель. В марте 1914 г. он и четверо офицеров большого генерального штаба принимали участие в корпусных стрельбах под командованием оберста графа Ламбсдорфа. Среди откомандированных из Берлина генштабистов были Иоахим фон Штюльпнагель и барон фон дем Бусше—Иппенбург, сыгравшие каждый свою роль в дальнейшей судьбе и карьере Вильгельма Кейтеля. В 1925 г. барон фон дем Бусше—Иппенбург перевел его в организационный отдел сухопутных войск (Т–2) управления рейхсвера — неофициального немецкого генерального штаба. Барон, во времена Шлейхера возглавлявший управление кадрами сухопутных войск, посчитал квалификацию молодого штабиста вполне достаточной для того, чтобы заниматься организационными вопросами на войсковом уровне, первым разглядев тот дар, который был и остался главным достоинством Кейтеля как офицера.

Летом 1914 г. Кейтель проводил отпуск с молодой женой в Швейцарии. Известие об убийстве престолонаследника Габсбургской монархии эрцгерцога Франца Фердинанда в боснийском Сараево застало его в Констанце — на обратном пути домой. Он и раньше не верил в возможность мирного разрешения балканского кризиса, а теперь все окончательно стало на свои места. Кейтель прервал отпуск и выехал в полк.

Перед вами последние записи, относящиеся к начальному периоду 1–й мировой войны:

30 июля, 1941 г.

Пришла «пресловутая телеграмма», предписывающая к 1 августа 1914 г. завершить стратегическое развертывание немецкой армии в соответствии с мобилизационными планами генерального штаба.

8 августа, 1914 г.

46 полк полевой артиллерии передислоцируется к границе. Пересекли бельгийскую границу в районе Спа и…

* * *

На этом записи обрываются, прямо посреди предложения.

Возможно, с этого момента заключенного Кейтеля больше занимали обвинения в «совершении преступлений против человечности», чем события далекого августа 1914 года…

Об источниках издания

О дальнейшем развитии событий в период с 1914 г. по 1933 г. читатель узнает из личных писем генерал—фельдмаршала и его супруги, хранящихся в семейном архиве семьи Кейтель. Воспоминания Кейтеля, записанные с его слов в плену, охватывают десятилетие с момента прихода к власти Гитлера в 1933 г. вплоть до сталинградской катастрофы 1943 г. и, наконец, записки о последних днях Третьего рейха, начиная с 20 апреля 1945 г. Все документы цитируются по вышеупомянутому семейному архиву «В. Кейтель 1871–1940 гг.» и обширной корреспонденции супруги покойного фельдмаршала Лизы Кейтель. Следует напомнить, что воспоминания были написаны в экстремальных условиях, второпях, без соответствующей проверки и правки. Отсюда неизбежные опечатки, ошибки или же нарушение хронологической последовательности событий. Автор взял на себя смелость реконструировать отдельные предложения или дополнить текст там, где по каким—либо причинам произошло выпадение ключевых слов или фраз. Все добавления взяты в круглые скобки, а временные и смысловые несоответствия комментируются в примечании.

Представляется уместным высказать несколько слов о воспоминаниях и записях фельдмаршала Кейтеля, возможно, одной из самых противоречивых и недооцененных фигур прусского и германского генералитета.

10 октября 1945 г. в памятной записке доктору Отто Нельте, своему защитнику на Нюрнбергском процессе, генерал—фельдмаршал особо подчеркнул евангелически—протестантские корни своей «старинной семьи ганноверских землевладельцев». В собственноручно написанной биографии Кейтель обратил особое внимание адвоката на «свойственное ему и его семье крепкое крестьянское здоровье». Отец и дед не болели ни одного дня в своей жизни. Младшая дочь Вильгельма Кейтеля, Эрика, росла абсолютно здоровым ребенком до семнадцатилетнего возраста, но в результате несчастного случая (падения с лошади), повлекшего за собой серьезное заболевание поджелудочной железы, стала страдать диабетом. Болезнь протекала очень тяжело. Ослабленный организм не мог сопротивляться

инфекциям — и Эрика умерла от туберкулеза. Сам Кейтель, кроме обычных детских заболеваний, болел трижды в жизни: двойной перелом таза после падения с лошади в 1907 г., воспаление вен на правой голени, вызвавшее тромбоз, и легочная эмболия и воспаление легких в результате осложнения. Именно в связи с последними заболеваниями, когда Кейтель на долгое время оказался прикован к постели и выключен из общественной жизни, в его записях и воспоминаниях отсутствует какое—либо упоминание короткого канцлерства генерала Курта фон Шлейхера.

Решающим событием его военной карьеры стало откомандирование в генеральный штаб, после того как в октябре 1914 г. оберлейтенант Кейтель был произведен в гауптманы и командовал батареей на Западном фронте.

Письма 1915 г. пронизаны отголосками мучительных раздумий о соответствии «скромных личных возможностей» масштабам стоящих перед ним задач. Месяцами и годами в генеральном штабе, министерстве рейхсвера и ОКВ он доводил себя до изнурения ежедневной многочасовой самоподготовкой и добивался результатов только усидчивостью и прилежанием там, где другим, возможно, хватало дарованных природой талантов.

Для гауптмана Кейтеля, офицера генерального штаба — «кузницы» оперативных кадров немецкой армии со времен Мольтке Старшего — стало чрезвычайно важным то обстоятельство, что азы оперативного мастерства постигались им на фронтах Галиции и Сербии. До последнего дня войны он воевал на Западном фронте в составе 19 резервной пехотной дивизии, а с декабря 1917 г. был Ia[6] при штабе Морского корпуса во Фландрии. Он не поднимал батальоны в атаку, здесь он учился тактике ведения боевых действий, точнее говоря, организации тыла и управлению войсками.

Еще будучи Ia 19 резервной пехотной дивизии, Кейтель познакомился с одним из тех, кому суждено будет сыграть важную роль в его жизни, — с 1–м офицером оперативного управления штаба 7 армии майором Вернером фон Бломбергом. Фон Бломберг относился к редкому типу блестящих, всесторонне развитых офицеров. Он получил прекрасное образование, еще в молодости проявлял недюжинные литературные способности, увлекался философией и был приверженцем антропософии Штайнера. Кейтель попал под обаяние его личности, хотя никогда не предпринимал попыток сближения. Основополагающие принципы реорганизации вооруженных сил Германии, которые впоследствии отстаивали Кейтель, Бломберг и небольшая группа офицеров старого генерального штаба, во многом

сформировались в дни совместной службы на Западном фронте, когда офицеры—единомышленники в числе первых увидели скрытые возможности военного флота, второй на тот момент составной части вермахта — независимо от того, что в то время флотские формирования использовались на их участке фронта как части сухопутного базирования.

Не осталось практически ни одного документального свидетельства об отношении Кейтеля к революции 1918 г., падению империи и Вильгельму II. Наряду с пренебрежительным отзывом о кайзере Лизы Кейтель, чьи взгляды были созвучны политическим воззрениям мужа, достоверно известно только то, что в рабочем кабинете Кейтеля в управлении рейхсвера на почетном месте стояла фотография кронпринца с дарственной надписью. Скорее всего, его отношение к событиям не отличалось от отношения десятков тысяч офицеров и миллионов солдат—фронтовиков, для которых кайзер давно уже превратился в некую мнимую величину — символ, но не личность. Вся Германия восприняла революционные события конца 20–х как стихийное бедствие, степной пожар…

Кейтель колебался, сомневался и ненавидел вместе с нацией, оставаясь офицером, имеющим честь…

В Нюрнберге он сказал, что всегда оставался солдатом — при кайзере, при Эберте, при Гинденбурге и при Гитлере…

С 1925 по 1933 г., без учета краткосрочной командировки в Минден, где Кейтель командовал дивизионом 6 артиллерийского полка, он прослужил в организационном отделе управления сухопутных войск рейхсвера, став руководителем сектора, а в 1930 г. — начальником отделения. К этому же периоду службы относятся первые теоретические разработки Кейтеля и его единомышленника оберста Гейера о реструктуризации вооруженных сил. Генерал—лейтенант Ветцель, начальник управления (неофициального генерального штаба), привлекал Кейтеля к разработке оперативных планов боевого использования 100–тысячного рейхсвера и формированию некоего подобия резервных частей.

Можно до бесконечности спорить о достоинствах и недостатках будущего начальника штаба ОКВ, но никто не вправе отрицать очевидное: в споре с генералом Беком и его концепцией непомерно раздутой сухопутной армии историческая правда оказалась на стороне Кейтеля, Бломберга и Йодля с их идеей трех пропорционально развитых составных частей вермахта — армии, военно—воздушных и военно—морских сил.

Проблема взаимоотношений с Гитлером, вина и ответственность солдата — темы отдельного разговора, тем более

что они исчерпывающе освещены в «последнем слове» подсудимого Кейтеля в конце книги. На свою беду Вильгельм Кейтель оказался человеком с «государственным» типом мышления: он верил рейхсканцлеру Брюнингу, позже Папену. Национал—социалисты с Гитлером во главе никогда не вызывали его доверия, но он считал, что только сильная власть способна вывести Германию из затянувшегося на десятилетия кризиса.

Кейтель в зеркале мнений

Неоднозначность личности генерал—фельдмаршала Третьего рейха породила массу спекулятивных мнений и противоречивых суждений о его гениальности и твердолобости, угодничестве и бескомпромиссности, верности и вероломстве…

Британский военный историк Уилер—Беннет в ставшем широко известным исследовании «Немезида власти», изданном в Лондоне в 1953 г., собрал в кучу все праведные и неправедные обвинения, прозвучавшие в адрес Кейтеля на процессе в Нюрнберге. В результате получилось, что «Кейтель — скрытый нацист; безвестный и бесталанный вюртембергский офицер; амбициозный, но лишенный способностей; верный, но бесхарактерный…»

Американец Дуглас Келли, врач—психиатр Нюрнбергской тюрьмы, в своей книге «22 человека вокруг Гитлера» описывает Кейтеля как «типичного прусского юнкера и прусского генерала, чьи предки свыше 100 лет носили мундиры прусской гвардии и владели крупными наделами земли». Келли, по всей видимости, не был знаком с трудами Уилера—Беннета, поэтому наделил фельдмаршала «высоким интеллектом, правда, несколько менее разносторонним, чем у Йодля…»[7]

Не менее уважаемый англосаксонский военный историк Гордон А. Крейг в своей книге «Прусско—немецкая армия 1640–1645 гг. Государство в государстве», не мудрствуя лукаво, называет Кейтеля «человеком без характера и обожателем фюрера».

Карл Хензель, один из общественных немецких защитников в Нюрнберге, опытный и одаренный журналист, автор книги «Суд удаляется на совещание», увидел в Кейтеле «типичного немецкого генерала, без проблеска мысли за толстыми сводами черепной коробки, чью сущность можно объяснить только издержками воспитания в кадетском корпусе…»

В многочисленных мемуарах, интервью и исследованиях свое

мнение о Кейтеле высказали практически все высшие офицеры Третьего рейха: генерал—фельдмаршал Манштейн, генерал—оберст Гальдер, генерал пехоты доктор Эрфурт… Никто из них не отрицает выдающегося организаторского таланта начальника штаба ОКВ, но все в один голос называют его «удобным подчиненным» — «рабочей скотинкой», по выражению Гальдера.

Исторические параллели неизбежны, но практически всегда некорректны — иные времена, иные нравы, иные обстоятельства и люди. Одно из самых избитых сравнений — исторические судьбы маршалов Кейтеля и Бертье. Напомню вкратце: Бертье Луи Александр — маршал императора Наполеона I, вице—коннетабль Франции, принц Невшательский, князь Ваграмский, герцог Валанженский. После отречения и ссылки на остров Эльба Наполеона Бонапарта отрекся от своего господина и присягнул на верность Людовику XVIII, но покончил жизнь самоубийством во времена «100 дней» то ли из раскаяния, то ли из страха… Фельдмаршал Кейтель выказал свое отношение к проблеме офицерского долга, ответственности командира и государственного деятеля в беседе с доктором Нельте, при подготовке последнего к перекрестному допросу свидетелей обвинения:

> *«…Самоубийство! В мыслях я много раз держал в руке пистолет, но потом запретил себе даже думать об этом. Как показали последние события, такое решение вопроса не могло ничего изменить, а тем более улучшить. Всю сознательную жизнь я честно представлял наши вооруженные силы и всегда защищал интересы вермахта. Мне бы не хотелось, чтобы напоследок меня обвинили в дезертирстве и трусости…*
>
> *Как немецкий офицер считаю своим естественным долгом нести ответственность за все сделанное мной, даже если эти действия были совершены в добросовестном заблуждении… Не суть важно — вина это или трагическое стечение обстоятельств. Высшее руководство не имеет права уклоняться от ответственности за собственные ошибки и заблуждения — в противном случае отвечать за все придется солдатам и унтер—офицерам переднего края. А это было бы не только неправильно, но и недостойно…»*

Глава 2
Письма из семейного архива

Вильгельм Кейтель — отцу
полевая почта[8] (Франция), 1.9.1914 г.

С божьей помощью второе большое сражение под Сент—Квентином осталось позади. Трое суток непрерывных атак, бои прекращались только ночью, на несколько часов. Немецкое оружие одержало великую победу — француз отступает к Парижу. За эти недели мы многого добились и многое пережили. В битве под Намюром, в воскресенье 23.8, мы 9 часов не могли подняться из окопов и понесли большие потери из—за превосходства противника в артиллерии. Погоды стоят великолепные. Я часто думаю о тебе и о богатом урожае, который ты соберешь несмотря на нехватку работников и лошадей…

Лиза Кейтель — матери
Вольфенбюттель, 11.10.1914

…Намечаются серьезные события. Вильгельм узнал об этом в Ганновере{9} и возлагает большие надежды на будущее. Если бы только Голландия объявила войну Англии! Безмозглый бельгийский король поддается уговорам британцев и отдал приказ о защите столицы, несмотря на безвыходное положение…

Тестю, полевая почта
Фресн, 10 км севернее Реймса, 13.10.1914

С наслаждением посмаковал одну из твоих сигар, которые с благодарностью обнаружил по возвращении в полк… Противник стреляет день и ночь, но по прошествии 4 недель я опять к этому привык…

Отцу, полевая почта
Конде, 27.10.1914

(Награжден «Железным крестом» 1–й степени), больше никаких новостей нет, разве что общее наступление фронта положит всему конец…

Теще, полевая почта
«Ледяной дворец», из окопа в расположении батареи,
25.11.1914

…Все проявляют крайнюю степень нетерпения, игра в кошки—мышки со смертью мало—помалу начинает действовать на нервы…

Родителям жены, письмо
Менвилье, 10.12.1914

…Наилучшим рождественским подарком стала бы

перспектива скорейшего завершения войны. Реальное положение дел на фронте, к сожалению, превращает наши надежды в несбыточную мечту. Не только у меня одного сложилось такое впечатление, что мы настолько крепко увязли во Франции, что в обозримом будущем не может быть и речи о разрешении проблемы. От Северной Фландрии до Вердена мы ведем фронтальные позиционные бои. Учитывая прочность оборонительных рубежей французов, прорыв линии фронта будет стоить нам немало жертв…

Хотите верьте, хотите нет, но между нашими и вражескими линиями окопов не более 100 м. Мои солдаты часто перебрасывают французам немецкие газеты, сигареты и шоколад. Французы кричат, чтобы мы немедленно прекратили обстреливать их передний край, на что мои люди резонно возражают: «Вначале вы сами не стреляйте по нашим позициям». Французы сообщают нам, что ничего не могут поделать, потому что это британцы стреляют по немецким окопам из тяжелых орудий. Если сегодня англичане перенесут огонь в глубь наших позиций, мы устроим роскошную охоту на зайцев! 5 стрелков, 100 загонщиков—пехотинцев…

Лиза Кейтель — родителям мужа

Вольфенбюттель, 22 января 1915

…У Вильгельма все в порядке, но можете себе представить, насколько он подавлен, при его обыкновении видеть все в черных тонах. Тональность писем и общий настрой все пессимистичнее, а я ничем не могу помочь…

Отцу, полевая почта

Штаб—квартира корпуса, Монтенье, 11.3.15

…Еще одна новость. Вчера я покинул расположение моего родного полка, к которому прикипел сердцем за четыре тяжелейших зимних месяца. Я переведен в штаб 10 резервного корпуса на должность офицера генштаба. Это поощрение за успешное участие в прошлогодней генштабовской инспекционной поездке — и я с благодарностью в душе принял эту редкую по нынешним временам награду…

Пока не может быть и речи о переводе в большой генштаб — об этом рано даже и мечтать. После многолетней службы полковым адъютантом переход на должность командира батареи дался мне с большим трудом. Новое назначение ставит передо мной еще более сложные задачи…

Лиза Кейтель — родителям мужа

Вольфенбюттель, 12 марта 1915

…Я всегда верила в его счастливую звезду. У него еще нет красных брюк,[10] но если не произойдет ничего из ряда вон выходящего и он ничем себя не скомпрометирует, он их в скором времени получит…

Тестю, полевая почта

Штаб—квартира корпуса, Монтенье, 13.3.15

Наверное, вы уже знаете от Лизы о выпавшей мне редкой удаче — переводе в штаб корпуса. Представь себе, я обрадовался чрезвычайно, хотя канцелярской работы прибавится сверх всякой меры. Будет тяжело вработаться, но я готов со всей энергичностью приняться за новое и интересное дело.

Отцу, полевая почта

Штаб—квартира корпуса, Монтенье, 21.3.15

(После поздравлений по случаю дня рождения отца — 25 марта)

…Прежде я часто пытался предугадать наше положение на фронтах через полгода после начала боевых действий. Сейчас это время наступило, и, увы, конца этой войне так и не видно. Вместе с тем на мою долю выпали такие награды, о которых я не смел и мечтать. Новая должность требует от меня обширных знаний в тех областях, которые до сих пор были для меня решительно неизвестны. Подготовка офицера генштаба в мирное время занимает не менее пяти лет, а меня бросили в водоворот — выплывай сам! Только для того, чтобы освоить совершенно новую для меня технику, потребуются запредельные усилия. Иной раз у меня просто опускаются руки…

Однако мне некогда предаваться унынию, и я всецело полагаюсь на свой здравый смысл, а в остальном — на добросовестность и прилежание. Этого мне не занимать!

…До тех пор, пока противник не осознает, что немецкой армии не грозит голод и мы продержимся на старых запасах, пока не созреет рожь и не соберем новый урожай, я не верю в скорейшее окончание войны. Очень многое зависит от осеннего урожая этого года — недород лишит нас желанных плодов победы…

Лиза Кейтель — отцу

Вольфенбюттель, 9 апреля 1915

…Вильгельм корпит над бумагами до полного изнеможения, дни и ночи напролет, но я рада, что он наконец выбрался из окопов. Вчера он написал, что наша тактика будет основываться

на изматывании противника. Время решающих сражений позади. Мы не в состоянии концентрировать столько войск при таком растянутом фронте… Остается только надеяться и уповать на милость Господню…

Отцу

Замок Оберкирх, Эльзас, 3.5.15

Затянувшийся период «врастания» в новую должность оказался весьма непростым для меня, несмотря на то, что мне грех жаловаться на отсутствие практики и работы. Если за последние 8 недель я 5 раз садился в седло — это хорошо, потому что сутками напролет сижу за письменным столом…

Что ждет нас впереди, когда наступит конец — тайна великая есть. Она сокрыта во мраке не только для вас, но и для нас. Есть только одно утешение, как говорится в подобных случаях, — хоть не скоро, да споро… Мы добились решающего успеха под Ипром и на высотах Камбре. Главное отличие нашей стратегии от французской заключается в том, что все эти операции проводились без привлечения оперативного резерва — исключительно наличествующими силами. Французы бросают в полосу прорыва резервные армейские корпуса и несут колоссальные потери. По предварительным подсчетам, они потеряли в Шампани и между Маасом и Мозелем не менее 150–200 тысяч человек. На нынешнем этапе развития войны именно такую цену приходится платить армии за перехват инициативы. Мне остается только надеяться, что наше командование не намеревается приносить такие жертвы ради сомнительного успеха глубоких прорывов такого рода, в возможности успешного осуществления которых при сложившихся обстоятельствах я опять—таки сомневаюсь. Пусть уж лучше французы продолжают подставлять свои головы — новый 1916 год им и так предстоит встретить в окопах, а там не за горами и 1917–й… Уже сегодня они принесли столько жертв, что никогда не поднимутся с колен. Вот и сейчас они затеяли какую—то возню на востоке…[11]

Отцу

Поместье Тарнагора, Галиция,[12] 23.7.1915

Где будет одержана победа — не суть важно. Главное — что мы уже в обозримом будущем добьемся решающего превосходства над русскими. У нас есть все для этого…

(К этому времени Кейтель стал офицером генерального штаба.)

Когда я искренне радовался своим скромным успехам в бытность адъютантом полка, то и представить себе не мог, что

ждет меня на новом поприще, прежде всего, после войны, если мне суждено будет уцелеть. Мое образование как офицера генштаба абсолютно недостаточное и поверхностное. Образно выражаясь, я — как приготовишка, не знающий алфавита и таблицы умножения. То, что обычный генштабист постигает за три года неспешных занятий в академии, плюс два года стажировки в одном из управлений генштаба, по—прежнему остается для меня книгой за семью печатями. Я имею в виду технику, без которой невозможно управлять и командовать. Мои здравый смысл и усидчивость — прекрасные качества, но этого решительно недостаточно, чтобы стать хорошим генштабистом. Сейчас и позже мне предстоят годы упорного труда, чтобы соответствовать масштабам стоящих перед армией задач…

Лиза Кейтель — матери
Вольфенбюттель, 19.9.1915

Теперь я тебе что—то расскажу, но только между нами: наступил решительный момент, когда, вскрыв проход к Константинополю), мы поможем туркам, оказавшимся в крайне сложном положении. Похоже, что в ход боевых действий вмешается зима, а весной русские начнут снова, собравшись с силами. Самое неприятное, что ждет нас в обозримом будущем — это падение Дарданелл, если не произойдет что—нибудь еще менее приятное. Было в высшей степени любопытно побеседовать на военно—политические темы с Хенчем,[13] который временно исполняет обязанности главнокомандующего до приезда Макензена. Хенч — специалист по Балканам и переговорам с местными правительствами.

Лиза Кейтель — матери
Хельмшероде, 2 августа 1916

Что скажешь о последнем налете «цеппелинов» на Британию? Благодарение Богу, что это происходит не на нашей земле. Я бы не хотела оказаться на месте англичан, наверное, они испытали безумный ужас… Вильгельм где—то под Верденом. Пишет уже более вразумительно, но нервы по—прежнему не в порядке. Жалуется на неровное сердцебиение и бессонницу. Я очень переживаю. Раз уж он об этом написал, значит, это действительно что—то серьезное…

Тестю
Полевые позиции, 21.3.1916

В настоящее время объемы работы потрясают воображение. Надеюсь, что моя бедная нервная система выдержит и на этот раз

— работы действительно непочатый край. Ждем хорошей погоды, наша активность на Сомме зависит от поддержки авиации и артиллерии.

Отцу
Брюгге, 21.3.1918
Благодарение Богу, этой зимой мы добились решающих успехов и стоим в полушаге от победы с надеждой на скорейшее выполнение стоящих перед нами задач.[14]

Лиза Кейтель — матери
Вольфенбюттель, 20.4.1918
Пора наконец нашим политикам научиться проявлять жесткость и энергичность. По—моему, только сейчас они постепенно начинают набираться государственного ума. На Западном фронте нам предстоят тяжелые бои — британцы проявляют неожиданное упорство. Похоже, Ипр уже в скором времени окажется в руках немцев. Вильгельм пишет по этому поводу обнадеживающие вещи. Несмотря на гигантские объемы работы, у него сейчас некий период затишья перед бурей. Я рада уже тому, что он спит хотя бы 4–5 часов в сутки…

Теще
Полевые позиции, 2.7.1918
С некоторых пор война представляется мне горным перевалом, с которого, если посмотреть вперед, видно укрытое дымкой будущее, а если оглянуться назад, увидишь прошлое. Ровно 4 года тому назад мы с Лизой проводили восхитительный отпуск в Швейцарии и как раз собирались отправить тебе поздравления с днем рождения. Кто мог подумать тогда, что ждет всех нас впереди. Кто скажет, что будет с нами через год? За эти годы мои желания стали скромнее — я даже не позволяю себе и мечтать о мире и надеяться на что—нибудь хорошее…

Лиза Кейтель — матери
Вольфенбюттель, 6 октября 1918
Минувшее воскресенье,[15] самое печальное за последние годы, я провела за штопкой носков. От этого мои думы стали еще более мрачными. Правда, если Вильсон[16] соблаговолит «смилостивиться», то уже очень скоро наступит мир. Но пусть уж лучше плохой мир, чем хорошая война. Неприятель мечтает о нашем полном поражении. Остановится ли он в конце пути? Разве что эта война и у него уже стала поперек горла. Новый рейхсканцлер[17] произвел на меня вполне благоприятное

впечатление. Это правительство стало единственно возможным в нынешней ситуации, во всяком случае, оно ничуть не хуже прежнего.[18] Буквально через неделю все окончательно прояснится — в трудные времена чувства обостряются…

Лиза Кейтель — матери
Вольфенбюттель, 5 ноября 1918 г.

Кайзер остается, демократы совершенно не занимают меня до тех пор, пока среди них нет независимых социалистов.[19] Канцлер, по моему мнению, — типичный немецкий идеалист, и очень красноречивый. Я не верю ни одному его слову. Что происходит, просто уму непостижимо… Утром я наконец получила очень милое письмо от Вильгельма. Временами он рисует мне настолько мрачные картины будущего, что я просто боюсь распечатывать его письма. Отступление и все происходящее действует крайне удручающе на военных — особенно на офицеров старопрусского склада мышления…

Лиза Кейтель — матери
Вольфенбюттель, 13 ноября 1918 г.

Твое возмущение последними политическими событиями не вполне оправданно. Мне тоже искренне жаль кайзера, но кто, как не он, виновен в происходящем? Я только пожала плечами, когда услышала о его бегстве в Голландию вместе с 60 взбунтовавшимися высшими офицерами флота.[20] Я полностью разочаровалась в этом человеке, да и в мятеже нет ничего хорошего…

Лиза Кейтель — матери
Вольфенбюттель, 23 ноября 1918 г.

Получила письмо от Вильгельма от 19–го сего месяца. Пишет, что 20 ноября выйдут к Рейну, а через 10 суток — к Везелю. Я рассчитываю, что к концу месяца он уже будет дома. Вильгельм подавлен военными поражениями и взбешен разнузданностью взбунтовавшейся черни — размахивающими красными тряпками солдатами. Думаю, что все, кто пережили эти последние недели войны, испытывают сейчас чувство безнадежности. А то ли еще будет…

Тестю
Ахаус, 10.12.1918

Недели, прошедшие со времени нашей последней сентябрьской встречи, наполнены такой горечью, на наши плечи обрушился такой камнепад событий, что иному хватило бы на

всю жизнь. Потребуется немало времени, чтобы осмыслить, что же на самом деле произошло со всеми нами…

Смертельно уставший, я прибыл в Брюгге в ночь с 27 на 28 сентября. Спустя час началось наше последнее наступление во Фландрии, закончившееся отступлением к Антверпену. Отступление было проведено организованно: поэтапно, с остановками на отдых и без больших потерь в живой силе. Антверпен должен был быть удержан любой ценой. Здесь нас застало известие о революции в Германии. В городе неделями болтались экипажи оставшихся не у дел военно—морских сил, так что питательная среда для «красного бунта» была обеспечена наилучшим образом…

Наш славный флот, покрывший себя неувядаемой славой на морском театре военных действий за 4 года войны, стал рассадником бунтовщиков и дезертиров. Крушение некогда железной дисциплины было чудовищным зрелищем. Тебе будет легко представить, как все происходило у нас, если я расскажу тебе, что для осуществления служебных обязанностей мне было решительно необходимо обзавестись «охранной грамотой» солдатского комитета и нацепить на автомобиль красный флаг. В противном случае первый же «революционный патруль» остановил бы меня, разоружил, сорвал погоны вместе с кокардой и конфисковал автомобиль…

14–дневный марш через Бельгию 170.000 солдат, подчиненных штабу Морского корпуса, я бы назвал тяжелейшим маневром, который мне приходилось до сих пор совершать. Несмотря на неудовлетворительное состояние дисциплины во многих частях и связанные с этим проблемы, отступление прошло достаточно гладко и без каких—либо осложнений. 30 ноября в 05.00, за час до блокирования переправ, последний немецкий солдат форсировал Рейн. За Рейном все и началось, поскольку все захотели отправиться по домам, непременно в числе первых. Те, для кого символами солдатской добродетели были дисциплина и железный порядок, пережили самое большое потрясение в своей жизни. Армия превратилась в обезумевшее стадо.

Благодарение Богу, мы еще молоды и в силах восстановить то, что в безумной горячке было разрушено до основания в считанные дни. Мне видится, что Национальное собрание, созванное в срочном порядке, еще в состоянии сохранить жизнеспособность государства и преодолеть негативные последствия бесславной войны и революции.

Моя нынешняя работа заключается в организации отправки в тыл нескольких немецких дивизий и будет продолжаться от 2 до 3 недель. Затем штаб отправится на расформирование в

Вильгельмсхафен. Что будет с нами, еще не ясно. Думаю, что нужно пока воздержаться от опрометчивых и поспешных шагов, даже если я приму решение навсегда распрощаться с офицерской карьерой…

Лиза Кейтель — родителям
Вольфенбюттель, 22 дек. 1918

…Главная радость — это возвращение Вильгельма. Он приехал совершенно неожиданно вечером в пятницу. У меня от сердца отлегло, когда я увидела, что он в добром здравии и не настолько подавлен, как я этого опасалась… Наши брауншвейгские порядки[21] окончательно перевернули все и вся. Пока не оправдываются и наши надежды на созыв Национального собрания.[22]

Лиза Кейтель — матери
Вольфенбюттель, 28.2.1919

…Сегодня Вильгельм прислал обнадеживающее письмо из Берлина: он и его командир вызваны в Военное министерство на собеседование и обсуждение ближайшего будущего немецких вооруженных сил…

Отцу
Штеттин, 22.3.1919

Год тому назад, как раз накануне твоего дня рождения, все мы находились под впечатлением большого наступления на Западе, битвы за Францию — на вершине наших военных успехов. Кто бы мог подумать тогда, что всего год спустя у нас не хватит сил осадить зарвавшийся польский сброд, не говоря уже о наведении элементарного порядка в собственной стране. Мне бы очень хотелось, чтобы ты и впредь пребывал в своем уединении и не мучил себя страшным зрелищем нужды, бедствия и позора. Я опасаюсь только, что культивируемый в Брауншвейге радикализм или, если хочешь, коммунизм совьет гнездо в тишайшем уголке бывшего герцогства. Временами я стыжусь признаться, что родом из Брауншвейга…

Вот уже 6 недель я нахожусь на новой должности в штабе 2 корпуса. Сегодняшняя военная служба требует от каждого офицера определенного самоотречения и даже самопожертвования, но привитое старой армией чувство гражданской ответственности заставляет отмести в сторону все личные соображения и делать все возможное, чтобы предотвратить расползание большевизма по стране. В силу служебного положения я лучше, чем кто—либо, представляю себе

реальные масштабы угрозы. Мне как—то довелось услышать мнение, что, мол, революционная волна захлестнет не только нас, но и наших врагов, особенно Англию и Францию — и в этом наше спасение. Возможно, так оно и будет, но мне представляется наиболее верным и вполне соответствующим реальной действительности следующее парадоксальное суждение: собраться в кулак нам помогут «мирные» грабительские условия, поставленные нашими бывшими противниками…

Родителям жены

Штеттин, 23.3.1919

Приношу извинения за оригинальный цвет писчей бумаги, но это связано с тем, что сегодня я заступил на суточное дежурство по штабу и не имею права покидать расположение в течение ближайших 24 часов…

Вместе с провалом переговоров в Позене и неудачными попытками прикрыть границу на польском направлении рухнули и мои надежды на то, что уже в ближайшее время моей штабной деятельности будет придан характер некоей целенаправленности и осмысленности. Впрочем, нужно только радоваться, что переговоры сорвались. Невозможно было слушать жалкий лепет представителя нашего правительства…[23]

Честно говоря, я не совсем доволен своим нынешним положением, но что это может означать по сравнению с бедственным положением Отечества…

…Четырехнедельная командировка на фронт, в Западную Пруссию, несколько поправила мое испорченное настроение. Я чувствовал себя нужнее здесь, чем в Штеттине, не говоря уже о том, что цены в Пруссии намного ниже…

…Весьма и весьма огорчился, когда в самый последний момент сорвалась поездка в Кольберг. Роль, которую играет там старый Гинденбург, достойна сожаления. Вряд ли ему удастся улучшить и наставить на путь истинный смертельно больную нацию. Тщетными представляются мне и его усилия по восстановлению границ рейха на Востоке. Противостоящие ему орды солдатами не являются…[24]

Отцу

Вольфенбюттель, 20.1.1925

Выпал мой жребий! Решена моя дальнейшая военная судьба. Вчера получил письмо из министерства рейхсвера: 1 февраля достану из шкапа мундир офицера генштаба и отправлюсь на службу в организационный отдел управления рейхсвера.[25]

Т–1 (оперативный отдел сухопутной армии)

Т–2 (организационный отдел сухопутной армии)
Т–3 (отдел «Иностранные армии»)
Т–4 (отдел обучения и подготовки)

Лиза Кейтель — матери
Берлин, Курфюрстенштрассе, 85, 16 мая 1925

…У нас, как всегда, дым стоит коромыслом! Вильгельм пребывает в состоянии крайней нервозности и, как всегда, обуреваем идеями фикс. Я стараюсь держаться от него подальше, потому что уже привыкла: его невыносимое поведение будет продолжаться час в час до завершения предварительной подготовки и отъезда в инспекционную поездку. Если он не занят на службе с 08.30 до 18.00, то слоняется целыми днями по дому, жалуется на отсутствие аппетита и сидит до поздней ночи над своими Богом проклятыми картами. Я не могу ничего поделать — только «обеспечиваю ему покой и создаю рабочую обстановку»…

…Мы часто видимся с премилым семейством оберста в отставке Кейтеля[26] и его очаровательной дочерью. У Вильгельма, как всегда, не хватает времени, чтобы нанести ответный визит. Инспекционная поездка начинается 15 июня…

Лиза Кейтель — родителям мужа
Берлин, 23 января 1926 г.

…Это совершеннейшее безумие: он пропадает на службе с 08.00 до 17.00, а потом работает дома с 20.00 до 24.00. Все мысли только о работе. Он даже толком не может выспаться. Брюзжит, вечно недоволен. Собирается худеть — сильно поправился с начала зимы…

Отцу
Берлин, 21.2.1926 г.

…В воскресенье, во второй половине дня, я сидел в салон—вагоне курьерского поезда и направлялся через Штеттин в Померанию, откуда вернулся только к четвергу. Среди прочего довелось пообщаться с местными землевладельцами. Рожь и картофель — традиционные сельскохозяйственные культуры в этой местности (округ Шлохау). Виды на урожай хорошие, но цены выходят за пределы разумного. Положение многих хозяйств катастрофическое, наемный труд вздорожал на 30 %…

Лиза Кейтель — матери
Берлин, 11 марта 1926 г.

…Вильгельм получил официальное приглашение на званый ужин офицеров управления. Я целый день наглаживала его

мундир. Впрочем, расскажу обо всем по порядку и в подробностях. Это было нечто вроде бала — 60 персон, офицеры с супругами. Огромный обеденный зал в Клубе гвардейской кавалерии с сервированным столом подковообразной формы. Само здание принадлежит спортивному клубу «Унион». Гвардейский клуб арендует малые залы. На стенах — в полный рост портреты командиров всех немецких гвардейских полков, а среди них — гигантские портреты кайзера. Безупречно вышколенная прислуга, все — в голубых ливреях. Старинное столовое серебро. Вильгельм пользуется всеобщей симпатией. Один из офицеров, знающий его со времен Морского корпуса, доверительно сообщил мне, что ценит Вильгельма за его порядочность — качество, крайне редкостное для министерства рейхсвера…

Отцу
Берлин, 12.2.1927

…Если затяжной правительственный кризис вскоре благополучно разрешится к нашему всеобщему удовлетворению, то кризисная ситуация в наших министерских пенатах только набирает силу. До сих пор не ясно, собирается ли наш новый руководитель, генерал Хейе, продолжать политику прежнего министерского руководства или же он намеревается реализовать свою собственную программу военного строительства. Хейе мало—помалу назначает на руководящие должности своих людей: с февраля кадровое управление возглавил оберст фон Штюльпнагель. Фон Бломберг перешел в главное управление из отдела Т–4. Миттельбергер, Ia Бодевина,[27] назначен руководителем моего прежнего отдела (Т–2). Также и мне сообщено, что моя должность будет сокращена, а я получу новое назначение. Возможно, что уже очень скоро я окажусь в войсках, чему буду несказанно рад. Я получил заверения в том, что моя работа под началом генерала Ветцеля оценивается только положительно. Для меня это было весьма слабым утешением, поскольку менять место службы уже во второй раз за последние 3 года — крайне затруднительно для меня. По всей видимости, я приму дивизион 6 артиллерийского полка в Ганновере…

Отцу
Берлин, 21.3.1927

1 апреля генерал—лейтенант Ветцель возвращается на прежнюю должность начальника управления рейхсвера, а фон Бломберг будет его заместителем. Надеюсь, что смена руководства отразится и на моем, до сих пор неопределенном,

положении. Со времени ухода в отставку фон Сект наши перспективные цели сокрыты во мраке. Бесконечные осложнения политического характера только усугубляют ситуацию. Впрочем, не только очередная смена руководства занимает меня в данный момент — прочие обстоятельства только прибавили мне работы, огорчения и разочарования.

Я доволен многолетним плодотворным сотрудничеством с фон Бломбергом еще и потому, что наши взгляды на переустройство немецкой армии во многом совпадают. После долгих размышлений он упразднил мою, по сути, адъютантскую должность при начальнике управления и перевел меня в оперативный отдел. Здесь на меня «завязаны» практически все направления, и без твоего покорного слуги начальству уже не обойтись…

Лиза Кейтель — матери
Минден, 15 сентября 1929

Вильгельм теперь все время повторяет: «Готовлюсь к транспортировке в тюрьму!» — имея в виду министерство рейхсвера…

Отцу
Берлин, 8.12.1929

…Дни и ночи напролет провожу в министерстве. Временами мне кажется, что уже никогда не удастся выбраться из Берлина на волю. Служебные дела в некотором беспорядке — из—за очередной смены руководства. Новым шефом вместо Бломберга назначен однополчанин Шлейхера по 3 гвардейскому пехотному полку генерал—майор барон Курт фон Хаммерштайн—Экворд. Для меня это уже четвертый по счету начальник управления. Можешь представить себе, насколько я сожалею о переводе фон Бломберга начальником штаба 1 военного округа в Восточную Пруссию…

Отцу
Берлин, 23.3.1930

Мы стоим на пороге решающих сражений за штаты и финансы. Все идет к тому, что правительство пойдет на сокращение нашего бюджета на 25 млн. марок.

В первую очередь пострадает флот. Министерство финансов идет на поводу у социалистов и переводит колоссальные средства на обеспечение социальных программ поддержки безработных. Никто не находит в себе мужества признать, что бесконечные финансовые вливания в систему социального обеспечения не в

состоянии оздоровить немецкую экономику, а наоборот, в еще большей степени разрушают уже разрушенное. Сегодня никто не сомневается в том, что «план Янга»[28] окончательно доконает это правительство и Германию…

Отцу
Берлин, 10.5.1931

Падение биржевых курсов уже привело к снижению мировых цен на зерно. Можно сказать, что урожай этого года загублен на корню. Из рапорта бывшего офицера из Восточной Померании узнал о вопиющем произволе местного руководства: этой весной в округе Шлохау в принудительном порядке были переданы в централизованное управление 43 хозяйства площадью 46.000 моргенов, в округе Лауенберг — 20 хозяйств площадью 35.000 моргенов. Это похоже на экономический саботаж…

Отцу
Берлин, 21.8.1931

Предположительно в начале сентября я вместе с начальником отдела Т–4 Вальтером фон Браухичем собираюсь выехать на маневры Красной Армии в СССР, которые должны состояться между 10 и 20 сентября на Украине. В высшей степени интересная командировка — собираюсь поближе познакомиться с русскими и их страной…

Отцу, почтовая карточка
Москва, 18.9.1931

…Увидел очень много поучительного и интересного. Вчера вечером состоялся прием в немецком посольстве. Отъезд через 10 дней…

Отцу
Берлин, 29.9.1931

Сегодня в первой половине дня я вернулся из России. Вместе с дорогой поездка заняла 3 недели. Масса впечатлений не только военного, но и экономического характера. Очень сожалею, что не удается встретиться с тобой и подробно рассказать обо всем по свежим следам. Вкратце я бы выразил общие впечатления следующим образом:

1. Бесконечные просторы.

2. Наличие, наверное, всех существующих в природе полезных ископаемых и возможность вести независимое хозяйство.

3. Непоколебимая вера в социалистическое строительство и

пятилетний план.

4. Напряженный темп работы.

Западная часть — европейская Россия — похожа на гигантскую строительную площадку! В пятилетний план заложено развитие всех ведущих отраслей промышленности, которые соревнуются между собой. У русских это называется «социалистическим соревнованием». Деньги и материальная заинтересованность не играют здесь никакой роли! Темпы коллективизации сельского хозяйства трудно себе вообразить. Тот, кто не вступает в коллективное хозяйство добровольно, облагается разорительными налогами. Хозяйственные дворы оснащаются современным оборудованием. Русские отдают предпочтение такой отрасли животноводства, как свиноводство, которое обещает стать продуктивным в следующем году. Перспективная цель в сельском хозяйстве — полная механизация. Производство необходимого оборудования идет полным ходом.

Поражает воображение почти религиозная вера русских в возможность создания современных промышленности и сельского хозяйства и последующую продажу продукции на мировом рынке по демпинговым ценам для удовлетворения колоссальных внутренних потребностей. Фиксированная заработная плата и гибкая система налогов повсеместно приводят к снижению себестоимости продукции. В некоторых отраслях эффективно действует система сдельной оплаты труда, которая идеально вписывается в коммунистический способ производства. Тот, кто трудится, получает право на жизнь. Тот, кто трудится хорошо, получает право на лучшую жизнь. Неработающие обречены на голод и смерть. Русские не знают безработицы, наоборот, ощущают постоянную нехватку рабочей силы в промышленности, несмотря на широкое использование труда женщин и подростков.

Стержень государственности — Красная Армия. Любимица коммунистической партии и трамплин к высшим должностным постам в стране. Соответствующая пропаганда проводится на высочайшем профессиональном и организационном уровне… К сожалению, нет времени рассказать тебе обо всем во всех подробностях…

Лиза Кейтель — матери

Берлин, 5 марта 1932

Надеюсь, что вы избавлены от такого зла, как политические дебаты. В четверг у нас с визитом были Элизабет Шенхайнц, супруга оберста Шенхайнца из комиссии по разоружению, и ее почтенная матушка. Все было прекрасно до тех пор, пока не начали обсуждать предстоящие выборы. Она — ярая сторонница

Гугенберга, а я скорее буду голосовать за старого Гинденбурга. Он в состоянии позаботиться о мире, покое и порядке. Если придут «правые» — это чревато гражданской войной. В расчете произвести впечатление на заграницу Гугенберг торпедировал единственно приемлемый, консолидирующий общество лозунг «Голосуй за Гинденбурга!». Из числа прочих кандидатов своей доходчивостью, простотой и аутентичностью выделяется разве что Адольф Гитлер…

Лиза Кейтель — матери
Берлин, 13 марта 1932

«Знаменитый» день выборов, к счастью, миновал. Гинденбург, который всегда пишет свои речи без помощи секретарей, обратился к нации с выразительным воззванием. Его слова были полны горечи, когда он высказался о грязных инсинуациях, распространенных накануне выборов «правыми»… Теперь толпа со злорадством смакует новые слухи о том, что якобы Гитлера хватил апоплексический удар и он прикован к постели. Увы, это весьма характерное проявление упадка морали в низах…

Отцу
Берлин, 10.7.1932

Ты ошибешься, если решишь, что смена правительства[29] и развернувшаяся в связи с этим в обществе дискуссия об «отмене трудовой повинности» и «вневойсковом обучении молодежи» не затронула наше министерство и мой отдел. Я провожу дни и ночи напролет в бесплодных совещаниях и консультациях с представителями других министерств…

Как того и следовало ожидать, женевские переговоры о разоружении зашли в тупик. Мы оказались в очень непростом положении, поскольку собирались «подбросить» вопрос о праве нации на защиту своих рубежей достаточными силами и средствами…

Лиза Кейтель — матери
Берлин, 27 августа 1932

Накануне предстоящих парламентских дебатов[30] не испытываю к нацистам ни малейшего доверия… «День фронтовика»[31] закончился большой кровью. Следует ожидать, что ношение формы будет повсеместно запрещено…

Лиза Кейтель — матери
Берлин (без указания даты)

Ты знаешь, я далека от нацизма, но когда услышала Гитлера

во время его публичного выступления в Потсдаме, то была искренне восхищена и покорена незаурядным ораторским дарованием и масштабностью его личности. Это второй Муссолини!..

Отцу
Берлин, 1 мая 1933 г.

Сегодняшний праздник — «Национальный день труда» — выходной и в министерстве. Хотя бы день удастся отдохнуть от обсуждения обескураживающих внутриполитических событий, в которых, как ты понимаешь, мы волей—неволей тоже принимаем участие. В Женеве продолжаются дебаты по поводу наших планов расширения рейхсвера. Возможно, мне придется выехать в Швейцарию в составе немецкой делегации под руководством генерал—лейтенанта фон Бломберга, министра правительственного кабинета Адольфа Гитлера. Мы оказались в двойственном положении: с одной стороны, я не возлагаю особых надежд на результаты переговорного процесса, с другой, мы вынуждены отражать атаки прессы по обвинению министерства в «бездействии и безразличии к судьбам армии». Все это чревато утратой доверия к военному руководству…

…Могу представить себе, в каких смешанных чувствах встретишь ты сегодняшний праздник. Из Берлина все видится несколько иначе, и могу сказать тебе, как бы ни парадоксально это прозвучало, что все мы здесь воспринимаем «1 мая» как символ победы над «красным интернационалом»…

Лиза Кейтель — матери
Берлин, 18 мая 1933 г.

Речь Гитлера в рейхстаге и обращение к участникам переговоров в Женеве вызвали бурю восторгов в обществе и поддержку со стороны абсолютного большинства парламентских фракций, включая социал—демократов. Гитлер — выдающийся оратор, а призыв ко всеобщему разоружению и отказ от войны как средства решения спорных вопросов продемонстрировали и его незаурядные качества публичного политика…

…Вчера Вильгельм выступил с большой программной речью перед нацистами и оберфюрерами «Стального шлема»…

Лиза Кейтель — матери
Хельмшероде, 5 июля 1933 г.

Вильгельм вернулся вчера из Райхенхаля[32] помолодевшим и энергичным, как в юности. Он встретился с Гитлером и имел с ним продолжительную беседу…

Лиза Кейтель — матери

Бремен, 10 сентября 1935 г.

О маневрах ты, наверное, уже слышала. Вильгельм вернулся и рассказывал много интересного о беседах с Гитлером и возникавших временами разногласиях. Ноша, взваленная им на себя, означает, увы, тяжкий и неблагодарный труд «вьючного животного».[33]

Часть 2. Армия перед войной

Глава 1. Воспоминания фельдмаршала 1933–1938 гг

«Я решил начать воспоминания с описания периода между 1933 и 1938 гг., потому что эти годы явились своего рода предысторией неожиданного взлета моей карьеры и многолетней совместной работы с Адольфом Гитлером. Кроме того, в связи с крушением рейха и обвинениями в совершении преступлений против человечности, пожалуй, именно эти 6 лет наиболее характерны и актуальны. Второй по значимости временной период — события 1919–1932 гг.; к ним я обращусь по завершении первой части воспоминаний.[34]

Эти записи — всего лишь беглый набросок основных событий моей жизни; не без хронологических несообразностей и погрешностей в стилистике и грамматике немецкого языка — времени на приведение рукописи в порядок не было. Необходимые пояснения и комментарии находятся у моего адвоката доктора Нельте».

В. Кейтель, 8.9.46.

Новое назначение

Известие о назначении Гитлера рейхсканцлером Германии указом президента Гинденбурга от 30.1.1933 застало меня в Чехословакии. Я и моя супруга находились в санатории доктора Гура в Вестерхайме (южный склон Высоких Татр) под Попрадом (Татранска Полянка).

В самом конце осени 1932 г. на охоте в Пригнице сбившаяся обмотка сильно натерла ногу — в результате началось воспаление вен на правой лодыжке, доставлявшее определенные неудобства, но первоначально не вызывавшее ни малейшего беспокойства с моей стороны. Я продолжал ходить на службу в министерство рейхсвера, ежедневно 35–40 минут пешком через Тиргартен. Я усаживался за свой рабочий стол начальника отдела Т–2, пристраивал повыше ногу, начавшую через какое—то время доставлять некоторые неудобства. Когда боли стали нестерпимыми, я отправился на поиски врача в здании министерства и вскоре нашел его в лице гауптмана медицинской

службы Карла Ниссена. Он пришел в ужас, увидев мою ногу, и предписал постельный режим и абсолютный покой. На следующий день я доложил по инстанции о своем заболевании, но отказался от лазарета и решил лечиться на дому. Я целыми днями лежал в кровати — там же выслушивал и ежедневные доклады руководителей групп.

И без того длительный период выздоровления потребовал еще больше времени после декабрьского рецидива тромбоза. Доктор Ниссен посоветовал провести реабилитационный курс санаторного лечения и порекомендовал мне с супругой подходящий санаторий в Татрах. Эта поездка и дорогостоящее пребывание в лечебнице доктора Гура стали возможными благодаря материальному пособию на лечение в размере 200 марок, выданному мне по приказу начальника управления генерала Адамса.

Оказалось, что супруга, выехавшая со мной для сопровождения, сама нуждается в лечении. Через 2,5 недели я вернулся в Берлин за деньгами, поскольку выделенных мне средств никак не хватало на шестинедельный курс лечения, предписанный ей доктором Гура.

Обсуждение прихода к власти национал—социалистов с Гитлером во главе началось в Вестерхайме и продолжилось в министерстве после возвращения в Германию. На многочисленные вопросы сослуживцев я обычно отвечал, что нам не привыкать к частым сменам правительства, а самого Гитлера я считаю, как было принято выражаться в армейской среде, «отставной козы барабанщиком»! Да, он пользуется огромным успехом у низов благодаря хорошо подвешенному языку, но какой из него получится канцлер — решительно неизвестно.

Тем временем совершенно неожиданно для всех в Берлин вернулся опальный фон Бломберг, отозванный указом президента из Женевы, где он возглавлял немецкую делегацию на конференции по разоружению. Как начальник отдела Т–2 я дважды выезжал в Швейцарию для оказания экспертной помощи в разработке программы реорганизации вооруженных сил Германии — уменьшения сроков службы, составлявших ни много ни мало 12 лет, и расширения 100–тысячного Рейхсвера до 160 тысяч бойцов.

Начальник управления генерал фон Хаммерштайн—Экворд, раздосадованный появлением в столице фон Бломберга, вызвал последнего на доклад — формально Бломберг подчинялся ему как командующий 1 военным округом. Однако подчиненный резонно возразил, что получил приказ от президента, и на доклад не явился. Тогда генерал обратился к Гинденбургу и заявил, что

не нуждается больше в услугах фон Бломберга. Рейхспрезидент сухо порекомендовал генералу не лезть в политику и получше заниматься своими непосредственными обязанностями, поскольку маневры, на которых он присутствовал в прошлом году, произвели на него самое неблагоприятное впечатление…

За спиной фон Бломберга стояли серьезные политические фигуры и высокопоставленные военные: Вальтер фон Рейхенау, начальник штаба 1 военного округа; Оскар фон Бенекендорф унд фон Гинденбург, сын рейхспрезидента… Гитлер был лично знаком с Рейхенау, который оказал будущему рейхсканцлеру неоценимую услугу во время предвыборной поездки по Восточной Пруссии, — ввел его в общество и фактически обеспечил победу национал—социалистов на выборах в провинции.

Несмотря на серьезные трения между Бломбергом и Хаммерштайном, последний оставался начальником управления рейхсвера и командующим сухопутной армией вплоть до весны 1934 г. Он продолжал занимать руководящие посты в армии и в последующие годы мотивированных реформ и обоснованных кадровых перестановок и ушел в отставку только тогда, когда Гитлер волевым решением начал избавляться от неугодных ему офицеров. В армии хорошо знали, что Хаммерштайн недолюбливает национал—социалистов, и с удовольствием цитировали две его любимые поговорки:

1. Vox populi, vox… скота! (глас народа, глас…)
2. «Вера» — понятие религиозное, а не политическое.

Фон Хаммерштайн вышел в отставку с правом ношения генеральской формы, охотился и рыбачил в имениях своих друзей, силезских магнатов.

На должность начальника управления рейхсвера Гитлер и Бломберг прочили убежденного национал—социалиста Вальтера фон Рейхенау. Он был вхож в рейхсканцелярию по служебным и приватным делам — к величайшему огорчению адъютанта Гитлера по сухопутной армии майора Хоссбаха, числившегося руководителем кадрового управления армии и формально подчинявшегося начальнику управления рейхсвера — неофициального немецкого генштаба.

В бытность начальником организационного отдела Т–2 я дважды отправлялся с докладом к военному министру фон Бломбергу. Один на один мы беседовали с ним после 30.1.1933, когда я председательствовал на первом заседании Комитета обороны. Бломберг особо предупредил меня о соблюдении строжайшей секретности проводимых мероприятий в связи с проходящими переговорами по разоружению. Второй и последний

раз перед моим переводом в войска я и фон Хаммерштайн докладывали министру о плане «Формирования окружных структур учета военнообязанных на территории рейха».

Я предложил начать скрытное формирование 200 управлений призывных районов с целью первоначальной регистрации призывных возрастов для отбытия воинской и трудовой повинностей. Каждое управление призывного района должно было состоять из мобилизационного, войскового и трудового секторов под командованием бывших солдат или офицеров так называемого «черного рейхсвера».

После долгих размышлений Бломберг согласился отнести мой план на подпись Гитлеру. Эта оперативная разработка стала моей лебединой песней в рейхсвере: ровно через месяц состоялась моя явка перед отбытием, а еще через месяц, 1.10.1933, я получил назначение в Потсдам. Оперативный план был принят к исполнению только через год, 1.10.1934. К сожалению, мой последователь оберстлейтенант Георг фон Зоденштерн отказался от включения в структуру управления призывных районов имперской службы труда.

Летом 1933 г. я принял должность пехотного командира–3, в частности, принимал участие в учебных стрельбах 5 артполка в Графенвере. По установившейся традиции — в третий раз за карьеру — к осенним стрельбам был отозван в штаб главнокомандующего «Группой 2» в Касселе генерала Рейнхарда, [35] с которым меня связывала старая дружба со времен 1–й мировой войны. Его ранняя смерть была большой потерей для немецкого офицерского корпуса. В свое время его неправедно обвиняли в социал—демократических пристрастиях и за глаза величали «демократом», кем он, само собой разумеется, никогда не был.

В завершение моей службы в управлении рейхсвера (генштабе) я выехал в инспекционную поездку в расположение «Группы прикрытия границы Ост», дислоцировавшейся на польском направлении от чехословацкой границы до Балтийского моря. Эта поездка была очень важна для меня: во—первых, именно я, сидя в берлинском кабинете, столько лет занимался организацией пограничной службы на Востоке; во—вторых, я смог принять участие в пограничных маневрах «черного рейхсвера»; в—третьих, мне выпала редкая возможность повидаться со старыми приятелями и бывшими однополчанами. Здесь мне довелось встретиться и познакомиться с людьми, которых сегодня имею честь причислить к числу самых преданных своих друзей. За всю жизнь их было у меня не так уж и много. Рядом со мной остались только те, кто были мне близки с

юных лет, а уже в зрелом возрасте мне посчастливилось познакомиться с майором в отставке фон Бризеном и майором в отставке фон Вольфом. С годами наша дружба становилась все крепче и продолжалась до тех пор, пока смерть не разлучила нас. Оба они пали в сражении на Восточном фронте в России.

В лице майора фон Бризена я в свое время познакомился с великолепным солдатом и в 1934 г. отрекомендовал его главнокомандующему 3 военным округом (Берлин—Бранденбург) генерал—оберсту Вернеру фон Фричу. Фрич инспектировал пограничную командно—штабную игру «черного рейхсвера» и после знакомства с Бризеном отдал приказ о его незамедлительном призыве на действительную службу из запаса и поставил командовать батальоном. В 1939 г. фон Бризен командовал полком и был награжден «Рыцарским крестом» по итогам польской кампании.

Майор фон Вольф (был награжден «Pour le merite»[36] в 1918 г. как командир 4 егерского батальона) после выхода в отставку стал землевладельцем. Управлял имением своей тещи в Куссерове, а позднее стал владельцем собственного землевладения в Вустервице под Шлаве. Вольф служил офицером штаба добровольческой «Померанской» пограничной дивизии. Перед началом польской кампании был призван на действительную военную службу из запаса. Командовал полком во Франции и в России. Погиб на Восточном фронте под Смоленском. Был награжден «Рыцарским крестом», увы, посмертно. Гитлер познакомился с ним зимой 1939/40 гг. под Саарбрюкеном и остался доволен состоянием дел во вверенной ему части. В 1941 г. он отправил «Рыцарский крест» вдове с собственноручным соболезнованием.

Горжусь тем, что судьба свела меня с такими людьми, и искренне завидую им, не увидевшим крушения государства и армии.

После нескольких дней отдыха в охотничьих угодьях Вольфа в Куссерове 1.10.1933 я вступил в свою новую армейскую должность в Потсдаме. Я был назначен территориальным командующим и комендантом потсдамского гарнизона, в состав которого входили: 9 пехотный полк под командованием будущего фельдмаршала Эрнста Буша, 4 кавалерийский полк, 3 артдивизион и т. д. Тогда в Потсдаме я хорошо познакомился с оберстом Бушем, одним из лучших полковых командиров немецкой армии.

В компетенцию территориального командующего входили предмобилизационные мероприятия, а также вопросы комплектования и пополнения воинских частей. Кроме этого, в

круг моих полномочий входили вопросы подготовки и переподготовки пехотных и артиллерийских офицеров резерва в учебных лагерях под Деберицем и Ютербогом, краткосрочная подготовка боевых расчетов и т. д. Для собственной тренировки я неоднократно проводил гарнизонные учения, вызывавшие повышенный интерес центрального руководства и превращавшиеся в мой персональный смотр. Я был по—настоящему счастлив, вырвавшись на свежий воздух из духоты министерства, оставив где—то в прошлом опостылевшее однообразие канцелярской работы и опротивевший письменный стол. В аристократическом Потсдаме издавна оседали вышедшие в отставку высшие армейские офицеры. Светская жизнь била ключом! На бесконечные званые ужины и «на кружку старого доброго пива» в офицерский клуб 9 полка — «вотчину» гостеприимных хозяев, оберста Буша и его блестящего полкового адъютанта гауптмана Рудольфа Шмундта (будущего адъютанта фюрера), — с удовольствием приезжали берлинские генералы и гогенцоллерновские принцы.

Потсдам 1934

В январе 1934 г. с моим 80–летним отцом случился апоплексический удар, когда он устраивал финансовые дела имения в гандерсхаймском Рейхсбанке…

…Мой предшественник генерал—майор Максимилиан фон Вейхс (будущий генерал—фельдмаршал, командующий группами армий) до весны 1934 г. не съезжал со служебной гарнизонной квартиры. Несмотря на неоднократные попытки, найти подходящее жилище в Потсдаме было решительно невозможно, поэтому мы с супругой оставались в Берлине, в нашей квартире на Альт—Моабит, 16. В связи с этим отпала необходимость перевода в другую гимназию Ханса—Георга и поисков нового места работы для Эрики. Старшие сыновья окончили школу на Пасху 1933 г.[37]

Каждое утро я выходил к городской станции надземной железной дороги и ровно через три четверти часа был в Потсдаме в здании бывшей канцелярии 1 гвардейского кавалерийского (спешенного) полка возле гарнизонной церкви.

Весной 1934 г. я получил приказ министерства рейхсвера приступить к формированию новой пехотной дивизии в Потсдаме…

…Мое первое выступление перед общественностью

состоялось 1 мая на государственный праздник — «национальный день труда». В этот день на одной из потсдамских площадей собрались представители партии, правительства и вермахта. Громкоговорители транслировали речь Гитлера из Берлина, с митинга на Темпельхофском поле. Стояла удушливая жара. После того, как солдаты роты почетного караула 9 полка один за другим стали падать в обморок от перегрева, я разрешил им снять шлемы и сесть.

В начале мая в Бад—Наухайме состоялись выездные военные игры генштаба — первые из тех, что проходили под началом нового главнокомандующего сухопутными войсками генерал—оберста фон Фрича, с 1.4.1934 г. сменившего на этом посту фон Хаммерштайна. Этому назначению предшествовали интриги фон Бломберга, пытавшегося выдвинуть свою креатуру — Вальтера фон Рейхенау. Угрожая уходом в отставку, он в ультимативной форме потребовал у Гинденбурга, чтобы тот высказался в пользу его ставленника. Старый маршал взвесил все «за» и «против» и назначил Фрича несмотря на мощную поддержку Рейхенау со стороны Гитлера. Первая попытка отдать армию на откуп «национал—социалистическому генералу» закончилась провалом. Тогда я искренне порадовался за своего старинного приятеля и отправился к нему в кабинет с поздравлениями. Фрич поблагодарил за визит и сказал, что я первый, кто пришел поздравить его с новым назначением.

Я спланировал поездку в Бад—Наухайм так, чтобы заехать к старику отцу, и провел два чудесных дня в отчем доме. Отец с трудом оправился после январского удара, но выглядел бодрее и свежее по сравнению с моим последним визитом. Дважды мы совершили с ним пешеходные прогулки—экскурсии по его образцовым полям. Отец был необыкновенно энергичен и рассказывал мне о планах переустройства усадьбы и пастбищного хозяйства, о мелиорации земель и об отводах, которые нужно будет в ближайшем будущем проложить от строящегося водопровода Гарц — Бремен (железные трубы большого диаметра лежали у ворот поместья и вдоль магистрали)…

…Не знаю, что или кто движет людьми в преддверии вечности — возможно, в тот день, осознанно или неосознанно для самого себя, он хотел донести до меня свою последнюю волю…

Вечером второго дня я покинул отчий дом и выехал в Бад—Наухайм, успокоенный и умиротворенный. Через сутки, когда я только переодевался после дороги, меня срочно позвали к телефону. Доктор Дурлах только что вернулся из Хельмшероде и сообщил мне, что с отцом случился второй удар, который он вряд ли перенесет. Первым же утренним поездом я выехал в

Хельмшероде и был там уже во второй половине дня 8 мая. Доктор Дурлах встретил меня в имении и сказал, что состояние отца безнадежно…

«Ночь длинных ножей»

Вторая, скрытая от общественности, сторона деятельности территориального командующего заключалась в обеспечении совершенно секретных программ возрождения вермахта. По долгу службы мне приходилось общаться с персоналом нелегальных управлений призывных районов, заниматься вопросами складирования и хранения стрелкового оружия, а также организацией секретных ремонтных баз и мастерских.

Я долго не мог понять, с чем связана бурная активность, которую развили на моей территории штурмовики СА и их командование. Обергруппенфюрер СА Карл Эрнст, фюрер территориальной организации «Берлин — Бранденбург», доброволец 1–й мировой войны (самокатчик связи), формировал в Потсдаме одну боевую группу СА за другой и, по донесениям моих офицеров, искал выход на министерство рейхсвера. Летом 1934 г. в беседе со мной он завел разговор о секретных арсеналах рейхсвера, располагавшихся на территории потсдамского гарнизона. Дескать, он опасается за сохранность воинского имущества, поскольку численность отряженной рейхсвером охраны явно недостаточна, и его штурмовые отряды могли бы взять под свой контроль оружейные склады и мастерские. Я вежливо поблагодарил, отказался и тут же отдал приказ о переводе некоторых арсеналов с винтовками и пулеметами на запасные базы, поскольку после состоявшегося с Эрнстом разговора действительно стал испытывать беспокойство за сохранность оружия.

Мой Ia майор Энно фон Ринтелен, будущий военный представитель рейха при «Командо Супремо» — главном штабе итальянских вооруженных сил, и я вовремя почуяли неладное. По моему приказу фон Ринтелен, в прошлом блестящий контрразведчик (во время 1–й мировой войны служил в управлении 3–Б генерального штаба сухопутных войск под командованием Вальтера Николаи), якобы согласился сотрудничать с руководством СА. Пока мы перевозили оружие в безопасное место, фон Ринтелену удалось узнать, что это оружие необходимо людям Рема для проведения какой—то «политической акции в Берлине, запланированной на конец

июня».

В Берлине я отправился с докладом к Фричу, но не застал его на месте и обратился к Рейхенау. Вдвоем мы отправились к Бломбергу, где я доложил о тайных планах берлинской группы СА. Бломберг холодно возразил, что все это моя фантазия. СА верны фюреру, и с их стороны не может возникнуть никакой угрозы. Я не удовлетворился этими разъяснениями и, вернувшись в Потсдам, отдал приказ Ринтелену «копать» дальше. Во второй половине июня в мой служебный кабинет в Потсдаме опять пришел Эрнст — на этот раз в сопровождении своего адъютанта фон Мореншильдта и начальника штаба СА Зандера. На всякий случай я вызвал к себе фон Ринтелена.

Эрнст начал издалека, но в конце концов опять вернулся к оружейным арсеналам. Тут же в разговор включился Зандер и доверительно сообщил, что, по имеющейся оперативной информации, коммунисты знают о существовании секретных складов с оружием и боеприпасами и планируют их захват. Я изобразил сомнения и колебания, но все же «решился» и назвал им 3 небольших арсенала, расположенных в отдаленной местности. Само собой разумеется, что никакого оружия там уже не было. Мы остановились на том, что передача арсеналов под охрану СА произойдет после согласования деталей между моим Ia и службами складского хозяйства. На прощание Эрнст сообщил нам, что в конце месяца отправляется в длительную загранкомандировку и перед отъездом назовет мне своего преемника.

В этот же день майор фон Ринтелен выехал со срочным донесением в Берлин. На этот раз Рейхенау и Бломберг выслушали моего Ia более внимательно, осознав всю серьезность создавшегося положения. Позже Бломберг рассказал мне, что в этот же день доложил обо всем фюреру. Гитлер поблагодарил за информацию и сказал, что попытается повлиять на Рема, который в последнее время уклоняется от встреч и разговоров, раздосадованный критикой в адрес его «народной милиции», прозвучавшей из уст Гитлера.

В конце месяца фюрер выехал на свадьбу гауляйтера Тербовена в Эссен, а затем на выходные — в Бад—Годесберг. 30 июня Гитлер узнал о намерениях путчистов Рема, собравшихся с преступными целями в баварском городке Бад—Висзее, и в тот же день вылетел в Мюнхен. После приземления самолета в мюнхенском аэропорту Гитлер выехал в Бад—Висзее во главе отряда эсэсовцев и собственноручно арестовал заговорщиков. План Рема был сорван за несколько часов до того, как во многих городах Германии должны были начаться хорошо

спланированные беспорядки.

Операция по подавлению мятежных штурмовиков вошла в историю Третьего рейха как «Ночь длинных ножей». Гитлер рассказал Бломбергу, что заговорщики намеревались нанести первый удар по армии — командному составу рейхсвера. После победы «новой революции» Рем планировал временно оставить Адольфа Гитлера на посту рейхсканцлера, Бломберг и Фрич должны были быть незамедлительно ликвидированы. Пост военного министра Эрнст Рем собирался оставить за собой…

Генерал Курт фон Шлейхер, бывший канцлер и министр рейхсвера, был посвящен в планы заговорщиков в той части, которая касалась замены сокращенной армии «версальского образца» отрядами народной милиции. В будущем Рем планировал создать народную армию ополченческого типа. Ее ядром должны были стать неуправляемые полупартизанские «штурмовые отряды» и офицерский корпус СА, представленный революционно настроенными или уволенными из армии по «нежелательным обстоятельствам» офицерами. Рем прекрасно понимал, что Гитлер никогда не согласится с его авантюрными и преступными прожектами, и решил поставить фюрера перед свершившимся фактом. Хитроумный Шлейхер дирижировал из— за кулис и даже отправил в Париж своего посланника генерал— майора Фердинанда фон Бредова, начальника отделения министерства рейхсвера, чтобы заручиться поддержкой французских властей. В свое время официальные власти сообщили о том, что Шлейхер и Бредов были убиты в ходе ареста — при попытке оказать вооруженное сопротивление. Сегодня я думаю, что их убрали по приказу Адольфа Гитлера.

Фон Бломберг хранил список расстрелянных по «делу Рема» — всего 76 человек — в сейфе своего рабочего кабинета. К сожалению, в показаниях свидетелей на Нюрнбергском процессе замалчивались истинные цели ремовского мятежа. Даже свидетельские показания бывшего группенфюрера СА Макса Юттнера отличались запутанностью и противоречивостью. Впрочем, он действительно мог ничего не знать, например, о попытках Рема установить связь с французским и итальянским посольствами. Об истинных намерениях путчистов не знали даже высшие офицеры СА до штандартенфюреров включительно.

Только время расставит всех и вся на свои места. В телеграмме на имя Гитлера фон Бломберг выразил восхищение «солдатской решительностью и беспримерным мужеством фюрера», благодаря которым тот предотвратил гибель десятков тысяч немцев в готовом заняться революционном пожаре. Между тем остается непонятным, почему виновные в совершении

государственного преступления так никогда и не предстали перед судом военного трибунала…

Судьба…

После смерти отца я каждые две недели выезжал в Хельмшероде. По субботам, во второй половине дня прямо со службы из Потсдама, и до вечера воскресенья занимался исключительно сельскохозяйственным трудом: бухгалтерский учет, закупки кормов и удобрении, хранение и отправка сельхозпродукции — все эти вопросы обсуждались с Иллингом, после чего я принимал окончательное решение. Мы учились крестьянствовать вдвоем — в свое время отец допускал Иллинга только к ведению учета, а все остальное делал сам.

Сам я пребывал на распутье и провел немало бессонных ночей в размышлениях о будущем имения и своей карьеры. Генерал—оберст фон Фрич прислал в Хельмшероде личное письмо с соболезнованиями по поводу смерти отца. По возвращении в Берлин я сразу же отправился к нему, чтобы посоветоваться по поводу моей возможной отставки. Фрич порекомендовал мне не торопиться и отложить принятие решения до осени. «Если ваш управляющий надежный человек, — сказал он, — вам будет значительно легче удержаться на плаву и выправить финансовые дела имения с вашим нынешним генеральским содержанием — то, чего вам никогда не удастся сделать на более чем скромную пенсию отставника».

Мы с женой искали и не могли найти приемлемого решения. Всеми фибрами души я тянулся в Хельмшероде, но супруга не хотела и, наверное, не могла вести совместное хозяйство с моими мачехой и сестрой. Я не мог разрубить этот гордиев узел…

В июле 1934 г. меня неожиданно вызвали в Берлин на министерское совещание по запланированному расширению вооруженных сил. Командование намеревалось перевести штаб 1 кавалерийской дивизии из Франкфурта—на—Одере в Потсдам, а я должен был отправиться в Лигниц для формирования 12 пехотной дивизии рейхсвера. Лигниц и Хельмшероде находились на расстоянии 500 км друг от друга, что делало мои регулярные поездки решительно невозможными. Я принял решение и 1.10.1934 подал по инстанции прошение об отставке.

Вскоре после этого меня вызвал на собеседование начальник кадрового управления генерал Виктор фон Шведлер и по поручению главнокомандующего сухопутными войсками Фрича

предложил принять командование любой из трех дивизий на мое усмотрение — в Ганновере, Бремене или Мюнстере. Назначение в Ганновер я сразу же отклонил, поскольку местный климат не подходил моей супруге. Я попросил время на размышление и в конечном итоге выбрал Бремен. Шведлер был крайне недоволен моим решением, видимо, это место уже было обещано другому, но я проявил твердость и заявил: «Бремен или отставка…». Под честное слово Фрича я забрал свое прошение и начал готовиться к отъезду. Так решаются людские судьбы…

Все лето 1934 г. я занимался делами 12 дивизии в Лигнице, [38] знакомился с этой частью Силезии и гарнизоном. К 1 октября мне удалось снять подходящую квартиру в городке. Одновременно с этим я подыскивал в Бремене здание, подходящее для размещения дивизионного штаба, и жилье для своей семьи. В августе я выехал в Бремен на переговоры с сенаторами городского совета[39] по поводу предстоящего расквартирования новой дивизии.

Перед тем как расстаться с Берлином и Потсдамом, как я полагал, навсегда, я поехал попрощаться с друзьями в Померанию. В конце сентября там в самом разгаре сезон охоты на косуль. Ночевки под открытым небом в компании друзей— охотников остались в моей памяти навсегда. В Померании я убил свою первую косулю, на которую в течение 4 суток безрезультатно охотился принц Оскар Прусский, пятый сын кайзера Вильгельма. Мне удалось завладеть этим наиболее памятным мне охотничьим трофеем на пятые сутки ночной засады у водопоя…

В Потсдаме все последние дни и вечера накануне отъезда были заполнены бесконечными прощальными визитами частного характера. Мы с супругой прощались с друзьями и королевскими особами. Выполнив свои светские обязанности, признаться, дававшиеся мне не без труда тогда и в будущем, — закрытые от простых смертных представители касты бывших императорских гвардейцев всегда смотрели свысока на «выскочек» вроде меня — в начале октября с помощью уже не раз «проверенных в деле» упаковщиков мебели мы отправились в долгий путь.

Первое впечатление обычно бывает самым верным — и это поверено практикой. По сравнению с Потсдамом, небогатой столицей консервативного прусского офицерства, Бремен потрясал воображение аристократизмом и снобизмом старинного ганзейского города. Бременцы были холодны и надменны, но оказалось, что и с ними можно поладить, если с самого начала вы не успевали возненавидеть их за высокомерие и чванство… Много воды утекло со времен 1–й мировой войны: с тех пор

офицеры научились уважать менталитет промышленников; в свою очередь, и те изменили свое отношение к профессиональным военным. Во многом благодаря усилиям героя Танганьики — генерала в отставке Пауля фон Леттов—Форбека — и блестящих морских офицеров бременского гарнизона настрой штатского общества стал вполне благожелательным. Однако первые «патрицианские семьи» Бремена, как и офицерский корпус старой закалки, категорически отвергали новые национал—социалистические веяния и обнищание общественной морали…

Ко времени нашего приезда пост бургомистра занимал некий Отто Хайдер, убежденный наци, выходец из среды мелких буржуа. Не имея большого опыта общения с людьми такого рода, я тем не менее сразу же пришел к выводу, что этот человек занимает не свое место. Скорая замена бургомистра подтвердила мое мнение. Несмотря на это городской сенат крепко держал бразды правления в своих руках и вел муниципальные дела с издавна присущими этому старинному органу власти аристократизмом и изяществом. Приемы в ратуше поражали воображение своей пышностью и торжественностью: старинное столовое серебро на длинных дубовых столах, старинные серебряные подсвечники вдоль стен и великолепные витражи произвели на меня неизгладимое впечатление…

После поездки по местам постоянной дислокации подразделений (в черте города размещался только один батальон 16 Ольденбургского полка) и знакомства с офицерским корпусом и личным составом я всецело посвятил себя организационным вопросам. К 1.10.1935 я при всех обстоятельствах должен был отрапортовать о завершении переформирования 22 пехотной дивизии. В моем распоряжении были вначале семь, потом девять пехотных батальонов, артиллерийский дивизион под командованием Вальтера фон Зейдлиц—Курцбаха,[40] будущего предателя и изменника родины, и саперный батальон в Миндене.

Для комплектования офицерского корпуса, призыва на действительную службу офицеров запаса, производства унтер—офицеров в первые офицерские звания мне требовался надежный помощник — дивизионный адъютант. Им стал командир роты 16 полка гауптман Фелькер — офицер с прекрасными манерами, но без должных знаний. В него я вложил весь свой шестилетний адъютантский опыт. Он буквально не отходил от меня, и уже очень скоро ему можно было доверить выполнение любого, даже самого ответственного, задания. Моей опорой в дивизии стал опытный офицер генерального штаба оберстлейтенант Ханс—Юрген фон Арним, будущий главнокомандующий танковой армией «Африка», капитулировавшей в 1943 г. в Тунисе.

Институт военной юстиции, отмененный 106 статьей Веймарской конституции, был воссоздан указом от 12.5.1933, что только прибавило мне лишней работы. В расположение дивизии были откомандированы военнослужащие юридического состава, как то: бывший кавалерист, успешно выдержавший 2–й государственный экзамен; молодой и абсолютно беспомощный судья низшей инстанции, который к тому же и дня не прослужил в армии; невоспитанный и заносчивый адвокат из Ольденбурга, которого я незамедлительно отправил в казарму, чтобы тот «набрался манер» и проникся повседневными заботами армии. Следующие 6 кандидатур я без разговора отправил назад и написал в Берлин, чтобы они прислали мне хотя бы одного подходящего человека. Им оказался военный судья, майор доктор Латтман, которого я впоследствии порекомендовал в Имперский военный трибунал.

Не лучшим образом обстояли дела и на других участках, например в дивизионной интендантской службе. Какое—то время я сам возглавлял эту службу, пока откомандированный ко мне асессор хоть что—то начал делать самостоятельно. Работы было непочатый край, но в какой—то мере она доставляла мне удовольствие: наконец—то я действовал самостоятельно и мог не только приказывать, но организовывать и созидать. После всех треволнений мелкие несообразности в военно—санитарной и ветеринарной службах показались мне детскими забавами.

Моим непосредственным начальником был генерал фон Клюге, старый боевой товарищ по 46 артиллерийскому полку. 1.10.1934 г. фон Клюге получил назначение на пост главнокомандующего военным округом в Мюнстере, будучи командиром славной 6 дивизии. Как—то раз он посетил со служебным визитом бременский сенат, и я пригласил его позавтракать в домашней обстановке. Позже жена сказала мне, что Клюге совершенно не изменился с лейтенантских времен. Типичный кадет — грубый, невоспитанный, заносчивый…

Моим детищем стала пехотная школа в барачном лагере под Дельменхорстом, где кандидаты в офицеры из составов унтер—офицеров, резервистов и пополнения проходили четырехнедельный курс общевойсковой подготовки. Для контроля я отрядил в лагерь только 4 или 5 офицеров, старых проверенных бойцов прежней армии, кандидатов в военные чиновники из военнослужащих. Мне было бы крайне затруднительно найти лучших специалистов и наставников для молодых офицеров. В ходе краткосрочных курсов им удавалось привить молодым кандидатам то, что принято называть «вкусом к службе», и научить тактическим хитростям ведения боя. Да и сами они

находили удовольствие в повторении подзабытых упражнений, а в случае мобилизации мы получали возможность доукомплектовать наши урезанные вооруженные силы вполне боеспособными подразделениями. Так 100–тысячный рейхсвер искал и находил пути обхода препон Версальского договора…

Общественная жизнь Бремена была разбита на множество изолированных очажков, проникнуть в которые представлялось весьма затруднительным делом для чужака. Офицерский корпус пребывал, таким образом, в некоторой изоляции. Мы твердо следовали рекомендациям фон Леттов—Форбека и старались не совершать ошибок. В закрытые клубы бременской знати доступ нам был, само собой разумеется, заказан, но офицеров приглашали на знаменитые январские «ледовые гонки» и так называемую «церемонию японского риса», где собиралось все светское общество. В течение многих лет, уже в бытность начальником штаба ОКВ, я продолжал получать официальные приглашения организационного комитета принять участие в «бременском празднике зимы».

«Закон о строительстве вермахта»

В начале марта 1935 г. я во второй раз объехал расположение частей гарнизона, чтобы принять участие в смотре пополнения, ближе познакомиться с солдатами и офицерами, а также освежить в памяти курс общевойсковой подготовки, наставления к которому я тщательно изучил минувшей зимой. Как известно, знания и умения разделяет тренировка.

16 марта правительство объявило о введении всеобщей воинской повинности, развертывании сухопутных войск в составе 12–ти корпусов и 36 дивизий и переформировании люфтваффе в качестве составной части вермахта. В связи с радостными для нас событиями сформированный мной комитет приступил к организации торжественного митинга. Хотя это мероприятие было сугубо армейским, мы пригласили представителей партии и государства. Как я уже упоминал, в Бремене дислоцировался только один батальон 16 полка, поэтому мои люди были практически незаметны на фоне бесчисленных подразделений «охранных отрядов НСДАП» и бригады СА под командованием группенфюрера Бемкера — будущего бургомистра Бремена. Я отдал приказ о начале «полевого богослужения» — на трибуну поочередно вышли евангелический и католический военные священники. Потом я зачитал собравшимся текст утвержденного

в Берлине воззвания и завершил обязательными с некоторых пор здравицами в адрес «фюрера и верховного главнокомандующего». Митинг закончился неизменным тысячеголосым: «Зиг хайль!» Это было, пожалуй, единственное официальное мероприятие с участием членов партии и священников. Позже последовал приказ министра фон Бломберга, предписывавший впредь разделять государственные и религиозные церемонии — причем участие военнослужащих в богослужениях и молебнах объявлялось не обязательным, а добровольным…

Армия начала стремительно увеличиваться, и к 1936 г. ее численность составила 24 дивизии…

…Моя должность стала официально именоваться «командир 22 дивизии» — до сих пор я числился «командиром артиллерии–6», хотя и располагал одним—единственным артдивизионом. Предстоял непочатый край работы на организационном уровне, где наиболее остро стояли проблемы доукомплектования личного состава, реформирования кадровой подготовки, преодоления дефицита унтер—офицерского звена и хронической недооснащенности войсковых соединений. Одной из важнейших задач я считал приведение к уставному единообразию общего уровня подготовки младшего и среднего офицерских составов. Преодолевая нешуточное сопротивление дивизионных и полковых командиров, мне удалось собрать командиров батальонов на 10–дневные сборы в Бад—Эйбене. Я лично разработал программу обучения и самостоятельно вел курс. Для меня было принципиально важно довести до офицерского и унтер—офицерского составов вверенной мне дивизии мое собственное видение и понимание основ военного строительства вооруженных сил рейха.

Атмосферу холодной созерцательности удалось растопить в ходе товарищеских ужинов и общения в неформальной обстановке. Главной темой моих теоретических построений и учебно—практических занятий были «Тактические основы ведения боя на уровне батальонного взаимодействия». Кроме этого, в ходе свободных дискуссий мы обсуждали основополагающие тактико—стратегические принципы ведения современной войны и другие проблемы. Посеяв разумное и вечное, я, как терпеливый садовник, принялся бережно ухаживать за всходами. Обильный «урожай» на осенних маневрах в полевых лагерях превзошел самые смелые ожидания. Вначале учения не заладились, потому что в стремлении сделать все наилучшим образом я лишал офицеров личной инициативы чрезмерной «зарегламентированностью» и излишней опекой. Затем все стало на свои места, и эти маневры, ко всеобщему удовлетворению,

закончились взаимной овацией в офицерском клубе.

Мои батальоны действовали в одном тактическом ключе, единообразно, целеустремленно и стремительно. Генерал фон Клюге, присутствовавший на завершающем смотре, спросил меня: «Интересно, три командира — хороший, средний и ни на что не годный. Тем не менее ваши батальоны достойны наивысших похвал… Как вам это удалось?» Я объяснил ему суть своего метода…

Несмотря на множество забот мне все же удавалось раз в полмесяца побывать в имении. Благодаря хорошему железнодорожному сообщению к 17.00 субботы я уже успевал добраться до Хельмшероде, а в 19.00 воскресенья выезжал обратно в дивизию. Иллинг проявлял себя с наилучшей стороны, и я понимал, что могу и впредь положиться на этого человека. Сбыт продукции и бухгалтерия были в полном порядке. В 1935 г. мы довели до конца строительство конюшни и закончили финансовый год без долгов и с положительным сальдо. Имение процветало, урожай обещал быть прекрасным…

В конце лета встал вопрос о доукомплектовании командного состава дивизии. Я обратился к начальнику кадрового управления фон Шведлеру с ходатайством о переводе в Бремен моего друга фон Бризена, командира батальона пограничной службы в Померании. Шведлер не возражал, но дал понять, что уже в конце года может состояться мой перевод в Берлин. Якобы этот вопрос решается сейчас на самом высоком уровне, и у меня есть некий конкурент, но больше он пока ничего не может сказать. Я сразу же предположил, что это фон Бломберг пытается вернуть меня в столицу, но не знал, хочу я этого сам или нет. Я был по—настоящему счастлив этот неполный год в дивизии и опять должен бросить с таким трудом начатое дело. Снова появились мысли об отставке. Жена колебалась, но была неизменна в своем нежелании вести совместное хозяйство с мачехой. Мы решили и на этот раз не противиться судьбе — будь что будет…

Самый сложный год для Хельмшероде миновал, но семейные проблемы остались. Они решились только после того, как вышла замуж сестра, а мачеха приняла предложение местного землевладельца, вышла замуж и в 1937 г. перебралась к нему…

Фон Бломберг хранил упорное молчание… Он так ничего и не сказал мне во время короткого визита в Бремен летом 1935 г., когда присутствовал при спуске со стапелей быстроходного парохода «Гнейзенау» (для восточноазиатских пассажирских линий «Ллойда»). Я очень хорошо запомнил тот день, поскольку он привел к серьезной размолвке между мной и фон Клюге. Командующий получил официальное приглашение на церемонию

спуска судна на воду, но не на торжественный завтрак в честь Бломберга в здании сената, куда был приглашен я. В порту организаторы мероприятия деликатно попытались исправить свое упущение, но взбешенный Клюге покинул территорию верфи «Дешимаг», устроив в моем присутствии безобразную сцену пытавшемуся образумить его фон Бломбергу. Через несколько дней я получил пространное письмо, в котором Клюге возложил ответственность за инцидент… на меня. Не ручаюсь за дословную точность, но суть послания заключалась в том, что я «с достойным осуждения тщеславием быть на первых ролях в Бремене» дискредитировал его как главнокомандующего тем, что не отказался от участия в торжествах «хотя бы из чувства солидарности». Я ответил со всей холодностью и особо подчеркнул, что бременский сенат не подотчетен и не подконтролен мне и моему гарнизону. Откровенно говоря, я не был шокирован таким поведением, поскольку уже давно привык к тому, что Клюге всю жизнь считает себя обойденным и еще с лейтенантских времен вечно жалуется на недооценку собственной персоны.

В конце августа меня окончательно заинтриговал неожиданный звонок фон Клюге с предложением «встретиться где —нибудь подальше от посторонних ушей для конфиденциальной беседы». Я сел за руль и выехал из Ордурфа, где проводил батальонные учения на местном полигоне. Клюге был сама любезность и всячески старался сгладить впечатление от своей недавней грубости. Он доверительно сообщил мне, что в споре за «кресло Рейхенау» — начальника управления вермахта — я обошел своего главного конкурента оберста Генриха фон Витингхофа и уже 1 октября приступлю к исполнению новых служебных обязанностей. В беседе с глазу на глаз фон Клюге особо подчеркнул, что главным инициатором моего выдвижения является фон Фрич, а не Бломберг, и мне следует постоянно помнить об этом…

Внимательно выслушав, я попросил его:

«Пока еще есть время все переиграть, передайте Фричу, что я никогда и нигде не чувствовал себя настолько счастливым, как в Бремене. У меня нет ни малейшего желания заниматься политикой…»

Клюге пообещал сделать все возможное, на этом мы и расстались.

Возвращение в Берлин

На обратном пути из Ордурфа в Бремен я заехал в Хельмшероде, где вместе с детьми отдыхала моя супруга. Она посоветовала соглашаться и не предпринимать опрометчивых шагов: «Берлин — не край света. Опять же, недалеко от Хельмшероде. Ты знаешь, берлинский климат наиболее благоприятен для меня с точки зрения здоровья…» Мне нечего было ей возразить, а потом во мне заговорило нечто вроде тщеславия: в конце концов, это признание моих прошлых заслуг, знак особого доверия. Я написал письмо фон Рейхенау и занялся поисками подходящей квартиры.

На осенних маневрах в Мюнстерлагере, в присутствии фюрера, Бломберга и Фрича, мои полки в составе сводной дивизии военного округа под командованием фон Клюге показали отменную выучку в условиях, максимально приближенных к боевым. Я был окружен настолько плотным кольцом зрителей, что мог отдавать приказы моим командирам только через посредника — гауптмана Варлимонта, будущего генерал—майора и заместителя начальника оперативного управления ОКВ. Признаюсь, я испытал чувство законной гордости за моих солдат после разбора учений Бломбергом и Фричем.

Верхом на гнедом жеребце я принимал заключительный парад под бравурные марши военного оркестра и представлял командиров подразделений, дефилирующих мимо трибуны для почетных гостей. Я хорошо понимал, что прощаюсь с дивизией навсегда…

Вечером во время прощального ужина в офицерском клубе Адольф Гитлер произнес импровизированную речь перед собравшимися командирами и офицерами генерального штаба. Фюрер избрал темой публичного выступления военные действия Италии в Абиссинии: «Требования итальянцев справедливы. Я никогда не присоединюсь к позорным санкциям против Италии. Напротив, я желаю всяческого успеха дуче и итальянскому фашизму…» Далее Гитлер высказался в том смысле, что в один прекрасный момент и рейх может оказаться в таком же положении, когда справедливые требования немцев могут натолкнуться на противодействие европейских политиканов. Сегодня я понимаю, что он имел в виду. Тогда он потряс всех нас решимостью идти наперекор всей Европе…

Через несколько дней после возвращения из Бремена нарочный привез телеграмму—молнию фон Бломберга, в которой сообщалось, что мне следует срочно выехать в Нюрнберг для участия в партийном съезде[41] и зарегистрироваться в отеле, где за мной будет забронирован номер.

Впервые в жизни мне довелось стать участником впечатляющего пропагандистского действа в Нюрнберге. Неизгладимое впечатление произвели массовые митинги и шествия на Мерцфельд и потрясающие световые эффекты во время ночных факельных шествий членов НСДАП.

После съезда я встретился с женой в Берлине для решения квартирного вопроса. Мы осмотрели несколько уютных вилл в Далеме и в районе Розенек, но Бломберг потребовал, чтобы съемная квартира располагалась не далее чем в 15 минутах ходьбы от министерства. Мы выбрали большой дом на одну семью с небольшим садом на Килганштрассе, 6 — в тихом тупичке рядом с Ноллендорфплац…

Вальтер фон Рейхенау превратил передачу дел в форменный фарс: в течение трех последних дней сентября он забегал в министерство в костюме для игры в лаун—теннис буквально на несколько минут — его ждали партнеры в спортивном клубе «Блау—Вайс». Единственным полезным делом, которое он сделал накануне отставки, было заключение соглашения о разделении обязанностей между штабом главного уполномоченного военного хозяйства министериальдиректора Гельмута Вольтата и военно—экономическим штабом вермахта оберста Георга Томаса. Так я познакомился с Вольтатом и его людьми.

Военно—политическое управление вермахта было детищем фон Рейхенау. С тех пор как в феврале 1933 г. фон Бломберг стал военным министром, скромный чиновничий аппарат, состоявший из политического управления и отдела личного состава, превратился в мощную управленческую структуру. В мое распоряжение поступали:

Адъютант

Секретарь—машинистка фройляйн Кэте Шиминг

Регистратура с начальником отдела и персоналом

Организационный отдел (по вопросам обороны) оберста Альфреда Йодля

Международный отдел оберста Эдгара Рерихта

Служба тыла сухопутных войск (и отдел государственного обеспечения) оберста Райнеке

Отдел военной контрразведки (абвер) контр—адмирала Вильгельма Канариса

Правовой отдел министериальдиректора Розенберга

Бюджетно—финансовый отдел министериальдиректора Тишбайна

Военно—экономический штаб оберста Томаса.

С молчаливого согласия Рейхенау Бломберг распоряжался в

управлении, как в своей вотчине, особенно в штабе Томаса и финансовом отделе Тишбайна. Разобравшись в ситуации, я отменил эту порочную практику и твердо взял бразды правления в свои руки. К моменту моего вступления в должность военно—политическое управление министерства в целом не соответствовало своему первоначальному предназначению и еще не было той организацией, которой ей предстояло стать в недалеком будущем, — штабом оперативного руководства вооруженными силами.

Для создания боеспособной и современной армии предстояло сломить серьезное сопротивление военачальников всех рангов. Главнокомандующие родов войск встретили в штыки идею создания централизованного штаба оперативного управления. Резкие возражения генералитета вызвали и наши попытки сведения составных частей вермахта в единое целое. Типичное «местничество» военного руководства, на которое можно было закрыть глаза при 100–тысячном рейхсвере и «карманном» флоте, не выдерживало никакой критики на фоне глобальных задач реформирования вооруженных сил и создания сухопутной армии и боевой авиации нового типа. К этому времени уже было учреждено министерство ВВС, а главнокомандующий люфтваффе Герман Вильгельм Геринг был рейхсминистром в составе нового немецкого правительства.

Полагаю, что фон Бломберг как опытный администратор и руководитель с государственным складом мышления попросту спасовал перед масштабностью стоящих перед ним задач, кроме этого, военный министр не встретил ни малейшей поддержки в лице фон Рейхенау, жизненным кредо которого было пассивное следование за обстоятельствами. Больше всего в жизни Рейхенау боялся перетрудиться и, по его собственным словам, всегда «бежал трудностей». Так что Бломберг оказался психологически не готов к созданию «триединого» вермахта в составе сухопутных войск, кригсмарине и люфтваффе.

Я энергично взялся за работу. Через некоторое время, побывав на всех посвященных этой проблеме совещаниях, я записался на доклад к фон Бломбергу и изложил ему свои соображения на этот счет. Нашим первым шагом должно было стать установление строжайшего контроля над служебными актами военного руководства составных частей вермахта. Бломберг издал указ, предписывающий главнокомандующим всех родов войск отправлять в военно—политическое управление копии всех изданных приказов (кроме связанных с кадровыми перемещениями и назначениями) для их последующего согласования и утверждения. Моя инициатива вызвала в войсках

недоумение, разочарование, зависть и даже враждебность. Однако через некоторое время все стало на свои места во многом потому, что насущная необходимость подобного шага была очевидна даже министерским референтам.

Генеральский демарш

Как и следовало ожидать, самые непримиримые и упорные противники реформ «окопались» в генеральном штабе сухопутных войск! Генштаб намеревался подмять под себя авиацию и флот и единолично разрабатывать стратегическую концепцию новой армии, исключив из военно—политической сферы Бломберга и его министерство. Я составил обстоятельную докладную на имя министра о происходящих в генштабе негативных процессах и хотел бы подробнее рассмотреть эту и другие проблемы.

С какими сложностями пришлось столкнуться главнокомандующему вермахтом (как с некоторых пор стали называть военного министра), знают Йодль и те, кто были рядом со мной в трудное время перестройки. Как известно, свою первую директиву «О стратегическом развертывании вермахта и единое наставление для боя» Бломберг подписал в июне 1937 г. Это сразу же вызвало бурю возмущения в армейских кругах. Если вспомнить, что высший командный состав устроил обструкцию командно—штабной игре в январе 1936 г. и подверг резкой критике первые маневры вермахта осенью 1937 г., легко представить себе всю напряженность создавшегося положения. Сразу же хочу заметить, что вел непримиримое сражение за единоначалие в армии не из тщеславия и не в угоду властолюбию, а с непоколебимой убежденностью в насущной необходимости реформ. Я сэкономил бы себе уйму времени и нервов и не обзавелся бы столькими недоброжелателями, если бы в свое время отказался поддержать Бломберга в его стремлении стать фактическим, а не фиктивным главнокомандующим вооруженными силами рейха.

Одним из наиболее характерных проявлений сложившейся в вермахте ситуации стало формирование корпуса офицеров инженерно—технической службы в составе люфтваффе. Статс—секретарь министерства авиации Эрхард Мильх отнес разработанный проект приказа на подпись министру авиации Герману Герингу. Затем Мильх связался с военным министерством по телефону и, как ни в чем не бывало, потребовал санкционировать приказ без представления

документа на согласование. Я решительно отказался. Разразился громкий скандал, но мне удалось настоять на своем и воспрепятствовать произволу. Как выяснилось впоследствии, Мильх и Геринг непомерно раздули штаты и предоставили вновь формируемым в составе ВВС инженерно—саперным подразделениям немотивированные преимущества и льготы по сравнению с аналогичными частями сухопутной армии и флота.

Теперь несколько слов о взаимоотношениях с фон Бломбергом. Казалось бы, годы войны и совместной службы в 10 резервном корпусе с 1914 по 1917 г., послевоенные контакты в Ганновере и позднее в министерстве рейхсвера должны были бы сблизить нас. Однако ничего этого не произошло: наши отношения были корректными, сдержанно—доброжелательными и подчеркнуто безличными. Вместе с тем, у нас никогда не было конфликтов и даже разногласий по сколько—нибудь серьезным поводам. Мне кажется, он сильно сдал и замкнулся в себе после скоропостижной смерти своей супруги Шарлотты весной 1932 г. Во взаимоотношениях между нами ничего не изменила и дружба наших дочерей — Ноны К.(ейтель) и Сибиллы Б.(ломберг).

Единственно близким ему человеком был капитан 3–го ранга Ханс Георг Фридрих фон Фридебург. Адъютант фон Фридебург опекал пятерых детей Бломберга — трех дочерей и двух сыновей, погибших впоследствии на фронтах 2–й мировой войны. Фридебург был искренне привязан к министру и его семейству. Все беды начались после его перевода в штаб—квартиру командующего подводным флотом Деница: как мне кажется, фон Фридебургу удалось бы предотвратить опрометчивую женитьбу фельдмаршала. Мое участие в разразившемся скандале исчерпывалось тем, что я, можно сказать, вырвал пистолет из рук нового адъютанта Бломберга капитана Хуберта фон Вангенхайма! Когда выяснилось, что вторая жена Бломберга вела в молодости, мягко говоря, «рассеянный» образ жизни, адъютант решил, что наилучший выход для фельдмаршала… — застрелиться. До дня официальной регистрации брака — свидетелями Бломберга были Гитлер и Геринг — я и представления не имел о существовании пресловутой «избранницы» и ни разу не переступил порог их дома впоследствии…

Что касается моих взаимоотношений с главнокомандующим сухопутными войсками Фричем, то они развивались по другому сценарию и были дружескими, открытыми и доверительными. Минимум раз в неделю я бывал в его кабинете по служебным делам, даже если в этот момент он проводил какое—нибудь срочное совещание. Фрич остался холостяком, ему определенно не хватало общения — и мы провели не один вечер в дружеских

беседах за бокалом вина. Само собой разумеется, что даже в неформальной обстановке мы обсуждали проблемы армии и ее будущее, но даже в тех случаях, когда наши мнения были диаметрально противоположными, Фрич умел настоять на своем в необидной для меня товарищеской форме.

По установившейся традиции на меня возлагались функции посредника между Бломбергом и Фричем во время их частых ссор и конфликтов: я был для них своего рода буфером или громоотводом! Мне было тем легче выступать в роли миротворца, чем меньше я интересовался политикой…

Если даже Бломберг и не был твердокаменным национал—социалистом, то со всей определенностью высказывался за привнесение в вермахт национал—социалистической идеи — так как монархический принцип цементировал кайзеровскую армию. Парадоксальным образом он считал нацизм и идею «фюрерства» своего рода парламентарной монархией, пришедшей на смену наследственной. Фрич оставался непреклонным: его идеалом была политическая нейтральность Второго рейха или недавние времена рейхсвера — надпартийность при категорическом отказе от большевизма. Национал—социализм он рассматривал как период взросления нации, эволюционный этап перехода к более демократическим общественно—политическим формам по британскому образцу. По своим убеждениям Фрич был ярко выраженным монархистом и втайне мечтал о реставрации Гогенцоллернов. Роспуск и запрет политических партий в рейхе он считал величайшим благом для Германии и важнейшим достижением Гитлера—политика. Как рейхсканцлер Гитлер устраивал его больше, чем кто бы то ни было; как глава государства он был для него совершенно неприемлем…

В вопросах строительства вермахта они расходились еще больше, чем при обсуждении внутриполитической ситуации. Бломберг был идеальным министром, но не более того. Главнокомандующий вермахтом не получился бы из него ни при каких обстоятельствах. Я изложил свои соображения по этому поводу в обстоятельном меморандуме на имя адвоката доктора Нельте.[42] Тем не менее я считал своим нравственным долгом поддерживать начинания военного министра. Он должен был стать главнокомандующим со всеми правами и обязанностями облеченного властью руководителя, а не подставной фигурой — с точки зрения армейского (в меньшей степени флотского) руководства, совершенно далекой от оперативно—стратегических реалий немецких вооруженных сил.

Еще раз повторю, вопросы единоначалия и соблюдения воинской дисциплины стали для меня делом принципа. И тогда, и

сейчас находились такие, кто утверждал, что я «удобряю почву для самого себя». Со всей ответственностью заявляю: я прекрасно понимал, что мне не хватает не только способностей, но и знаний для того, чтобы претендовать на пост начальника генерального штаба вермахта. Благодарение Богу, такой солдат в нашей армии был и мог быть призван в нужное время.[43]

Время — лучший советчик! Тогда мы думали не о войне, а о том, как выполнить свой служебный долг и создать штаб реального оперативного руководства вермахтом в рамках института централизованного управления войсками. Не буду лукавить: как профессиональные военные мы прекрасно понимали, что такие структуры создавались и создаются для ведения крупномасштабных боевых действий…

Начальник оперативного отдела сухопутных войск, будущий генерал, Герман Гейер — светлая голова, воспитанник старой школы верховного командования времен 1–й мировой войны и один из авторитетнейших экспертов в области оперативного искусства — имел все основания сказать:

«Если в мирное время нам не удастся организовать и усовершенствовать систему высшего военного управления, то мы никогда не сумеем сделать это в годы войны…»

В справедливости этих слов мне пришлось убедиться на собственном опыте. Все попытки гауптмана Гейера (в бытность его начальником управленческих отделов Т–1 и Т–2) на поприще реорганизации военного управления натолкнулись на беспрецедентное сопротивление высших армейских кругов в начале 30–х годов. Теперь настал мой черед: состояние дел, сложившееся в сфере управления вооруженными силами к началу 1935 г., я считал не только невыносимым для Бломберга и затруднительным для вверенной мне командной инстанции, но и совершенно неудовлетворительным для армии, претендующей на первые роли в Европе.

Моим главным противником стал генеральный штаб сухопутных войск в лице генерала Людвига Бека. Свою роль сыграла здесь и установившаяся между нами многолетняя антипатия. Через несколько лет по его инициативе в недрах ОКХ (главнокомандования сухопутными войсками) родится удивительный документ, запрещающий персоналу служебные контакты с офицерами ОКВ. Бек стал на путь откровенного игнорирования приказов фон Бломберга после появления июньской директивы 1937 г. «О стратегическом развертывании вермахта». Как известно, в этом документе было впервые сформулировано положение о том, что отныне исключительной прерогативой главнокомандующего немецкой армией является

разработка основополагающих стратегических инструкций, наставлений и директив для всех трех составных частей вермахта. Бек в приступе гнева приказал немедленно убрать директиву за подписью Бломберга с его рабочего стола и спрятать в бронированном сейфе оперативного отдела с тем, чтобы она больше никогда не попадалась ему на глаза. Вот факты, которые свидетельствуют о накале борьбы за кулисами реформирования управленческих армейских структур.

Организация высшего военного управления

Логика событий требовала начать широкомасштабные преобразования со штаба главнокомандующего вермахтом и военно—политического управления. Мне представлялось, что первоочередными задачами этого этана перестройки немецкой армии должны стать:

1. Создание базовой структуры — штаба оперативного руководства тремя составными частями вермахта.

2. Создание высшего координирующего органа в рамках военного министерства.

Нашим девизом стал призыв: «Никакой монстроидальности и гиперцефалии!» Только ограниченный штат высококлассных специалистов, проверенных во времена рейхсвера, и никакой «заорганизованности». Я был настроен самым решительным образом против попыток определенных кругов «протащить» идею создания некоего «центрального министерства», равно как и против поползновений армии и флота на создание самостоятельных министерств. Я хотел «направлять, координировать и контролировать», а не заниматься раздуванием штатов и канцелярской имитацией бурной деятельности и «мудрого руководства».

Дальнейшее развитие событий показало — мы стоим на правильном пути. Мы ни в коем случае не пытались подменить собой нижестоящие командные инстанции. Наоборот, мы с удовольствием делегировали им полномочия, не требующие стандартизации и организации по единому плану, и были заинтересованы в их кадровом усилении для реализации своих планов. Я стремился к тому, чтобы штат вновь организуемой «центральной министерской инстанции» был укомплектован опытнейшими офицерами из трех составных частей вермахта. Во главу угла ставились академизм, профессионализм и искренняя заинтересованность офицеров в усилении не только «своего» рода

войск, но и всего вермахта в целом.

Следующим шагом стала реорганизация института военной контрразведки. В свете стоящих перед нами задач возникла необходимость создания… централизованной структуры для всей армии. Далее на повестку дня встал вопрос формирования трех подотделов в составе службы тыла, в компетенцию которых входили следующие задачи:

а) внутриполитические (компетенция НСДАП);

б) интендантское дело и вольнонаемный персонал;

в) снабжение, денежное довольствие, государственное обеспечение.

Разнообразие и разносторонность стоящих перед службами тыла задач поставили меня перед необходимостью выделения этого отдела в самостоятельное «общее управление вермахта» — своего рода военное министерство в миниатюре.

После создания инспекции военной промышленности в составе военно—экономического штаба в 1937 г. последовало разделение последнего на два отдельных управления — экономическое и военно—промышленное.

Дальнейшие подробности интересны разве что тем, что я по—прежнему вел ожесточенную борьбу против раздувания штатов и такого хронического «уродства» бюрократии, как гиперцефалия! Разбухание аппарата и увеличение расходов на собственное содержание — то, что принципиально невозможно, например, в фермерском хозяйстве, где вступают в действие простейшие законы себестоимости, — вечное несчастье нашей заорганизованности. Остается только сожалеть, что военные власти не в состоянии содержать собственный аппарат. «Самоокупаемость» привела бы не только к рационализации ратного труда, но и к ощутимому увеличению коэффициента полезного действия армейских структур…

Экспансия

В 1936 г. я был произведен в генерал—лейтенанты. Трудный год — решающий период в строительстве новых вооруженных сил. В субботу, 7 марта, Гитлер решился на очень рискованную операцию: 3 батальона форсировали Рейн и выдвинулись в направления на Ахен, Кайзерслаутерн и Саарбрюкен. Вермахт вступил на территорию демилитаризованной Рейнской зоны.

Ратификация французским парламентом русско—французского договора означала, что Франция предпринимает

действия, направленные против Германии, и разрывает Локарнское соглашение. Тем не менее опасность санкций со стороны французов была крайне велика. Бурный протест западных правительств заставил фон Бломберга предложить Гитлеру не рисковать и отозвать батальоны. Фюрер отклонил предложение и приказал ни в коем случае не отступать и сражаться в случае нападения противника. 2 батальон 17 пехотного полка отрабатывал строевые приемы на Рыночной площади Саарбрюкена под нацеленными на город жерлами французских пушек.

Забили тревогу три военных атташе из Лондона — своей пессимистичностью среди них выделялся атташе сухопутных войск оберст Гейр фон Швеппенбург. Гитлер вновь вызвал Бломберга и Фрича и заявил, что не собирается поддаваться угрозам. Министерство иностранных дел получило ноту из Лондона с требованием не воздвигать фортификационные сооружения западнее Рейна… В этот день фон Бломберг, вопреки моим протестам, вылетел в Бремен. Фюрер вызвал в рейхсканцелярию Фрича, министра иностранных дел Константина фон Нейрата и меня. Я впервые предстал перед рейхсканцлером, не считая моей краткой беседы с ним во время приема группы генералов. Он сразу же потребовал от Нейрата и Фрича сформулировать их видение проблемы и предложить конструктивные варианты ее решения. Потом он обратился ко мне. До сих пор я не принимал участия в беседе, а только внимательно слушал. Я сделал шаг вперед и произнес: «Так или иначе, в настоящий момент мы не собираемся возводить долговременные огневые узлы и прочие оборонительные фортификационные сооружения на левом берегу Рейна — чисто техническое решение этой проблемы займет не меньше года. Так что мы можем с чистой совестью пообещать это британцам…» Гитлер выслушал меня внимательно и благосклонно, однако принял решение дать более уклончивый «дипломатический» ответ: «Рейхсправительство изучит претензии британской и французской сторон, заверяя их в том, что даже не рассматривало вопрос об укреплениях в бывшей демилитаризованной зоне, поскольку не видит в этом ни малейшей необходимости. Пока нас вполне удовлетворяет качество оборонительных сооружений «линии Шварцвальд — Оденвальд — Веттерау — Рейн», завершение строительства которых намечено на 1950 г…»

Между тем фюрер попросил фон Нейрата остаться, а я и Фрич удалились. Это была моя первая служебная встреча с Гитлером. Постепенно напряжение спало. Думаю, что только тогда Гитлер осознал, на какой грани он балансировал. Однако

он рискнул, поставил на карту все и сорвал банк! Рейхсканцлер продемонстрировал всему миру стальную прочность своих нервов и политическую интуицию. Не удивительно, что его авторитет государственного деятеля и политика резко возрос…

Не буду подробно описывать распорядок моего рабочего дня, скажу только, что ежедневно ходил на доклад к Бломбергу. Тем для обсуждения было предостаточно. К фюреру рейхсминистр ходил по вечерам и всегда один. Чтобы проинформировать Гитлера, он обычно записывал в тетрадь для докладов даже и второстепенные, на мой взгляд, вопросы, которые был в состоянии решить сам. Временами я был вынужден буквально «выцарапывать» из него и его тетради оставшиеся нерешенными проблемы, поскольку фон Бломберг был немногословен и очень редко рассказывал мне в подробностях о состоявшемся накануне совещании. Хорошо, что на вечерних докладах постоянно присутствовал адъютант Гитлера по сухопутным войскам оберстлейтенант Фридрих Хоссбах, от которого я и узнавал о состоянии дел. Хоссбах обещал мне посодействовать в более частых вызовах на доклад к Гитлеру, как это было принято во времена Рейхенау. Возможно, в моем «выключении» из круга доверенных лиц фюрера крылся какой—то тайный расчет Бломберга. Признаюсь, мне это неизвестно. Но, так или иначе, стараниями Бломберга или без оных, я в течение длительного времени не мог познакомиться с Гитлером так, как это следовало бы сделать начальнику военно—политического управления вермахта…

Осенью 1936 г. я сопровождал Бломберга в инспекционной поездке. Маневрами на полигоне под Бад—Наухаймом руководил главнокомандующий 2 военным округом генерал Вильгельм фон Лееб. Мои функции исчерпывались наблюдением, поэтому я в основном наслаждался красотами живописной местности и видом старинной крепости — имения зятя графа Цеппелина (затрудняюсь вспомнить имена владельцев).[44]

Бломберг редко брал меня в поездки, которые обычно совершал на самолете. Мне так ни разу не удалось выйти с ним в море на посыльном судне кригсмарине «Грилле» — один из нас должен был все время находиться в Берлине… Думаю, что его тянуло в море, потому что только там он отдыхал душой и телом… От Бломберга я унаследовал любовь к воздухоплаванию и старый добрый Ю–52 вместе с экипажем…

…Во время Олимпиады 1936 г. празднично украшенный Берлин производил самое благоприятное впечатление на гостей столицы. Рискну предположить, что в те памятные дни многие получили прекрасную возможность изменить свое представление

о новом рейхе и происходящих в Германии переменах.

На трибуне для почетных гостей, в так называемой «комнате отдыха фюрера», Адольф Гитлер принял решение об активном участии вермахта (главным образом люфтваффе) в гражданской войне в Испании на стороне Франко. К этому времени немецкая транспортная авиация уже перебросила в Испанию франкистскую лейб—гвардию — африканских мавров. Здесь, на трибуне имперского стадиона, в перерыве спортивных соревнований Гитлер принял решение о формировании «Легиона Кондор» в составе нескольких эскадрилий бомбардировщиков Ю–52 и истребителей Хе–51, а также небольшого контингента пехотных и танковых подразделений.[45] Первым командующим немецкой военной миссии стал генерал Варлимонт. Испанская кампания обошлась бюджетно—финансовому отделу вермахта в полмиллиарда рейхсмарок и прошла по отчетным ведомостям министерства как «безвозвратная испанская задолженность». Летный состав люфтваффе постоянно обновлялся в целях получения необходимого боевого опыта и обкатки новой техники. Это было тем более ценно, когда выяснилось, что на стороне повстанцев воюют советские летчики—истребители.

В начале сентября 1936 г. я во второй раз присутствовал на съезде НСДАП в Нюрнберге — на этот раз вместе с супругой в качестве официальных гостей фюрера…

Успешные маневры

По замыслу Бломберга, запланированные на зиму 1936–1937 гг. командно—штабная игра и маневры должны были внести ясность в наши непростые отношения с генеральным штабом сухопутных войск. Практическая проверка разделения полномочий в условиях, максимально приближенных к боевым, должна была положить конец затянувшимся разногласиям в области оперативного управления вооруженными силами. Генерал Йодль, возглавивший штаб «Л» — руководство и управление маневрами, — находился в непосредственном контакте со мной. Не только Бломберг, но и мы с Йодлем были заинтересованы в скорейшем разрешении латентного конфликта.

Маневры показали, что положение еще хуже, чем я себе это представлял. Дальнейшее попустительство было чревато непредсказуемыми последствиями для армии. Нужно было бить тревогу. Вместе с тем я прекрасно понимал, что генштабовские ренегаты тут же обвинят меня в «раздувании ажиотажа» и всех

прочих смертных грехах. Я высказал свои соображения по этому поводу на итоговом разборе командно—штабной игры в присутствии Гитлера (подробно о ходе обсуждения я написал в памятной записке на имя адвоката доктора Нельте), Бломберга, генералов и адмиралов вермахта.

Мое выступление вызвало «праведный» гнев и возмущение генштаба. Кот был выпущен из мешка! Как только Гитлер в сопровождении Бломберга покинул зал для совещаний, Фрич обрушил на меня бурю негодования. Мои соображения об организации высшего руководства были заклеймены как «не выдерживающие никакой критики». Первый и последний раз он разговаривал со мной в таком тоне — впоследствии мы никогда не вспоминали об этом инциденте. Генштабистов возмутил сам факт, что «министерский чиновник» претендует на их «кровное право» управлять войсками; они и представить себе не могли, что «их армия» будет подчиняться верховному главнокомандованию. Я был тогда слишком искренен, слишком бесхитростен и слишком объективен, чтобы осознать, что наживаю себе смертельных врагов. Позже я подумал о том, что фон Бломберг загребает жар моими руками — ведь это он, а не я, мирился с положением вещей, когда руководил генштабом сухопутных войск (называемым в то время управлением рейхсвера) при Вильгельме Хейе, Вильгельме Адаме, а ныне — Беке. Отныне и навеки мои почти что дружеские отношения с последним были испорчены…

При этом практически ничего не изменилось в порядке прохождения документов через канцелярию Бека: по—прежнему все указы Бломберга, касающиеся организации управления войсками, требовали многочасовых и многодневных консультаций, обсуждений и согласований. Я сутками не выходил из кабинета Бека, когда передал ему на согласование проект подписанной летом 1937 г. директивы Бломберга «О стратегическом развертывании вермахта и единое наставление для боя». Раз за разом он возвращал мне документ «на доработку» с десятками замечаний формального характера и с видимым потрясением от того, что кто—то смеет вторгаться в епархию генштаба. Почему—то больше всего его возмутило употребленное в документе слово «приготовления»!

Уже после окончательного согласования фон Бломберг не преминул сказать: «Генеральный штаб никогда не пойдет на «приготовления» подобного рода. За этой формулировкой легко прослеживается Гитлер с его военно—политической и стратегической оценкой международного положения рейха…». На свой страх и риск я изменил текст и заменил возмутившее Бека

слово «приготовления» «разработкой». Йодль и его Ia Цайцлер остались в высшей степени недовольны моей «малой капитуляцией перед генштабистами»…

Всю войну наша «директива» пролежала в сейфе генерального штаба без какого—либо движения. Наши с Йодлем попытки убедить в этом Нюрнбергский суд вызывали в лучшем случае сочувственно—ироническое недоверие. Однако факт остается фактом: не существовало плана «Отто», равно как планов «Грюн» и «Рот» — были только слабые укрепления на востоке и западе и план выдвижения в оставшиеся без прикрытия погранрайоны за Рейном и Одером. В то время мы с фон Бломбергом действительно опасались только «санкций», вызванных вторжением Италии в Абиссинию. Над нами висел дамоклов меч возможного англо—французского вторжения в рейх. Армия в составе 7 дивизий, находившихся к тому же на стадии переформирования и перевооружения, не могла противостоять агрессивным устремлениям «соседей», которые, не встречая сопротивления, в любой момент могли пересечь границу и снова навязать нам принудительное разоружение на фоне эскалации гонки вооружений в Европе. Немецкая армия единственная на континенте осталась без танков и тяжелой артиллерии. Символический флот и рождающаяся в муках боевая авиация — вот и все, что мы могли противопоставить интервенции. Об этом было прекрасно известно рейхсканцлеру Гитлеру — на этом он строил международную политику государства.

Следующим шагом фон Бломберга на пути утверждения единоначалия в вооруженных силах должны были стать совместные маневры сухопутных сил, кригсмарине и люфтваффе. Йодль как начальник штаба предстоящей командно—штабной игры получил директивные указания Бломберга на борту «Грилле». Через некоторое время я ознакомил с документом фон Фрича. Тот снисходительно—сочувственно улыбнулся, прочитав вводную, и заметил только, что район Мекленбурга категорически не подходит для проведения подобного рода учений. Я попросил его назначить штаб оперативного руководства и разведотдел штаба согласно положению о тактических учениях войск. Фрич назначил начальником штаба оперативного руководства генерал—лейтенанта Гальдера, командира 7 пехотной дивизии (Мюнхен). Начальник генерального штаба Бек, обретавшийся в заоблачных сферах, не удосужился проявить даже маломальский интерес к провальным, на его взгляд, учениям. К сожалению, не могу рассказать в подробностях о ходе этой военной игры, поскольку принимал косвенное участие в ее разработке и проведении. Достоверно

известно мне только то, что прошла она успешно, а Йодль удостоился самых высоких похвал Гитлера и Бломберга…

Фон Бломберг устроил пышный прием для высоких зарубежных гостей в здании военного министерства. Приглашением рейхсминистра воспользовались начальник британского генштаба фельдмаршал Эдмунд Айэнсайд и группа высших офицеров, глава итальянского правительства и военный министр Бенито Муссолини и сопровождавшие его официальные лица, а также все военные атташе европейских стран в Берлине. Мы впервые продемонстрировали им учебный морской бой и маневрирование подводных лодок в Поморской бухте под Свинемюнде, бомбардировщики люфтваффе имитировали атаку с больших высот и на бреющем полете, легкие танки (средних и тяжелых боевых машин в танковом парке Германии не было) слабой танковой дивизии произвели эволюции перед трибунами с почетными гостями.

На прощальном ужине в офицерском клубе люфтваффе на аэродроме в Тутове, штаб—квартире войсковых учений, организаторы мероприятия принимали поздравления от восхищенных гостей. Следует признать, что этот первый опыт совместных учений действительно удался. Главный «виновник торжества» — генерал Гальдер — внес решающий вклад в успех общего дела. Единственным диссонансом стало неожиданное появление взводов военных репортеров и корреспондентов министерства пропаганды из состава будущих «пропагандистских рот». Генерал—лейтенант Эрих Хепнер, начальник штаба командующего 1 группой армий генерал—оберста Герда фон Рундштедта, в резкой форме потребовал, чтобы «господа журналисты не мешались под ногами». Обиженные «пропагандисты» собрались было уезжать, но тут вмешался я, и гармония была восстановлена. Окрыленным военным репортерам даже удалось взять несколько интервью у участников и организаторов маневров.

С Тутовом связано еще одно приятное воспоминание: по приглашению Геринга я впервые попал в хозяйство старшего лесничего Мюллера на полуострове Дарс, на Мекленбургском взморье, объявленное национальным заповедником. В пору оленьего гона мне предстояло принять участие в увлекательнейшей охоте.

Мюллер принимал нас по—королевски. Впоследствии мне довелось не раз воспользоваться его гостеприимством и провести здесь немало счастливых часов. После октябрьской охоты коллекцию моих трофеев украсили долгожданные оленьи рога…

После маневров Муссолини прибыл в столицу в качестве

официального гостя фюрера. В его честь Гитлер устроил в Берлине военный парад, а вечером многотысячная толпа демонстрантов приветствовала дуче на имперском стадионе. Вначале Гитлер, а потом и Муссолини (на немецком языке!) обратились с трибуны к ста тысячам собравшихся. Внезапно обрушившийся на город воистину тропический ливень в считанные минуты разогнал промокших до нитки людей, а мы в течение часа не могли добраться до машины, чтобы разъехаться по домам.

Дальнейшая реорганизация

1 октября 1937 г. начался второй этап реорганизации высшего военного руководства. В связи с расширением военно—политического управления вермахта и усложнением стоящих перед ним задач я принял решение о переформировании бывших отделов в управленческие группы (или управления). Вместо организационного отдела «Л» было создано оперативное управление вермахта, и далее:

управление вооружений и военной промышленности

управление разведки и контрразведки, состоявшее из трех отделов:

А–1 — служба разведки

А–2 — диверсии и саботаж

А–3 — военная контрразведка (с 1937 г. абверу был подчинен международный отдел).

Из разросшейся службы тыла генерала Райнеке было сформировано общее управление вермахта. Во главе каждого управления стояли опытные генералы, наделенные большими полномочиями и обладавшие относительной самостоятельностью.

Первый шаг на пути создания ОКВ был сделан, хотя в ходе октябрьской реорганизации управления я не преследовал настолько далеко идущие цели. В соответствии с указаниями фон Бломберга я стремился к тому, чтобы к 1 апреля 1938 г. четко разграничить сферы служебной деятельности военного министра и главнокомандующего вермахтом. Иными словами, определить круг задач, стоящих перед министерским секретариатом и штабом оперативного руководства. Для Бломберга были заказаны официальные бланки писем с разными штампами отправителя: «Главнокомандующий вермахтом» и «Имперский военный министр». Функции главнокомандующего Бломберг оставлял за собой, а мне достался портфель госсекретаря при министре!

Можно сказать, что на организационно—теоретическом уровне мы были готовы к войне. Единственное, чего не хватало для этого — должности начальника генштаба в структуре военно—политического управления вермахта. Я и сегодня считаю такую организацию высшего военного управления принципиально верной, поскольку в ходе последней войны главнокомандующий сухопутной армией, например, поручал командующему резервной армией заниматься урегулированием задач второго плана, освобождая себя для решения сугубо военных проблем так же, как я предоставлял свободу маневра Бломбергу, взвалив на себя груз министерских функций.

Верховному главнокомандующему вермахтом требовался относительно небольшой, но высокоэффективный штаб оперативного руководства. Я никогда не претендовал на должность начальника штаба, поскольку не имел для этого достаточных оснований, как с точки зрения образования, так и личностных качеств. По известным причинам фон Бломбергу не удалось довести до конца начавшуюся реорганизацию системы высшего военного управления. Наверное, тогда, при обсуждении задач новой высшей командной инстанции, впервые прозвучали и названия должностей: «начальник штаба ОКВ» и «генерал—квартирмейстер вермахта» — хотя этот вопрос не был для нас принципиальным…

Можно сказать, что мои служебные контакты с военными атташе были редкими и поверхностными, — с военными представителями работал отдел атташе сухопутных войск. Я был только рад, если они не докучали мне своими визитами. Если же по каким—либо причинам не удавалось отменить встречу с ними, тогда я вызывал к себе начальника отдела военных атташе, поднаторевшего в общении с этой «братией». Часто бывал у меня только генерал—майор Ошима, будущий императорский посол Японии в рейхе. Его я принимал с удовольствием, поскольку интересовался положением дел на китайском театре военных действий.[46] В канун Рождества 1937 г. Ошима сказал мне, что, с его точки зрения, можно еще взять Нанкин (что вскоре и произошло), но сразу же после этого заключить с Китаем перемирие. Дальнейшее развитие событий подтвердило стратегическую прозорливость японского атташе, однако в Токио придерживались противоположного мнения, напрочь забыв о том, что в войне на территориях такого масштаба победитель должен умерять свои аппетиты, если не хочет, чтобы боевые действия затянулась до бесконечности.

Сразу же после эскалации японо—китайского конфликта Адольф Гитлер отказался от политики сближения с Китаем,

проводимой Бломбергом и Рейхенау, и отозвал из страны немецкую военную миссию. До сих пор интересы рейха в Китае определялись в первую очередь интересами некоего господина Кляйна, доверенного лица промышленного магната Отто Вольфа. Через него в Германию поступало стратегическое сырье в обмен на оружие и строительство заводов и фабрик по производству боеприпасов и снаряжения. По поручению рейхсминистра Бломберга Рейхенау выехал в Китай для встречи с китайским президентом генералиссимусом Чан Кайши и его военным советником генералом фон Сектом, а также для изучения общественно—политической обстановки в стране.

Участие Рейхенау в политических играх меня нисколько не удивило. Генерал фон Сект, первый советник некоронованного китайского императора, подал в отставку по состоянию здоровья и вскоре был заменен генералом фон Фалькенхаузеном, энергичным руководителем немецкой военной миссии.

Договоры господина Кляйна и соглашения Рейхенау как уполномоченного военного министерства и тем самым и немецкого правительства остались на бумаге, если не считать нескольких десятков тысяч тонн яичного порошка и другого продовольствия, а также сурьмы, висмута и прочих дефицитных цветных металлов, доставленных в Германию морским путем.

Я получил указание провести переговоры с министерством финансов и ликвидировать ощутимые бреши в бюджете вермахта путем списания крупных денежных сумм, выделенных на проведение этой авантюры. На память о «китайской политике» рейха у меня остался высший китайский орден, врученный мне во время визита в военное министерство китайского министра финансов Кунга.

Гитлер потребовал «сжечь все мосты», включая отправку на родину сына Чан Кайши, служившего офицером в Мюнхенском пехотном полку и квартировавшего у командующего 7 военным округом фон Рейхенау. Путь к сближению и военно—политическому сотрудничеству с Японией был расчищен.

Осенью 1937 г. по поручению Бломберга я нанес визит вернувшемуся из Китая фон Секту и сообщил ему о закрытии немецкой миссии.[47] Он посетовал, что Бломберг не выражает особого желания встретиться с ним, и рассказал мне о положении в Китае и попытках главы правительства прекратить затянувшуюся гражданскую войну. Главным, на его взгляд, было то, что Чан Кайши проводил твердую антикоммунистическую политику — и этим обстоятельством рейху ни в коем случае нельзя было пренебрегать. Это была моя последняя встреча с фон Сектом — через полгода мы похоронили его на кладбище

Инвалидов…

«Дело Бломберга—Фрича»

…Я и предположить не мог, что в этот момент фон Бломберг и сам находится на положении жениха,[48] и во что это в конечном итоге выльется. Тогда мне бросилось в глаза только то, что рейхсминистр дважды выезжал в Оберхоф в Тюрингском лесу в гражданской одежде и без адъютантов, оставляя мне короткую записку с номером телефона, по которому с ним можно было бы связаться в случае крайней необходимости. Майор фон дем Декен, 1–й адъютант рейхсминистра, только пожимал плечами и не мог сказать чего—либо определенного. По слухам, Бломберг навещал на горном курорте какую—то молодую даму, сломавшую себе то ли лодыжку, то ли кисть во время катания на лыжах. У меня были определенные предположения на этот счет, но я оставил их при себе и не разговаривал на эту тему ни с кем — даже с женой.

В середине декабря 1937 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался первый генерал—квартирмейстер немецкого генерального штаба сухопутных войск (1916–1918) Эрих Людендорф. Адольф Гитлер приказал организовать церемонию торжественных похорон в Мюнхене. Было запланировано, что фон Бломберг как представитель высшего военного руководства рейха произнесет надгробную речь от имени и по поручению фюрера.

Еще осенью 1937 г. на торжественной церемонии в здании военного министерства Гитлер произвел Бломберга в фельдмаршалы и вручил ему маршальский жезл в присутствии высшего офицерского корпуса рейха.[49] Для поездки в Мюнхен я приказал подготовить спецпоезд фельдмаршала с недавно подаренным ему Гитлером салон—вагоном. Мы должны были подобрать маршала в Обердорфе и высадить его там же на обратном пути из Мюнхена. Никто из нас не мог предположить тогда, что эта поездка в новом салон—вагоне окажется для фельдмаршала первой и последней в его служебной карьере.

Рождество 1937 г. Сибилла и Дорле (Доротея) Бломберг провели у нас — отец проводил праздники в Оберхофе. Теперь его намерения не вызывали сомнения — фон Бломберг надумал жениться. После возвращения он в доверительной форме сообщил мне, что собирается вступить в законный брак в январе 1938 г. Дама его сердца — из простонародья, но сам он не считает это

серьезным препятствием и принял окончательное решение. В свою очередь, он вдвойне рад тому, что состоялась помолвка Дорле и Карла—Хайнца. Со своей стороны он приложит все усилия, чтобы свадьба состоялась как можно быстрее, и положит молодоженам достойное ежемесячное содержание. Слава Богу, что в рейхе не считается зазорным взять в жены «дитя народа», а пересуды в так называемом «обществе» его вообще мало занимают. Он честно и открыто поговорил со старшими детьми и рад тому, что встретил понимание…

Вот, собственно, и все, что узнала семья и мы сами: безвестное «дитя народа» и… множество вопросов в связи со вновь открывшимися обстоятельствами. Нужно ли говорить, что их мы оставили при себе…

От адъютантов я узнал, что скромная церемония бракосочетания назначена на середину января (12 января 1938 г.) и состоится в зале военного министерства. Якобы Гитлер и Геринг будут выступать в роли свидетелей жениха, а от венчания молодожены отказались. Я не получил приглашения на эту церемонию и знаю только то, что на ней присутствовали 3 адъютанта военного министра — фон дем Декен, гауптман Рибель, капитан 3–го ранга барон фон Вангенхайм — и друг семейства, бывший флотский адъютант, фон Фридебург. Вечером Бломберг и его молодая жена выехали из Берлина в свадебное путешествие. Через некоторое время в прессе появились фотографии четы Бломберг на прогулке по лейпцигскому или дрезденскому зоопарку. Позирование супружеской пары на фоне клеток с обезьянами показалось многим, и мне в том числе, дурным тоном.

Свадебное путешествие было прервано в связи с резким ухудшением состояния здоровья его престарелой матери Эммы фон Бломберг, урожденной фон Чеппе, проживавшей в уединении (с дочерью Маргарет фон Бломберг, 1880–1940 гг.) в имении под Эберсвальде. Трудно сказать, как повлияли на старую госпожу скандальные слухи о женитьбе сына и знала ли она о них вообще. Фройляйн Маргарет фон Бломберг, которая часто навещала мою жену после смерти матери в конце января 1938 г., хранила по этому поводу молчание. Я выехал в Эберсвальде на похороны Эммы фон Бломберг 20 января 1938 г. На эберсвальдском кладбище у открытой могилы стояли Бломберг и его жена — в скрывающем фигуру плаще и с закрытым густой вуалью лицом. Соболезнование оказалось скомканным — супружеская пара удалилась с кладбища первой…

В конце месяца в моем кабинете появился взвинченный начальник берлинской полиции граф фон Хелльдорф и начал

задавать неожиданные вопросы о внешнем виде молодой супруги фон Бломберга. Он отказывался верить, что, не считая похорон в Эберсвальде, я так ни разу и не увидел свою «родственницу», каковой она стала приходиться мне после официального объявления о помолвке наших детей. В конце концов он вытащил регистрационную карточку с фотографией Евы Кун,[50] полученную по запросу с Тирпицуфер из службы прописки полицейского участка по месту жительства Бломберга, и опять принялся расспрашивать меня о том, идентично ли изображение на фотографии внешнему облику молодой жены моего начальника. Я не смог ответить на этот вопрос. Тогда Хелльдорф потребовал срочно разыскать Бломберга, поскольку это чрезвычайно важно для него самого. Я был настолько потрясен происходящим, что позвонил в приемную министра.

Секретарь ответила мне, что министра нет на месте — в настоящий момент он выехал в Эберсвальде для улаживания вопросов, связанных с завещанием и наследством. Наконец фон Хелльдорф, присутствовавший при этом разговоре и видевший мое искреннее недоумение, молча протянул мне полицейскую карточку, из которой следовало, что нынешняя супруга фельдмаршала имела судимость за аморальный образ жизни. Принужден воздержаться от подробностей из чувства элементарного приличия…

Теперь мне стала понятна агрессивная взвинченность шефа берлинской полиции: вне всякого сомнения, Бломберг разорвет брак, если в ходе полицейского опознания будет доказана тождественность обеих вышеупомянутых особ. Мы обсудили создавшееся положение. Я вызвался возложить на себя малопочетную миссию «черного вестника», хотя и подчеркнул, что делать это мне — как будущему свекру его дочери — будет в высшей степени неприятно. После некоторого колебания Хелльдорф отказался передать мне компрометирующий материал, по крайней мере, сегодня — он намеревался незамедлительно прояснить ситуацию. Тогда я порекомендовал ему связаться с Герингом — будучи свидетелем жениха, он—то уж точно должен знать молодую супругу рейхсминистра в лицо.

Фон Хелльдорф сразу же согласился. Я позвонил адъютанту Геринга, и полицай—президент немедленно выехал в штаб—квартиру люфтваффе. Весь день я не находил себе места, но успокаивал себя тем, что небесспорную версию Хелльдорфа опровергнет сам Бломберг. Мне бы ОЧЕНЬ хотелось, чтобы эта малоприятная история поскорее забылась ко всеобщему удовлетворению. Однако ближе к вечеру позвонил фон Хелльдорф и сообщил, что Геринг сразу же опознал молодую

супругу военного министра на фотографии из полицейской картотеки. Это была форменная катастрофа… Полицай-президент сообщил мне, что Геринг собирается встретиться с Бломбергом на следующий день. В свою очередь, он прекрасно понимает всю двусмысленность положения, в котором я оказался, но что сделано — того не вернешь. Видно, так было угодно судьбе…

Вечером Геринг доложил о случившемся Гитлеру. Фюрер приказал проинформировать рейхсминистра о предосудительном прошлом его избранницы. Если Бломберг решится на немедленный разрыв, то еще можно будет найти способы сгладить или же вообще предотвратить развитие скандала в прессе и обществе; для начала Герингу следует взять подписку о неразглашении у полицейских чинов…

Фон Бломберг наотрез отказался от предложения Геринга аннулировать брак. Позднее он сказал мне, что «любит свою жену невзирая ни на что и был бы в состоянии справиться с ситуацией, если бы Гитлер и Геринг захотели ему помочь…». Между тем последние были вне себя: они не поверили ни одному слову рейхсминистра о том, что ему решительно ничего не известно о «бурной молодости» его супруги. Позднее и Гитлер, и Геринг не раз говорили мне, что Бломберг самым беззастенчивым образом использовал их в своих авантюрных матримониальных планах. Их именами он попросту хотел прикрыть все возможные последствия своего беспрецедентного шага…

26 января 1938 г. у меня состоялся трудный разговор с вернувшимся от Геринга и Гитлера рейхсминистром. Фон Бломберг был потрясен, подавлен и раздавлен обрушившимися на него неприятностями. Он сказал фюреру, что не намеревается расторгать брак. Долгий и нелицеприятный разговор закончился его отставкой. Позднее Фон Бломберг уверял меня, что скандал разразился по той простой причине, что на его место метил Герман Геринг — в противном случае всегда можно было бы избежать огласки. Да, в молодости фройляйн Грун вела себя легкомысленно и даже предосудительно, но это вовсе не повод заклеймить женщину на всю оставшуюся жизнь. С прошлым покончено навсегда — долгие годы она зарабатывала себе на жизнь честным трудом, хотя он прекрасно понимает, что доморощенным «аристократам» не по нраву, что его супруга — дочь простой гладильщицы…[51] Гитлер обсуждал с ним вопрос о преемнике, но об этом скажет мне сам во время личной встречи. Придется уйти и Фричу — против него возбуждено уголовное дело, но и об этом мне предстоит узнать от фюрера. Он, Бломберг, предложил на пост военного министра

главнокомандующего 4 группой армий (Лейпциг) генерала Вальтера фон Браухича, но окончательное решение остается за фюрером. В конце беседы Гитлер расчувствовался и даже пообещал, что в случае войны вернет его в строй… У меня создалось впечатление, что Бломберг, как утопающий за соломинку, мертвой хваткой вцепился в последние слова рейхсканцлера и видит в них единственный смысл и оправдание своего дальнейшего существования. Он добавил еще, что по старинной прусской традиции будет числиться «находящимся при исполнении служебных обязанностей» и получать полное генерал—фельдмаршальское содержание, даже выйдя в отставку. Я спросил, не намеревается ли он внять голосу разума и развестись, и упрекнул его в том, что он не удосужился посоветоваться со мной в преддверии решающего шага, хотя я всего лишь на несколько лет моложе, чем он. Я даже мог бы провести своего рода расследование, полностью отдавая себе отчет в том, что со своей стороны он никогда не отважится на это. Фон Бломберг вяло оправдывался, что поступил так ради будущего наших детей, и я должен наконец понять это. Ни о каком разводе не может быть и речи — «это редкостная по нынешним временам взаимная привязанность, и я скорее пущу себе пулю в лоб…». Со словами «фюрер ждет вас к 17.00 в гражданской форме одежды» он оставил меня в своем бывшем кабинете и в смятенных чувствах отправился домой… к молодой жене.

Морально опустошенный, я присел в кресло, только сейчас обратив внимание на то, что все время разговора простоял на ногах. Мне потребовалось некоторое время, чтобы хоть немного прийти в себя. Я знал, что он упрям и твердолоб, особенно когда движется напролом к поставленной цели, но не до такой же степени. Теперь вторая, еще более неприглядная, история с Фричем. Что все это значит? Так и не найдя ответа, я поехал домой, переоделся в гражданский костюм и предался мучившим меня мыслям, так ни о чем и не рассказав супруге. Позвонил Геринг — я должен срочно приехать к нему домой.

Геринга интересовало, о чем рассказывал мне фон Бломберг после встречи с фюрером и не называл ли он мне имя своего преемника. «Нет, но ваша кандидатура настолько очевидна, что не может быть никаких сомнений на этот счет, — ответил я. — Тем более что вы вряд ли захотите подчиняться какому—либо армейскому генералу…» Он тут же согласился, поскольку и сам был безоговорочно уверен в таком повороте событий. Неожиданно я опять вспомнил о Фриче. Так кто же все—таки скрывается за этим? Геринг рассказал, что уже очень давно принимает участие в развитии этой любовной истории. Фройляйн

Грун собиралась выйти замуж за другого человека, но по просьбе фон Бломберга за отказ от притязаний на руку и сердце прекрасной дамы он, Геринг, отправил соперника в хорошо оплачиваемую заграничную командировку. Подробности грехопадения будущей фрау фельдмаршальши были ему прекрасно известны, и он не преминул поделиться ими со мной — оставлю их при себе, щадя нравственность читателя…

Разговор с фюрером

…В 17.00 я явился в рейхсканцелярию и сразу же был препровожден в рабочий кабинет Адольфа Гитлера. До сих пор между нами состоялся только один короткий разговор в присутствии фон Нейрата и фон Фрича непосредственно после ремилитаризации Рейнской области. Кроме этого, я дважды сопровождал Бломберга на вечерних докладах в штаб—квартире фюрера, а в 1936 г. присутствовал на заседании правительственного кабинета по поводу реформы уголовного права и на обсуждении финансирования вооружений вместе с президентом имперского Рейхсбанка и министром экономики Ялмаром Шахтом. На всех этих совещаниях я даже рта не раскрыл — сидел за широкой спиной Бломберга и составлял беглый конспект выступлений. Моя фамилия была знакома Адольфу Гитлеру по донесениям и маневрам 1935 г., когда я командовал дивизией.

Адъютант Гитлера оберст Хоссбах ревностно следил за тем, чтобы никто не мог попасть к фюреру, минуя его, как это происходило с Рейхенау, который появлялся в штаб—квартире запросто и без церемоний или же без каких—либо согласований с адъютантурой — в столовой рейхсканцелярии прямо за обеденным столом Гитлера. Впоследствии я никогда не злоупотреблял своим правом напрямую обращаться к фюреру и бывал у него только после настойчивых приглашений.

Могу засвидетельствовать, что «дело Бломберга» потрясло Гитлера до глубины души, но не было и речи о каком—либо «нервном срыве», как утверждал один из главных свидетелей обвинения на Нюрнбергском процессе, бывший дипломат Ханс Бернд Гизевиус. Фюрер всегда говорил о том глубоком уважении, которое испытывал к фельдмаршалу, и о том оскорблении и злоупотреблении доверием, которому подвергся со стороны фон Бломберга в качестве свидетеля на его свадьбе. Гитлер спросил меня, принял бы офицерский корпус эту невероятную женитьбу,

слухи о которой все же распространились, несмотря на принятые меры. Я ответил отрицательно. Но мне было известно и другое: Бломберга в войсках не любили, и вряд ли кто—то пролил хотя бы одну—единственную слезинку в связи с его отставкой. Об этом я говорить не стал. Он (Гитлер) предложил Бломбергу покинуть Германию на год и отправиться в кругосветное путешествие. Бломберг с видимым облегчением согласился и отправился в изгнание. Сейчас фюрер хотел бы проконсультироваться со мной по поводу будущего преемника военного министра.

Первым я назвал Геринга и объяснил мотивы своего выбора. Гитлер немедленно возразил — об этом не может быть и речи, поскольку тот и так отвечает за «четырехлетний план», на нем люфтваффе — и лучшего командующего ему не найти. Кроме того, он назначил Геринга официальным преемником в случае своей смерти. Следующим я предложил Фрича. Гитлер молча подошел к письменному столу и протянул мне рапорт с требованием санкции на возбуждение уголовного дела против Фрича по статье 175 имперского уголовного кодекса, подписанный министром юстиции Францем фон Гюртнером. Гитлер сказал, что этот документ давно уже лежит на его рабочем столе, но он не дает ему хода, поскольку продолжает испытывать определенные сомнения на этот счет. В настоящий момент, когда вопрос о преемнике министра не терпит отлагательства, он не имеет морального права прикрывать генерала. Пусть все сомнения разрешит суд. Гюртнер и Геринг придерживаются такого же мнения.

Я потерял дар речи, просмотрев документ Гюртнера: с одной стороны, я отказывался допускать, что это результат преступной небрежности министерства юстиции или же прямого подлога со стороны дознавателей, с другой стороны, я не мог поверить ни одному прочитанному слову. Я предположил, что это какая—то ошибка или злостная клевета, потому что слишком хорошо знаю Фрича и категорически исключаю саму возможность совершения генералом инкриминируемых ему преступлений. Гитлер взял с меня слово молчать об услышанном, пообещал побеседовать с Фричем с глазу на глаз и попытаться составить собственное впечатление о происходящем. «Жизнь покажет…» — сказал фюрер.

Подходящей кандидатурой на пост рейхсминистра был, на мой взгляд, генерал—оберст Герд фон Рундштедт. Гитлер произнес длинную тираду, из которой следовало, что он без колебаний согласился бы с этим назначением, несмотря на прохладное отношение генерала к национал—социализму, но Рундштедт стар. Будь он на 5–10 лет моложе, вопрос решился бы

ко взаимному удовлетворению… Тогда я предложил назначить на этот пост фон Браухича.

Гитлер промолчал и неожиданно спросил: «А почему вы не называете фон Рейхенау?» Я не колебался ни секунды: «Не основателен, не прилежен, ко всякой бочке затычка, поверхностен, не популярен в войсках. Солдат, реализующий себя не в сугубо военной сфере, а лезущий в политику…» Гитлер согласился с моим последним утверждением, а в остальном посчитал характеристики излишне резкими. Тем не менее я вернулся к кандидатуре фон Браухича: «Браухич — профессиональный солдат. Прекрасный организатор, командир и воспитатель. Армия его боготворит». Гитлер сказал, что побеседует с Браухичем, но прежде встретится с Фричем. Завтра во второй половине дня он снова вызовет меня в рейхсканцелярию — осталось решить ряд связанных с отставкой фон Бломберга технических вопросов.

Когда на следующий день я вошел в рабочий кабинет, то застал фюрера в состоянии крайнего возбуждения. Он рассказал мне, что встречался с Фричем, который, естественно, все отрицал, но делал это с бегающими глазами, нервозно и неубедительно. Один из соучастников его преступлений, некий уголовник—гомосексуалист, специально вывезенный из тюрьмы на опознание, из поставленной у входа в рейхсканцелярию полицейской машины со всей определенностью узнал во входившем в здание офицере одного из непременных участников диких оргий и вакханалий — увы, этим офицером был генерал фон Фрич. Тяжелое обвинение. До выяснения всех обстоятельств дела он посадил генерала под домашний арест. После этих слов Гитлер без какого—либо перехода обрушился на Хоссбаха. Адъютант нарушил его строжайшее распоряжение держать в тайне от Фрича причину его вызова в рейхсканцелярию. Хоссбах вероломно обманул его доверие, и с этой минуты он, Гитлер, не желает видеть предателя подле себя. Я должен сообщить об этом его бывшему адъютанту и подыскать замену. За несколько месяцев до описываемых событий Бломберг поручил мне подыскать подходящего майора из генштабовского состава для подмены Хоссбаха на случай его откомандирования в действующую армию. По зрелом размышлении я остановил свой выбор на майоре Шмундте, хорошо известном мне со времен совместной работы в Т–2 и его полкового адъютантства в Потсдаме. Я предложил его кандидатуру Гитлеру — фюрер не возражал. Вступление Шмундта в должность личного адъютанта фюрера состоялось несколькими днями позже. Кулуарно и без официального уведомления об отстранении от должности незадачливого

Хоссбаха. В конечном итоге эта малоприятная миссия была поручена мне…

В следующий раз, когда я был у Гитлера и пытался уговорить его назначить верховным главнокомандующим вооруженными силами Германа Геринга, поскольку действительно не видел лучшей кандидатуры на этот пост, фюрер жестом остановил меня и неожиданно произнес:

> «Я долго размышлял и все же решил принять верховное главнокомандование. Вы останетесь моим начальником штаба. В сложившейся ситуации вы не можете и не должны бросить меня и армию на произвол судьбы. Если бы я не считал вас незаменимым на этом посту, то прямо сейчас назначил бы верховным главнокомандующим сухопутными войсками, но ваше истинное призвание и судьба — ваша сегодняшняя должность…»

Я с благодарностью выслушал эти слова и без колебаний согласился.

Вечером я заглянул к генералу Фричу, чтобы по—товарищески поддержать его и помочь, если это будет в моих силах. Фрич был внешне спокоен, но чувствовалось, что он потрясен бесстыдной инсинуацией. Он показал мне беловой вариант прошения об отставке с требованием о назначении военно—судебного расследования. Я поддержал его намерения, поскольку не видел иного пути восстановления незапятнанной репутации боевого офицера. Любые иные действия, кроме обращения в суд военного трибунала, можно было бы толковать только как молчаливое признание вины. Вначале Гитлер категорически отказал, но по здравом размышлении согласился с моими доводами и назначил расследование.

Под председательством Геринга трибунал в составе трех командующих тремя составными частями вермахта и двух профессиональных военных юристов приступил к рассмотрению дела. Гитлер еще не подписал прошения об отставке, но при самом благоприятном исходе судебного разбирательства Фрич вряд ли вернулся бы на прежнюю должность. Кампания по дискредитации генерала началась давно. На мой взгляд, о фальсификации «дела Фрича» лучше всего говорил тот факт, что, как нельзя кстати, поспел отложенный в долгий ящик рапорт министра Гюртнера, судя по всему, составленный в гестапо. Тем, кто препятствовал выдвижению генерала Фрича на пост военного министра, требовалось дискредитировать его подозрением в совершении уголовного преступления. Надо сказать, они вполне

преуспели на этом поприще…

Рождение ОКВ

Через несколько дней фюрер вызвал начальника генштаба генерала Бека, главнокомандующего кригсмарине гросс—адмирала Эриха Редера и генерала фон Рундштедта для обсуждения вопроса о преемнике фон Фрича. Все это время я дневал и ночевал в рабочем кабинете Гитлера. Я чувствовал, что он по—прежнему вынашивает идею назначения Рейхенау, но непоколебимо стоял на своем и всячески торопил его с принятием окончательного решения. Фон Браухич двое суток не отходил от телефонного аппарата в номере гостиницы в ожидании звонка из рейхсканцелярии. Наконец фюрер призвал его. Я вызвал фон Браухича из Лейпцига, где он занимался формированием танковой группы,[52] что окончательно вывело из равновесия генерала Бека, ошибочно посчитавшего себя исполняющим обязанности главнокомандующего сухопутной армией и обвинившего меня в «самоуправстве». Фон Рундштедт всеми силами пытался уладить разгоравшийся скандал. Втроем они приступили к бесконечному обсуждению достоинств и недостатков тех или иных кандидатов. Браухич не скрывал своих взглядов. В армии прекрасно знали его отношение к национал—социалистической идее, церкви, кадровой политике и т. д. 4 января 1938 г., после трех длительных совещаний, Адольф Гитлер встал из—за стола, подошел к Браухичу, крепко пожал ему руку и поздравил с новым назначением. Одновременно это означало безоговорочную отставку фон Фрича, хотя я имел в виду, что до вхождения в курс дела фон Браухич какое—то время будет исполнять обязанности его заместителя.

Тем временем государственный секретарь и начальник рейхсканцелярии доктор Ламмерс оттачивал формулировки приказа об учреждении должности «начальника штаба ОКВ» — о его синтаксических успехах я узнавал из регулярных телефонных звонков. В конце концов мы отправились к Гитлеру, который внес в текст приказа последние исправления незадолго до вечернего заседания кабинета. После короткого вступления Гитлер представил фон Браухича и меня членам правительства, затем последовало сообщение об изменениях в составе правительственного кабинета (фон Нейрат и пр.). Наконец Ламмерс зачитал указ о создании секретного госсовета в составе правительства во главе с фон Нейратом. Обычного в таких

случаях обмена мнениями не последовало.

Гитлер отправился в свое баварское поместье Бергхоф под Берхтесгаденом, так и не сказав ни одного слова о своих ближайших политических планах ни кабинету, ни нам с Браухичем. Единственное, о чем он счел нужным сообщить нам перед отъездом, было разъяснение по поводу перестановок в правительстве:

> «Заграница болезненно восприняла известие о череде отставок высокопоставленных военных. Кооптирование в состав кабинета фон Нейрата призвано засвидетельствовать нашу приверженность старому внешнеполитическому курсу».

28 января я встретился с фон Бломбергом, который передал мне ключи от сейфа с двумя опечатанными сургучными печатями конвертами. В первом из них хранилось политическое завещание Гитлера, составленное им на случай внезапной смерти. Во втором — так называемый «Меморандум Фрича» — размышления об организации высшего военного управления, которые генерал отправил на имя фон Бломберга сразу же после завершения весенней командно—штабной игры и маневров 1937 г. Этот меморандум стал в свое время причиной острого столкновения между Фричем и Бломбергом и заявления последнего о немедленной отставке, если бы Фрич и дальше продолжал настаивать на ознакомлении с памятной запиской Адольфа Гитлера. Именно этот пресловутый документ вызвал их взаимное охлаждение друг к другу. Это все, что я «унаследовал» от рейхсминистра — никаких устных пояснений, служебной документации и пр.

Бломберг рассказал мне о предстоящем морском круизе. Перед отплытием он и его жена проведут несколько недель в Италии. Гитлер запретил ему появляться в рейхе раньше чем через год. Однако мы условились, что через несколько месяцев он напишет мне письмо, а я к тому времени попытаюсь добиться у Гитлера разрешения на проживание его новой семьи в скромном домике под Бад—Висзее. Бломберг еще раз напомнил мне, что как отец возьмет на себя половину расходов в связи со свадьбой Дорле и хотел бы, чтобы она состоялась как можно быстрее…

Я умышленно уделил столько внимания описанию нашей последней беседы с Бломбергом, чтобы положить конец беззастенчивым спекуляциям «правдолюбцев» вроде Гизевиуса и слухам, преднамеренно распространяемым в определенных партийных и генеральских кругах. Как известно, признано заведомо ложным утверждение о том, что гестапо приложило

руку к отставке фон Бломберга. Фрич пал жертвой гнусной интриги. Кто стоял за этим беззаконием, я до сих пор не знаю. Это могли быть Генрих Гиммлер или его «ангел мщения» — оберштурмбаннфюрер СС (оберстлейтенант) Рейнхард Гейдрих, шеф службы безопасности СС. Все прекрасно знали, что Фрич был одним из убежденных противников расширения СС в их стремлении занять главенствующее положение в военно—политической сфере после кровавой чистки СА.

С момента отставки фон Бломберга вплоть до 4 февраля — дня официального назначения на пост начальника штаба ОКВ — я даже не задумывался о том, какой данайский дар вручен мне от щедрот фюрера. В то время я даже приблизительно не мог представить, на что обрекаю себя по своей воле, а беспристрастный летописец Йодль внес соответствующую запись в свой дневник.

Достойна упоминания беседа Гитлера с представителями генералитета, состоявшаяся в Берлине накануне очередного заседания кабинета. Он тактично напомнил собравшимся о череде недоброй памяти событий, о вызванных ими потрясениях и осложнениях и о непростом решении возложить на себя практическое главнокомандование вооруженными силами. Услышав о создании ОКВ и моем назначении на должность начальника штаба, генерал фон Манштейн не преминул спросить:

«Не учреждается ли таким образом пост очередного начальника генерального штаба вермахта?»

Никогда не лезущий за словом в карман Гитлер молниеносно парировал:

«Вы правы, как всегда. В нужное время и в нужном месте мы непременно сделаем это…»

Все замечания и рассуждения по этому поводу хранятся у моего адвоката доктора Нельте в форме обстоятельного меморандума.

Я не был настолько неискушенным и наивным, чтобы опрометчиво полагать, будто мой путь будет устлан розами, наоборот, во мне рефреном звучало — «монашек, монашек, тебе предстоит трудный путь…». Я прекрасно осознавал, что мне предстоит брести по terra incognita. Единственным утешением была вера в то, что надежной опорой станет вверенное мне военно—политическое управление вермахта. Насколько бесплодной окажется эта командная инстанция (а сам я окажусь под диктаторской пятой Гитлера), не мог предположить тогда ни один человек. Для осуществления своих глобальных планов фюреру требовались исправный инструмент и исполнительные и послушные подмастерья — солдаты с развитым чувством долга и

ответственности. Легко критиковать тем, кто благополучно ушел с линии огня и не имел несчастья лицом к лицу столкнуться с этим исчадием преисподней…

Я не снимаю с себя вины, она жжет мою душу, ежесекундно напоминая о том, что я допустил решающую ошибку и пропустил тот момент, когда нужно было остановиться и сказать «нет». Во время войны, когда на карту было поставлено все, сделать это оказалось еще труднее. Тем не менее во мне живет непоколебимая уверенность в том, что, окажись на моем месте другой генерал — более способный, более самокритичный и более решительный, — вряд ли и ему удалось бы остановить сползание страны в бездну.

Почему этого не сделал фон Браухич? Почему генералитет, считавший меня бесталанным и способным только на поддакивание служакой, в свое время не потребовал моей отставки? Может быть, в тех условиях они просто не могли этого сделать? Не правда, могли, но ни один из них не захотел оказаться на моем месте, поскольку приблизительно представлял себе, чем все может закончиться.

При всей искренности и доверительности наших отношений для фон Браухича не составило бы ни малейшего труда дискредитировать меня перед Гитлером во имя высших интересов — маниакальная подозрительность фюрера была тому порукой. В свое время мне довелось услышать от фон Браухича, что еще в 1939 г. обсуждалась возможность моей замены государственным секретарем Эрхардом Мильхом. По не известным мне причинам эта перестановка в высшем оперативном руководстве так и не состоялась, но возникает вопрос: неужели армия не выражала бы недовольства, окажись он на моем месте? Генералам было удобно возложить всю ответственность на меня и с завидной регулярностью слать проклятия в мой адрес. Ни один из них так и не набрался смелости встать рядом со мной и поддержать в трудную минуту. Я сам трижды предлагал Гитлеру назначить Эриха фон Манштейна начальником штаба ОКВ — осенью 1939 г. перед началом военной кампании, в декабре 1941 г. после отставки фон Браухича и в сентябре 1942 г. после конфликта между мной и Йодлем. Гитлер преклонялся перед выдающимися полководческими способностями фон Манштейна, но так и не отважился приблизить его к себе. Теперь никто и никогда не узнает, помешали ли этому банальная леность ума фюрера или другие обстоятельства. Не знаю об этом и я.

Насколько опустошенным и несчастным чувствовал себя на этом посту я, не знает никто, разве только Йодль. Последнее слово подсудимого на Нюрнбергском процессе стало моей

исповедью — я был искренен, когда пытался объяснить свои поступки и устремления. Единственное, что мне остается теперь, — повторить вслед за классиком: «…Таков конечный вывод мудрости земной».[53]

Я бы пожелал себе (так было бы лучше и для членов моей семьи) приличествующей солдату смерти. Почему судьба обошла меня 20 июля 1944 г., в день покушения на фюрера?

Нюрнберг, сентябрь 1946 г.

В. Кейтель

Глава 2
Совершенно секретно

Документ 1. Стратегия вермахта/Директива 1937 г.

Рейхсминистр и главнокомандующий вермахтом
Л/1а 24.6.1937
По поводу директивы 1937/1938

«Прилагаемая директива «О единой подготовке вермахта к войне» вступает в силу с 1.7.1937. Одновременно отменяется действие директивы «О единой подготовке к возможной войне сухопутных войск, флота и авиации» с отправкой последней фельдъегерской связью до 10.7.1937 в отдел Л/1а

Просьба представить замечания и предложения по части 3 прилагаемой директивы до 1.9.1937».

Вернер фон Бломберг

Приложение

Директива
«О единой подготовке вермахта к войне» (действительна с 1.7.37 предположительно до 30.9.38)
Содержание
Часть 1. Общие директивные указания
Часть 2. Вероятный противник (оперативно—стратегическое развертывание)
Часть 3. Специальные мероприятия

Часть 1. Общие директивные указания

1. Общее политическое положение позволяет утверждать, что в настоящий момент не существует прямой угрозы нападения на Германию какой—либо из европейских стран. Нынешняя ситуация объясняется в первую очередь отсутствием агрессивных устремлений у большинства европейских народов и, прежде всего, у западных держав, а также недостаточной мобилизационной готовностью ряда стран, в особенности России.

Равным образом и Германия не заинтересована в развязывании европейской войны.

Тем не менее нестабильная общемировая политическая обстановка, чреватая вооруженными конфликтами и

неспровоцированными инцидентами, требует постоянной боеготовности немецких вооруженных сил:

а) чтобы отразить любое нападение;

б) быть в состоянии использовать в военных целях возникающие благоприятные политические возможности.

Эти обстоятельства следует учитывать при подготовке вермахта к возможной войне в мобилизационный период 1937/38 г. Все аспекты подготовки подлежат систематизации и подразделяются на:

а) подготовительные мероприятия общего характера;

б) разработку стран вероятного противника, планов оперативно—стратегического развертывания с подключением нижестоящих служебных инстанций;

в) спецмероприятия в форме изучения боевого опыта стран вероятного противника преимущественно на уровне главнокомандования (округа, армии).

2. Подготовительные мероприятия общего характера распространяются на следующий круг военно—политических проблем:

а) постоянная мобилизационная готовность вермахта до завершения полного перевооружения и приведения армии в состояние полной боеготовности;

б) дальнейшая разработка программы «Мобилизационных приготовлений без оповещения общественности» для нанесения внезапного удара по противнику;

в) дальнейшая обработка планов передислокации боеспособных полевых частей из Восточной Пруссии в рейх;

г) разработанные мероприятия на случай неожиданного вторжения на суверенную территорию рейха и при возникновении непосредственной угрозы вторжения.

В последнем случае организация вооруженного отпора агрессивным устремлениям противника производится без дополнительных указов, приказов и директив.

Кроме того, составные части вермахта уполномочивают главнокомандующих соответствующими категориями войск применять любые средства на свое усмотрение для защиты пограничных районов от посягательств противника, независимо от того, имеются ли к этому моменту необходимые законодательные предпосылки или нет.

(Дополнение к имперскому закону «Об обороне»)

Тем не менее категорически запрещается пересекать и перелетать государственную границу рейха, а также вторгаться на суверенную территорию сопредельного государства без моего специального приказа.

Непреднамеренное пересечение границы рейха либо пересечение ее пограничными патрулями, нарядами и отдельными лицами по халатности унтер—офицерского звена, а также перелет границы в результате ошибок навигационных систем без очевидных агрессивных намерений не может считаться актом нарушения государственной границы со всеми вытекающими последствиями.

3. Возможные варианты ведения боевых действий, подлежащие оперативной разработке:

— План «Рот»: война на два фронта с главным направлением удара на Западе.

— План «Грюн»: война на два фронта с главным направлением удара на юго—востоке (подробности ч. 2).

4. Проведение специальных мероприятий предусмотрено в случае:

— Особая операция «Отто»: вторжение в Австрию.

— Особая операция «Рихард»: военное вмешательство против Красной Испании.

— Особая операция «Грюн/Рот» (с дополнением): Англия, Польша и Литва выступают против нас (подробности ч. 3).

При разработке (анализе) спецмероприятий следует обратить особое внимание на следующие обстоятельства: в настоящий момент Германия может рассчитывать на одного или нескольких союзников при осуществлении некоторых особых планов, однако необходимо разработать варианты ведения войны, когда рейх будет вынужден сражаться в одиночку.

5. Директива основывается на принципах единой подготовки к войне и исходит из общей стратегии ведения боевых действий.

Соответствующие инстанции составных частей вермахта разрабатывают или дополняют планы оперативно—стратегического развертывания и наставления для боя на основе данной директивы, проводят необходимые консультации и согласования в целях координации действий и преодоления возможных противоречий — в случаях, не требующих моего вмешательства.

Директива о непосредственном ведении войны с постановкой задач и определением целей, зависящих от военно—политического и экономического положения, будет своевременно издана мной или фюрером как верховным главнокомандующим вооруженными силами рейха.

Фон Бломберг

Часть 2. Вероятный противник

(оперативно—стратегическое развертывание)

В основу разработки планов оперативно—стратегического развертывания вермахта на случай войны положены нижеследующие предпосылки, допущения, стратегические и тактические задачи.

План «Рот»

Война на два фронта с главным направлением удара на Западе

1. Предпосылки и допущения

Франция — главный противник на Западе. Бельгия выступает на стороне Франции, выступает позднее или вообще не принимает участия в военных действиях. Возможный вариант: Франция нарушает предполагаемый нейтралитет Бельгии и Люксембурга.

Следует исходить из того, что главная угроза на Востоке исходит от России и Чехословакии. Можно допустить, что на определенном этапе Польша и Литва будут соблюдать нейтралитет.

Можно рассчитывать, по меньшей мере, на благожелательный нейтралитет таких государств, как Австрия, Италия, Венгрия и Югославия. Реакция Великобритании непредсказуема.

Уместно предположить, что военные действия Франции против Германии развернутся следующим образом: французские армия и боевая авиация нанесут внезапный удар по рейху, возможна и частная операция французского флота. Чехия, предположительно, проявит сдержанность на начальном этапе, но возможен вариант, когда, уступая политическому давлению России, чешская армия, усиленная русскими ВВС, будет принуждена к активным боевым действиям против Германии. В этом случае с большой степенью вероятности можно предсказать участие в операции русского военно—морского флота.

2. Главная стратегическая задача вермахта будет заключаться в том, чтобы успеть развернуть основные силы против Франции, удерживая оборону на Востоке с минимальным развертыванием немецких вооруженных сил на этом направлении.

3. В рамках осуществления главного стратегического замысла перед вермахтом встают следующие оперативно—тактические задачи:

а) Сухопутные войска

Центр тяжести ведения сухопутной войны ложится на западное направление. Перед армией стоит задача связать главные силы противника оборонительными боями в пограничных районах и не дать ему прорвать оборонительные порядки на Рейне и в Шварцвальде. Главная задача — любой

ценой удерживать позиции на линии западный район Рейна — северный район Мозеля.

В случае соблюдения Бельгией нейтралитета первостепенное значение приобретает захват и удержание Айфеля в качестве главной операционной базы вермахта. Только фланкирующее положение немецких вооруженных сил создаст постоянную угрозу северному флангу французского фронта вторжения.

При организации активной обороны следует использовать любую возможность нанесения контрудара (навязывания частного боя) по французской армии.

Оборону восточных и южных рубежей рейха обеспечивают части пограничной охраны и прикрытия границы, а также дивизии ландвера.

Территория Восточной Пруссии подлежит безоговорочной обороне. В зависимости от политической ситуации требуется обеспечить переброску части (или основной части) боеспособных формирований морским путем.

б) Кригсмарине

в) Люфтваффе[54]

План «Грюн»

Война на два фронта с главным направлением удара на юго—востоке

1. Предпосылки и допущения

Предвосхищая крупномасштабное вторжение превосходящих сил антигерманской коалиции, вермахт наносит молниеносный превентивный удар по Чехии. Предполагается, что к этому моменту армия будет располагать должным политическим и международно—правовым обоснованием своих действий.

Имеются все основания предполагать, что Польша и Литва займут нейтральную или же выжидательную позицию. Можно рассчитывать на благожелательный нейтралитет Австрии, Италии и Югославии. В вооруженном конфликте с Чехией Венгрия раньше или позже выступит на немецкой стороне. Откровенно враждебные антигерманские действия предпримут Франция и Россия — русские задействуют на стороне чехов боевую авиацию и флот. Соблюдение нейтралитета Великобританией должно стать важнейшей предпосылкой успешной реализации плана «Грюн». При этом имперская дипломатия должна всеми средствами добиваться нейтралитета и других стран, способных представлять угрозу рейху в военном отношении.

2. Главная стратегическая задача вермахта будет заключаться

в том, чтобы завершить мобилизационные мероприятия и организовать передислокацию таким образом, чтобы обрушить на Чехию молниеносный удар небывалой мощи, развернув на западном направлении минимальные силы тылового прикрытия чешской наступательной операции.

Главные цели данной операции заключаются в том, чтобы в ходе разгрома вражеских вооруженных сил ввести оккупационные войска вермахта на территорию Богемии и Моравии, ликвидировать угрозу нанесения ударов с тыла, выключить Чехию из войны на все время западной кампании, одновременно лишив русские ВВС их главной операционной базы на территории Чехословакии.

3. Задачи составных частей вермахта

а) Сухопутные войска

В наступательной операции против Чехии задействуются главные силы сухопутных войск.

Начало активной фазы операции зависит как от успешного завершения организационных мероприятий на подготовительной стадии, так и от степени боеготовности немецкой армии, а одним из решающих факторов становится позиция правительства Польши. При разработке планов оперативно—стратегического развертывания сухопутных войск следует исходить из того, что на определенном этапе операции вермахту, возможно, придется вступить на территорию Австрии в ожидании политического решения проблемы партийно—государственным руководством рейха.

Важнейшей задачей подготовительного периода является разработка стратегической концепции наступательной операции против Чехии. При организации прорыва глубоко эшелонированных позиций чешской обороны необходимо задействовать полносоставные танковые соединения.

б) Люфтваффе

в) Кригсмарине

Часть 3. Специальные мероприятия

Верховное командование считает необходимым изучение возможности осуществления особых операций без привлечения к разработке планов оперативно—стратегического развертывания прочих инстанций.

Особая операция «Отто»

Вторжение в Австрию

Ввод войск в Австрию будет осуществлен в случае реализации

планов восстановления монархии и возвращения на трон престолонаследника эрцгерцога Отто фон Габсбурга.

Цель интервенции будет заключаться в том, чтобы силой оружия принудить австрийцев к отказу от идеи реставрации.

Воспользовавшись благоприятными для нас внутриполитическими осложнениями и раздробленностью общества, следует осуществить концентрический охват и выдвижение к австрийской столице, решительно подавляя возможные очаги сопротивления.

Для непосредственной поддержки наступающей армии будут приданы авиагруппы люфтваффе. Издание соответствующего приказа о боевом использовании авиации подлежит моей компетенции.

Фюрер и верховный главнокомандующий вермахтом примет решение о целесообразности использования вооруженных формирований партии наряду с регулярной армией.

При разработке особой операции «Отто» следует учитывать следующие варианты ведения боевых действий:

а) проведение частной операции без развертывания на других фронтах;

б) проведение операции в рамках плана «Рот». Не предусмотрено одновременное проведение операций по плану «Отто» и «Грюн». В случае благоприятного развития международной обстановки осуществление операции «Отто» будет перенесено на завершающую стадию выполнения плана «Грюн».

Подлежит анализу и вариант, когда план «Грюн» будет естественным продолжением особой операции «Отто».

Особая операция «Рихард»

Военное вмешательство против Красной Испании

Гражданская война в Испании чревата опасностью возникновения спровоцированных или случайных конфликтов между Германией и Красной Испанией, что может привести к обострению испано—германских отношений и закончиться объявлением войны правительствами обеих держав.

Верховное командование считает целесообразным участие в боевых действиях эскадр немецкого подводного флота. Участие армии и флота исчерпывается оказанием материально—технической и кадровой поддержки Белой Испании. Не исключено придание и подчинение главнокомандованию кригсмарине отдельных эскадрилий (возможно авиакрыльев) люфтваффе.

Особая операция «Грюн/Рот»

(с дополнением)

Обострение международной военно—политической ситуации, на основе которой были разработаны вводные для планов «Рот» и «Грюн», может привести к выступлению Англии, Польши и Литвы на стороне наших противников как раздельно, так и вместе. Это может привести к необратимым последствиям и усложнить наше положение до безнадежного. Политическое руководство предпринимает в связи с этим все необходимые шаги для того, чтобы добиться гарантии нейтралитета со стороны этих стран, прежде всего Англии и Польши.

Тем не менее следует уже сейчас рассмотреть возможные дополнения планов «Грюн/Рот» на случай политической неудачи руководства.

При разработке дополнений к планам оперативно—стратегического развертывания вермахта следует исходить из следующих предпосылок:

Англия

Англия в состоянии обратить против нас весь свой военно—промышленный потенциал и оказать существенную поддержку Франции силами военно—воздушного и военно—морского флотов. Не исключена попытка захвата Англией Бельгии или Голландии в качестве главной операционной базы своих вооруженных сил.

Польша

В настоящий политический момент выступление Польши против Германии на стороне России маловероятно. В случае начала военных действий на суше Польша будет действовать по привычной для нас схеме: оккупация Восточной Пруссии и попытка захвата Силезии в союзе с Чехией.

Польские ВВС совместно с сухопутными войсками и чешско—русской армией вторжения предпримут попытку занять Восточную Пруссию, в то время как русский флот перережет морские коммуникации Восточная Пруссия — рейх.

Литва

Литва может служить главной операционной базой русских ВВС. Ведение сухопутной войны против рейха возможно только в союзе с Польшей или после вступления русских сухопутных войск на территорию страны.

Командующий вермахтом

Л/1а/№ 94, документ командования 7.12.1937

Дополнение к директиве
«О единой подготовке вермахта к войне»

Директива от 24.6.37 вместе с настоящим дополнением действительна до 30.9.38 и является исходным документом для запланированной на 1.4.38 переработки оперативно—стратегических планов люфтваффе

1. Обострение международной обстановки может привести к объединению планов «Рот» и «Грюн».

2. Если в течение 1938 г. наше международное положение сколько—нибудь серьезно не ухудшится, оставляю за собой право пересмотра плана «Рот» (направление главного удара на Западе) после завершения мобилизационного периода сухопутной армии 1937/38 г. До этого времени должна быть завершена разработка плана «Рот» для люфтваффе.

3. В связи с указаниями фюрера и рейхсканцлера изменились политические цели плана «Грюн», а также расширился круг военных задач данной операции…

Документ 2. Меморандум Фрича

(Август, 1937)

«Об организации высшего военного управления и командования вермахтом во время войны»

Вопрос организации высшего военного управления выходит за узкие организационные рамки и приобретает особое звучание в связи с изданием директивы по оперативно—стратегическому развертыванию вермахта, поскольку, как и всякий документ такого рода, она является разработкой системы управления войсками во время войны. Полагаю, что 3,5–летний опыт на посту главнокомандующего сухопутными войсками дает мне все основания для открытого высказывания по этой проблеме.

1. Предварительное замечание

В настоящий момент поиском рационального решения проблемы организации высшего военного руководства занимаются все великие державы. До сих пор ни одной из них так и не удалось найти приемлемого решения. При всей несопоставимости подходов и критериев, заложенных в основу управленческой концепции каждой из вышеупомянутых стран, объединяющим моментом является взвешенное отношение к «вопросу вопросов» — ожидающей своего решения важнейшей проблеме.

Поскольку до сих пор так и не найдено универсального решения на все времена и применительно к любым обстоятельствам, каждое государство осознает истинность или

ложность выбора только в ходе проведения военных операций. В этой ситуации первостепенной задачей каждой высшей командной инстанции становится проверка правильности принятия решения, соответствия желаемого действительному. При этом приходится с удивлением констатировать, что практическая результативность научно обоснованных концепций, казавшихся неоспоримыми на умозрительном уровне, оказывается обратно пропорциональной тем усилиям, которые были затрачены на их разработку. Жизнь неизменно оказывается сложнее самой изощренной фантазии и не всегда поверяется логикой и благими намерениями.

2. К истории возникновения вопроса. Проблема верховного командования была абсолютно неизвестна армиям минувших веков. Пока во главе войска стоял полководец—король, который был в состоянии самостоятельно справиться с ратными делами, этот вопрос решался на личностном уровне. Например, когда суверен по каким—либо причинам не намеревался самолично вести в бой свои полки, ему достаточно было выбрать подходящего генерала из своей свиты. Последними удачными примерами сочетания монарших и полководческих обязанностей были Фридрих Великий и Наполеон. В остальных случаях, применительно к числу отгремевших войн, затруднительно назвать сколько—нибудь громкие имена.

Приблизительно с середины 19 века даже универсальный гений был бы не в состоянии успешно совмещать политическое руководство державой и военное руководство вооруженными силами. С этого времени вопрос главнокомандования в ходе военных действий стал исключительной прерогативой военно—политического руководства, в свою очередь, являясь составной частью более широкой проблемы организации руководства на государственно—политическом уровне.

Немецкая военная история нового времени знает только один удачный пример сочетания в одном лице выдающихся качеств государственника и полководца — прусский, образца 1866–1870 гг. Судьбе было угодно явить миру гениального государственного деятеля и выдающегося военачальника, строителя армии и создателя рейха, одновременно наделив его даром разделять политику и военное дело. Однако авторитарные монархии достопамятных времен канули в Лету. После войны на смену им пришли другие формы государственного правления.

Проблема организации высшего военного руководства не стояла так остро до тех пор, пока из рода войск люфтваффе не превратились в равноправную составную часть вермахта. Определенные сложности и противоречия в управлении

сухопутными войсками и боевым флотом, в связи с различными театрами военных действий вышеупомянутых составных частей вооруженных сил, не были до сих пор настолько угрожающими. Понимание того, что сегодня вопрос успешного ведения военных действий перестал быть сугубо организационной задачей командных структур, приводит нас к осознанию глобальной проблемы мобилизации духовных и экономических резервов немецкого народа, а вопрос организации военного руководства превращается в проблему «консолидации сил борющейся нации».

Само собой разумеется, что эта проблема переросла узкие личностные рамки и уже не может зависеть от выбора даже гениального полководца или его окружения. Она не может быть исчерпана и разделением полномочий между высшим военно—политическим управлением вермахта, сухопутными войсками, люфтваффе и кригсмарине. Только налаженное взаимодействие всех составляющих, объединение усилий неизбежно самостоятельных, но не самодостаточных частей вооруженных сил превратит вермахт в мощную и в высшей степени боеспособную организацию. Современное состояние военной мысли позволяет утверждать, что реализация полководческих талантов возможна только в рамках гибкого и высокоэффективного управленческого аппарата.

3. Немецкий путь

В Германии налицо попытка решения вопроса организации высшего военного управления следующим образом:

а) объединение трех составных частей вермахта под началом главнокомандующего вооруженными силами, одновременно выполняющего обязанности военного министра;

б) декларирование равнозначности и равноправия трех составных частей вермахта, повлекшее за собой дальнейшее обострение противоречий.

Эти противоречия не являются чем—то из ряда вон выходящим, пожалуй, в данном случае можно вести речь о характерных для армий всего мира тенденциях. Применительно к немецким вооруженным силам все эти разногласия и трения наиболее наглядно отразились в отношении к проведению командно—штабных игр, учебно—теоретическим программам и директивам по оперативно—стратегическому развертыванию, т. е. именно там, где в вопросах организации военного управления допущены вопиющие ошибки. Остановлюсь на анализе грубейших из их числа:

А) утверждение о том, что организация управления вермахтом основывается на принципах равнозначности и равноправия составных частей, является фикцией и

мистификацией;

Б) нынешняя организация высшей командной инстанции предполагает сосредоточение всей полноты командной власти в руках главнокомандующего вермахтом и военного министра с делегированием властным структурам тех полномочий, которые до сих пор были свойственны исключительно армии.

4. Пояснения к пункту 3/А

Равнозначность и равноправие трех составных частей вермахта, на которых построено современное руководство вооруженными силами, категорически неприемлемо в своей абсолютной форме. Это утверждение не означает недооценку какой—либо из составных частей, напротив, позволяет подчеркнуть, что каждая из них по—своему уникальна и неповторима для ведения военных действий в конкретных условиях. Однако каждая из великих держав и стран вероятного противника рейха, понимая, что невозможно быть сильным везде, придает решающее значение развитию одной из составных частей своих вооруженных сил.

Сила и мощь британской империи основываются на ее флоте, при этом сухопутная армия формируется в виде экспедиционного корпуса и частей прикрытия, играя, таким образом, вспомогательную роль в британских вооруженных силах. Главной задачей британских ВВС остается прикрытие операционных баз флота при ведении как оборонительных, так и наступательных операций. Англия немыслима без своего флота — на этом принципе построена организация высшего управления британской армии.

Франция — континентальная держава. Решающим фактором успешного ведения войны для нее является развитие собственных сухопутных сил и расчет на европейских восточных союзников. Судя по всему, в последнее время французские власти сделали правильные выводы из этого обстоятельства.

Итальянский флот можно без труда запереть в Средиземноморье, Альпы не оставляют итальянцам ни малейшего шанса в войне против Франции и Германии, поэтому единственной реальной возможностью успешного ведения войны на европейском театре военных действий могло бы стать для них количественное и качественное усиление военно—воздушных сил.

Германия исторически и геополитически возлагает особые надежды на сухопутные силы, которые всегда вносили и будут вносить решающий вклад в успех немецкого оружия. Важнейшими задачами флота были и остаются патрулирование трансатлантических коммуникаций, поддержка с моря и

прикрытие стратегической коммуникации рейх — Восточная Пруссия. Однако исход сражений с одной из континентальных держав никогда не будет решен в пользу Германии на морском театре военных действий — ни Францию, ни Россию, ни Польшу не поставишь на колени угрозой морской блокады и захвата портов.

В связи с военно—политической обстановкой в Европе и заключенными с Англией морскими соглашениями было бы преждевременным говорить об усилении флота в расчете на успешную антибританскую кампанию. Однако не следует упускать из виду, что только на этом направлении можно ожидать успеха от сдвоенного удара кригсмарине и люфтваффе. Германия не в состоянии выиграть войну против одной из континентальных держав без мощных военно—воздушных сил. Это утверждение верно ровно настолько, насколько очевидно и другое: люфтваффе не в состоянии выиграть сухопутную войну, особенно если речь идет о географически удаленных от рейха территориях.

Люфтваффе — дорогостоящий род войск, учитывая небогатые сырьевые возможности рейха. Поддержание их боеспособности ложится тяжелым бременем на военную промышленность Германии. В будущей войне на два и более фронтов дальнейшее развитие и переформирование военно—воздушных сил потребуют привлечения всех стратегических резервов рейха. Нам не удастся нанести поражение в воздухе ни одному из наших вероятных противников — Англия, Франция и Россия слишком сильны для этого и одновременно наименее уязвимы при нападении с воздуха. Даже Чехословакию мы сумеем победить только в ходе вооруженной интервенции, что не в состоянии сделать ни авиация, ни флот.

Как континентальная держава Германия получает шансы только в сухопутной войне. Если говорить о том, что главная цель нашей военной политики заключается в захвате территорий на Востоке и сдерживании противника на Западе, то люфтваффе и кригсмарине призваны усилить армию при осуществлении этой сложнейшей задачи, оставаясь, вне всякого сомнения, равноправной и самостоятельной составной частью вермахта.

На основании вышеизложенного и применительно к организации высшего военного управления следует говорить о примате сухопутных войск над составными частями вооруженных сил. Сухопутные войска — это пехота вермахта!

Главенствующее положение сухопутных войск в структуре вооруженных сил рейха нашло свое отражение и в статистических показателях: в настоящий момент на долю сухопутной армии приходится 8/10 личного состава вермахта, в то время как на две

оставшиеся составные части — 2/10.

Важнейшим дополнительным фактором особого положения сухопутных сил в структуре вермахта являются специфические особенности их стратегического развертывания: мобилизация сухопутных войск требует значительно больше времени, чем это необходимо в авиации или на флоте. Кроме этого, для нанесения удара армии необходимо выдвинуться на исходные позиции. В отличие от авиации и флота, для пехоты не столь важны стационарные операционные базы — она ведет военные действия на постоянно изменяющемся фронте. В условиях сухопутной войны любое перераспределение резервов (передислокация сил) — процесс кропотливый и длительный: армия не может прервать операцию на суше по своему усмотрению и сегодня воевать во Франции, а завтра наступать в Чехословакии.

Нисколько не умаляя важности и многогранности оперативной войны в воздухе и ее воздействия на общий ход военной кампании, следует признать, что действия и противодействия сторон давно определены и не могут представлять загадку для противоборствующих сил. Сухопутные войска находятся в совершенно ином положении: ежечасная смена диспозиции, ежедневное изменение условий, еженедельное обновление оперативной обстановки…

Создание любой командной инстанции без учета особого положения сухопутной армии и провозглашение абсолютного равноправия составных частей вермахта является злостным заблуждением. Нам ничего не даст высшее военное управление, построенное без провозглашения примата сухопутных войск над прочими составными частями вооруженных сил.

5. Пояснения к пункту 3/Б

Система высшего военного управления построена на предположении, что концентрация власти в руках верховного командования и военного министерства, а также создание центральной командной инстанции позволят эффективно управлять вооруженными силами в целом и каждой из составных частей вермахта по отдельности. Теоретически это возможно, если изначально вести речь о небольшом штабе оперативного руководства.

На практике все получается с точностью до наоборот! Целесообразность объединения должностей главнокомандующего и военного министра, равно как и беспрецедентная централизация вермахта представляются спорными хотя бы потому, что масштабы стоящих задач превышают реальные возможности данной командной инстанции.

Оказалось, что главнокомандующий вооруженными силами и

военный министр — един в двух лицах — несет ответственность:

а) за организацию высшего военного управления в военное время и осуществление собственно главнокомандования армией;

б) за консолидацию «борющейся нации», т. е. мобилизацию всех сил, средств и резервов общества, координацию действий всех министерств в интересах ведения военных действий согласно закону «Об обороне», обеспечение потребности армии в сырье, боеприпасах, вооружении и пр., то есть за исполнение обязанностей имперского министра обороны;

в) за осуществление контроля над исполнением распоряжений, т. е. за исполнение обязанностей военного министра.

Не нужно быть пророком, чтобы предсказать: пугающие объемы служебной деятельности и масштабность стоящих перед командной инстанцией задач раздавят своей тяжестью самого выдающегося начальника штаба рейхсуправления, будь он хоть железный и семи пядей во лбу! В самом деле, физически невозможно совмещать должность начальника генерального штаба вермахта, 1–го советника министра обороны, начальника военно—экономического штаба, начальника штаба военно—политического управления вермахта…

6. Устранение недостатков

В соответствии с двумя кардинальными ошибками, допущенными при организации системы высшего военного управления, видятся два пути устранения возникших недостатков.

6.1. Перераспределение полномочий

Категорически недопустимо совмещение трех вышеупомянутых функций в руках одного человека. Властные полномочия должны быть распределены между уже имеющимися и вновь учрежденными служебными инстанциями при военном министре и главнокомандующем вермахтом:

а) все мероприятия, подпадающие под действие имперского закона «Об обороне», должны остаться в компетенции военно—политического управления вермахта;

б) в свою очередь, командные функции, не свойственные военно—политическому управлению, должны быть делегированы другой командной инстанции (см. 7.2);

в) определить, исполнение каких функций военного министерства уместно оставить за собой высшей командной инстанции (и уместно ли это делать вообще!);

г) создание штабов главнокомандования составных частей вермахта и осуществление функций верховного командования в форме генеральных инспекторатов и инспекций родов войск;

д) сохранение командных инстанций оперативного руководства составными частями вермахта наряду с высшими командными инстанциями вооруженных сил.

Все вышесказанное остается в силе, однако еще проще и дешевле оставить организацию военного управления в том состоянии, в котором оно находится сегодня: составные части вермахта сохраняют за собой полную самостоятельность, вопросы комплектования и эрзац—резервов решаются с учетом распределения личного состава по составным частям вермахта (0,8 сухопутные войска, 0,2 люфтваффе и кригсмарине).

6.2. Организация управления и верховное командование в военное время

Примат сухопутной армии над составными частями вермахта без недооценки исключительной роли люфтваффе и кригсмарине — главный закон ведения современной войны, основывающийся на безоговорочном признании определяющей роли сухопутных войск в структуре вооруженных сил рейха. Признание этого непреложного факта должно лежать в основе организации управления и верховного командования вермахтом в военное время.

Что такое управление войсками, и в чем оно заключается?

Высшая командная инстанция определяет цели и ставит боевую задачу перед каждой из составных частей вермахта. Она обеспечивает вооруженные силы необходимым материалом, насколько это требуется для выполнения поставленных задач. Детали и частности входят в компетенцию рейхсминистра обороны.

Цели и задачи вооруженных сил определяются перед началом ведения боевых действий, причем для кригсмарине и люфтваффе они, как правило, остаются без изменений от начала и до конца войны — их дальнейшее углубление вытекает из генеральной линии военно—политического руководства. Флот обеспечивает морские коммуникации, авиация ликвидирует угрозу с воздуха. На весь период войны в сферу компетенции высшей управленческой инстанции входят выполнение особых задач и обеспечение особых операций: решение политических вопросов (подводная война) и задействование авиационных и флотских формирований в частных операциях (поддержка с моря, прикрытие с воздуха и т. д.).

Отношения между высшим военным управлением и главнокомандованием сухопутной армией лежат в несколько иной плоскости. Специфика проведения сухопутных операций не позволяет командовать армией из центрального командного пункта, удаленного от передовой на сотни километров. Не может

быть и речи о создании независимого от армейского главнокомандования штаба высшего оперативного руководства. Вновь учреждаемый генеральный штаб вермахта не в состоянии обеспечить реальное руководство вооруженными силами рейха, но может стать причиной серьезных противоречий и осложнений в будущем. Причем если после постановки генеральной задачи флоту, по большому счету, и приказывать—то больше нечего, а командование авиацией не несет в себе сколько—нибудь значимых проблем оперативного характера, то получается, что главным объектом деятельности генерального штаба вермахта становится сухопутная армия.

Руководство вермахтом и командование сухопутной армией не отделимы друг от друга. Зачем искусственно разъединять их учреждением промежуточной командной инстанции? Мне как главнокомандующему сухопутной армией представляются возможными два пути создания эффективного командного органа вооруженных сил рейха.

Первый, он же самый простой, путь — упразднить верховное командование сухопутной армией в целях восстановления единоначалия. Соблазнительная легкость решения проблемы таит в себе немало подвохов:

а) главнокомандующий вермахтом не сможет одновременно осуществлять командные функции и выполнять обязанности рейхсминистра обороны и будет вынужден или перепоручить исполнение своих непосредственных обязанностей главнокомандующего начальнику генштаба вермахта, или делегировать свои управленческие полномочия военному министру;

б) люфтваффе и кригсмарине окажутся в абсолютном подчинении у сухопутной армии — в этом нет ничего плохого для сухопутных сил, но это решение вызовет вполне предсказуемую реакцию верховного командования составных частей вермахта;

в) сухопутная армия лишится своего главнокомандующего, которого при всем желании не заменишь генеральным инспектором по подготовке кадров.

Второй, наиболее эффективный и многообещающий, путь заключается в придании верховному командованию сухопутной армии статуса консультативной и исполнительной инстанции при главнокомандующем вермахтом и делегировании вновь учрежденной командной инстанции полномочий генерального штаба вермахта. Необходимость такого шага вытекает из естественной задачи верховного командования сухопутных войск реализовать планы проведения сухопутных операций.

Для реального обеспечения единой подготовки вермахта к

войне и выработки единой стратегической линии предлагаю незамедлительно переподчинить отдел «Л», оперативную управленческую группу военно—политического управления вермахта, — генеральному штабу сухопутной армии. Речь идет о делегировании армии не свойственных организационному отделу оперативных функций — разработка директив стратегического развертывания, командно—штабные игры и т. п. Организационные мероприятия (проведение командирских чтений, учебные курсы и т. д.) подпадают под юрисдикцию рейхсминистра обороны и должны остаться в сфере компетенции военно—политического управления.

Управленческая группа «Л» войдет в состав (не сольется, а именно войдет!) генштаба сухопутной армии на правах оперативного рабочего штаба главнокомандующего вермахтом. Это приведет к тому, что, с одной стороны, управленческая группа «В» получит необходимые рычаги управления сухопутными силами с учетом специфики стратегического развертывания армии как «пехоты вермахта», а с другой стороны, генеральный штаб и оперативный отдел сухопутной армии получат возможность поддерживать постоянную связь с высшей инстанцией военного управления рейха.

7. Резюме

1. Вся полнота командной власти сосредотачивается в руках главнокомандующего вермахтом и военного министра.

2. Передача военному министру полномочий рейхсминистра обороны в части проведения мероприятий, связанных с «организацией борющейся нации»: перевод экономики и всех сфер общественной жизни на военные рельсы, распределение и утилизация ресурсов и т. п.

3. Ограничение сферы компетенции высшего военного управления кругом военно—политических проблем: инспектирование эрзац—резервов, организация единой подготовки личного состава, социальное обеспечение военнослужащих и пр.

4. Обеспечение наивысшей эффективности высшего военного управления вооруженными силами Германии и верховного командования путем наделения главнокомандования сухопутных сил полномочиями на разработку оперативно—стратегических планов ведения военных действий.

Барон фон Фрич

Документ 3. НАЧАЛЬНИК ИМПЕРСКОГО ГЕНШТАБА ИЛИ ОКВ?

Сов. секретно
ОКВ Берлин, 22 марта 1938
По поводу памятной записки главкома сухопутных сил
Отпечатано 5 экз.
«Об организации высшего командования»[55] Экз. № 4
Документ командования
Точка зрения сухопутной армии
1. Три довода сухопутной армии
а) В военное время представляется нецелесообразным сосредоточение в одних руках верховного командования и полномочий в части проведения комплекса оборонных мер.
б) При полной равнозначности каждой из составных частей вооруженных сил в большинстве европейских стран решающую роль играет только одна из них. В Германии главенствующее положение занимает сухопутная армия. Организация высшего командного управления этой составной частью вермахта неразрывно связана со стратегией ведения войны.
в) Главнокомандующий тремя составными частями вермахта не в состоянии реально руководить вооруженными силами рейха, тем более что между ним и войсками стоит центральная командная инстанция.
Точка зрения ОКВ
1. Взгляд ОКВ на доводы сухопутной армии
а) Организация обороны рейха всецело зависит от организации высшего военного управления и верховного командования войсками.
Верховное командование неотделимо от организации и проведения оборонительных мероприятий, являющихся главными источниками материальных и прочих резервов, поэтому «главнокомандование вермахтом» и «организация обороны» должны быть объединены в одну инстанцию.
б) Утверждение о «главенствующей роли» сухопутной армии в структуре вермахта в основном верно и не подлежит сомнению.
Очевидно, что в случае войны со странами, не имеющими с Германией общих сухопутных границ (Англия, Россия), главная нагрузка ляжет на кригсмарине и люфтваффе. Уместно предположить, что для будущей войны будет характерно перенесение центра тяжести с одной составной части вермахта на другую. Например, авиация будет использоваться при прорыве глубокоэшелонированной обороны укрепрайонов и для поддержки с воздуха при преодолении сухопутными частями укрепленных полос местности на отдельных участках фронта.
В связи с вышеизложенным ни одна из составных частей вермахта не может единолично разрабатывать стратегию ведения

военных действий.

Уместно напомнить, что в ходе последней войны вооруженными силами англичан командовали не военный министр и главнокомандующий сухопутной армией маршал Хэйг, а военный министр вместе с генеральным штабом и своим собственным штабом оперативного руководства.

в) Согласно германским традициям ведения военных действий командование вооруженными силами осуществляет главнокомандующий, а не его штаб или командные инстанции. Однако до сих пор ни одному полководцу не удавалось командовать войсками без подотчетного ему штаба. Тем не менее наметившаяся в последние годы тенденция немотивированного преувеличения роли генерального штаба противоречит всем воинским канонам и принципам военного руководства.

Доводы сухопутной армии в опровержение пункта «а»

1. Наделение ответственного лица всей полнотой командной власти целесообразно. Придание властных полномочий командной структуре неосуществимо на практике, поскольку неизбежно заставит персонал и начальника тратить большую часть служебного времени на разрешение текущих проблем.

2. Совмещение должностей военачальника (главнокомандующего вермахтом) и министерского чиновника (министра обороны) в принципе невозможно — ответственное лицо либо утонет в повседневной рутине, либо окажется в абсолютной зависимости от аппарата.

Взгляд ОКВ на доводы сухопутной армии

По пункту 1. В случае признания целесообразности наделения ответственного лица всей полнотой командной власти необходимо формирование штаба — в противном случае речь пойдет о «теневом управлении».

По пункту 2. Если начальник «утонул» в мелочах, значит, он плохо организовал работу вверенной ему инстанции. Знание частностей вовсе не обязательно. Главнокомандование сухопутной армии также не вникает в повседневные заботы корпусов и дивизий.

Доводы армии в опровержение пункта «б»

1. Руководство армией не укладывается в параграфы и наставления. После длительного мобилизационного периода армии необходимо время на передислокацию. Сухопутная армия не настолько мобильна, чтобы воевать сегодня на одном фронте, а завтра — на другом, в то время как люфтваффе работают по перемещающимся целям и на разных направлениях. Ритм ведения войны сверяется по сухопутным силам.

2. Флот мало зависим от стратегии сухопутной войны и

действует относительно самостоятельно на собственном театре военных действий.

3. Благодаря мобильности и возможности быстрого перебазирования люфтваффе не испытывают затруднений, присущих сухопутным силам. Единственным предусловием успешного боевого использования люфтваффе является обеспечение их операционной базы.

4. Сосуществование верховного главнокомандования и главнокомандования сухопутной армии невозможно. Негативный опыт прошлых войн — наглядное тому подтверждение.

Взгляд ОКВ на доводы сухопутной армии.

По пункту 1. Об этом прекрасно известно главнокомандующему вермахтом и его штабу, в основном состоящему из офицеров генштаба сухопутной армии. Ритм войны задается не только темпами передвижения сухопутной армии, но в значительно большей степени совокупностью политических и экономических факторов, учет и анализ которых является одной из важнейших задач высшего военного руководства.

По пункту 2. Речь идет не об относительной свободе маневра кригсмарине, а об общей стратегии войны на море, которая настолько же увязана с действиями военно—морских сил, насколько операции флота зависят от развития событий на сухопутном театре военных действий.

По пункту 3. Утверждение о том, что единственным условием успешного ведения войны в воздухе является обеспечение операционной базы люфтваффе — злостное заблуждение. Сложный комплекс боевого взаимодействия люфтваффе с армией и флотом может находиться только в компетенции главнокомандующего, стоящего над тремя составными частями вермахта, и его штаба, укомплектованного представителями трех составных частей вооруженных сил.

По пункту 4. «Сосуществование верховного главнокомандования и главнокомандования сухопутной армии» возможно в той же мере, в какой «сосуществуют» главнокомандование сухопутной армии и командование корпуса.

Доводы армии в опровержение пункта «в»

1. ОКВ выступает как промежуточная инстанция между верховным главнокомандующим и главнокомандующими составными частями вермахта, обрекая последних на второстепенные роли.

2. Ответственность главнокомандующих составными частями вермахта настолько высока, что они должны быть подотчетны только верховному главнокомандующему.

3. Выполнение верховным главнокомандующим вермахтом министерских и организационно—управленческих обязанностей влечет за собой увеличение объемов административно—хозяйственных задач, спускаемых по инстанции, и превращает главнокомандующих составных частей вермахта в генерал—инспекторов соответствующих родов войск, мешая выполнению основных командных обязанностей.

4. Административно—хозяйственный вал захлестнет штабы низовых командных инстанций и приведет к неизбежному раздуванию штатов и дублированию командных структур, как это произошло с ОКВ.

Взгляд ОКВ на доводы сухопутной армии.

По пункту 1. ОКВ — не «промежуточная инстанция», а рабочая структура главнокомандующего вермахтом, призванная обеспечить принцип единоначалия в вооруженных силах. Не штабы, а главнокомандующий ведет армию в бой. Не только на штабы, но, в первую очередь, на подчиненных командиров опирается главнокомандующий при исполнении своих повседневных служебных обязанностей.

По пункту 2. Никто не посягал и не собирается посягать на неотъемлемое право и обязанность главнокомандующих составными частями вермахта нести ответственность за вверенные им участки фронта. Они были и всегда останутся первыми военными советниками своего верховного главнокомандующего.

По пункту 3. Министерские полномочия требуются ОКВ, в первую очередь, для реализации закона о всеобщей воинской повинности и обеспечения программы «борющейся нации». Точно в такой же мере, в какой требуются они, например, рейхсминистерству воздушного флота, обеспечивающему не только безопасность воздушных границ рейха, но и реализующему программу пассажирских перевозок.

Опасения о «превращении главнокомандующих составными частями вермахта в генерал—инспекторов соответствующих родов войск» абсолютно беспочвенны и не могут иметь ничего общего с реальной действительностью, более того, такое положение дел противоречило бы интересам верховного главнокомандования и его штаба.

По пункту 4. До сих пор в практике ОКВ, как и ранее в военно—политическом управлении вермахта, ничего похожего на «административно—хозяйственный вал» не наблюдалось. С кругом организационно—управленческих задач легко справлялся относительно малочисленный штаб.

Только за счет того, что ОКВ стало отвечать за обеспечение и

реализацию программы «борющейся нации», удалось избежать «дублирования структур и раздувания штатов».

2. Три довода сухопутной армии о путях устранения недостатков

а) Локализация задач, разделение полномочий в военное время и учреждение должностей начальника генерального штаба и военного секретаря, ответственного за выполнение программы «борющейся нации»;

б) Создание единой командной инстанции — рабочего штаба оперативного руководства — путем объединения высших управленческих структур вермахта и главнокомандования сухопутной армии на весь период войны;

в) Непосредственное подчинение и подотчетность главнокомандующих составными частями вермахта верховному главнокомандующему вермахтом.

Взгляд ОКВ на доводы сухопутной армии

По пункту «а». «Локализация задач» означала бы откат на печальной памяти позиции довоенного времени — период острейшего конфликта между военным министерством и генеральным штабом. Положение было откровенно невыносимым уже в годы мировой войны. Можно только предполагать, к каким катастрофическим последствиям привела бы эта двойственность в грядущей войне — войне всего народа, всей нации и всей системы государственной экономики.

По пункту «б». Решающим фактором современной войны станет не объединение командных структур, а единая стратегическая концепция ведения боевых действий на суше, на море, в воздухе, в экономике и в идеологии. Разработку и реализацию концептуальных планов ведения военных действий в современных условиях может обеспечить только верховный главнокомандующий, стоящий над тремя составными частями вермахта, и его рабочий штаб.

в) В немецкой армии всегда соблюдали субординацию — никто не собирается отменять ее и впредь. Главнокомандующие составными частями вермахта подотчетны только верховному главнокомандующему вооруженными силами рейха.

Документ 4. Документ Л–211

Сов. секретно Берлин, 19 апреля 1938
Начальник Л–211 штаба ОКВ Отпечатано 3 экз.
№ 647/38, документ командования. Экз. № 3
Ведение войны как организационная проблема

Точка зрения ОКВ по поводу докладной записки главкома сухопутных войск

«Об организации высшего командования»

(№ 93/98 от 7.3.38)

Содержание:

А. Организационные принципы подготовки к войне

Б. Организация высшего командования

В. Высшее командование ведущих военных держав

Дополнение: Война будущего

А

Организационные принципы подготовки к войне

Приложение 1

а) Гарантом политического руководства и мобилизации нации выступает фюрер и рейхсканцлер немецкого народа;

б) Согласно указаниям фюрера и рейхсканцлера вся полнота ответственности за реализацию стратегических концепций ведения войны и программы «борющейся нации», перевод экономики и пропаганды на военные рельсы возлагается на генералиссимуса (верховного главнокомандующего) вермахта;

в) За организацию фронта идеологической борьбы всю полноту ответственности несет рейхсминистр народного просвещения и пропаганды;

г) Генеральный уполномоченный военного хозяйства отвечает за реализацию военно—экономической программы.

Допущение о возможности разделения полномочий главнокомандующего и организатора пропаганды и перевода экономики на военные рельсы — комплекса мероприятий по программе «борющейся нации» — противоречит здравому смыслу и основополагающим принципам тотальной войны. Напротив, в современной войне потребуется не только сосредоточение властных полномочий в руках генералиссимуса или «теневого главкома», например, кайзера во время последней мировой войны, но и формирование штаба верховного главнокомандования.

Приложение 2

Стратегические решения, принимаемые главнокомандующим армией, зависят не только от адекватной оценки военного положения противоборствующих сторон, но и от учета множества факторов. Очевидно, что концепция войны будущего не будет основываться только на сугубо военной стратегии.

Полководец обязан:

— Верно оценить военно—стратегическое положение на суше, на море и в воздухе, постоянно контактируя с командующими составными частями вермахта

— Используя благоприятные военно—политические возможности, разделять противников и приобретать союзников

— Уметь увязывать стратегию военных действий с принципами военного и международного права

— Учитывать внутриполитическое положение стран вероятного противника и своего собственного государства (в первую очередь экономических и оборонных институтов) и уметь рассчитать возможное воздействие тех или иных военных операций на его улучшение или ухудшение

— Обеспечить своевременное поступление и анализ разведывательных данных в едином аналитическом центре

— Обеспечить контроль над распределением материально—технических средств и сырьевых ресурсов согласно стратегическому замыслу

— Организовать систему ПВО для защиты воздушных рубежей и ликвидации угрозы воздушного нападения, в первую очередь для защиты промышленно—стратегических объектов

— Разработать единый план ведения военных действий с использованием всех пропагандистских и экономических резервов, а при наличии союзников добиваться безоговорочного единства стратегии союзнических сторон.

Суть концепции организации военных действий по единому плану заключается в решении всех вышеперечисленных задач главнокомандующим и подотчетным ему штабом. Любая попытка расчленить стратегическое руководство на главнокомандование (начальник генштаба) и политико—экономический штаб (военный секретарь) приведет к неизбежному противостоянию довоенного времени «генштаб — военное министерство».

Еще в годы мировой войны генерал Эрих Людендорф первым из военачальников высокого ранга осознал необходимость единоначалия при решении экономических, политических, мобилизационных и военно—стратегических задач. Как известно, ни до войны, ни во время войны попытка организационного объединения фронта и тыла под началом единого верховного командования не удалась, что и повлекло за собой неизбежное поражение.

Подчинение главнокомандования сухопутными войсками верховному главнокомандованию вооруженными силами Германии не только возможно, но и необходимо, как необходимо оперативное подчинение командующих фронтами и группами

армий главнокомандующему сухопутными войсками.

Не выдерживает никакой критики и утверждение о том, что главком сухопутных войск «не может воевать по чужим планам». Видимо, в этом случае необходимо напомнить о том, что долг каждого солдата заключается именно в выполнении военно—политических планов главы государства. Общие тенденции развития военной науки позволяют утверждать, что, как в ходе войн минувших лет, так и в будущем, каждый главнокомандующий сухопутной армией пользовался и будет пользоваться достаточной степенью свободы оперативных действий. Однако в будущей войне это станет возможным только в рамках реализации единой стратегической концепции фюрера и рейхсканцлера немецкого народа.

Б

Организация высшего командования

До тех пор, пока флот не представлял собой сколько—нибудь значительную силу, а боевая авиация как род войск не существовала вообще, было вполне естественным, что начальник генерального штаба и вверенная ему инстанция занимались вопросами оперативно—стратегического руководства военными действиями.

Однако уже в ходе последней войны выяснилось, что морской генеральный штаб не считает необходимым координировать свои действия с генштабом сухопутной армии и подчиняется непосредственно кайзеру. При отсутствии единого стратегического руководства война разделилась на изолированные друг от друга боевые действия на морском и сухопутном театрах. Вопиющее противоречие не было настолько наглядным благодаря географическому положению Германии, не требовавшему жестко обусловленного взаимодействия армии и флота, однако свою негативную роль сыграло. Совершенно иное положение сложилось после формирования люфтваффе как самостоятельного рода войск.

Теперь требование жестко увязать взаимодействие армии и люфтваффе стало необходимым именно из—за географического положения Германии. Сухопутная армия как важнейшая и сильнейшая составная часть вермахта предприняла попытки подчинить авиацию себе. Никто не собирается отрицать, что исторически победы и поражения немецкого оружия были связаны с успехами и неудачами сухопутной армии. Очевидно и другое: в случае войны с государствами, не имеющими с

Германией общих сухопутных границ, центр тяжести неизбежно переместится на кригсмарине и люфтваффе. В любом случае, решающего превосходства в современной войне можно добиться только на пути координации действий трех составных частей вооруженных сил. Кроме того, как было сказано об этом в части «А», стратегия войны и стратегия тыла неразрывно связаны друг с другом.

В состоянии ли начальник генерального штаба сухопутных войск возглавить систему высшего военного управления и обеспечить выполнение программы «борющейся нации» наряду с мобилизацией, вооружением, оснащением, снабжением и непосредственным ведением боевых действий? При всей вере в здравый смысл, объективность и профессионализм военного руководства, настолько ли неуместно предположить, что при распределении материально—технических средств, кадровых и прочих резервов главнокомандующий сухопутными войсками не сумеет отказаться от соблазна усиления своей составной части за счет других?

Подчинение кригсмарине и люфтваффе главнокомандующему сухопутными войсками отодвинуло бы их на вторые роли и поставило в заведомо неравноправное положение. В сентябре 1914 г. на Марне мы уже пожертвовали одной армией ради оперативных интересов другой. Нужно ли повторять печальный опыт прошлых лет, только в куда больших масштабах?

Общее руководство вооруженными силами на суше, на море и в воздухе осуществляет фюрер и рейхсканцлер. «Война — это инструмент политики, — говорил Клаузевиц, — политики принуждения, мерящей своей мерой. В своих главных проявлениях война — это политика чистой воды, сменившая перо на меч. Однако это нисколько не мешает ей развиваться по своим собственным законам».

Решение о непосредственном подчинении ОКВ фюреру и рейхсканцлеру как в мирное, так и в военное время, принятое 4.2.1938, в полной мере отвечает краеугольному принципу ведения военных действий. Своевременное решение, вызвавшее положительный отклик в обществе и офицерском корпусе. Выбор нации, к которому с должным уважением должны относиться и составные части вооруженных сил — плоть от плоти немецкого народа.

На мой взгляд, такая организация высшего военного управления и верховного командования представляет собой наиболее логичное проявление глубинной сути нашего строя, основанного на беспрекословном подчинении высшей

государственной власти.

Всякий прогресс и движение общества вперед требуют жертв. Возникновение единого рейха не было бы возможным без отказа от суверенитета составляющих его земель. Создание единого вермахта невозможно без того, чтобы армия, авиация и флот не почувствовали себя составными частями единого и неделимого целого.

Принесенные в годину испытаний жертвы обернутся плодами великих побед…

В

Высшее командование ведущих военных держав

Ни одна из великих военных держав не оставила без внимания проблему организации верховного главнокомандования и высшего военного управления…

Франция

В 1936 г. был учрежден пост министра национальной обороны, в обязанности которого вменялись обеспечение пропорционального развития родов войск, разработка и реализация планов перевооружения и переоснащения, мобилизация и проблемы боевого использования составных частей вооруженных сил.

В 1938 г. произошло дальнейшее расширение круга служебных полномочий министра национальной обороны Франции:

— обеспечение безусловной равнозначности составных частей вооруженных сил при разработке военных операций оборонительно—наступательного характера;

— контроль над исполнением распоряжений министерства национальной обороны, скрепление второй подписью документов о назначениях начальников генштабов трех составных частей армии и членов высших советов армии, флота и авиации;

— один из трех начальников генштабов был назначен начальником генерального штаба вооруженных сил Франции:

— один из генералов был назначен начальником бюджетно—финансового управления военно—экономического штаба, а его заместителями стали начальники генштабов армии, флота и авиации. По донесениям оберстлейтенанта фон Хорна, военного атташе в Париже, предусмотрено создание Академии генштаба для подготовки офицеров генерального штаба трех составных частей вооруженных сил. О том, какое значение придают французы своевременному решению данной проблемы,

свидетельствуют публикации маршала Анри Филиппа Петэна, спасителя Франции в дни кризиса 1917 г. Хочу привести цитату из его последнего труда:

«…Окончательная победа достанется тому, кто одержит ее на суше, на море и в воздухе. Широкие возможности боевого использования авиации в трех стихиях ставят ее в совершенно особое положение среди составных частей вооруженных сил. Оперативность, мобильность и высокая действенность боевой авиации поднимают вопрос об организации рационального управления и командовании этим родом войск. В настоящий момент эту проблему уже не в состоянии решить в одиночку ни главком флота, ни главком армии, ни главком авиации…»

Италия

В мирное время общее руководство вооруженными силами осуществляет независимый начальник генерального штаба с относительно небольшим рабочим аппаратом. Одновременно он выполняет обязанности 1–го военного советника главы правительства по вопросам организации обороны, осуществляет контроль над взаимодействием составных частей вооруженных сил, представляет на утверждение дуче планы стратегического развертывания (командно—штабных игр, маневров и т. д.).

В военное время номинальным главнокомандующим итальянских вооруженных сил считается король. Фактически эти обязанности исполняет дуче.

Россия

В мирное время общее управление и руководство войсками осуществляет единый главнокомандующий вооруженными силами в лице народного комиссара обороны. На период войны предусмотрена должность начальника генерального штаба вооруженных сил.

В порядке заключения можно сказать: Германия стала первопроходцем на пути создания современной системы высшего военного управления и верховного командования. Так называемые «парламентарно—демократические государства», прежде резко выступавшие против необходимости жесткой централизации системы военного управления, убедились в необходимости данного шага и движутся в одном с нами направлении. Неужели и на этот раз, который уже по счету в истории, Германия укажет Европе путь к усовершенствованию системы управления и командования войсками, а сама останется ослабленной из—за противодействия генералитета?

Дополнение

Война будущего

Война в ее абсолютной форме — путь силового разрешения разногласий между двумя и более государствами всеми доступными средствами.

Несмотря на неоднократно предпринимаемые попытки поставить ее вне закона, мировому сообществу иной раз удается локализовать эскалацию конфликта, однако оно не в силах отменить один из основополагающих законов природы: в некоторых случаях война была и остается единственным средством нации сохранить себя как единое целое и обеспечить историческое будущее своим потомкам.

Высокая нравственная целесообразность накладывает на войну тот особый отпечаток, который является этическим обоснованием права нации на защиту себя самой с оружием в руках. В известных ситуациях война перерастает рамки чисто военного противостояния или даже политического акта, а становится вынужденным средством защиты экономических завоеваний.

Цена побед и поражений неизмеримо возросла: отныне в конце проигранной войны нацию ожидают не только экономическое разорение и политическая зависимость, но тотальное уничтожение института государственной власти и исчезновение с лица земли побежденного народа. Таким образом, война будущего становится войной за право нации на государственность и борьбой каждого за право на жизнь.

Чтобы не потерять все вместе со своей жизнью, каждый из нас должен отдать все во имя этой жизни. Такой подтекст приобретает государственный закон о всеобщей воинской повинности, превращаясь в безусловное нравственное веление готовиться к неизбежной войне. Этот категорический императив требует от каждого из нас на все время войны забыть о личном во имя общественного под девизом:

«Все для победы!»

Определяющими законами общества становятся законы военного времени и их высшее проявление — организация управления и командования. Эти законы стары, как мир, меняются только формы и методы их реализации. Так, формирование люфтваффе как самостоятельного рода войск и их последующее включение в вермахт в качестве равнозначной составной части значительно расширило наше представление о театрах военных действий. Боевое использование люфтваффе позволяет подвергать массированным ударам с воздуха не только пограничные районы вражеского государства, как это было в войнах минувших лет, но и практически всю территорию противника. Перестают играть сколько—нибудь решающую роль

наличие или отсутствие совместных сухопутных границ.

Современная война ведется всеми доступными средствами — не только на поле боя, но и в области идеологии и экономики. Она направлена против вооруженных сил противника, материальных и сырьевых источников, против того, что принято называть «духовным богатством нации». Лейтмотивом новой войны станут слова:

«Цель оправдывает средства».

Но все же главной задачей в войнах прошлого и настоящего было и остается физическое уничтожение вооруженных сил противника. Если враг потеряет армию, рухнет и вся его военная машина.

В будущей войне судьба Германии будет решаться на сухопутном театре военных действий. Однако победу или поражение армии во многом предопределят успех или неудача на море и в воздухе. Серьезный вклад призваны внести и вновь сформированные пропагандистские войска. Как всегда, война — это состязание экономических потенциалов противоборствующих сторон. Подрывная деятельность в тылу вражеских войск и деморализация армии способны принести победу в войнах с противником, чей государственный строй не представляет собой закрытую политическую систему, а экономика ориентирована на широкомасштабные зарубежные связи.

С течением времени меняются формы и методы подготовки к войне и начального этапа военных действий: официальное объявление войны больше не является обязательным условием открытия военной кампании. Решающим условием победы становится внезапность нападения, в связи с чем возникает настоятельная необходимость проведения частных диверсионных операций до завершения всеобщей мобилизации или стратегического развертывания войск. Соблюдение (или несоблюдение) норм международного военного права будет поставлено в зависимость от того, приносит ли оно преимущества в ходе войны или нет, но, так или иначе, вопросы военно—юридического характера станут объектами рассмотрения комиссий нейтральных государств, как в мирное, так и в военное время.

Только единство и сплоченность государства, вермахта и нации обеспечат победу в будущей войне, в этом состоит важнейшая и ответственнейшая задача государственного и политического руководства. Немецкому народу предстоит во многом отказать себе и пойти на большие жертвы, чтобы его вооруженные силы вновь стали боеспособными и могли

справиться с любым врагом. Вермахт — плоть от плоти немецкого народа. Нация — живительный источник материальных и духовных сил немецкой армии. Неразрывное триединство — народ, родина, армия.[56]

Документ 5. Кейтель — солдат и политик

(Памятная записка доктору Нельте)

«Начальник штаба ОКВ»

…Первые обвинения в адрес солдата прозвучали на родине в дни наметившегося на всех фронтах поражения. Теперь юридическая машина союзников пытается определить степень его вины, роль и место в развернувшейся на европейской арене ожесточенной политической борьбе сильных мира сего, руководствуясь известным изречением Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики иными средствами». Когда на завершающем этапе 1–й мировой войны генерал Людендорф вопреки своей воле оказался втянут в большую политику, то прекрасно осознавал всю роковую противоестественность данного шага для солдата, свидетельством чего стали пространные рассуждения на этот счет в опубликованных после войны «Воспоминаниях». Политическая деятельность по сути своей противоречит предназначению профессионального солдата, ведет к политизации вооруженных сил и возникновению чуждого армии явления — «политического генералитета». Одной из важнейших задач своих мемуаров Людендорф считал предостережение будущих поколений солдат немецкой армии от повторения ошибок прошлого.

Возникает естественный вопрос: как же развивались события с 1920 по 1933 г.? Не вдаваясь в подробности, можно с уверенностью констатировать: не говоря о чисто политических руководителях рейхсвера — министрах Носке, Геслере и Гренере, прототипами будущих «политических генералов» вермахта стали генералы фон Сект и фон Шлейхер. Справедливости ради нужно заметить, что фон Сект, занимавшийся вопросами внешней политики, и фон Шлейхер — внутренней, делали это не ради собственного удовольствия, а во исполнение непосредственных служебных обязанностей.

Что же произошло после прихода к власти Адольфа Гитлера в 1933 г.? Военный министр вошел в состав правительственного кабинета с правом решающего голоса. В номенклатурной иерархии его должность считалась третьей после рейхсканцлера и министра иностранных дел. Военный министр превратился в

фигуру большой политики, оказывавшую решающее воздействие на выработку внешнеполитического курса рейха. После отставки фон Бломберга в январе 1938 г. Гитлер не счел нужным не только вводить в состав правительства ответственного за вооруженные силы военного министра, но и вообще упразднил этот пост. На этом политическое представительство вермахта в высших эшелонах государственной власти было исчерпано. Правда, роль теневого представителя вооруженных сил играл рейхсминистр воздушного флота Герман Геринг.

Как доверенное лицо фюрера «политический генерал» Геринг неоднократно выезжал в Польшу, Италию, Испанию, Швецию и т. д. с секретными поручениями политического характера.

Главнокомандующие сухопутной армией и военно—морским флотом держались подчеркнуто аполитично и ограничивали свое неизбежное участие в имперской политике анализом внешнеполитической обстановки и соответствующими изменениями стратегических концепций вверенных им составных частей вермахта.

Тем временем определенные армейские круги вели ожесточенную борьбу за воссоздание «большого генерального штаба» и приобретение полного контроля над вооруженными силами. Генералитет стремился ворваться в большую политику хотя бы с черного хода и вновь принимать косвенное участие в формировании внешнеполитических концепций рейха. В свое время фон Бломберг не раз упрекал генералов в их стремлении к «излишней политизации армии вопреки стратегической целесообразности».

В 1938 г. армия вступила в период военно—политических операций, безостановочно сменявших одна другую. С тех пор как Гитлер возложил на себя обязанности военного министра и перестала существовать подотчетная правительству инстанция вермахта, в круг моих обязанностей стали входить вопросы организационно—управленческого характера. Я действовал в строгих рамках приказов и «директив» фюрера без права на принятие самостоятельного решения. Я отвечал за вверенный мне участок работы и реализацию одобренных Гитлером мероприятий. Естественно, я не имел права без соответствующего приказа сноситься с главнокомандующими составных частей вермахта или «вторгаться» в епархию гражданских министерств. Фюрер категорически пресекал несанкционированную инициативу подчиненных и запрещал проявлять «излишнюю самостоятельность» без обстоятельных консультаций по существу вопроса.

В ответ на мои первоначальные попытки взять бразды

правления в свои руки фюрер недвусмысленно порекомендовал мне «вести себя сдержаннее». Все окружающие его имели только одно право — право на беспрекословное выполнение приказов…

Я крайне болезненно воспринимал целенаправленное ограничение служебных полномочий начальника штаба ОКВ и расценивал сложившееся положение вещей как очередное проявление диктаторских замашек фюрера, мешающее эффективной работе командной инстанции. Тем не менее я считался «официальным представителем вермахта» и «генералом свиты», поскольку был в непосредственном окружении и всегда под рукой. Против воли я оказался втянут в «политический шабаш» сильных мира сего и невольно связал свое имя с событиями, обстоятельствами и проявлениями, не имевшими прямого отношения к моим непосредственным обязанностям. Свою негативную роль сыграл и абсолютно неприемлемый для солдата беспорядочный образ действий фюрера, не признававшего границ компетенции нижестоящего руководителя и четко обозначенного круга служебных полномочий вспомогательных командных инстанций. Гитлеру ничего не стоило отдать боевой приказ и потребовать его незамедлительного исполнения, т. е. передачи по инстанции с последующим контролем, первому попавшемуся на глаза подчиненному, не имевшему ни малейшего касательства к предмету приказа.

Волевым решением ликвидировав министерскую структуру и упразднив должность военного министра, Гитлер обеспечил себе свободу политического маневра, взвалив при этом неподъемный груз так и не решенных проблем на ОКВ. Я всеми силами противился попыткам вовлечения ОКВ в политические игры руководства, но тщетно. Бурный поток событий увлек меня вопреки воле, желаниям и намерениям заниматься исключительно проблемами военного характера. В глазах общественности и тех, кто не был знаком с заведенными в штаб—квартире Адольфа Гитлера порядками, я превращался в безропотного соратника фюрера, «без вины виноватого» соучастника его темных дел и «политического генерала».

Я всегда был только солдатом — исполнительным и дисциплинированным солдатом… Единственное обстоятельство, которое я могу привести в свое оправдание сегодня, — то, что я оказался слишком слаб и был не в состоянии противопоставить что—либо мощной ауре власти и злой воле Адольфа Гитлера. При этом ровным счетом ничего не меняют мои внутренние колебания, стремление выразить свои сомнения в доверительных беседах один на один с фюрером или многочисленные попытки

уйти в отставку. Мне ни к чему доказывать праведность или неправедность совершенного мной. Я хочу быть услышанным и попытаться, по крайней мере, объясниться…

Часть 3. Война

Глава 1
Воспоминания фельдмаршала 1938–1945 гг
Реабилитация Фрича и борьба с оппозицией

Вечером 4 февраля 1938 г. после короткого заседания правительства и обращения к членам кабинета Адольф Гитлер выехал в Бергхоф. Его сопровождал мой протеже майор Шмундт, приступивший к выполнению обязанностей «шеф—адъютанта фюрера» — начальника военной адъютантуры. Однако усилиями фон Браухича, занимавшегося поисками прямых подходов к верховному главнокомандующему, Шмундт был заменен специальным адъютантом сухопутной армии гауптманом Герхардом Энгелем. Теперь при штаб—квартире фюрера состояли адъютанты трех составных частей вермахта — сухопутной армии, кригсмарине (капитан 3 ранга Альбрехт) и люфтваффе (гауптман Николаус фон Белов). Все три адъютанта были подчинены Шмундту. Я самым решительным образом пресек двойное подчинение, практиковавшееся во времена Хоссбаха, одновременно выполнявшего обязанности начальника отдела генерального штаба сухопутной армии.

Браухич не внял настойчивым рекомендациям и пожеланиям фюрера «сменить караул» и в качестве главнокомандующего сухопутной армией привести проверенных в деле и лично преданных ему людей, как в свое время поступит новый главнокомандующий кригсмарине Дениц.[57] Однако Гитлер в категорической форме потребовал замены начальника генштаба сухопутной армии. В ходе многочисленных препирательств с фюрером в моем присутствии фон Браухич по—прежнему настаивал на том, что Бек должен остаться на своем посту «хотя бы в качестве советника» как минимум до осени 1938 г., чтобы помочь ему вработаться и ввести в курс текущих дел.

Сегодня я даже не сомневаюсь в том, что тогда фон Браухич совершил вторую роковую ошибку — первой стал отказ от обновления персонала.[58] С первых же шагов на новом поприще генерал оказался в атмосфере скрытого предубеждения со стороны сослуживцев прежнего главнокомандующего. Кадровые изменения, последовавшие в феврале 1938 г. по приказу Гитлера и практически совпавшие по срокам с назначением фон Браухича, проводились теперь не в интересах нового главкома, а в рамках неофициальной программы «национал—социализации»

вооруженных сил. Мне довелось присутствовать на большинстве совещаний по перестановкам высшего комсостава вермахта. Гитлер был крайне недоволен позицией фон Браухича по важному для него как верховного главнокомандующего кадровому вопросу и, наверное, впервые с начала нашего сотрудничества перенес часть неприязненного отношения к Браухичу и на меня.

Тем временем по моей рекомендации фон Браухич назначил начальником управления кадров сухопутной армии моего брата генерал—майора Бодевина Кейтеля. Фон Браухич хорошо знал брата по совместной службе в войсках, однако его выбор вызвал резкую критику генералитета в мой адрес и соответствующие обвинения в протекционизме. В какой непростой обстановке фон Браухич возглавил армию и как тяжело пришлось ему, особенно в первое время, знаем только мы с ним. В войсках все еще была жива память о выдающихся личностных и служебных качествах фон Фрича и о той чудовищной клевете, жертвой которой стал человек безукоризненной морали. Бек и другие старшие офицеры день и ночь осаждали кабинет Браухича с требованиями встать на защиту Фрича. Командиры корпусов требовали составления ходатайства на имя фюрера о реабилитации генерала и присвоении ему фельдмаршальского чина. Браухичу недвусмысленно давали понять, что вопрос доверия к нему будет поставлен в зависимость от благополучного исхода дела.

Ко всеобщему ликованию, судебный процесс против Фрича закончился оправдательным приговором. Справедливость восторжествовала только благодаря Герману Герингу, сумевшему в ходе перекрестного допроса уличить во лжи главного свидетеля обвинения — уголовника, на предварительном следствии «опознавшего» генерал—оберста Фрича и указавшего на него как на соучастника диких оргий. Геринг вынудил уголовника признаться, что его партнером был некий ротмистр в отставке фон Фрич, однофамилец генерала Фрича. Судья зачитал приговор: «…Невиновен за отсутствием факта преступления». Тем не менее коварные цели клеветников были достигнуты: генерал фон Фрич дискредитирован и устранен с поста главнокомандующего сухопутной армией. Мне до сих пор не известно, была ли это тщательно разработанная провокация секретных служб или же кто—то злонамеренно пытался запятнать безупречную репутацию генерала, воспользовавшись путаницей с фамилиями.

Давление на Браухича несколько ослабло, но теперь Бек, Канарис и Хоссбах требовали, во—первых, привлечь к ответственности Гиммлера, Гейдриха и доктора Беста, лжесвидетельствовавших в свое время против Фрича; во—вторых,

реальной реабилитации и повышения в чине генерала. Я считал, что торопиться не нужно и лучше поздно, чем никогда. Гитлер колебался. Больше всего он опасался стать жертвой интриги или же очередной фальсификации. Фон Браухич много раз пытался убедить Гитлера исправить допущенную ошибку «ради торжества справедливости», но безрезультатно. Наконец фюрер принял решение и сделал Фрича шефом 12 артиллерийского полка. Генералитет не удовлетворился этой полумерой.

Фон Браухич поставил на карту все, но, потеряв остатки доверия со стороны Гитлера, так и не добился улучшения отношений с генералитетом. И в этом заключалась его третья ошибка.

Я указал Браухичу на очевидные для всех, кроме него, промахи и порекомендовал не играть с огнем и не рисковать своей деловой репутацией в таком непростом и деликатном деле. Однако генерал Бек — духовный лидер оппозиции — никак не мог успокоиться и не давал никому покоя. Продолжая подстрекать внемлющих ему с открытыми ртами генералов, он стал настоящим «злым гением» своего нового господина. Генералитет напрочь забыл о мудром изречении французов — «le roi est mort, vive le roi!».[59] До сих пор немецкая армия не знала ничего подобного. Сон разума породил чудовищ и не остался безнаказанным. Нечто подобное пришлось пережить адмиралу Деницу в 1943 г., сменившему Эриха Редера на посту главнокомандующего кригсмарине. Тогда столкнулись два мировоззрения, две концепции ведения войны на море. Последствия могли быть наитягчайшими — положение спасло тотальное обновление аппарата и назначение на ключевые посты лично преданных адмиралу людей. Конфликт был подавлен в зародыше, причем со стопроцентным успехом.

Для меня очевидно, что начавшаяся сразу же после ухода Фрича подрывная деятельность Бека стала причиной резкого изменения отношения фюрера к фон Браухичу. В Беке воплотились все высокомерие и академизм прежних верховного командования и большого генерального штаба, когда начальник генштаба был «духовным вождем» армии, а главнокомандующий совмещал должность генерального инспектора и был своего рода полновластным феодальным князьком. Я не знаю, что привело Бека в так называемое «Сопротивление», а вскоре и в ряды государственных изменников, был ли он одержим тщеславием или в нем говорило оскорбленное самолюбие. Не исключено, что Бек надеялся занять пост главнокомандующего сухопутной армией.

Очевидно другое: никто не навредил фон Браухичу так, как

это сделали честолюбивый Бек, оскорбленный отставкой Хоссбах и 1–й адъютант бывшего главкома сухопутной армии оберстлейтенант Курт Зиверт — «старая гвардия» и особо приближенные к Фричу персоны.

Я всегда выступал на стороне Фрича и защищал его перед фюрером из чувства благопристойности, солдатской солидарности и… эгоистических соображений, чувствуя ответственность за выбор, сделанный — отчасти по моей рекомендации — Адольфом Гитлером. По—товарищески я помог фон Браухичу разрешить многолетнюю бракоразводную тяжбу с первой женой и разрешить все вопросы финансового характера, хотя он никогда не просил меня об этом прямо. Генералитет третировал его, как незадолго до этого Вернера фон Фрича, и спохватился только тогда, когда уже ничего нельзя было сделать. Что потеряла армия, генералы поняли только после декабрьского кризиса в битве за Москву и последовавшей вслед за этим отставки фон Браухича. Как известно, 19.12.1941 Адольф Гитлер возложил на себя обязанности главнокомандующего сухопутными силами.

Я не намерен прибегать к иносказанию и заявляю без оглядки на проходящий в Нюрнберге процесс военных преступников: Браухич служил не за страх, а за совесть. Не его вина, а беда фюрера в том, что военный талант будущего фельдмаршала оказался востребованным не в полной мере — Гитлер не сумел оценить масштабность личности фон Браухича и даже не пытался правильно понять его.

План «Отто» — вторжение в Австрию

Через неделю после моего вступления в новую должность последовал срочный вызов в штаб—квартиру фюрера в Бергхофе без объяснения причин. 12 февраля 1938 г. адъютант сопроводил меня в рабочий кабинет Гитлера. Фюрер сказал, что примерно через полчаса ждет у себя федерального канцлера Австрии Курта фон Шушнига. Он уже давно собирается поговорить с ним искренне и доверительно, смягчить возникшую напряженность и разрешить наконец противоречия в отношениях между двумя братскими народами. Он вызвал меня для того, чтобы Шушниг увидел в его ближайшем окружении профессиональных солдат — с минуты на минуту из Мюнхена должны подъехать Рейхенау и Шперле. Генералы произведут на нашего гостя должное впечатление. Целый день мы изнывали от безделья, но в

переговорах с фон Шушнигом участия так и не приняли. Если предмет переговоров был нам в основном известен, то о частностях мы узнали только во второй половине дня, во время церемонии так называемого «полночного чаепития». На процессе это подтвердил и тогдашний госсекретарь министерства иностранных дел Австрии Гвидо Шмид.

Я и два присутствовавших в Бергхофе генерала прекрасно понимали, что одно только наше присутствие оказывает психологическое давление на австрийцев. Я с огорчением подумал тогда, что впервые в жизни не просто играю предписанную мне кем—то роль, но и выступаю в виде некоей «политической декорации». Это ощущение только усилилось после того, как во второй половине дня по просьбе австрийской делегации был объявлен небольшой перерыв для внутренних консультаций и Гитлер вызвал меня к себе. Все было разыграно, как по нотам! Шушниг не успел сделать и двух шагов по коридору, как из кабинета раздался оглушительный вопль Гитлера: «Генерал Кейтель!.. Где Кейтель?.. Срочно вызовите его ко мне…» Я переступил порог кабинета, который только что покинул австрийский канцлер, в ожидании соответствующих приказов. Гитлер был сама любезность: «Проходите… Присаживайтесь… Пока приказов нет…» Мы провели около 10 минут в индифферентной беседе, затем я снова был свободен. О том, какое впечатление произвело это на Шушнига и австрийцев, показал процесс.

Эту ночь мы провели в шале фюрера — лично я в первый и в последний раз за все годы нашей совместной работы. Уже на рассвете я выехал из Бергхофа в Берлин для выполнения приказа Гитлера «разработать вместе с Канарисом и Йодлем комплекс мероприятий по введению австрийцев в заблуждение». Переговоры закончились вполне успешно — не было и речи о каких—либо приготовлениях военного характера, о чем я и проинформировал главнокомандующего сухопутными силами.

Тем неожиданнее для нас стал приказ Гитлера от 10 марта 1938 г. вступить на территорию Австрии. Меня вызвали в рейхсканцелярию и вкратце сообщили о том, что фюрер считает переговоры с австрийцами сорванными, поскольку Шушниг назначил плебисцит по вопросу о независимости Австрии, и видит единственный выход из создавшегося положения в военной интервенции.

Я предложил главнокомандующему сухопутной армией и его начальнику генштаба срочно выехать к Гитлеру и получить приказы непосредственно от него, поскольку прекрасно понимал, что Бек откажется выслушивать их от меня. Фон Браухич

находился в служебной командировке, поэтому вместе с Беком в рейхсканцелярию отправился я. Гитлер сразу же пресек все поползновения и поставил Бека на место — тому не осталось ничего другого, как подчиниться и уже через несколько часов доложить мне о том, какие силы может выставить армия к утру 12 марта. 11 марта, ближе к вечеру, после многочасовых консультаций и согласований фон Браухич получил подписанный приказ о подготовке к маршу.

В этот день я вернулся домой около 20.00, совершенно упустив из виду, что еще три недели тому назад мы с супругой отправили приглашения и вечером 11 марта ожидаем прихода гостей. Среди множества гражданских и военных визитеров совершенно случайно оказались австрийский посланник Таушиц и военный атташе генерал—майор Поль. Австрийские господа вели себя весьма непринужденно и не имели ни малейшего представления о том, что произойдет через несколько часов. Совершенно незапланированно званый вечер превратился в прекрасную маскировку военной операции.

Ночь на 12 марта стала настоящим мучением для меня. С промежутком в несколько минут мне звонили старшие офицеры генерального штаба сухопутной армии, фон Браухич и, наконец, около 04.00 начальник штаба оперативного руководства вооруженными силами Макс фон Вибан. Все без исключения заклинали меня добиться у фюрера отсрочки предписанного марша. Естественно, мне и в голову не приходило передать подобную благоглупость Гитлеру. Вначале я невнятно обещал сделать что—нибудь и предпринять необходимые шаги, потом стал сразу же отказывать своим ночным собеседникам и попросту вешать трубку. Адольф Гитлер так никогда и не узнал о панике, царившей в рядах генералитета накануне аншлюса. Даже трудно представить себе, какой взрыв эмоций вызвал бы мой рапорт, исключительно по этой причине я решил тогда поберечь нервы фюрера и армейского генералитета.

12 марта в 06.00 мы с фюрером вылетели из Берлина. Он хотел лично присутствовать при триумфальном вступлении вермахта на территорию своей австрийской родины. Мы отправились на командный пункт командующего 8 армией генерала пехоты Федора фон Бока, доложившего Гитлеру об оперативной обстановке на тот момент и маршрутах выдвижения немецких дивизий. Гитлер выразил желание лично приветствовать наступающую армию. С КП фон Бока фюрер связался по телефону с Муссолини. Дуче подтвердил прибытие курьера и получение послания от Гитлера, в котором тот сообщил главе итальянского правительства о своих намерениях, затем

поздравил фюрера и немецкую армию с победой. В ответ Адольф Гитлер произнес ставшие широко известными слова:

«Дуче, этого я вам никогда не забуду. Никогда…» Потом мы медленно ехали вдоль выстроившихся по обеим сторонам улиц ликующих жителей Браунау — родного города Адольфа Гитлера. Он показал нам свою школу,[60] квартиру родителей в одном из доходных домов. Чувствовалось, что фюрер едва сдерживает волнение. Мы с большим трудом продвигались вперед по заполненным наступающими немецкими войсками дорогам. В каждом городке и населенном пункте Гитлера ожидал восторженный прием обывателей. Только к вечеру мы добрались до Линца на Дунае — города детства и юности фюрера. Уже в сумерках на въезде в город нас встретил министр австрийского правительства Зейсс—Инкварт. С балкона ратуши Гитлер обратился с речью к участникам грандиозного митинга на Рыночной площади. Энтузиазм собравшихся не поддается никакому описанию. До сих пор мне не довелось пережить ничего подобного, и я был глубоко потрясен происходящим на улицах и площадях Линца. Все мы прекрасно понимали, что вступим в страну без единого выстрела, но ни один из нас и представить себе не мог, какой нас ожидает прием. На следующий день, в воскресенье, мы по—прежнему оставались в Линце. С утра Гитлер был занят протокольными мероприятиями, а во второй половине дня состоялся совместный парад: немецкие и австрийские полки прошествовали церемониальным маршем перед зданием отеля «Вайнцингер».

На следующий день, после короткого привала в Сент—Пельтене, состоялся торжественный въезд в Вену.

До глубокой ночи по улицам, прилегающим к гостинице «Империал» на Ринге, шли и шли бесконечные колонны демонстрантов. Ни о каком сне не могло быть и речи — к моему величайшему огорчению, окна гостиничного номера выходили прямо на площадь, где многотысячная толпа без устали скандировала:

«Мы хотим видеть нашего фюрера!».

На торжественном митинге на Крепостной площади Вены Гитлер произнес ставшие достоянием истории слова:

> «…Отныне и навеки я провозглашаю возвращение моей родины в лоно великогерманского рейха и объявляю немецкому народу о завершении самой важной миссии моей жизни…»

Вечером этого же дня мы вылетели на родину. Этот полет стал одним из самых ярких воспоминаний моей жизни, я чувствовал себя действующим лицом античной мистерии: стремительный бросок вслед заходящему солнцу, атмосфера возвышенной приподнятости, экстатический восторг и слезы радости в глазах фюрера. Потом он наклонился ко мне и проникновенно произнес: «Наконец все вернулось на круги своя. Вена опять стала немецкой…»

На следующее утро в Берлине меня встретил начальник центрального отдела гауптман Кляйкамп и сразу же доложил о происшедшем в мое отсутствие ЧП: в комнате для гостей — бывшей жилой комнате фон Бломберга — забаррикадировался начальник штаба оперативного руководства вермахтом генерал фон Вибан. Я немедленно вызвал Йодля, который как раз собирался доложить мне о чрезвычайном происшествии.

Фон Вибан попал в штаб по рекомендации графа фон дем Шуленбурга, генерала кавалерии в отставке, во время 1–й мировой войны командовавшего армией и группой армий «Германский кронпринц». Шуленбург настоятельно рекомендовал Адольфу Гитлеру «лучшего офицера генерального штаба, который когда—либо служил под его началом». Фюрер несколько раз заводил со мной разговор о том, что собирается перевести в штаб оперативного руководства подающего надежды генштабиста и всецело полагается в этом вопросе на мнение «старого бойца» Шуленбурга — бывшего члена СА, а ныне обергруппенфюрера СС. Я знал фон Вибана по совместной работе в управлении кадров в 1933 г., кроме того, сталкивался с ним по службе и раньше. Некоторое время кресло начальника штаба оперативного руководства оставалось свободным. Памятуя о пожелании фюрера, я попросил Йодля временно совмещать обязанности начальника управления «Л» со штабными делами, поскольку ожидал скорейшего перевода в ОКВ фон Вибана. Первоначально я предполагал, что назначение фон Вибана пойдет на пользу делу: он слыл ближайшим другом Бека, и я надеялся на то, что он поможет нам сгладить возникшие противоречия, выступая в роли своего рода буфера между ОКВ и сухопутной армией. К сожалению, я глубоко ошибался и так и не сумел разгадать нервическую натуру этого человека, а ночные телефонные звонки накануне аншлюса окончательно поставили все на свое место. Йодль вообще не мог уяснить, для чего нам навязали этого неуравновешенного холерика. Во время моего отсутствия ему довелось стать очевидцем безобразных истерик фон Вибана… Этот первый начальник штаба оперативного руководства попил у нас немало крови, и я с облегчением перевел дух, когда мы с

Йодлем снова остались вдвоем.

18 марта 1938 г. благополучно завершился вышеупомянутый процесс Фрича. Я прекрасно понимал его, когда узнал, что генерал отправился в загородный дом на полигоне Берген под Ульценом — подальше от общества и берлинских коллег. Фюрер объявил об оправдательном приговоре берлинскому генералитету, собранному по этому случаю в рейхсканцелярии, и сообщил, что отдал приказ расстрелять «мерзавца—лжесвидетеля, возведшего напраслину на достойного человека». Через несколько недель Канарис доложил мне, что тайная полиция — гестапо — так и не привела объявленный приговор в исполнение. Мне сразу же стало ясно, что лжесвидетель — послушный инструмент в чьих —то руках, а жизнь сохранена ему в качестве платы за дискредитацию генерала Фрича.

Я приказал Канарису провести самое тщательное расследование, поскольку в ближайшее время собираюсь доложить фюреру об этом вопиющем факте. Канарис попросил не давать ходу полученной от него информации, а он, в свою очередь, незамедлительно узнает все обстоятельства дела у Гейдриха. Через несколько дней он действительно доложил мне, что первичная информация оказалась неверной — лжесвидетель давно уже получил по заслугам и захоронен на тюремном кладбище. Склонен предполагать, что первый доклад Канариса соответствовал действительности и он отозвал его из страха, опасаясь возможных контрмер СС и последствий моего доклада фюреру. Последовавшая ликвидация опасного свидетеля означала, что секретные службы заметают следы. Мне следовало остеречься и сделать соответствующие выводы из неискренности шефа абвера еще тогда, ибо в случае с Канарисом мои излишняя доверчивость и вера в порядочность людей дорого обошлись мне позднее.

Гитлер приказал как можно быстрее завершить подготовку организационного включения федеральной австрийской армии в состав вермахта: срочно сформировать два управления корпусных округов, две пехотные, одну горнострелковую и одну танковую дивизии, укомплектованные исключительно рейхсдойче — коренными немцами. Все это существенно прибавило нам работы, не говоря уже о том, что после аншлюса мы значительно превысили планы формирования 36–дивизионного вермахта. Гитлер предпринял инспекционную поездку по Остмарку — возвращенным в состав рейха австрийским землям, — объехал места дислокации вновь формируемых дивизий и лично приветствовал австрийских рекрутов, готовящихся к военной службе в рядах вермахта. Триумфатор—фюрер объезжал свои

владения. Он стремился доказать всем, и в первую очередь имперской военной аристократии, что за короткий промежуток времени можно сформировать образцовые боеспособные полки даже в условиях старопрусской системы, и для этого вполне достаточно несгибаемой политической воли одного человека.

Перевооружение, переоснащение и усиление австрийской армии не могли не беспокоить чешское правительство, которое продолжало пребывать в состоянии прострации после вступления вермахта в Австрию.

План «Грюн» — аннексия Судетской области

20 апреля я вместе с командующими составными частями вермахта впервые принимал участие в торжественном приеме по случаю дня рождения фюрера. Герман Геринг, произведенный в чин фельдмаршала после отставки Бломберга, как самый старший по званию произнес приветственную речь от имени немецких вооруженных сил. Потом последовали традиционное пожимание рук и выезд в Тиргартен на совместный парад армии, кригсмарине и люфтваффе. Во второй половине дня старшие офицеры были приглашены на малый прием к фюреру.

Вечером перед отъездом в Берхтесгаден фюрер вызвал меня к себе. Последовал часто упоминавшийся на процессе приказ подготовить разработку военной операции против Чехословакии на уровне директивного плана генерального штаба. Как всегда, фюрер разъяснил мне свою позицию по военно—политическому вопросу в пространном и эмоциональном монологе. Проблему следует решить раз и навсегда. Во—первых, из—за проживающих там немцев, подвергающихся беспрецедентным притеснениям со стороны чешского правительства; во—вторых, исходя из очевидных стратегических соображений, — в случае вооруженного конфликта на Востоке с Польшей и, прежде всего, с большевизмом. Он убежден, что наибольшая угроза рейху исходит именно от чехов. Русские всегда рассматривали Чехословакию как операционную базу Красной Армии и ВВС: отсюда враг в мгновение ока окажется у стен Дрездена — в сердце рейха. Сам он не имеет намерения развязывать войну против Чехословакии, но развитие политической ситуации в Европе может потребовать от нас молниеносных действий.

Я несколько растерялся, получив такого рода указания фюрера, но принял их к безоговорочному исполнению, как это и полагается делать подчиненному. Инструкции, полученные мной

на этом совещании, часто цитируются на процессе по так называемому «протоколу Шмундта», который мне так никогда и не довелось держать в руках. На следующий день я сообщил Йодлю о состоявшемся накануне совещании и предмете обсуждения. Посовещавшись, мы пришли к выводу, что, судя по характеру полученных директив, речь может идти только о планах отдаленного будущего, однако в соответствии с приказом следует разработать «указание ОКВ». Это подтверждают приобщенные к делу дневники Йодля. Только после настойчивых напоминаний Шмундта, через 4 недели, я отправил «указание» в ОКХ, сопроводив его преамбулой в духе полученных указаний: «В обозримом будущем немецкая армия не намеревается вторгаться на территорию Чехословакии, однако…»

Разрабатывая документ, мы с Йодлем благоразумно решили не оповещать раньше времени генеральный штаб сухопутной армии «во избежание ненужной ажитации». Я не знаю, каким образом — то ли из—за «утечки информации», то ли потому, что аналогичные директивы получил и фон Браухич, — но, так или иначе, Бек опередил наше «указание» разносным меморандумом. «Меморандум Бека» состоял из двух частей:[61] и с военно—политической, и с оперативно—стратегической точек зрения генерал предсказывал безоговорочное выступление Франции на стороне Чехословакии в случае возникновения и разрастания вооруженного германо—чешского конфликта.

Браухич пригласил меня для обсуждения представления меморандума Адольфу Гитлеру. С некоторых пор он стал проявлять осторожность в этом вопросе, точнее, после жесточайшей выволочки, которую устроил ему фюрер за памятную записку генерального штаба «О верховном командовании во время войны». Памятная записка появилась вскоре после назначения фон Браухича и была отправлена Гитлеру без моего ведома. Это была «дальнейшая разработка» появившегося и отозванного в 1937 г. «меморандума Фрича», написанного по итогам зимних маневров 1936/37 г., и аналогичного содержания докладной Бека времен кризиса «Бломберг — Фрич». Теперь появился третий вариант, «авторство» которого приписывали фон Манштейну. К сожалению, в списке вещественных доказательств обвинения в Нюрнберге фигурировал только ответ, написанный мной и Йодлем по поручению Гитлера, и нет самого текста меморандума. Наш ответ привел в угнетенное состояние духа Браухича и Бека. Что касается самого Гитлера, то он был взбешен содержанием документа и воспринял его как личное оскорбление — злобный выпад против фюрера, партии и всего немецкого народа.

Просмотрев по диагонали представленный мне фон Браухичем документ, я сразу же посоветовал ему убрать первую часть: ознакомившись с политическими изысканиями Бека, Гитлер не станет читать его военно—экономические выкладки. Нельзя ничего сказать заранее, но не исключено, что Гитлер прочитает одну лишь 2–ю часть. В результате именно так и произошло, но тенденциозность подачи материала возмутила фюрера. В частности, потенциал противника был чрезмерно завышен (например по части бронетанкового парка французов), а немецкий — занижен по большинству показателей. Мне оставалось только с огорчением и искренним негодованием констатировать, что армейская оппозиция в очередной раз подставила фон Браухича, хотя главное недовольство фюрера вызывали Бек и генеральный штаб.

Очередной удар по самолюбию армейского генералитета нанес последовавший вскоре после вышеописанных событий приказ фюрера, предписывавший Герману Герингу выехать на западную границу «для осмотра долговременных укреплений». Возмущенные генералы утверждали, что речь идет об инспекционной поездке, — и были очень близки к истине. Рапорт Геринга стал настоящим обвинительным приговором главнокомандованию сухопутной армии. Не сделано практически ничего, а то, что сделано, совершенно недостаточно. Не построено ни одного примитивного полевого укрепления. Саботаж… Даже при чрезмерной драматизации ситуации со стороны Геринга следовало признать, что темпы работ были действительно низки, а долгосрочная программа возведения фортификационных сооружений, завизированная в свое время фон Бломбергом, была рассчитана на несколько десятков лет вперед. Например, завершение всех работ по бетонированию укреплений было намечено на вторую половину 50–х годов. О необходимости активизации работ на линии «Западного вала» докладывал Гитлеру еще бывший министр Бломберг в 1937 г. Тогда мы с ним предприняли многодневный объезд укреплений и зафиксировали самое начало подготовительных работ практически на всех участках линии фортификационных сооружений. Фюрер был крайне разочарован и возмущен действиями генерального штаба, в очередной раз саботировавшего его распоряжения. Он принял решение в ближайшем будущем поручить организацию строительных работ на линии «Западного вала» генерал—инспектору военных дорог Фрицу Тодту, поскольку «штаб инженерных войск сухопутной армии не в состоянии справиться с задачей».

Остается только добавить, что после инспекционной поездки

фон Бломберга летом 1937 г. Гитлер был проинформирован о реальном состоянии и темпах строительных работ на западной границе. Однако в то время обострение отношений с главнокомандованием сухопутных сил не входило в его политические планы.

21 мая 1938 г., после неожиданного и немотивированного объявления мобилизации чехословацким правительством — откровенно враждебного акта, направленного против Германии, — Гитлер вернулся в Берлин. Фюрер был преисполнен воинственного пыла и заявил, что не намерен спускать Чехословакии подобного рода провокации. Он объявил главной задачей скорейшее приведение войск в состояние полной боеготовности и потребовал изменить текст «указания ОКВ», которое отныне стало звучать следующим образом:

> «Я принял непоколебимое решение уже в ближайшем будущем нанести удар по Чехословакии и разбить армию противника в ходе военной операции. Политическое руководство рейха оставляет за собой право выбора наиболее благоприятного в военно—политическом отношении времени и места нанесения удара».

Главнокомандующий сухопутными войсками получил соответствующий устный приказ, подкрепленный впоследствии измененным «указанием ОКВ». Одновременно Гитлер подписал распоряжение о назначении генерал—инспектора военных дорог Тодта ответственным за возведение фортификационных сооружений «Западного вала». Тодту поручалось «ускорить темпы строительства оборонительных сооружений по военно—тактическим планам и разработкам штабов инженерных войск, но с использованием вверенных ему инженерно—строительных подразделений таким образом, чтобы через 1,5 года завершить строительство бетонных оборонительных построек и долговременных укрепленных узлов с центром тяжести на направлении Ахен — Карлсруэ». К осени 1938 г. Тодту предстояло завершить строительство 5000 малых дотов, не пробиваемых тяжелыми снарядами и минами, по разработанным лично Адольфом Гитлером эскизам.

Раздав указания, наставления и приказы, вызвавшие зубовный скрежет ОКХ и уныние в рядах ОКВ, Гитлер отправился в Ютербог на учебные стрельбы по точечным и площадным целям. Фюрер захотел лично убедиться в правильности своих расчетов прочности железобетонных конструкций и толщины бетонных перекрытий при прямых попаданиях тяжелых снарядов и мин.

После завершения стрельб Тодт получил соответствующие указания: «строить укрепления с запасом прочности и учетом возможного усиления бетонобойного разрушительного воздействия тяжелых снарядов противника на цель…». На итоговом обсуждении в офицерском клубе Гитлер обратился с речью к собравшемуся на стрельбы армейскому комсоставу. Позже он рассказал мне, что считал своим долгом поднять боевой дух командиров, вне всякого сомнения, пребывавших в растерянности после обнародования памятной записки Бека с пораженческими выкладками. Его друг фон Рейхенау, сохранивший с ним тесные личные взаимоотношения, доверительно сообщил, что на командирских чтениях фон Браухич не преминул ознакомить высший комсостав вермахта с пресловутой докладной неуемного генерала. Фон Рейхенау нанес очередной удар «из засады» по главнокомандующему сухопутной армией — он и Гейнц Гудериан, в то время главнокомандующий мотомеханизированных войск, искусно вели интригу против обложенного со всех сторон фон Браухича.

Речь удалась. Гитлер как выдающийся оратор умело использовал все слабые места памятной записки Бека и разбил его измышления в пух и прах. Однако главной темой и лейтмотивом выступления фюрера перед командирами была жесточайшая критика генерального штаба и его начальника. «Он не имеет морального права руководить подготовкой офицеров генерального штаба», — сказал Гитлер в завершение. 27.8.1938 г. Бек передал дела генералу Францу Гальдеру, а 31.10.1938 г. был уволен в запас.

Гитлер с негодованием отверг предложение главкома сухопутных сил о назначении Бека главнокомандующим 3 группой армий. Генерал Бек стал для него олицетворением всех негативных проявлений «генштабизма» и «неисправимого пораженчества». Бек стал непреодолимым препятствием на пути реализации честолюбивых политических планов фюрера, и не в последнюю очередь источником негативного отношения Гитлера к Браухичу. Я безоговорочно поддержал принятое Гитлером решение, особенно в связи с настоятельной необходимостью положить конец подстрекательской деятельности Бека.

Признаюсь, я не пролил и слезинки по поводу «скоропостижной» отставки генерала во многом из—за его снобизма, поверхностно—высокомерного отношения к нашим с Йодлем планам реорганизации высшего военного управления и ряду других причин. Что касается его «выдающихся способностей», то я имел возможность убедиться в обратном на своем горьком опыте. Однако мне и в голову не могло прийти,

что, начиная с 1938 г., Бек не только примкнет к предателям и изменникам, но и станет «духовным отцом» заговорщиков. Следует признать, что к совершению столь низкого поступка этого до некоторых пор безупречного офицера подтолкнули неприязнь и предубеждение со стороны Адольфа Гитлера — все остальное довершили уязвленное самолюбие и эгоцентризм самого Бека. Генерал Людвиг Бек был слабым и безвольным человеком. Он никогда не был лидером, да и не мог им стать. Вся ничтожность его личности проявилась в поведении во время и после неудавшегося покушения на фюрера. Он и умер так, как жил — мерзко и недостойно. Бек трижды пытался пустить себе пулю в лоб, сидя в кресле в своем рабочем кабинете, но ему так и не хватило мужества. Пока его не пристрелил безвестный унтер—офицер…

Все лето 1938 г. ОКВ и ОКХ провели в разработке плана «Грюн». Мы столкнулись с серьезными проблемами организационного характера: при формировании ударной группировки на фронте «Грюн» мы могли оперировать 40 дивизиями неполных составов (включая Остмарк) без проведения комплекса мобилизационных мероприятий, строго—настрого запрещенных фюрером.

Формирование ударной группировки и передислокация войск к чешской границе проходили в обстановке беспрецедентной секретности: после завершения маневров в Силезии, Саксонии и Баварии офицеры резерва были задержаны в расположении частей «до особого распоряжения»; доукомплектование дивизий происходило на территории учебных лагерей — здесь же создавались временные пункты по приему и распределению военнообязанных соответствующих призывных возрастов. Гарнизоны «Западного вала» заменялись добровольцами «организации Тодта» и имперской службы труда. Использовалась малейшая возможность скрытого передвижения войск: войсковые эшелоны и автопоезда маскировались под пассажирские транспорты, а оживление на имперских дорогах полиция официально объясняла открывающимся в Нюрнберге съездом НСДАП… Я искренне аплодировал успехам генерального штаба и его нового начальника Гальдера: провести скрытую перегруппировку нескольких сотен тысяч солдат под видом подготовки к маневрам — это высший класс воинского искусства! Гитлер лично контролировал подготовку и проведение передислокации войск и даже дал несколько ценных советов по маскировке операции. Обо всех осложнениях, возникающих в ходе подготовки плана операции «Грюн», главнокомандующий сухопутными войсками должен был информировать его в любое

время дня и ночи.

В августе, во время инспектирования береговых укреплений, на борту «Грилле» в моем присутствии Гальдер докладывал фюреру о планах стратегического развертывания вермахта в связи с предстоящей операцией. Стоя у штабной карты, Гальдер отвечал на многочисленные вопросы фюрера. Гитлер спорил и выдвигал возражения; он требовал четких, ясных, недвусмысленных ответов и большей наглядности: условные обозначения, примерное сопоставление сил и краткое резюме об ожидаемом развитии событий. Особенно интересовали его направления главных ударов и участки прорыва чехословацких пограничных укреплений, многолинейность и глубину эшелонирования которых он тщательным образом изучил. В ходе обсуждения наметились и некоторые расхождения, особенно по вопросам боевого использования тяжелой артиллерии, — мы не располагали достаточным количеством орудий на фронте «Грюн» — танковых и посадочно—десантных частей. Тем временем Гальдер закончил доклад, однако Гитлер был не готов принять окончательное решение. Он сказал нам, что ему потребуется некоторое время, чтобы взвесить все «за» и «против». Гальдер передал фюреру все карты и записи с просьбой о скорейшем решении вопроса, поскольку надо было срочно отправлять приказ и готовить войска.

Сразу же после возвращения в Берлин Гитлер кратко изложил мне свои дополнения и замечания и поручил передать фон Браухичу приказ об изменении плана наступательной операции в соответствии с полученными предписаниями. Нужно сказать, что в целом план Гальдера был принят, однако имелись конкретные указания на неверное использование танковых групп. Их следовало объединить в ударный кулак и нанести удар с юго—запада в направлении на Пильзен — Прагу. Гальдер резко возражал, поскольку именно нехватка тяжелой артиллерии заставила нас разъединить танковые части для обеспечения прорыва пехоты на главном направлении удара. Гальдер был абсолютно прав, однако я ничем не мог помочь ему по той простой причине, что получил приказ фюрера и принял его к исполнению. Я только посоветовал фон Браухичу встретиться с Адольфом Гитлером и обсудить этот вопрос, но Браухич воздержался.

Во второй половине августа фюрер перебрался в Берхтесгаден. Там в Бергхофе состоялась первая историческая встреча Адольфа Гитлера и сэра Невилла Чемберлена. Вместе с рейхсминистром иностранных дел на этой встрече довелось присутствовать и мне. Помню, что визит премьер—министра

Британской империи произвел на меня неизгладимое впечатление. Как и всегда в ходе политических визитов и встреч, фигура начальника штаба ОКВ призвана была демонстрировать присутствующим «постоянную боеготовность немецких вооруженных сил», но в самих переговорах я участия не принимал и чувствовал себя здесь совершенно лишним. Тем не менее мне было интересно познакомиться с ведущими политиками Европы и обменяться с ними парой любезных фраз. Я уехал из Бергхофа вслед за Чемберленом. Судя по всему, Гитлер остался недоволен результатами переговоров.

Как обычно, в начале сентября состоялся очередной съезд партии. На этот раз он одновременно служил прикрытием развертывания войск. Дивизии выдвигались к германо—чешской границе (для маскировки некоторые части разворачивались в противоположном направлении) — на учебные полигоны и пункты временной дислокации, расположенные на этот раз таким образом, чтобы в любой момент занять исходные позиции согласно планам операции «Грюн».

Незадолго до этого я встретился с майором Бернхардом фон Лоссбергом, откомандированным в штаб оперативного руководства ОКВ из генштаба сухопутных войск.

В его мюнхенской квартире мы совместными усилиями начертили план—график операции «Грюн» для армии и люфтваффе и регулярно вносили в него соответствующие изменения оперативной обстановки, маршруты передвижения войсковых частей, перебазирования эскадрилий, изданные приказы и т. д.

Не остались без внимания и следующие вопросы:

1. До каких пор можно осуществлять скрытую передислокацию войск или же маскировать их выдвижение к границе?

2. До какого срока операция обратима, т. е. можно приостановить передислокацию войск?

Это был своего рода календарный план с учетом политических мероприятий, предусмотренных Гитлером, и собственно военная часть операции. Текущая оперативная информация поступала от Йодля, поддерживавшего тесный контакт со штабами трех составных частей. Гитлеру требовалось только назначить день «Х».

Когда я докладывал фюреру о подготовке и проведении операции, разложив на его рабочем столе склеенный из нескольких чертежных листов «план—программу», он остался в высшей степени доволен как формой изложения, так и содержанием, поскольку наш график позволял вести ежедневный

учет и контроль уже проведенных мероприятий и тех, которые предстояло осуществить в ближайшем будущем. Я впервые побывал в мюнхенской квартире Адольфа Гитлера в многоэтажном доме на Принцрегентштрассе. После завтрака в ближайшем ресторане мы с Лоссбергом совершили стремительный марш—бросок через пол—Германии по имперской автостраде и уже во второй половине дня были в Берлине.

На съезде НСДАП в Нюрнберге, куда я был приглашен и в этом году, Гитлер спросил меня, внес ли генеральный штаб сухопутной армии необходимые изменения в план операции в соответствии с его указаниями. Я связался с Гальдером, который сообщил, что изменения не внесены, поскольку к моменту получения указаний соответствующие приказы уже были спущены в войска. Я испросил у фюрера разрешения самому вылететь в Берлин для серьезного разговора с Браухичем — в прямом соответствии с требованиями секретности вести подобного рода переговоры по телефону было крайне нежелательно — и решил не возвращаться в Нюрнберг до окончательного решения вопроса.

Мы переговорили наедине, и Браухич проникся двусмысленностью ситуации, в которой мы оба с ним оказались. Генерал пообещал незамедлительно встретиться с Гальдером. Через два часа, когда я уже начал готовиться к обратному полету в Нюрнберг, позвонил Браухич и заявил: «Внести изменения решительно невозможно — так и передайте Гитлеру…»

Я слишком хорошо знал фюрера, чтобы усомниться в том, какую это может вызвать реакцию с его стороны. Так и произошло. На следующий день Гитлер срочно вызвал Браухича и Гальдера в Нюрнберг; совещание началось поздно вечером в конференц—зале гостиницы «Немецкий двор» и закончилось далеко за полночь. В ходе обстоятельного доклада об оперативной обстановке на фронте предстоящего вторжения, боевом использовании «тяжелой кавалерии XX века» — танковых соединений и пр. я неоднократно демонстрировал упрямцам готовность к компромиссу и создавал все предпосылки для того, чтобы они с честью вышли из пренеприятнейшей ситуации. Увы, все мои попытки остались втуне. Однако больше всего мне было жаль потерянных часов драгоценного ночного сна, поскольку я приблизительно представлял себе, чем должно закончиться начавшееся в спокойной и деловой обстановке совещание. Около 03.00 Адольф Гитлер потерял последние остатки терпения и в резкой форме потребовал прекратить бесплодную болтовню и безоговорочно выполнить его приказ о концентрации танковых соединений для предстоящего прорыва в направлении на

Пильзен. После этих слов фюрер, холодно попрощавшись, покинул нас.

Первым нарушил молчание Гальдер и дрожащим от негодования голосом спросил: «Да чего же он, в самом деле, добивается?» Этот непробиваемый «генштабовский апломб» возмутил меня настолько, что я не удержался от колкости: «Право слово, если вы до сих пор этого так и не поняли, мне вас искренне жаль…»

«Раскаявшийся» Браухич энергично взялся за дело: ему потребовалось не так уж и много времени, чтобы привести планы операции в соответствие с требованиями фюрера и отправить приказ в войска. Пока Гальдер вносил необходимые изменения, я спросил Браухича:

«Зачем вы сражаетесь с ветряными мельницами? Неужели вы не понимаете, что дело не стоит и выеденного яйца, и, по большому счету, даже и речи не может идти о развертывании активных боевых действий. Вы умудрились обострить ситуацию даже там, где ее конечный итог был заведомо предрешен. Поймите, непременно настанет день и час, когда от одного вашего веского слова будет зависеть судьба армии и рейха, но к тому времени в бесплодных стычках вы окончательно потеряете авторитет в глазах Гитлера…»

Я подробно остановился на описании этого эпизода только для того, чтобы объяснить, в каких условиях приходилось работать людям из ближайшего окружения Адольфа Гитлера. Фюрер не признавал никаких авторитетов и советников. Если он принимал определенное решение, то не останавливался ни перед кем и ни перед чем, сметая всех и все на своем пути…

Мюнхенское соглашение

22–23 сентября 1938 г. состоялась вторая встреча Гитлера и Чемберлена в Бад—Годесберге на Рейне. Браухич отправил вместе со мной помощника начальника генштаба сухопутной армии генерал—лейтенанта Карла Штюльпнагеля, в расчете на то, что в ходе переговоров могут потребоваться консультации военных экспертов. Учитывая, что солдат никогда не допускали к участию в политических переговорах, это «мудрое» решение Браухича избавило меня от бездельного одиночества! Ближе к вечеру ситуация неожиданно обострилась, когда из Праги стали поступать донесения о начавшейся мобилизации чешской армии.

Пока я связывался по телефону с Йодлем и передавал приказ

попытаться прояснить ситуацию через нашу военную миссию в Праге, Гитлер диктовал жесткое письмо британскому премьер—министру. Он крайне озабочен судьбой немецкоязычных меньшинств, поэтому оставляет за собой полную свободу действий и готов прибегнуть к силовому решению вопроса в случае, если переговоры о прекращении мобилизации чешской армии закончатся безрезультатно. К счастью, поступавшая по разным каналам информация опровергла наши опасения по поводу мобилизации чехов, и переговоры были продолжены на следующий день. На мой взгляд, в ходе переговоров были созданы все необходимые предпосылки для предотвращения угрозы войны, хотя окончательное решение так и не было принято. Мы вылетели в Берлин уже в сумерках и в ненастную погоду — пилоты старались обойти грозовой фронт стороной. Это было незабываемое зрелище разбушевавшейся стихии — сплошная облачность на высоте около 3000 м и срывающиеся с облаков разряды молний прямо по курсу самолета.

Как известно, вооруженная интервенция Муссолини стала последним толчком, вызвавшим настоятельную необходимость встречи в Мюнхене лидеров четырех держав. 29 сентября 1938 г. в резиденции фюрера на Королевской площади Мюнхена встретились Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Даладье — с последним я имел честь познакомиться на церемонии официального представления. Во время короткого фуршета французский посланник в Берлине Андре Франсуа—Понсе кратко проинформировал премьер—министра Франции о последних событиях на границе. Как всегда, я не принимал участия в переговорах — вооруженные силы представлял Геринг. Результат мюнхенских консультаций известен — Судеты отошли к рейху. Широкому кругу общественности не известно, однако, то обстоятельство, что жесткую позицию британского премьера по судетской проблеме удалось преодолеть только благодаря усилиям Даладье, заявившего:

> «Мы не позволим разгореться военному конфликту. Чехи должны уступить. Мы просто заставим их пойти на отторжение земель…»

Эти слова были внесены в стенографический протокол адъютантом фюрера Шмундтом.

На конференции по разграничению государственных границ на уровне послов было представлено и ОКВ, поскольку демаркация политических и этнических границ предполагала и решение сугубо военных вопросов: отчуждение фортификационных сооружений, размещение гарнизонов и

т. п. — весь комплекс проблем, который мои представители решали совместно с министерством иностранных дел. Трудно умалить ту роль, которую сыграл Франсуа—Понсе в обеспечении всех требований, выдвинутых Адольфом Гитлером. Всех рассмешило его шутливое замечание: «Ну, все. На этом можно закругляться. Старина Гитлер уже на пути в Берлин…» Эти слова зафиксированы и стали достоянием истории. Франция со всей очевидностью не желала новой европейской войны из—за так называемых «восточных вопросов». К сожалению, во время польского кризиса Гитлер «забыл» о своих обещаниях навсегда отказаться от разрешения проблемы Эльзаса и Лотарингии силовыми методами, что, в конечном итоге, позволило Великобритании принудительно—добровольно вовлечь Францию во вновь сформированную антигерманскую коалицию…

В мае я сопровождал Гитлера во время инспекционного смотра пограничных укреплений на западной границе, где все строительные работы велись силами военных учреждений. Общее руководство осуществлял штаб 2 военного округа в Касселе. Генерал Адам, в прошлом комендант Академии вооруженных сил в Касселе, созданной усилиями фон Бломберга, получил назначение на пост командующего округом по моему представлению 1.4.1938 г., сменив отправленного в резерв фон Лееба. Я справедливо предположил, что такому способному и одаренному генералу, некогда возглавлявшему управление рейхсвера, негоже засиживаться в Академии и порекомендовал его фон Браухичу.

Как «главнокомандующий западного направления» генерал Адам доложил фюреру о степени готовности вверенных ему войск на Западном фронте и состоянии инженерно—строительных работ на вновь создаваемой линии оборонительных фортификационных сооружений. В докладе Адама удивительным образом «перепевались» стратегические выкладки Бека (впоследствии генерал признался, что текст был разработан и утвержден в генеральном штабе сухопутных войск). Главный упор делался на слабость наших позиций западнее Рейна и невозможность удерживать их в случае развертывания военных действий на этом направлении дольше чем несколько дней. В целом его выступление показалось мне не особенно удачным — это была довольно неуклюжая попытка хорошо зарекомендовать себя в глазах фюрера, имевшего вполне определенные планы относительно Чехословакии.

Адам, уже видевший себя главнокомандующим Западным фронтом, совершил еще одну ошибку, когда, проявляя естественное беспокойство о судьбе вверенного ему направления,

принялся всячески драматизировать ситуацию в надежде на усиление западной группировки войск. Этот совершенно естественный ход, который на его месте предпринял бы каждый командир, был сделан им настолько недипломатично и в таких непарламентских выражениях, что можно было без труда предсказать реакцию фюрера. Гитлер молча слушал его с плохо скрываемым раздражением и видимой брезгливостью. Ставшая мне хорошо известной «предгрозовая» атмосфера явственным образом сгущалась — я замер в ожидании взрыва. Однако на этот раз все обошлось: фюрер оборвал Адама посреди фразы и процедил сквозь зубы: «Благодарю, вы свободны…»

Как всегда, я оказался под рукой, чтобы выслушать гневные филиппики фюрера. Этот генерал решительно разочаровал его. Офицеру, который изначально не верит в успех операции, не место в рядах немецких вооруженных сил. О каком доверии может идти речь, если генерал уже смирился с поражением в еще не начавшемся сражении. Как ни пытался я убедить Гитлера в том, что это отнюдь не пораженчество, а не совсем удачная попытка «выбить» для своего фронта как можно больше резервов; что Адам — один из способнейших генералов нашей армии… Тщетно. Фон Браухич получил соответствующий приказ — и один из лучших офицеров немецкой армии был отправлен в отставку.

На машине мы объехали несколько участков будущего фронта. Гитлер приказал приступить к возведению фортификационных сооружений на ахенском, саарбрюкенском и др. направлениях как можно ближе к политической границе рейха. Везде, где это было только возможно, фюрер вмешивался в ход событий своей личной властью и во всеуслышание объявлял позицию генштаба неправильной и вредной. Мне было вменено в обязанность уведомлять Браухича о принятых фюрером решениях по тому или иному вопросу.

В августе я сопровождал Гитлера во время его второй поездки на «Атлантический вал». Со времени прошлой инспекции темпы строительных работ были значительно ускорены. Сопровождавший нас генерал Эрвин фон Вицлебен, преемник Адама на посту командующего 2–м военным округом, получал от Гитлера частные указания относительно расположения блиндажей, долговременных огневых узлов, глубины эшелонирования и т. п., которые незамедлительно передавались для исполнения приступившему к своим обязанностям Тодту. За инженерными службами сухопутных войск оставались только геодезические изыскания, проектирование и указание типов фортификационных сооружений на тех или иных направлениях. По моему разумению, в ходе этой инспекции фюрер решал и

политико—пропагандистские задачи устрашения Франции как вероятного противника.

Думаю, что Гитлер был вполне доволен политическим итогом мюнхенской «встречи четырех»: Британия потерпела сокрушительное поражение на дипломатическом фронте, бросив Чехословакию на произвол судьбы.

Стратегическое закрепление достигнутой победы должно было реализоваться в привлечении чехов на сторону великогерманского рейха в ходе мирных переговоров или же силой оружия, если того потребуют обстоятельства.

Мирное решение чехословацкой проблемы стало невозможным во многом благодаря закулисным играм западноевропейских политиканов. Можно сказать, что к концу октября 1938 г. в целом оформился план военной кампании против недружелюбного Германии государства, серьезно ослабленного потерей пограничных укреплений, что и было закреплено в соответствующем «указании» ОКВ о приведении войск в боеготовность и занятии исходного положения для нанесения удара в назначенный срок. При разработке планов операции особо учитывалась откровенно сепаратистская политика Словакии.

Как только были намечены концептуальные пути решения чешской проблемы, генерал Йодль покинул ОКВ и вступил в должность начальника артиллерии венского гарнизона. Я согласился на этот перевод только потому, что ни на йоту не верил в возможность обострения ситуации. Памятуя о скандале с генералом фон Вибаном, я решил повременить с назначением начальника штаба оперативного руководства и поручил оберсту Варлимонту (управление «Л») временно возглавить и это направление служебной деятельности ОКВ.

Не только нас, солдат, но и Гитлера заинтересовали отошедшие к нам пограничные укрепления чехов, построенные по образцу «линии Мажино» под руководством французских военных инженеров. Всех поразили мощь артиллерийских фортов и фортов—застав, глубоко эшелонированных оборонительных порядков фортификационных сооружений нашего вероятного противника. В присутствии фюрера состоялись учебные стрельбы из тяжелых орудий различных калибров.

Я лишний раз убедился в прозорливости фюрера, в свое время потребовавшего повсеместного принятия на вооружение 88–мм зенитного орудия. Пробивное действие снарядов вызывало искреннее восхищение: прямой наводкой с дистанции до 2000 м артиллеристы навылет пробивали обычный дот.

Мемель, Данциг и Прага

После того как ОКВ получило приказ разработать план возвращения в состав рейха отторгнутых Мемельской области и Данцига «при возникновении благоприятных военно—политических условий», я выехал в инспекционную поездку на восточную границу. Гитлер поручил мне составить достоверную картину состояния наших оборонительных укреплений на границе с Польшей. В тот момент трудно было предположить, что вопрос возвращения Данцига и создания экстерриториального коридора может привести к войне с поляками. Я передал Браухичу приказ фюрера подготовить мою поездку на Восток. Затем я попросил его уделить мне несколько минут для серьезного разговора и сказал ему приблизительно следующее:

«Господин генерал, решительно невозможно ваше самоустранение от инспекции, как вы это проделали дважды на западной границе. Меня совершенно не устраивает ситуация, когда вы демонстративно занимаете позицию «над схваткой», с тем чтобы потом обвинить меня во «вмешательстве» и в том, что «я не представляю интересы армии…»

Мои худшие опасения подтвердились, например, на участке Восточного фронта между Одером и Вартой.

Оборонительные укрепления, построенные трудами генерал—инспектора инженерных войск и крепостей Ферстера, представляли собой натуральную западню для гарнизона. О какой огневой мощи могла идти речь, если вооружение фортов исчерпывалось одной или, в лучшем случае, двумя пулеметными башнями? Инспекция закончилась скандалом и отставкой Ферстера; с превеликим трудом мне удалось убедить Гитлера назначить отставного генерал—инспектора командиром 6 армейского корпуса в Мюнстере.

«Восточный вал» и сопутствующие проблемы настолько занимали фюрера зимой 1938/39 г., что весной он предпринял инспекционную поездку по Одерскому фронту между Бреслау и Франкфуртом—на—Одере, правда, на этот раз без меня. Как и в верхнем течении Рейна, наши береговые позиции вызывали самую серьезную озабоченность главнокомандования, поскольку прекрасно просматривались и простреливались с более высокого правого берега реки. Береговые укрепления противника — как на Одере, так и на Рейне — поражали своей основательностью и неприступностью, что и подтвердилось впоследствии, в ходе военной кампании против Франции: снаряды наших 88–мм орудий, установленных на стрельбу прямой наводкой, не сделали ни одной пробоины в монолитных железобетонных стенах

французских фортов.

Несмотря на все осложнения для ОКХ и увеличение объемов инженерно—строительных работ, переключение внимания высшего военно—политического руководства рейха на оборонительные укрепления восточной границы создавало у многих, и у меня в том числе, иллюзию того, что в обозримом будущем вероятность войны между Германией и Польшей крайне низка, точнее сказать, война принципиально допустима, но только в том случае, если мы первыми нападем на поляков. Впрочем, Адольф Гитлер не исключал такую возможность, если польская армия выступит на стороне Чехословакии.

3.4.1939 г. и 11.4.1939 г. я как начальник штаба ОКВ последовательно подписал «Директиву по стратегическому развертыванию вермахта» и «Единое наставление для боя». Это была дальнейшая разработка сугубо оборонительной концепции рейха на случай вооруженных провокаций со стороны Польши (в союзе с западными державами) — адекватная реакция Германии на возможное осложнение международного положения в связи с неизбежным обострением проблемы Данцига и так называемого «Данцигского экстерриториального коридора».

Я перестал быть свободным человеком с тех пор, как вступил в должность начальника штаба ОКВ. Именно тогда я утратил возможность распоряжаться не только своим рабочим временем, но и свободным — выходными, праздниками, отпусками… Я не мог строить свою семейную жизнь так, как это пристало делать добропорядочному семьянину и отцу семейства. Я попал в абсолютную кабалу, и моей жизнью управляли теперь даже не обстоятельства, а хорошее или плохое настроение одного человека. Короткие визиты в Хельмшероде или поездка на охоту в Померанию могли внезапно прерваться, поскольку мое присутствие было решительно необходимо фюреру для решения… второстепенных или даже полувторостепенных вопросов. Во время войны с такой же легкостью назначались и отменялись мои поездки на фронт или полеты из штаб—квартиры в Берлин, причем иной раз самолет разворачивался уже в воздухе для возвращения в ту или иную сторону. Прибыв к месту назначения, я с удивлением обнаруживал, что решение данной проблемы не требует моего присутствия и находится в компетенции едва ли не дивизионного командира. Я неоднократно пытался разобраться в ситуации и в конце концов нашел только два более или менее правдоподобных объяснения: причиной всему могли быть либо мое гипертрофированное чувство долга, либо недобросовестность адъютантов Гитлера, любивших перекладывать ответственность на чужие плечи…

Даже в мирное время я не мог уделить и дня жене и детям, а уж во время войны я дневал и ночевал в штаб—квартире фюрера. Уму непостижимо, как все это смогла вынести моя бедная жена…

В первое время Бломберг писал мне довольно регулярно, и я с удовольствием оказывал ему мелкие услуги, о которых он просил в своих посланиях. Через несколько недель после отъезда в Италию он прислал срочную телеграмму с просьбой посодействовать в получении заграничного паспорта для его сына Акселя и помочь ему срочно вылететь в Рим, снабдив некоторой суммой на дорожные расходы, — «для крайне важной беседы».

Я вызвал лейтенанта люфтваффе Акселя фон Бломберга в Берлин и отправил его в Италию. Через 8 дней он вернулся обратно и привез письмо, написанное отцом. Вернер фон Бломберг просил меня передать Гитлеру, что собирается развестись с женой, вернее разведется, но только в том случае, если фюрер приблизит его к себе и назначит на прежнюю должность. Я не хотел, чтобы фюрер узнал о таком несколько неожиданном повороте событий с моих слов и попросил его самолично прочитать письмо. Как и следовало ожидать, Гитлер с негодованием отклонил ультимативные требования Бломберга: в свое время он заклинал фельдмаршала аннулировать брак, но тот категорически отказался. С тех пор Бломберг перестал для него существовать, во всяком случае и речи быть не могло о его возвращении в строй. В письме на имя фон Бломберга я в максимально щадящей и сдержанной манере передал ему эту нелицеприятную отповедь фюрера, однако фельдмаршал всю оставшуюся жизнь считал, будто бы главным источником всех его бед являюсь… я, мои амбиции, эгоизм, нежелание объяснить фюреру и т. д., и т. п.

Столичная «светская жизнь» давно уже превратилась для нас с женой в рутинную повинность — иной раз мы с большим удовольствием провели бы вечер дома, чем на очередном приеме в посольстве или светском рауте среди малознакомых нам людей. Не могло быть и речи о «дружбе домами» или элементарном сближении семей высокопоставленных чиновников или партийных работников, не говоря уже о дипломатических династиях министерства иностранных дел. Время от времени мы встречались на очередном политическом мероприятии — этим знакомство исчерпывалось.

Учитывая специфику моего служебного положения, жене приходилось быть особенно осмотрительной в приобретении новых знакомств. Она и раньше не отличалась словоохотливостью, теперь же и вовсе принуждена была большей частью держать язык за зубами, что создало ей репутацию

«надменной гордячки». По тем же самым причинам меня считали «хитрым, скользким и изворотливым как угорь» напыщенным снобом, попытки сближения с которым решительно невозможны. Для дипкорпуса я также не представлял ни малейшего интереса, поскольку откровенно тяготился светскими обязанностями, в отличие от моего предшественника Рейхенау — старого «паркетного шаркуна».

В феврале 1939 г. мелодия «чешского вальса» закружила пол—Европы в стремительном танце. Газеты пестрели сообщениями об участившихся пограничных инцидентах, очередных притеснениях германского меньшинства в Богемии и Моравии. Берлин отправлял одну за другой ноты протеста в Прагу, из Чехословакии были отозваны немецкий посол Фридрих Айзенлор и военный атташе оберст генерального штаба Рудольф Туссен.

Фюрер неоднократно заявлял, что уже сыт по горло и впредь не намерен терпеть творящиеся в Чехословакии безобразия. Я даже не сомневался в том, что вскоре предстоит так называемое «урегулирование проблемы остаточной Чехии». Несмотря на мою настойчивость фюрер давал уклончивые ответы и не называл конкретные сроки проведения операции. Тем не менее я решил несколько опередить события и проконтролировать готовность ОКХ к внезапной и молниеносной атаке территории противника. В моем присутствии фюрер вызвал Браухича и отдал приказ о проведении «акции умиротворения» в связи с нестерпимым положением германских меньшинств. Правовым обеспечением приказа являются его директивы и указания, подписанные в 1938 году. Фюрер не счел нужным сообщить нам, солдатам, о плетущихся политических интригах и дипломатической игре между Берлином и Прагой. Мы покинули его кабинет, так и не узнав ничего нового — некоторые подробности мне сообщил военный атташе. Гитлер уже не раз демонстрировал нам свой дар предвидения, и мы не сомневались, что у него есть в запасе хитрый дипломатический ход. Повторю еще раз: даже в тот момент никто из нас не думал о войне.

«Мартовские иды» с некоторых пор стали для меня своеобразной точкой отсчета: и в 1933 г., и в 1937 г. Гитлер приступал к активным действиям в середине или во второй половине месяца! Не знаю, чего в этом больше — случайности или суеверия? Наверное, последнего, поскольку фюрер неоднократно заводил со мной разговоры на «нумерологические» темы.

12 марта 1939 г. Гитлер подписал предварительный приказ по сухопутной армии и люфтваффе о приведении войск в полную боеготовность и предполагаемом вступлении на территорию

Чехии 15 марта 1939 г. в 06.00, однако вплоть до дня «Х» войскам запрещалось приближаться к государственной границе рейха ближе чем на 10 км. Естественно, никто из военных не был поставлен в известность, чем было вызвано появление подобного рода приказа.

14 марта, во второй половине дня, я прибыл в рейхсканцелярию за последними инструкциями в связи с объявленной боеготовностью вермахта. Гитлер кратко сообщил мне, что вчера президент Чехословакии Эмиль Гаха[62] попросил его о встрече в связи с обострением межгосударственных отношений. Он ожидает прибытия президента вечером этого дня. Я спросил, не следует ли сообщить об этом ОКХ и дать приказ об отводе войск в связи с изменившейся ситуацией. Гитлер решительно отклонил мое предложение и заявил, что, независимо от итогов переговоров с чешским президентом, намерен действовать в соответствии с планами операции вторжения. Мне следует неотлучно находиться в рейхсканцелярии начиная с 21.00 сего дня — ближе к полуночи он отдаст окончательный приказ ОКХ и ОКЛ.

Около 21.00 я прибыл в рейхсканцелярию. Гитлер только что поужинал, и все собрались в музыкальной комнате на просмотр фильма «Безнадежный случай». Гитлер жестом пригласил меня занять пустующее рядом с ним кресло и спокойно произнес: «Гаха появится не раньше 22.00». Меня задела за живое противоестественность ситуации: через 8–10 часов заговорят пушки, и прольется первая кровь, а здесь… Я совершенно не воспринимал происходящее на экране — все мои мысли были с солдатами, которые даже не подозревают, что ждет их на рассвете…

В 22.00 рейхсминистр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп доложил о прибытии чешской делегации в замок Бельвью. Гаха хотел бы прийти в себя после трудного дня и просил назначить аудиенцию на 24.00. Мне показалось, что я ослышался: как, решается судьба целого народа, а старый господин решил вздремнуть час—другой… Или же это тщательно выверенная дипломатическая тактика?

Гаха спокойно отдыхал и не знал, что с наступлением сумерек, 14.3.(1939), лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» пересек государственную границу у Моравской Остравы и занимает круговую оборону в районе сталеплавильного завода в Витковице, чтобы дать отпор полякам, вздумай они и на этот раз «полонизировать» часть чешской территории.[63] Мы с минуты на минуту ожидали донесений о выдвижении полка СС на исходные позиции.

Гаха появился ровно в полночь в сопровождении министра иностранных дел Франтишека Хвалковского и чехословацкого посланника в Берлине Войтеха Мастны. Гитлер принимал депутацию в рабочем кабинете в здании новой рейхсканцелярии в окружении свиты. Вермахт представляли Герман Геринг и я. Гаха начал издалека: в астматическом стиле он долго и нудно перечислял свои заслуги перед австрийской короной, потом плавно перешел к описанию своей деятельности на юридическом поприще — и опять я был не в состоянии постичь потаенный смысл премилой «салонной беседы» перед лицом грозящей его государству катастрофы. Адольф Гитлер прервал неспешный ход его мыслей и предложил перейти к насущным политическим проблемам, учитывая всю сложность политического момента. Всем предложили удалиться — если я не ошибаюсь, в кабинете остались чехи, фон Риббентроп и начальник личного штаба рейхсминистра иностранных дел Вальтер Хевел в качестве секретаря. Фюрер просил не беспокоить его какое—то время, тем не менее мне пришлось дважды прервать совещание: первый раз я передал ему донесение о том, что лейбштандарт без боя занял Витковице — Гитлер молча прочитал телефонограмму и удовлетворенно кивнул; второй — по предварительной договоренности я напомнил ему, что пора отдавать приказ о выступлении, если оно все—таки состоится. Гитлер посмотрел на часы и сказал: «Сейчас только 02.00. До 04.00 вы получите все необходимые распоряжения…»

Через некоторое время адъютант пригласил меня и Геринга в кабинет: господа государственные деятели стояли у письменного стола, а Гитлер внушал чешскому президенту, что нужно наконец определиться с решением. Кейтель подтвердит: войска уже на марше, ровно в 06.00 они пересекут границу. Только Гаха решает сейчас, прольется кровь или нет…

Гаха попросил об отсрочке: ему нужно связаться с правительством, проконсультироваться по телефону — Гитлер мог бы отдать приказ и остановить войска…

Гитлер отклонил предложение: связи нет, решение нужно принимать незамедлительно, технически невозможно остановить выдвижение войск к границе…

В разговор вмешался Геринг: с первыми лучами солнца над Прагой появятся армады немецких люфтваффе — неужели чехам не жалко их прекрасного города; нужно решать сейчас, упадут бомбы на мирные селения или нет…

Гаха сдался. Он ни в коем случае не хочет начать кровопролитие; нельзя ли ему незамедлительно связаться с командирами чешских гарнизонов и пограничных частей, чтобы

категорически запретить им применять оружие…

Я вызвался составить текст радиограмм для срочной отправки в Прагу, штабы военных округов и главнокомандующим родами войск. Через некоторое время я передал документ Герингу, который сопроводил чешского президента в узел правительственной радиотелеграфной связи. Гитлер подписал приказ «О вступлении вермахта на сопредельную территорию» для срочной передачи в ОКХ. «Я разрешаю открывать огонь только в случае оказания вооруженного сопротивления», — добавил он напоследок.

Около 03.00 приказ фюрера был отправлен по инстанции. До завершения всех подготовительных мероприятий в распоряжении армии осталось не более трех часов. Признаюсь, у нас, солдат, как будто камень с души свалился. Мы с Браухичем были единодушны: удачное начало, возможно, действительно удастся обойтись без ненужного кровопролития. Доктор Морель обихаживал опустошенного и потрясенного до глубины души Гаха.[64] Мне было искренне жаль старого человека. Я подошел к нему и сказал: пусть он не сомневается, с немецкой стороны не будет произведено ни одного выстрела, соответствующие приказы уже отправлены в войска — всем нам остается надеяться на благоразумие чешских командиров. Тем временем министры составили проект межгосударственного соглашения, и Гаха отправился в рабочий кабинет фюрера.

После того как Браухич подписал все необходимые приказы для генерального штаба сухопутных войск, я испросил разрешения отправиться домой, чтобы подготовиться к поездке на фронт — во второй половине дня с Ангальтского вокзала отправлялся спецпоезд фюрера. Я собирался взять с собой оберстлейтенанта Цайцлера из штаба оперативного руководства вермахта. Общее руководство операцией вторжения возлагалось на ОКХ, поэтому в обязанности Цайцлера вменялись получение донесений от соответствующих командных инстанций и своевременная передача их фюреру.

У самой границы мы пересели в автомобили и вместе с автоколонной сопровождения выехали в направлении на Прагу. Мы ехали медленно, то и дело обгоняя наступающую пехоту, вскоре наше продвижение окончательно застопорилось — все дороги, ведущие к чешской столице, были запружены маршевыми колоннами вермахта. Было по—зимнему холодно, на дорогах — снежные заносы и гололедица. Спешенные и в конном строю части с трудом продвигались по заснеженным дорогам, конные запряжки и артиллерия конной тяги безнадежно вязли в сугробах…

Только с наступлением сумерек мы оказались у ворот чешской столицы вместе с передовыми частями вермахта. Эскорт мотострелков сопроводил нас в Пражский Град, где была оборудована походная штаб—квартира фюрера. Мы ехали налегке и не запаслись провиантом: холодный ужин… купили по пути в ставку, в одной из местных бакалей — пражскую ветчину, булочки, масло, сыр, овощи и пильзенское пиво. Первый и последний раз в жизни я видел Адольфа Гитлера за столом со спиртным — он с удовольствием потягивал отменное пиво из хрустального бокала; все проголодались и нашли ужин великолепным…

16 марта около полудня Гитлер принимал депутацию чешских сановников с Гаха во главе, заверивших его в полной лояльности и абсолютной покорности, а вечером этого же дня мы пересекли Чехию и направились в Вену. Как и год тому назад, в марте 1938 г., австрийцы устроили нам восторженную встречу у гостиницы «Империал». В вестибюле я встретил барона фон Нейрата, прибывшего по приказу фюрера для вступления в должность «протектора Богемии и Моравии»; об этом я узнал из его собственных слов, и мне показалось, что он был скорее недоволен новым назначением, чем озадачен…

В Вену прибыла делегация вновь сформированного независимого правительства Словакии — президент Йозеф Тисо, министр внутренних дел Дуржанский, министр иностранных дел и военный министр Тука. Еще 15 марта Тисо направил фюреру прошение с просьбой взять Словацкое государство под свою защиту.

Гитлер распорядился, чтобы фон Риббентроп разработал со словаками проект договора «О статусе охранных зон», а я представлял немецкие вооруженные силы.

Около полуночи словаки, фон Риббентроп и я встретились в служебных помещениях резиденции имперского наместника в Вене. Гитлер собственноручно обозначил на штабной карте пограничные зоны на территории Словакии вдоль государственной границы — 20–25–километровые полосы вдоль обеих сторон долины Вага. Нам предстояло ввести войска и взять под охрану большой армейский полигон и современный подземный оружейный завод бывшего министерства обороны Чехословакии.

Мне стоило определенных трудов разъяснить господам членам правительства, почему исполнительная власть на территории взятых под охрану зон будет осуществляться не ими, а верховным главнокомандованием вермахта и уполномоченными им командующими оккупационными (экспедиционными)

войсками; кроме того, в интересах защиты суверенитета Словакии в охранных зонах будут размещены контингенты сухопутной армии и люфтваффе. Переговоры проходили в обстановке скрытого недоверия со стороны словаков, нам удалось добиться положительного результата после долгих споров и только благодаря определенным усилиям доктора Тука, почитателя политических талантов Адольфа Гитлера, сумевшего развеять подозрительность своих коллег.

Пока фон Риббентроп оттачивал формулировки соглашения, я отправился в гостиницу к фюреру, чтобы сообщить ему о положительных результатах переговоров со словаками и передать их настоятельную просьбу о личной встрече. Вначале Гитлер наотрез отказался: уже поздно, он устал и т. д. Я пообещал словакам устроить эту встречу и продолжал гнуть свою линию: каких—то 10 минут, все равно после подписания соглашения к нему придет Риббентроп и т. п. Гитлер с видимым неудовольствием согласился, и этот прием все—таки состоялся глубокой ночью. Через 15 минут после начала аудиенции Тисо и члены его правительства покинули импровизированный кабинет Гитлера, не скрывая радости по поводу успешного завершения многотрудного переговорного процесса.

На следующий день мы покинули гостеприимную Вену и направились через Бреслау в Берлин…

Польская кампания

Празднование дня рождения фюрера и в 1939 г. открылось торжественным приемом для высшего военного руководства рейха в новой рейхсканцелярии и завершилось грандиозным военным парадом на улицах Берлина. В течение 3–х часов перед трибунами с почетными гостями дефилировали сводные полки трех составных частей вермахта и Ваффен СС. По настойчивому желанию фюрера в параде приняли участие артдивизионы новейших тяжелых орудий и дивизионы зенитной артиллерии, пушечные бронеавтомобили, вновь сформированные прожекторные батальоны люфтваффе и т. д. Все это время над головами восхищенных зрителей на бреющем полете проносились эскадрильи истребителей и бомбардировщиков. В качестве почетных гостей фюрера были приглашены президент Гаха и рейхспротектор фон Нейрат. В полном составе присутствовал и дипломатический корпус.

Я напрасно надеялся, что после разрешения чешской проблемы вермахт получит долгожданную и обещанную на самом высоком уровне передышку до 1943 г., решительно необходимую для завершения начавшейся реорганизации, перевооружения и переоснащения вооруженных сил. Формирование боеспособной армии — отнюдь не импровизация, а длительный и многотрудный процесс: воспитание и обучение рядового и младшего командного составов, привитие подлинного духа боевого братства и многое другое — вот тот фундамент, на котором зиждется победа. Такая армия была у Германии в 1914 г.

Дилетантское представление Гитлера о том, что нехватку техники и военного мастерства можно компенсировать национал—социалистическим мировоззрением, нанесло непоправимый ущерб вооруженным силам Германии. Никто не отрицает, что боевой дух и даже фанатизм — непременные составляющие ратных побед. Однако все мы прекрасно помнили, как в 1914 г. полегли под Лангемарком беззаветно преданные кайзеру студенческие полки — в (19)43 их крестный путь повторили не менее фанатичные элитные дивизии Ваффен СС. Они неизменно одерживали победы над всяким противником, но платили за это большой кровью — в результате вышколенный унтер—офицерский корпус оказался выбит подчистую, а полноценной замены больше не было…

Примерно с апреля 1939 г. Гитлер в разговорах со мной стал регулярно высказывать наболевшую мысль о том, что пришло

время окончательно разрешить все вопросы, по которым Германия и Польша имеют многолетние трения. Великое несчастье для поляков и для нас, что рано ушел из жизни мудрый маршал Юзеф Пилсудский. Вот с кем рейху следовало бы заключить пакт о ненападении. Увы, никто не вечен. Рано или поздно настанет и его день, поэтому еще при своей жизни он хотел бы разрубить гордиев узел проблемы Восточной Пруссии. Он решительно не может отложить окончательное урегулирование этого вопроса до лучших времен и не хотел бы оставлять столь «спорное наследство» своему будущему преемнику. К сожалению, современное поколение польской дипломатии подменило политику разума политикой откровенной дегерманизации, что и подтвердили последние переговоры с министром иностранных дел Польши Юзефом Беком.

Демонстративные воинственные поползновения министерства иностранных дел и внешняя политика польского государства строились в расчете на безусловную поддержку со стороны Великобритании. Однако объективный экономический и геополитический анализы неопровержимо свидетельствовали о том, что Англия первой отвернется от поляков, столкнувшись с нашей непоколебимой решимостью избыть неправедные решения Версаля. Адольф Гитлер действительно стремился вернуть в состав немецкого рейха исконно немецкий Данциг, но вовсе не стремился к войне с Польшей за так называемые «вольный город» и «Данцигский коридор» — как гласит один из известнейших постулатов реальной политики: хочешь мира, готовься к войне…

В то время как Варшава, Париж и Лондон оплетали Европу паутиной политических заговоров и интриг, Гитлер принял окончательное решение и сделал парадоксальный прогноз: великие державы не станут таскать каштаны из огня для поляков, откажутся от интервенции и не будут способствовать Польше в ее военных приготовлениях против рейха.

Так в мае 1939 г. Гитлер отдал приказ о проведении подготовительных мероприятий в рамках операции «Вайс»: приведение в состояние полной боеготовности составных частей вермахта, оперативно—стратегическое развертывание сухопутной армии и люфтваффе и нанесение контрудара по непримиримой Польше не позднее 1 сентября 1939 г. Как и в ходе недавней чешской кампании, было строжайшим образом запрещено демаскировать наши приготовления проведением откровенных мобилизационных мероприятий, кроме того, в своих оперативных разработках ОКВ, ОКХ и ОКЛ должны были исходить из штатного состава вермахта мирного времени.

На совещании главнокомандующих составными частями

вермахта фюрер отдал устный приказ о подготовке наступательной операции, затем последовала письменная директива. Сразу же после этого Гитлер по традиции удалился в Бергхоф. Это создавало определенные сложности для штаба оперативного руководства ОКВ и меня лично, поскольку приходилось решать множество вопросов посредством фельдъегерской связи или с помощью адъютантов фюрера. В особо важных случаях я лично вылетал в Берхтесгаден.

На все время пребывания фюрера в Бергхофе в Берхтесгаден перебиралась рейхсканцелярия под руководством министра Ламмерса, в то время как партийная канцелярия постоянно находилась в Мюнхене; в Бергхофе была оборудована резиденция Германа Геринга; фон Риббентроп переезжал на это время в штаб—квартиру министерства иностранных дел в Фушль под Зальцбургом. Только ОКВ оказалось на положении бедного родственника и не имело практически никаких возможностей для налаживания служебной деятельности в таких условиях. После моих неоднократных представлений и просьб летом 1940 г. Гитлер разрешил оставить некоторые управления ОКВ в здании берлинской рейхсканцелярии и перевести остальные в одну из пустующих берхтесгаденских казарм. Думаю, что вынужденное раздробление ОКВ пришлось по душе обуреваемому маниакальной жаждой единоличной власти Адольфу Гитлеру и в целом соответствовало его неизреченной концепции «антиколлегиальности», несмотря на то, что верховное главнокомандование вооруженными силами Германии никогда не обладало реальной командной властью!

Таким образом, мне было ровным счетом ничего не известно о состоявшихся переговорах с Варшавой и Лондоном и о том, как решились вопросы Данцига и экстерриториального коридора. Гитлер продолжал утверждать, что «не хочет войны с Польшей ни при каких обстоятельствах» и будет пытаться решить все спорные вопросы мирным путем до тех пор, пока Франция не надумает вмешаться в конфликт в духе своей восточноевропейской политики. Реальная возможность заключения германо—французского пакта о ненападении заставила его пойти на неслыханные уступки — отказ от притязаний на Эльзас—Лотарингию. Ни один из нынешних политиков не в состоянии дать сегодня более твердых гарантий мира и безопасности в Европе. Только он вправе достойно представлять мирные инициативы рейха как единственный легитимный всенародно избранный глава государства. В этом и заключается его твердая убежденность в возможности разрешения конфликта мирным путем. Однако он вынужден потребовать от меня, чтобы я ни при

каких обстоятельствах не открывал скрытый смысл его позиции главнокомандованию сухопутных войск. Узнай они о том, что приготовления к войне с Польшей на самом деле представляют собой инструмент политического давления, разработка планов операции будет осуществляться поверхностно и спустя рукава, а ему бы очень не хотелось, чтобы армия утрачивала практическую боеспособность в условиях обострения международной обстановки.

Образ мыслей ОКХ и добросовестность генерального штаба были известны мне даже лучше, чем Гитлеру, поэтому я нисколько не усомнился в справедливости его слов. Я верил фюреру и, принимая желаемое за действительное, считал, что война действительно не входит в его планы.

Тем временем под контролем генерального штаба сухопутных войск в ускоренном темпе продолжалось возведение укреплений «Западного вала»: к строительным работам были привлечены государственные инженерно—конструкторские компании, «организация Тодта» и вся имперская служба труда. Кроме того, на строительство фортификационных сооружений были переброшены и несколько дивизий регулярной армии, которые использовались, прежде всего, на земляных работах, установке заграждений из колючей проволоки (надолб, противотанковых «ежей» и т. п.) и обустройстве долговременных огневых узлов.

Само собой разумеется, что инспекционная поездка фюрера на линию «Западного вала», во время которой его сопровождал и я, в августе 1939 г. преследовала в первую очередь пропагандистские цели. Незадолго до отъезда я представил ему подробнейшее донесение о состоянии строительных работ с обозначенными на карте фортами, узлами и т. п. Фюрер изучил материалы самым скрупулезным образом и впоследствии поражал не только военных и гражданских производителей работ, но и меня доскональным знанием местоположения едва ли не каждого дота и стрелковой ячейки на всем протяжении «Западного вала».

Летом 1939 г. я считал своим гражданским и служебным долгом довести до сведения Гитлера обеспокоенность и озабоченность генералитета и генерального штаба в связи с угрозой новой европейской войны. Я разделял тревогу многих высокопоставленных офицеров, но вовсе не потому, что во мне свежи были воспоминания о тяжелых поражениях прошлой войны или я сомневался в боеспособности немецких вооруженных сил, — в перспективе замаячила смертельная для Германии угроза войны на два фронта. Я считал, что просто обязан сказать об этом фюреру, хотя и отдавал себе отчет в том, что это ни в

коем случае не улучшит его отношения к генералам.

В начале августа Гитлер решил провести в Бергхофе нечто вроде «военного совета» начальников штабов военных округов и групп армий без приглашения главнокомандующих составными частями вермахта и родами войск. Я наблюдал за развитием событий со стороны и в глубине души уже смирился с тем, что результат окажется самым плачевным. Генерал фон Витерсгейм, начальник штаба 2 военного округа, оказался единственным, кто попросил слова после выступления Гитлера, однако в его оскорбительно—корректном выступлении прозвучало столько иронии и самомнения, что не оставалось и тени сомнения: штабное сословие опустило забрала и ощетинилось копьями, как древнегреческая фаланга! Гитлер впоследствии никогда не упоминал при мне о совещании в Бергхофе, а он бы не преминул сделать это, если бы остался удовлетворен итогами «военного совета». Очевидно другое: этот эпизод еще больше укрепил его в негативном отношении к «генштабовской касте».

Тем удивительнее для меня было услышать его обращение к командирам Восточного фронта 22.8.1939 в Бергхофе. Гитлер всегда был мастером перевоплощения и выдающимся оратором, умело чувствовавшим настроение аудитории и с одинаковым успехом выступавшим в заводских цехах и фешенебельных салонах, однако эту речь я бы назвал его психологическим шедевром. Он со всей определенностью извлек урок из ошибочной попытки склонить на свою сторону генштабистов за спиной их командующих и предстал перед последними в совершенно новой ипостаси реального политика, государственного деятеля и «заботливого отца» армии. Впрочем, были и другие оценки этой речи, например цитируемые на процессе высказывания адмирала флота и главнокомандующего кригсмарине в Норвегии Германа Бема.

24 августа 1939 г. Адольф Гитлер вернулся в Берлин. Нападение на Польшу должно было состояться 26.08. События последней мирной недели и обстановка в рейхсканцелярии вплоть до 3.09.1939 стали достоянием европейской и даже всемирной истории, когда—нибудь историки и исследователи дадут справедливую оценку драматическим хитросплетениям причин, поводов, амбиций и злой воли, приведших к развязыванию мировой бойни; к сожалению, у меня не сохранились дневниковые записи и документы, поэтому могу внести лишь посильный вклад в историческую хронологию тех бурных дней…

В первой половине дня 24 августа (1939) — не 25.8, как утверждает фон Риббентроп — Гитлер вызвал меня в

рейхсканцелярию. Бернардо Аттолико, итальянский посланник в Берлине, только что передал ему личное послание Муссолини, и фюрер зачитал мне несколько абзацев. Это был ответ главы итальянского правительства на отправленное из Бергхофа строго доверительное письмо фюрера, в котором тот сообщал дуче о намерении жесткого ответа Польше и ее европейским союзникам в случае их вооруженного противодействия при урегулировании данцигских проблем. В письме Гитлер умышленно перенес дату предполагаемого вторжения на более поздний срок. По его словам, на то имелись достаточно веские причины. Фюрер считал, что трудами «абсолютно надежного и преданного» германского дипломатического корпуса содержание всех его конфиденциальных посланий становится незамедлительно известно Лондону. Письмо было тонким стратегическим ходом с многоуровневым подтекстом: с одной стороны, фюрер демонстрировал всю серьезность своих намерений, с другой — дезинформировал поляков и британцев о начале операции. Кроме того, Польша получала последнее предупреждение, Англия провоцировалась на вооруженную интервенцию, а Италия подстегивалась к выступлению на стороне рейха…

Ответ Муссолини стал первым разочарованием фюрера в его многоходовой политической комбинации. Адольф Гитлер предполагал, что верная союзническим обязательствам Италия безоговорочно выступит на стороне Германии, как в свое время поступил он сам, и, руководствуясь «нерушимой верностью нибелунгов», поддержал Италию во время абиссинского конфликта. Муссолини сообщал, что итальянский король не считает военный конфликт с Польшей ситуацией, обязывающей Италию выступить на стороне Германии, и запретил ему проводить мобилизацию. Своей властью он не в состоянии отменять королевские эдикты, кроме того, в настоящий момент Италия не готова к войне — не хватает техники, оружия, амуниции; он располагает достаточными производственными мощностями, но катастрофически не хватает стратегического сырья; вот если бы Германия помогла медью, марганцем, сталью… он бы мог попытаться убедить короля пересмотреть свое отношение к участию в войне…

Прочитав до конца бесконечный перечень «итальянских потребностей», Гитлер заявил, что вызвал меня для того, чтобы узнать, можем ли мы гарантировать поставки стратегического сырья в Италию. По его предложению Аттолико уже отправил запрос в Рим — в настоящий момент выясняется минимальная потребность итальянской военной промышленности в стратегических материалах и номенклатура сырьевых поставок.

Потом наступило отрезвление. Гитлер крайне болезненно пережил отступничество «верного дуче»:

> «Теперь я убедился в том, что англичане были прекрасно осведомлены о предполагаемом демарше Муссолини. В противном случае они бы уже давно заняли более жесткую позицию и поддержали поляков. Увы, результаты прямо противоположны моим ожиданиям…»

Гитлер был потрясен, но старался держать себя в руках. Он предположил, что Великобритания напрямую увязывает вопрос выступления на стороне Польши с позицией итальянцев. Я отправился в военное министерство для консультаций с генералом Томасом по поводу наличия стратегического сырья и возможности скорейшей отправки первой партии итальянцам.

Во второй половине дня последовал новый вызов в рейхсканцелярию. Гитлер пребывал в еще более взвинченном состоянии, чем во время моего утреннего визита.

Я едва успел переступить порог кабинета, как фюрер разразился длинной тирадой. Он только что получил срочную депешу пресс—секретаря министерства пропаганды Дитриха, из которой следует, что Англия уже сегодня намеревается подписать пакт о взаимной помощи с Польшей. Подтверждения из министерства иностранных дел еще не поступало, но дипломаты всегда работают медленнее телеграфных агентств, поэтому он не сомневается в достоверности депеши. Необходимо немедленно приостановить выдвижение войск — ему нужно выиграть время для новых переговоров, хотя на Италию полагаться решительно нельзя.

По моему приказу Шмундт принес план—график, на котором были расписаны все мероприятия военно—политического характера ОКВ, ОКХ и ОКЛ до дня «Х» включительно. 23 августа Гитлер отдал приказ начать наступательную операцию против Польши на рассвете 26.08. Таким образом, войска уже вторые сутки выдвигались на исходные позиции с тем, чтобы в ночь с 25 на 26 августа выйти к государственной границе рейха. Фюрер распорядился: «Приостановить выдвижение войск. Отменить начало операции вплоть до особого распоряжения. Немедленно вызвать в рейхсканцелярию Браухича и Гальдера».

Браухич прибыл через полчаса. Гальдер находился в тот момент на командном пункте ОКХ в Цоссене. Отдав приказ о приостановке передислокации войск, генерал выехал в Берлин. Затем я присутствовал на длительном обсуждении ситуации с господами из ОКХ. Фюрера интересовал анализ возможных

последствий остановки передвижения войск, кроме того, он потребовал активизировать контрразведывательное обеспечение операции и соблюдать режим строжайшей секретности. В заключение фюрер сообщил, что 26.08.39 он назовет окончательную дату дня «Х».

26 августа, в первой половине дня, меня снова вызвали в рейхсканцелярию. Представшая моим глазам картина напоминала растревоженный муравейник: возбужденные, снующие взад—вперед по коридорам военные и штатские. Фюрер беседовал с фон Риббентропом в зимней оранжерее, в то время как Аттолико ждал его в музыкальном салоне. С минуты на минуту ожидали приезда британского посланника в Берлине Невилла Гендерсона.

Фюрер заметил меня и произнес:

«Риббентроп принес телеграмму из лондонского посольства: вчера ночью Англия и Польша подписали пакт о взаимопомощи. Разве я не говорил вам вчера, что во всем виноваты итальянцы? После того как Италия заявила о своей позиции в германо—польском конфликте, англичане ратифицировали пакт. Немедленно прекратите все передвижения армейских частей — мне нужно время для переговоров. Вызовите ко мне Браухича и Гальдера, а сами идите в музыкальный салон. Аттолико доложит о полученном из Рима ответе».

Отдав необходимые указания, я отправился в салон, где уже находились Гитлер и Риббентроп. Фюрер молча протянул мне текст письма с перечнем требующегося итальянцам сырья. Я откровенно потерял дар речи. Между тем фюрер обратился к Аттолико и заметил, что, по всей видимости, произошла ошибка при передаче текста или же банальная описка, поскольку указанные цифры фантастичны. Итальянец принялся уверять, что цифры подлинные — потребности итальянской промышленности в сырье действительно велики. Фюрер приказал мне связаться с нашим военным атташе фон Ринтеленом и еще раз уточнить цифры у генерала Каваллеро, начальника итальянского генштаба («Командо Супремо»).

Гитлер высказал предположение, что итальянцы умышленно указали заведомо нереальный тоннаж требующегося им сырья, чтобы мы отказались от обязательств, а дуче с «чистой совестью» умыл бы руки.

Поступившая от фон Ринтелена информация подтвердила аутентичность итальянских запросов, которые Германия была просто не в состоянии удовлетворить.

Главнокомандующий сухопутной армией и начальник генштаба уверили Гитлера в том, что передислокация немецких

войск к польской границе осталась незамеченной неприятелем — маскировка не нарушена. В ответ фюрер назвал окончательную дату операции — 31.8.1939. Соответствующий приказ в войска поступит 30.08, не позднее 17.00.

В последующие дни я находился в рейхсканцелярии с утра до позднего вечера, однако беседовал с Гитлером только трижды, поскольку он проводил одно политическое совещание за другим.

Первая беседа состоялась в зимней оранжерее, когда Гитлер зачитал мне список политических требований немецкого правительства:

1. Вольный город Данциг возвращается в состав германского рейха.

2. К нему через коридор прокладывается экстерриториальная железная дорога и экстерриториальная автострада.

3. В состав рейха возвращаются не менее 75 % земель, заселенных фольксдойче.

4. Под контролем международных организаций в отторгнутых областях необходимо провести референдум о возвращении в состав рейха.

Гитлер спросил, что я думаю по этому поводу; я ответил, что требования более чем умеренные и абсолютно справедливые.

Во второй раз я встретился с Гитлером 30.08. Он сказал, что у него нет ни минуты свободного времени для меня, поскольку как раз сейчас он собирается диктовать ответ Даладье. Тот взывает к чувству фронтового братства и призывает не допустить развязывания войны. Искреннее и доброе письмо фронтовика— окопника — пример того, как относятся к проблеме войны за коридор во Франции.

Третий раз я встретился с фюрером на совещании вместе с Браухичем и Гальдером во второй половине того же дня. Гитлер в очередной раз перенес день «Х» — теперь на сутки, на 1.09 (1939). Он объяснил, что вплоть до 31.08 включительно намеревается ждать появления полномочного представителя польского правительства или наделения соответствующими полномочиями польского посланника в Берлине Липского. 1.09 — последний срок начала операции; если Варшава не примет ультиматум, день «Х» переноситься не будет.

У нас создалось впечатление, что фюрер сам не верит в то, что говорит. До сих пор наша уверенность в возможности избежать военной конфронтации базировалась на секретном германо—советском договоре от 23.08.1939 г.: в случае объявления Германией войны Польше Сталин выразил намерение принять участие в разделе польского государства и осуществить демаркацию областей, входящих в сферу интересов Германии и

СССР, т. е. однозначно дал понять, что Советский Союз примет участие в оккупации Польши. Мы были убеждены, что, оказавшись в патовой ситуации, польское правительство никогда не решится на войну на два фронта, кроме того, мы верили, что Гитлер действительно стремится к мирному разрешению разногласий.

На всякий случай я вызвал Йодля в Берлин сразу же после совещания Гитлера с генералами в Бергхофе 23.8.39. Согласно мобилизационному предписанию с 1.10.1938 по 30.9.1939 он по—прежнему сохранял за собой пост начальника штаба оперативного руководства вермахта, т. е. находился в распоряжении ОКВ. Йодль прибыл в Берлин 26 или 27 августа и был, само собой разумеется, не в курсе последних событий — оберст Варлимонт и я кратко проинформировали его о происходящем.

В конце июля или в начале августа я отправил ему депешу с подтверждением назначения на должность командира вновь формируемой 2 горнострелковой дивизии в Райхенхалле — лишнее доказательство того, что в то время я даже не помышлял о возможности скорой войны. В ночь на 3 сентября я представил Йодля Адольфу Гитлеру в салон—вагоне спецпоезда фюрера по пути на Восточный фронт.

1 сентября 1939 г. началось планомерное наступление вермахта на востоке. На рассвете авиакрылья люфтваффе нанесли удар по железнодорожным узлам, мобилизационным центрам, военным и гражданским аэродромам. Официального объявления войны не последовало — накануне Гитлер категорически отклонил наше предложение поступить сообразно законам и обычаям войны…

Он никогда не посвящал солдат в свои политические планы — мы не знали, на каких условиях он готов прекратить войну с Польшей и в какой мере можно рассчитывать на нераспространение вооруженного конфликта на западные державы. Гитлер объяснил нам, что ультиматум, а затем и объявление войны Германии правительствами Франции и Англии является вмешательством в наши внутренние дела и проблемы, касающиеся исключительно германо—польских отношений. Этот конфликт не затрагивает экономических и политических интересов других держав, кроме Англии и Франции. Опасения военных по поводу неизбежности войны на два фронта беспочвенны: связанная пактом о взаимопомощи Англия ограничит свое участие парой—тройкой демаршей на политическом уровне, поскольку не в силах противодействовать рейху ни на суше, ни на море. Франция также не готова к войне и не намерена выступать на стороне коалиции из—за британских

обязательств перед поляками. Все это — не более чем политическая демонстрация, декларация намерений, рассчитанная на обывателя, — серьезно к этому относиться нельзя, во всяком случае, он никому не позволит водить себя за нос.

У нас, солдат, было множество причин для сомнений, хотя многим хотелось поверить в то, что и на этот раз, ведомый инстинктом прирожденного политика, Гитлер не ошибся и его оптимизм оправдан. Между тем в ежедневных сводках сообщалось об авангардных боях местного значения и французских атаках наших позиций в предполье между «линией Мажино» и «Западным валом». Наши немногочисленные гарнизоны несли потери, однако огневое соприкосновение с противником было непродолжительным и носило характер разведки боем. С чисто военной точки зрения тактика сковывающих боев, взятая на вооружение французами, выглядела маловразумительной, необъяснимой и противоречащей всем канонам воинского искусства: лучшего момента для перехода в наступление, чем тот, когда наши главные силы были связаны на Восточном фронте, французам трудно было ожидать. Это стало для нас серьезной оперативной загадкой: неужели Гитлер прав, и западные державы не протянут руку помощи гибнущей Польше?

Спецпоезд фюрера стоял на полигоне в Грос—Борнс. Каждый второй день мы выезжали в войска и с раннего утра и до поздней ночи находились на командных пунктах и в штабах армий Восточного фронта. На моей памяти Гитлер только дважды вмешался в ход операции, руководство которой осуществлял главнокомандующий сухопутными войсками и его генштаб: первый раз он потребовал усилить северный фланг наступавшей из Восточной Пруссии группировки и перебросить в Восточную Пруссию танковые соединения для расширения фронта и завершения операции по окружению польской армии на варшавском направлении к востоку от Вислы; затем потребовалось оперативное вмешательство в действия командующего 8 армией генерала Бласковица (группа армий «Юг» генерал—оберста фон Рундштедта). В остальных случаях Гитлер ограничивался оперативными совещаниями и консультациями с главнокомандующим сухопутными войсками. Польская кампания характеризовалась более активным использованием фронтовой авиации. Гитлер, действуя в интересах армии, ежедневно связывался с Германом Герингом для обсуждения воздушной обстановки.

Ежедневное обсуждение положения на фронте на передвижном КП, оборудованном в салон—вагоне фюрера, я

препоручил Йодлю, располагавшему для этого крайне ограниченным штатом сотрудников и тремя офицерами связи — по одному от каждой из трех составных частей вермахта — несмотря на то, что они были прикомандированы сюда в качестве офицеров связи главнокомандующего сухопутными войсками. В поезде было недостаточно места даже для того, чтобы укомплектовать полный штат связистов.

Хотелось бы упомянуть о наиболее ярких впечатлениях инспекционных поездок на передний край:

1) 3.9.39 выезд на КП командующего 4 армией фон Клюге. Доклад об оперативной обстановке, завтрак и впечатляющая картина польских потерь на поле сражения в Тухольской пустоши.

2) Оперативное совещание на КП командира 2 армейского корпуса генерала Штрауса и выезд на передний край при форсировании Вислы под Кульмом, где фюрер наблюдал за боями, развернувшимися за плацдарм на вражеском берегу.

3) Осмотр предмостных укреплений генерала Буша (7 армейский корпус), форсирование Сана, битва за плацдарм и эвакуация раненых в тыл.

4) Выезд на позиции 30 дивизии и посещение КП моего друга генерала фон Бризена. Обеспечивая охранение фланга 8 армии Бласковица, его дивизия отразила попытку прорыва превосходящих сил окруженной под Лешицей польской армии. Дивизия понесла тяжелые потери, сам Бризен остался в строю и отказался от эвакуации в тыл, несмотря на огнестрельное ранение левого предплечья, которое он получил, поднимая в атаку последний батальон оперативного резерва. На обратном пути по простреливаемой противником дороге — на КП мы добирались пешком и только после настоятельных просьб фюрера — Гитлер сказал мне:

«Великолепный генерал старопрусского образца — на таких держится вся армия. Я хочу, чтобы уже сегодня он стал первым дивизионным командиром—кавалером «Рыцарского креста». Своим мужеством он спас армию Бласковица…»

5) Перелет и посадка на военном аэродроме под Варшавой с последующим выездом на передний край, переправа через Вислу по мосту системы Бираго, поездка на КП начальника артиллерии 2 армейского корпуса, корректировавшего огонь своих батарей по внешним укреплениям польской столицы с колокольни северо—восточнее варшавского пригорода Прага.

Здесь фюрер получил донесение о гибели генерал—оберста фон Фрича во время выдвижения 12 артиллерийского полка на передний край.

6) Выезд на позиции обложения Варшавы с западного направления и наблюдение за артобстрелом варшавских пригородов с башни столичного ипподрома.

20.9.39 передвижная штаб—квартира фюрера перебралась в Сопот. Оттуда мы выехали на места ожесточенных боев — в район Вестерплатте, на побережье Данцигской гавани. Здесь на высотах под городом—портом Гдингеном стояла насмерть Померанская дивизия пограничной охраны, бились не щадя живота своего солдаты и офицеры, воспитанники фон Бризена в бытность его командиром дивизии ландвера «Ост». Офицерский корпус дивизии, представленный потомственными померанскими офицерами—дворянами, понес здесь жестокие потери.

25 сентября 1939 г. в Берлине перед Залом памяти павших героев у Арсенала состоялась торжественная церемония в честь генерал—оберста фон Фрича. Из—за нелетной погоды фюрер отменил свое участие в церемонии. Я рискнул подняться в воздух вместе со своим пилотом оберштабс—инженером авиаотряда ОКВ Функом. Мы приземлились на аэродроме в Штеттине, поскольку Берлин—Темпельхоф не принимал. После часа ожидания мы взлетели в расчете на то, что погода наладится. Полет проходил в очень сложных метеоусловиях и при практически нулевой видимости, однако по приборам Функу удалось посадить самолет на военном аэродроме в Штакене под Берлином. Я едва успел на церемонию и возложил венок от имени фюрера. В траурной процессии ко мне присоединился фон Браухич, и вместе с представителями вермахта, государственными чиновниками, сотрудниками дипломатических миссий мы проследовали к кладбищу Инвалидов.

Во время польской кампании генерал—оберст фон Фрич сопровождал 2–й дивизион 12 артиллерийского полка, шефом которого он был. Гитлер долго колебался, назначать ли ему Фрича командующим Отдельной армией в Восточной Пруссии или группой армий, как настойчиво советовали ему Браухич и я. Однако решил не делать ни того, ни другого, мотивируя тем, что в противном случае ему придется давать армию и фон Бломбергу, а он, Гитлер, к этому еще морально не готов. По свидетельству Шмундта, в то время фюрер еще не отказался от намерения вернуть Бломберга, но только не на высшие командно—штабные должности.

Считаю уместным опровергнуть циркулирующие слухи о том, что Фрич якобы сам искал смерти на поле боя. По свидетельству офицера, в моем присутствии сообщившего фюреру о трагической гибели генерала, смертельное ранение было нанесено шальной пулей во время беседы с офицерами штаба дивизии, так что Фрич

скончался на их глазах уже через несколько минут.

Польская кампания закончилась парадом победы в наполовину разрушенной Варшаве, куда фюрер и я вылетели из Берлина.

Перед отлетом в Берлин должен был состояться торжественный завтрак в честь фюрера. Когда Гитлер вошел в здание аэропорта, где был сервирован огромный подковообразный стол, то неожиданно вспылил и сварливо произнес, глядя поверх головы ошеломленного Браухича: «Я ем только из солдатского котелка, стоя у походной кухни…» Затем он поднялся в самолет и приказал пилоту сию же минуту взлетать. Я не мог понять, почему Гитлер проявил такую откровенную бестактность по отношению к главнокомандующему сухопутной армией и незаслуженно обидел присутствовавших офицеров. Через некоторое время, когда внезапный приступ раздражительности фюрера миновал, я заметил, что он испытывает неловкость и раскаяние. Несколько дней спустя я рассказал об этом фон Браухичу. Тот только пожал плечами и заметил, что было очень мило и без Гитлера…

Польские уроки и подготовка наступления на Западе

Сразу же после взятия Варшавы первые дивизии вермахта были переброшены на западное направление, хотя никакой необходимости в оперативном усилении Западного фронта не было: по—прежнему в предполье «Западного вала» завязывались вялотекущие бои местного значения. Вновь прибывшие дивизии выдвинулись на позиции под Ахеном и в направлении на север. Гитлер усиливал северный фланг фронта, испытывая опасения за откровенно слабо защищенные пограничные укрепления на германо—бельгийской и германо—голландской границах и в целях воспрепятствования обходному маневру французов и последующему вторжению в Рурскую область. Западные союзники так и не решились нарушить нейтралитет Бельгии, когда бельгийский король запретил прохождение войск антигерманской коалиции через свою страну. Об этом нам сообщили наши римские союзники: сестра бельгийского короля Леопольда III принцесса Мария Жозе была замужем за итальянским кронпринцем Гумбертом Пьемонтским…

Весьма показательной и поучительной была позиция Советского Союза, занимаемая им в ходе германо—польской войны. Само собой разумеется, что сразу же после начала боевых

действий против Польши Гитлер по дипломатическим каналам призвал Сталина к немедленным действиям и участию в походе — рейх был заинтересован в «блицкриге», поскольку мы опасались за незыблемость наших границ на Западе. Сталин, напротив, стремился получить свою долю польского пирога малой кровью и сообщил, что Красная Армия сможет начать наступление не раньше чем через 3 недели, которые потребуются ему для перегруппировки сил и завершения мобилизации. Военный атташе рейха генерал кавалерии Кестринг получил указания оказать давление на русских, но ответ оставался неизменным: РККА еще не готова к войне. Однако когда на юге немецкие дивизии форсировали Сан и Варшава оказалась непосредственно в районе боевых действий, Сталин решил пренебречь «небоеготовностью» своей армии и нанес удар с тыла по отступающим под немецкими ударами польским корпусам. Захватив тысячи пленных, русские вытеснили уцелевшие части поляков в Румынию. Ни на одном из участков фронта соединения немецких и русских частей не произошло: русские остановились на приличном удалении от демаркационной линии, и наши контакты ограничивались обменом разведывательной информацией.[65]

Еще в ходе боевых действий в Польше армейское руководство резко осудило действия ведомства Гиммлера и карательные акции СС на оккупированных территориях. Главнокомандующий сухопутными войсками выразил категорический протест в связи с тем, что, обладая всей полнотой командной власти на театре военных действий, не в состоянии контролировать распоясавшихся молодчиков рейхсфюрера СС и проводимые им «полицейские акции». 17 октября 1939 г., в основном усилиями фон Браухича, отказавшегося разделять ответственность за судьбу мирного населения с Генрихом Гиммлером, вермахту удалось передать управление оккупированными территориями гражданскому генерал—губернатору.

Польская кампания еще более выпукло обозначила разногласия между Гитлером и генералитетом: ОКХ и многие высшие офицеры по—разному оценивали боевую готовность вермахта к войне против западных союзников — как с военной, так и с политической точек зрения. Руководствуясь обескураживающим опытом 1–й мировой войны и «непроходимостью» укреплений «линии Мажино», против которых оказались бессильны практически все имевшиеся на тот момент средства разрушения, генералы отчасти справедливо утверждали, что без соответствующего перевооружения, переформирования и доукомплектования ослабленных дивизий мы не готовы к войне

на Западе. Причем особые возражения вызывала необходимость вести боевые действия в… зимний период. С точки зрения генералов, французы более чем откровенно продемонстрировали рейху свое нежелание воевать, отказавшись от штурма откровенно слабых оборонительных укреплений «Западного вала», причем в лучшее время года. С ними нужно вести переговоры, памятуя о том, что неприступность «линии Мажино» опять заставит нас атаковать северным флангом через Люксембург и Бельгию — со всеми вытекающими политическими последствиями, как это уже было в 1914–1918 гг.

Гитлер с полным на то основанием утверждал, что нарушение нейтралитета, например, Бельгии, со временем одинаково неизбежное для рейха и его противников, не самая большая опасность, поджидающая Германию на Западном фронте. Гораздо опаснее то, что каждый день промедления играет на руку врагу: выигрыш времени позволит Британии до мая 1940 г. увеличить численность только десантных дивизий с 4 до 20. При том, что практическая боеспособность французской и британской дивизии соотносится, как 1: 4. Однако решающим фактором, способным в конечном итоге определить исход сражения на Западе, может оказаться прорыв моторизованных франко—британских армий на северном фланге германского фронта через Бельгию с последующим отторжением рейнско—вестфальской области. Потеря индустриально—промышленного сердца Германии — Рура — означала бы тотальное поражение в этой войне…

Противоборством двух полярных точек зрения и определялась обстановка в высших эшелонах главнокомандования рейха в октябре 1939 г. В то время я твердо стоял на позициях ОКХ, что и привело к первому обострению наших отношений с Гитлером, возможно даже к некоторой утрате доверия с его стороны. Я не знаю, кто доложил ему о моей поездке в Цоссен к Браухичу и Гальдеру, однако когда я откровенно и в полном соответствии со служебными обязанностями начальника штаба ОКВ высказал ему свои соображения, разразился скандал. Гитлер кричал, что я устроил ему форменную обструкцию, что ОКВ снюхалось с генералами. Он требует, чтобы я не только разделял его точку зрения, но и всячески отстаивал ее перед ренегатами из ОКХ. Я тщетно пытался объясниться и напомнил фюреру, что всегда выступал проводником его идей и ратовал за проведение его линии перед генштабом сухопутных войск и фон Браухичем. Казалось, что Гитлер даже и не пытается услышать меня. Наконец последовали неправедные и оскорбительные для меня обвинения в открытой поддержке генеральской оппозиции.

Я был потрясен до глубины души и решил обсудить ситуацию со Шмундтом. Он всячески успокаивал меня и сообщил, что около полудня в рейхсканцелярии побывал приглашенный на обед генерал фон Рейхенау. Затем они долго беседовали с глазу на глаз, после чего Гитлер в состоянии крайнего возбуждения сообщил ему, что даже Рейхенау набрался наглости отстаивать точку зрения ОКХ. Видимо, этим и объясняется то, что сегодня вечером фюрер буквально набросился на меня.

Я попросил Шмундта оказать мне услугу и передать фюреру, что считаю решительно невозможным дальнейшее пребывание в должности ввиду столь откровенно проявленного недоверия и прошу его решить вопрос о моем новом назначении. Не знаю, каким образом передал Шмундт мое прошение об отставке, — в рейхсканцелярии я не появлялся, а весь следующий день сидел в своем кабинете и ждал вызова к фюреру.

К вечеру ситуация не прояснилась, тогда я написал рапорт на имя Гитлера и отправил его Шмундту.

Затем последовало нелицеприятное объяснение с фюрером. Он с язвительной сухостью заметил, что не принимает мою отставку и впредь не желает читать эпистолы, подобные этой. Он убедительно просит меня предоставить ему право самому выносить решения, кого и когда следует отстранять от должности, — и он не преминет сообщить мне об отставке, когда сочтет это нужным. Затем он сменил тон и заметил, что не намеревается драматизировать ситуацию и готов объяснить все происшедшее моей излишней впечатлительностью — он никогда не говорил, что лишает меня своего доверия. Посчитав конфликт исчерпанным, фюрер перешел к обсуждению текущего момента и заговорил о Рейхенау. Генерал позволяет себе лезть в политику, вместо того чтобы побеспокоиться о боеспособности вверенной ему группы армий. Нужно заниматься делом, а не разглагольствовать о выработке ресурса двигателей, износе гусеничных лент и т. п.

В заключение фюрер поставил меня в известность, что беседовал с Браухичем и тот изложил ему точку зрения ОКХ. С энергией, достойной лучшего применения, генеральный штаб упорно пытается заниматься не свойственным ему делом и вмешиваться в решение военно—политических задач. И это в тот момент, когда армия нуждается в восстановлении после польской кампании. Он отказывается понимать, почему до сих пор не приведены в порядок танковые войска, если для этого достаточно одной лишь доброй воли…

Он настаивает на том, чтобы я присутствовал на его повторной встрече с Браухичем. Он, Гитлер, уже принял решение

и в ближайшее время направит главнокомандующим составными частями вермахта собственноручный меморандум, в котором изложит свое видение проблемы.

Беседа с Браухичем состоялась на следующий день, 5.11.1939. Главнокомандующий сухопутными войсками и я молча выслушали стратегические выкладки фюрера по комплексу сформулированных ОКХ проблем. Браухич упомянул две причины, которые не позволяют ему согласиться с точкой зрения Гитлера:

1. Во время польской кампании немецкая пехота продемонстрировала свою несостоятельность — инертность, отсутствие боевого духа, тактическую леность и недостаточную выучку младшего начальствующего состава.

2. Некогда железная дисциплина упала, армия на пороге печальной памяти событий 1917 г. — алкогольные эксцессы, бесчинства на вокзалах и акты вандализма при перевозке ж.—д. транспортом. У него скопилось несколько рапортов от комендантов станций, судебных дел и представлений на возбуждение уголовных дел в связи с дисциплинарными проступками военнослужащих. Армия запущена и нуждается в интенсивном политико—воспитательном обучении, прежде чем бросать ее в бой против прекрасно обученного противника.

После этих слов Гитлер в состоянии крайнего возбуждения буквально выскочил из—за стола. Кто дал главнокомандующему право на основании отдельных примеров недостойного поведения военнослужащих облыжно обвинять всю армию? Ни один полевой командир не жаловался ему на отсутствие боевого духа у солдат. Как можно говорить такое о войсках, одержавших блистательную победу над сильным и коварным врагом? Как верховный главнокомандующий он отказывается выслушивать подобные инсинуации… Он требует незамедлительно передать ему все следственные материалы и судебные дела для личного ознакомления. С этими словами Гитлер покинул зал для совещаний, громко хлопнув дверью. Я понял, что Браухич окончательно исчерпал кредит доверия фюрера.

С этого момента Гитлер ежедневно запрашивал меня по поводу пресловутых судебных дел. Своими собственными глазами я видел только одно, которое фюрер раздраженно швырнул на мой письменный стол. Шмундт рассказал мне, что после той безобразной сцены Браухич подал прошение об отставке, которое Гитлер категорически отклонил.

В середине октября я и Йодль присутствовали на обсуждении оперативного плана «Запад» в штаб—квартире фюрера. Гитлер неоднократно прерывал докладчика — генерала Гальдера —

уточняющими вопросами и потребовал представить штабную карту с обозначениями и подробными примечаниями. Гальдер удалился, а Гитлер заметил, обращаясь к нам с Йодлем: «Да это же старый план Шлиффена с усиленным правым флангом и главным направлением удара вдоль атлантического побережья. Дважды такие номера не проходят! У меня прямо противоположные намерения — через несколько дней я изложу вам свой план и сам обсужу его с ОКХ».

Не вдаваясь в подробности, сообщу, что в конечном итоге среди множества точек зрения и оперативно—стратегических выкладок генералов возобладал план фюрера: танковые дивизии вермахта прорывают фронт под Седаном и вырываются на оперативный простор атлантического побережья в районе Абвиля с последующим заходом в тыл, расчленением, окружением и уничтожением англо—французских моторизованных армий, которые попытаются вторгнуться в Бельгию через франко—бельгийскую границу.

Я принял этот план, но с одной существенной оговоркой: если французы проявят известную тактическую гибкость и, не атакуя с ходу наш северный фланг, закрепятся в Бельгии — нам грозят серьезные неприятности.

Йодль не разделял моих опасений и, к счастью, оказался прав. Много позже фюрер с выражением явного удовлетворения на лице рассказал мне, что обсуждал этот план с генералом фон Манштейном, который единственный из всей армии поддержал его. Манштейн в бытность свою начальником штаба группы армий «Центр» фон Рундштедта действительно провел эту операцию с присущим ему блеском. В остальном только благодаря настойчивости и несгибаемой воле Гитлера в течение одной зимы откровенно слабые танковые соединения — фактически один—единственный корпус генерала Гейнца Гудериана — превратились в мощную танковую армию генерала кавалерии Пауля Людвига Эвальда фон Клейста.

В ответ на поползновения ОКХ к самостоятельности Гитлер изменил порядок доведения приказов: если раньше, часто минуя ОКВ, главнокомандующие составными частями получали приказы в устной форме, то отныне — только в письменном виде и от начальника штаба ОКВ. Верховное главнокомандование (штаб оперативного руководства) как рабочий штаб фюрера разрабатывал «указания», которые спускались по инстанции за подписью Гитлера или моей. К великому огорчению генштаба сухопутных сил, на первые роли стал выходить Йодль как начальник штаба оперативного руководства вооруженными силами.

Генеральное наступление было назначено на 25 октября. Столь малый срок на подготовку операции объяснялся желанием Гитлера максимально мобилизовать ОКХ на скорейшее завершение всех мобилизационных мероприятий и стратегического развертывания вермахта. Фактически переформирование и ремонт танкового парка не были как следует доведены до конца, мешала хроническая нехватка запасных двигателей, передаточных механизмов и гусеничных лент. По мере подготовки операции неизбежно возникали и прочие затруднения, кроме того, метеорологические службы давали малоутешительные прогнозы на будущее. Гитлер принял окончательное решение: наступление начнется только при устойчивой летной погоде, чтобы максимально использовать боевые возможности люфтваффе. Операция была перенесена на ноябрь, потом ударили морозы. Декабрь стал тяжелым испытанием для начальника центрального метеорологического управления ОКЛ доктора Дизинга: он обливался холодным потом при отправке фюреру ежедневной сводки погоды и на каждом оперативном совещании… Наконец фюрер принял решение перенести начало операции… на май.

Еще в октябре стали возникать опасения в связи с возможной высадкой британского десанта на побережье Норвегии и возникновением непосредственной угрозы операционным базам кригсмарине и люфтваффе. Контроль над акваторией Немецкой бухты позволял союзникам перерезать морские коммуникации надводного и подводного флотов, закрыть выход в Атлантику и подвергать массированным ударам с воздуха военные порты на балтийском побережье рейха.

В декабре 1939 г. родился план амфибийной операции «Учение на Везере» — захват норвежских портов атакой с моря. В составе штаба оперативного руководства вермахта был сформирован особый штаб, занимавшийся разработкой операции при активном участии Гитлера и главкома кригсмарине Редера. Следует добавить, что по приказу фюрера и из соображений особой секретности к оперативной разработке не привлекались ОКХ и ОКЛ. С учетом многократного превосходства британского флота (и расстояния в 2000 км до Нарвика) операция подпадала под разряд крайне рискованных. Впервые с начала войны ОКВ осуществляло общую разработку театра военных действий для кригсмарине, люфтваффе и сухопутной армии в качестве рабочего штаба верховного главнокомандующего вермахтом; впервые функции центральной командной инстанции были возложены на штаб оперативного руководства ОКВ; впервые генеральные штабы армии и люфтваффе были отстранены от

общего руководства операцией вторжения! Само собой разумеется, что при этом флот отвечал за высадку морского десанта, подвоз снабжения и пр., а сухопутные (десантные, посадочные и пр.) войска подчинялись непосредственно ОКВ.

Скандинавская кампания вермахта началась 9 апреля 1940 г…

(…)

Одним из наиболее неприятных инцидентов стала вынужденная посадка курьерского самолета люфтваффе под Мехеленом на территории Бельгии. Во вражеских руках оказались совершенно секретные оперативные документы и планы двух посадочно—десантных операций вермахта, которые перевозили два офицера люфтваффе. Командующий 2 воздушным флотом генерал авиации Гельмут Фельми, отдавший приказ об отправке документов командования из Мюнхена в Кельн, был отправлен в отставку. В связи с инцидентом фюрер подписал так называемый «Основополагающий приказ № 1» о сохранении военной тайны и соблюдении секретности, согласно которому осуществление всех наземных и воздушных операций происходило только с его ведома.

После того как 8 мая метеослужбы выдали благоприятный прогноз на ближайшие несколько недель, Гитлер назвал день начала операции — 10 мая 1940 г.

10 мая в 06.00 королева Нидерландов должна была получить пространное послание имперского правительства Германии с настоятельной просьбой к Ее Величеству дать разрешение на проход немецких войск через территорию Голландии, дабы избежать ненужного кровопролития и… сохранить целостность королевства. Несмотря на то, что въездная виза была заблаговременно получена в голландском посольстве в Берлине, спецкурьер министерства иностранных дел майор резерва Вернер фон Кивиц был арестован голландцами на пограничном контрольно—пропускном пункте, а секретное послание было изъято. Гаага узнала о предстоящем наступлении, получив убедительные доказательства из рук нашего дипломата. Канарис намекал, что подозревает в государственной измене статс—секретаря министерства иностранных дел барона Адольфа фон Штеенграхта ван Моиленда, но, изображая отчаяние, просил до выяснения всех обстоятельств дела ничего не говорить фюреру и фон Риббентропу. Сегодня я не исключаю, что сам Канарис и был тем самым «государственным изменником».

Нам слишком хорошо была известна цена лицемерных заявлений Голландии и Дании о «соблюдении нейтралитета». Об их двуличии свидетельствовала информация, поступавшая к нам

по разным каналам: от династических фамилий Бельгии и Италии; по линии СД, разоблачившей заговор британских спецслужб в ходе так называемого «инцидента в Венло» и т. д. Фактически они уже давно нарушили свой нейтралитет, когда раболепно терпели систематическое нарушение воздушных границ Королевскими ВВС Великобритании.

9 мая около полудня спецпоезд фюрера с соблюдением всех мыслимых мер секретности отправился от станции Груневальд в направлении на Гамбург. Средства массовой информации официально объявили о намерении фюрера посетить столицу Шлезвиг—Гольштейна 10 мая. С наступлением темноты мы круто изменили маршрут следования и около 03.00 прибыли на станцию Ойскирхен под Ахеном. Глубокой ночью на автомобиле мы перебрались в «Фельзеннест» — «Гнездо в скалах» — ставку фюрера на вершине поросшей лесом горы в безлюдной местности под Мюнстерэйфелем. В свое время эта неприступная подземная крепость—лагерь была построена «организацией Тодта» по прямому распоряжению фюрера.

Я занял «бетонный гроб» — маленькую комнату, естественно, без окон и с принудительной вентиляцией — рядом с фюрербункером. По соседству со мной — Йодль, на другой стороне коридора — адъютанты фюрера. Акустика была такова, что мне было прекрасно слышно, как Гитлер листает газетную подшивку.

Наш рабочий кабинет располагался в деревянном строении в пяти минутах ходьбы через лес: небольшая кладовая, три служебных помещения с дневным светом и крошечная спальня. Мы с Йодлем черной завистью завидовали его адъютанту — прикомандированному майору генштаба Вайценеггеру, постоянно проживавшему здесь, «на свежем воздухе». В получасе езды на автомобиле по лесным дорогам располагался барачный лагерь и штаб—квартира главнокомандующего сухопутной армией. Идеальная маскировка не позволяла обнаружить местоположение обоих лагерей с воздуха. Правда, британские ВВС дважды бомбили ж.—д. вокзал в Ойскирхене, но это было достаточно далеко от нас.

Я счел вполне уместным вставить в первую же сводку ОКВ от 10 мая фразу о том, что «фюрер возложил на себя верховное главнокомандование действующими на западном театре военных действий войсками…». Это вызвало возражение Адольфа Гитлера, который хотел остаться анонимным и не лишать своих генералов заслуженной славы. Однако я не уступал и продолжал уговаривать его не менее получаса — нация должна знать, кто поднимает дивизии в бой и ведет армии к победе. Наконец с

большим трудом он согласился.

И это было отнюдь не желание польстить: фюрер не только самым скрупулезным образом анализировал и разрабатывал оперативные нюансы каждой операции, но и подробнейшим образом вникал в суточные уроки едва ли не каждой дивизии на главном направлении удара. С конца октября 1939 г. Гитлер обязал командующих группами армий и армиями в подробностях докладывать ему о предполагаемом ходе предстоящих операций. Это был настоящий экзамен, во время которого генералы отвечали на массу «трудных» вопросов о характере местности и наличии естественных преград, тыловом обеспечении и пр. Его критические оценки, замечания и предложения убеждали генералитет в том, что фюрер глубоко проникает в суть оперативных замыслов командования и сам он — далеко не «дилетант от стратегии».

Предметом особого внимания Гитлера стал план наступления ударной танковой группы фон Клейста через Арденны на Абвиль. Гитлер считал зону оперативного прорыва идеальным театром танковых сражений, постоянно подчеркивая при этом, что решающим фактором победы станет стремительное, без оглядки на фланги, продвижение вперед. Особая статья — организация подвоза снабжения, горючего и т. д. Проблема обеспечения должна быть разработана не менее тщательно, чем планы боевой операции, и в этом будет состоять главная задача начальника штаба танковой группы Цайцлера.

Гитлер самым подробным образом обсудил все фазы предстоящей операции с командующим 16 армией генералом пехоты Эрнстом Бушем. На его армию возлагалось обеспечение охранения южного фланга ударной группы фон Клейста, и, в конечном итоге, только от его дивизий зависели успех или неудача плана всей кампании…

За 43 дня кампании на Западе, с 10.5 по 22.6.1940, Гитлер вылетал на фронт только 4 или 5 раз — слишком велика была опасность перелетов над театром военных действий, с учетом воздушной обстановки. Однако он старался как можно чаще встречаться с командующим сухопутными войсками для обсуждения оперативно—тактических вопросов. Все известные мне встречи проходили в корректной деловой обстановке и без каких—либо серьезных разногласий с обеих сторон. В первой фазе операции, примерно до середины июня, мне приходилось регулярно вылетать на передний край в редкие периоды затишья на воздушном фронте — мой старый добрый Ю–52 летел на сверхнизких высотах, так что вражеские разведчики и истребители были нам не страшны.

Лихорадочное возбуждение первой ночи кампании не улеглось и к утру — ставка была преисполнена тревоги и ожидания донесений о достижении тактической внезапности удара. Гитлер проявлял особое беспокойство по поводу спецоперации в Бельгии — захвата форта—крепости Эбен—Эмаэль на канале Альберта комбинированной атакой сухопутных и посадочно—десантных частей (с использованием транспортных планеров). В свое время он лично отрабатывал все детали операции с командирами и унтер—офицерами парашютного и приданного ему саперного батальонов на макете, построенном на секретном полигоне в Дессау.

Только по одному вышеописанному эпизоду можно представить себе, как нам приходилось «вкалывать» и почему иной раз обсуждение оперативного положения на фронтах и доклады затягивались на долгие часы. Фюрер целенаправленно приучал нас к методу руководства войсками, отличному от традиционных умений и навыков германского генералитета, личным примером доказывал необходимость разработки до мелочей операций любой степени сложности, а не обычной до недавних пор практике «спихивания» приказов по инстанции.

Фюрер появлялся в нашем барачном лагере дважды в день — около полудня и на вечернем докладе, который обычно делал Йодль. Кроме Западного фронта, ОКВ занималось норвежским театром военных действий, доставлявшим нам в течение всего мая немало беспокойства в связи с реальной угрозой утраты плацдарма в результате англо—французского контрнаступления. Каждые вторые сутки я вылетал в расположение войск, главным образом в штаб—квартиру группы армий фон Рундштедта, осуществлявшего сложный маневр — операцию прорыва с захождением на север. Начальником штаба был генерал фон Зоденштерн, мой старинный приятель и сослуживец по управлению рейхсвера в 1926–1923 гг. С ним я мог обсудить любые вопросы и пожелания фюрера, не опасаясь жалоб в ОКХ (Гальдеру) и обвинений по поводу «вмешательства высшего командования во внутренние дела».

Наши отношения с фюрером развивались гармонично. Определенные разногласия вызвали инициированные кронпринцем публикации мировой прессы о трагической гибели его сына и захоронении праха погибшего в Потсдаме.[66] Фюрер сказал мне, что не желает ритуального пролития королевской крови, и запретил призывать в действующую армию сыновей династических фамилий. Я придерживался той точки зрения, что служба в армии во время войны — не только священная обязанность каждого немца, но и его неотъемлемое право, будь

он простым рабочим или принцем крови. Однако мне не удалось настоять на своем — и все принцы некогда правивших королевских домов были отозваны с передовой.

Вступление Италии в войну не улучшило оперативную обстановку на фронтах, а стало для ОКВ дополнительной обузой. Гитлеру не удалось сдержать порыв «воинственных римлян» хотя бы на некоторое время. Мы были кровно заинтересованы в этом, поскольку намечаемый дуче прорыв укреплений Альпийского фронта требовал поддержки с воздуха и вынуждал нас ослаблять действующие на парижском направлении подразделения люфтваффе, распылять силы и отправлять несколько авиагрупп в распоряжение «Командо Супремо». Несмотря на слабость французских укреплений в Альпах и нашу поддержку с воздуха, боевой дух итальянцев быстро сошел на нет, и наступление остановилось. Они вспомнили о своем союзническом долге, когда посчитали Францию окончательно поверженной. В дальнейшем римские воители стали для нас настоящим данайским даром — ничто не нанесло большего вреда установлению взаимопонимания с побежденными французами, чем амбициозные притязания Италии, отстаивать которые фюрер считал своим долгом.

Вершиной моей деятельности на посту начальника штаба ОКВ стало заключение перемирия с Францией в Компьенском лесу 22.6.1940 г. Требования победителей были разработаны штабом оперативного руководства накануне окончательного поражения французов и после обращения французской стороны с предложением заключить перемирие были сформулированы в моей редакции. В остальном мы не спешили, поскольку, прежде чем перейти к переговорной стадии, фюрер стремился к достижению определенных оперативных успехов, например выходу к швейцарской границе.

После того как время и место проведения переговоров были окончательно определены, Гитлер взял составленный мной текст соглашения на доработку и уточнение. После внесения поправок содержательная часть осталась без существенных изменений, но стилистически сам документ уже не имел ничего общего с составленным мной, была изменена и казавшаяся мне подобающей форма изложения, например, текст преамбулы был разработан и написан самим Гитлером от начала и до конца.

Торжественная церемония состоялась в специально привезенном салон—вагоне маршала Фоша, на том же месте в Компьенском лесу, где в 1918 году Германия униженно молила союзников о мире. Я был преисполнен чувства глубокого удовлетворения от свершившегося за унижения Версаля

возмездия, с одной стороны, и уважения к солдатской чести побежденных, с другой…

Несмотря на то, что с согласия Геринга и Гитлера я уже пошел на определенные уступки в вопросе разоружения французских ВВС, на следующий день переговоров французы попытались получить новые послабления. По данным службы радиоперехвата, премьер—министр Петэн требовал от руководителя французской делегации «выжимать» из ситуации все возможное. Генерал Шарль Хунтцигер отвечал, что это невозможно из—за занятой немцами бескомпромиссной позиции и манеры ведения переговоров.

В 17.00, когда французы опять удалились на совещание, я передал им ультиматум через главного переводчика министерства иностранных дел посланника Пауля Шмидта: принять решение до 18.00. Вскоре они вернулись с новым списком требований, вероятно, полученным от Петэна. Я объяснил, что больше обсуждений не будет и я прерву переговоры как безрезультатные, если не получу окончательного ответа до 18.00, а договор в его нынешней редакции так и не будет подписан. Французы отправились на последнее совещание. Несколькими минутами после 18.00 был сделан последний телефонный звонок, и Хунтцигер объявил, что уполномочен подписать соглашение…

Пока главные силы немецкого Западного фронта совершали сложнейший маневр захождения южным флангом, бельгийский король согласился на капитуляцию, а в Северной Франции, под Дюнкерком, экспедиционная армия британцев эвакуировалась морем. Разгром Великобритании, подготовленный всем ходом нашего наступления, свершился не в полной мере, хотя следы безудержного и панического бегства на ведущих к северному побережью дорогах представились мне самой ошеломляющей картиной, которую я когда—либо лицезрел…

Гитлер так никогда и не признался нам, солдатам, что сразу же после победы над Францией рассчитывал на прекращение войны с Великобританией. Мне достоверно известно, что в этом направлении им предпринимались определенные шаги и попытки политического зондажа. Несколько лет спустя в ответ на мои вопросы фюрер заявил, что, кроме «предложений британскому правительству» в речи на заседании рейхстага от 19 июля 1940 г., никаких попыток сближения не предпринимал. Что ж, в один прекрасный момент правду о тех далеких событиях провозвестят миру британские архивы.

Памятное заседание рейхстага состоялось 19.07.40. Мы прилетели в Берлин из штаб—квартиры фюрера в Шварцвальде.

Ни до, ни после мне не доводилось увидеть весь цвет германского генералитета в полном составе. Мне было отведено место за Редером и Браухичем в правительственном ряду непосредственно позади имперских министров. Геринг принял на себя председательство и вел заседание рейхстага. Появление в зале заседаний Адольфа Гитлера было встречено бурным ликованием — так же, как встречали его на Ангальтском вокзале при прибытии в Берлин и торжественном вступлении в столицу через Бранденбургские ворота…

Чествование вооруженных сил стало самым ярким впечатлением моей солдатской жизни. Оказание воинских почестей и поименное оглашение командующих, главным образом, армии и люфтваффе, удостоенных высших наград и чинов, превзошли все мыслимые ожидания (Герман Геринг был произведен в рейхсмаршалы и награжден «Большим крестом» «Железного креста»). Я испытал определенную неловкость, услышав свое имя в списке награжденных. Я был ошеломлен тем, что получил право встать в один ряд с прославленными полководцами Германии, поскольку никогда не командовал армиями и, увы, не имел полководческих талантов. Я считал, что не достоин такой награды как начальник штаба ОКВ, и не совсем понимал, за какие заслуги произведен в генерал—фельдмаршалы статс—секретарь министерства воздушного флота генерал—оберст Мильх, а, например, генерал авиации становится генерал—фельдмаршалом, а не маршалом авиации…

Гитлер высоко оценил деятельность ОКВ и назвал штаб оперативного руководства «моим оперативным штабом вермахта». Особым указом фюрера генерал Йодль, начальник штаба оперативного руководства, минуя звание генерал—лейтенанта, был произведен в генералы артиллерии.

Вскоре после заседания рейхстага фюрер перебрался в Бергхоф, а через некоторое время вслед за ним в Берхтесгаден последовали я, Йодль и несколько сотрудников ОКВ. В конце июля я получил 10 суток отпуска и отправился к друзьям в Померанию, а оттуда на полуостров Дарс — к моему старому знакомому старшему лесничему Мюллеру. Это были мои последние беззаботные дни: охота на косуль, оленей и кабанов. Потом я поехал в Хельмшероде, бродил с Иллингом по полям и последний раз ощутил себя землевладельцем, кем мне так хотелось, но не удалось стать…

Глава 2. Поход на Россию

В. Кейтель
25.09.1946

Господину адвокату доктору Нельте! При сем посылаю требующееся вам дополнение к моему допросу на процессе касательно моих показаний о начале войны против России: предыстория, введение, подготовка и начало войны с осени 40 по 41 включительно.

В. Кейтель

Операция «Барбаросса»

Вернувшись из отпуска 10 авг. 1940 г., я пребывал в полном неведении относительно новых планов Гитлера. Достоверно мне было известно только то, что следует окончательно распроститься с надеждами на скорейшее завершение войны с Британией. За спиной островитян маячила Америка с ее неограниченными ресурсами. Отказ от запланированного вторжения осенью 1940 г. и его последующий перенос на весну 1941 г. заставлял нас искать и другие способы принудить Англию к заключению мирного соглашения.

Фюрер поручил мне встретиться с маршалом Бадольо, начальником итальянского генштаба, и обсудить с ним вопрос оказания военной помощи Италии в ее североафриканской кампании против Англии и целесообразность отправки двух немецких танковых дивизий на африканский театр военных действий, учитывая то сложное положение, в котором оказался главнокомандующий Триполитанским фронтом маршал Грациани в пограничных районах итальянских колониальных владений. Переговоры состоялись в Инсбруке — около полутора суток мы с Йодлем обсуждали этот и другие вопросы ведения войны с итальянцами (активизация ПВО военных заводов в Верхней Италии, снабжение горючим и пр.).

Бадольо наотрез отказался от нашей помощи, мотивируя свое решение абсолютной невозможностью боевого использования бронетехники в Африке ввиду «низкой маневроспособности танков в условиях триполитанской пустыни». Единственным положительным результатом наших переговоров стала… ветчина, несколько банок которой маршал прислал в наш гостиничный номер в порядке решения «продовольственной проблемы»! Несолоно хлебавши мы вернулись в ставку, правда, итальянцев удалось убедить в необходимости отправки в Северную Африку спецштаба под началом генерал—майора Ганса фон Функа для

изучения вопроса боевого использования танков в Триполитании.

В порядке совместного ведения боевых действий против Британии фюрер и дуче заключили предварительное соглашение об отправке усиленного контингента люфтваффе в Южную Италию для противодействия британцам в Средиземноморье — в первую очередь для ликвидации опорного пункта Мальта (военно—морской и военно—воздушной базы противника в регионе) — и защиты средиземноморских коммуникаций наших союзников, прежде всего «Италия — Триполи». К сожалению, оказание такого рода помощи не могло обойтись без серьезного ослабления наших воздушных флотов. В виде «компенсации» Муссолини уговорил Гитлера задействовать в «битве за Атлантику» итальянский подводный флот. Впоследствии итальянские подводники доставили нам едва ли не больше хлопот, чем… итальянские летчики—истребители, продемонстрировавшие свою полную несостоятельность в воздушных сражениях с Королевскими ВВС на севере Франции. В свое время фюреру не удалось отказаться от услуг «соколов Муссолини», теперь настал черед итальянских субмарин… Гитлер сказал мне, что ему не хотелось бы обижать чувствительного Муссолини недоверием, тем более что мы все равно собираемся отправлять наш подводный флот в Средиземное море.

Втайне от Муссолини Гитлер планировал совершенно секретную операцию по захвату Гибралтара (план «Феликс»), само собой разумеется, при «непротивлении» нашим намерениям Испании. Сама операция находилась в стадии военно—дипломатической рекогносцировки.

Серьезное беспокойство вызывали планы фюрера относительно возможности войны против Советского Союза. Первый обстоятельный разговор на эту тему состоялся в присутствии Йодля сразу же после моего возвращения из отпуска. По словам Гитлера, это было дальнейшим продолжением его бесед с Йодлем, которые он вел в мое отсутствие, начиная с конца июля. Мне стало известно, что ОКВ всесторонне изучает вопрос об ускоренной переброске на восток дивизий вермахта, дислоцирующихся во Франции. Между тем Гитлер уже отдал приказ главнокомандующему сухопутными войсками о сосредоточении ударной группировки в польском генерал—губернаторстве для последующего развертывания немецких дивизий… против русских армий, дислоцирующихся в Прибалтике, Бессарабии и Буковине, по словам фюрера, «внушающих ему серьезные подозрения относительно ближайших планов советского руководства».

Я сразу же обратил внимание фюрера на то обстоятельство,

что в конечном итоге Восточный фронт окажется ослабленным из—за отсутствия тех 40 или 50 дивизий, а также и соединений люфтваффе, которые в настоящий момент связаны в Норвегии, Франции и Италии. Нет никакой возможности перебросить их на восток, поскольку было бы величайшей ошибкой оголить наш Западный фронт.

Гитлер немедленно возразил: это не аргумент, когда речь идет о безопасности рейха. Он уже отдал приказ Браухичу удвоить число танковых дивизий на восточном направлении. Немецкий народ пошел на огромные жертвы, создавая вермахт. Современная мобильная немецкая армия предназначена вовсе не для того, чтобы отсиживаться в тылу, отдавая противнику территориальное преимущество. Врага нужно бить на его территории. Еще ни одна война не заканчивалась сама по себе. Мы не сможем атаковать британцев весной 1941 г., а о высадке на острова вообще придется забыть.

Все выглядело так, как если бы он продолжал давно начатый разговор с Йодлем. Я молча слушал и решил сразу же после беседы поинтересоваться у Йодля, какие вопросы обсуждались в мое отсутствие и какие были приняты решения…

На следующий день я испросил разрешения фюрера коротко обсудить упомянутую им угрозу со стороны России. Гитлер объяснил мне, что в своих намерениях он исходит, прежде всего, из осознания неизбежности столкновения двух диаметрально противоположных мировоззрений. Неотвратимость военной конфронтации заставляет его действовать решительно и без промедления — во имя будущего Германии он возложит решение этого вопроса на себя, а не оставит своему преемнику. Имеются все признаки того, что Россия готовится к войне против рейха: пользуясь тем, что наши главные силы связаны на Западе, она уже давно вышла за рамки германо—советских договоренностей по Прибалтике и Бессарабии. Пока речь идет только о некоторых мерах предосторожности, чтобы Советы не застигли нас врасплох. Окончательное решение будет принято не раньше, чем он убедится в основательности своих подозрений. На мое замечание о том, что наши главные силы связаны на других театрах, фюрер ответил, что уже принял решение о сокращении нашего военного присутствия во Франции и отдал приказ о формировании новых дивизий…

Обойду молчанием дальнейшее развитие наших отношений с СССР, визит Молотова в начале ноября и решение Гитлера о подготовке кампании на Востоке.[67]

Мое отношение к планам войны с Россией оставалось неизменным, и я по—прежнему считал, что наш потенциал

слишком слаб; главные силы связаны на европейском, норвежском и африканском театрах военных действий; для нас невозможно длительное ведение войны на два фронта; появление нового континентального противника — России — облегчит положение Британии и подтолкнет Америку к вступлению в войну.

Правда, после нанесения превентивного удара по Советскому Союзу я был принужден признать, что опасения Гитлера по поводу предстоящего нападения русских на Германию имели под собой все основания. Однако, руководствуясь своими впечатлениями от визита в Россию на осенние маневры 1932 г., я по—прежнему расходился с Гитлером в оценке стратегического потенциала русских.

В своих оценках Гитлер исходил из допущения, что военная промышленность России находится в стадии становления, кроме того, Сталин искоренил лучшие командные кадры в 1937 г., а светлых голов среди пополнения до сих пор не замечено.[68] Материалы допросов взятых в плен офицеров русского генштаба убеждали Гитлера в неизбежности столкновения, однако он исходил из ложных предпосылок, оценивая стратегический потенциал и мощь советской военной промышленности — даже без Донбасса Россия была объективно сильнее рейха, а преимущество Красной армии в танках было таким, что мы были просто не в состоянии ликвидировать отставание.

«Cauchemar des coalitions»

В соответствии со своими восточными планами или из опасения за судьбу кампании на Востоке Гитлер принял решение о проведении переговоров с Петэном и Франко в сентябре 1940 г. Резиденция маршала располагалась в Виши, в неоккупированной части Франции. Со времени заключения перемирия немецкое правительство поддерживало тесные взаимоотношения с французами. Среди прочего Петэн намеревался перевести правительственную резиденцию в Париж. Фюрер не имел принципиальных возражений, однако отложил решение этого вопроса до личной встречи.

В конце сентября спецпоезд фюрера отправился с Ангальтского вокзала Берлина в Париж. Встреча с Петэном и премьер—министром Лавалем состоялась южнее Парижа в Монтуаре. Когда закрытый автомобиль маршала остановился на площади перед зданием вокзала, я стоял на правом фланге роты

почетного караула. Петэн, в генеральской форме, взял под козырек и обошел строй почетного караула, глядя куда—то поверх голов солдат. Следом за ним шли фон Риббентроп и Лаваль. Когда фюрер увидел выходившего из здания вокзала Петэна, то спустился на перрон, обменялся рукопожатием и проводил его в свой салон—вагон. В этих переговорах, как и во всех предыдущих политических совещаниях, я участия не принимал. Моя роль исчерпывалась тем, что через некоторое время после его почти что сердечного прощания с Гитлером я проводил Петэна тем же маршрутом через здание вокзала, вдоль строя почетного караула к его автомобилю. Прежде чем сесть в автомобиль, маршал повернулся ко мне и произнес несколько слов благодарности за руководство переговорами о перемирии, затем сел в машину, так и не подав руки на прощание.

О ходе переговоров мне известно только со слов Гитлера. Петэна интересовал вопрос будущих отношений с рейхом и проблема мирных условий в целом. Фюрер пытался выяснить реакцию французского правительства на уступку некоторых пограничных областей итальянцам в обмен на гарантии целостности колониальных владений Франции, за исключением Туниса. Судя по всему, результаты были ничтожными, а принципиальные вопросы так и остались открытыми.

Мы продолжили свой путь к испанской границе через Бордо. Франко прибыл в Хэндэйе со своим министром иностранных дел Сунье и в сопровождении свиты. Все формальности воинского церемониала были соблюдены, однако на этот раз вместе со мной к роте почетного караула присоединился и фон Браухич. В многочасовых переговорах в салон—вагоне фюрера мы, солдаты, участия не принимали. Потом вместо ужина объявили перерыв для взаимных консультаций. Мы просто умирали со скуки, в особенности когда выяснилось, что «герой Алкасера» — генерал Москардо из штаба каудильо — исчерпал все запасы анекдотов.

Фюрер сказал мне буквально несколько фраз в перерыве между заседаниями. Он был крайне недоволен позицией испанцев и намеревался прервать переговоры. Особенно разочаровало его поведение самого Франко, оказавшегося «под каблуком» у своего министра иностранных дел Сунье. Результатов как таковых, увы, не было…

На обратном пути состоялась еще одна встреча с премьер—министром Лавалем в продолжение предыдущих переговоров. Для меня было очевидным, что французские политические деятели искренне полагают, что ничего «не должны» итальянцам, и никак не могли понять, почему мы представляем не только свои интересы, но и интересы наших союзников.

Еще во Франции стали поступать тревожные известия о намерениях Муссолини силой оружия разрешить территориальный спор с Грецией. Греческое правительство отказалось уступить ряд областей, которые дуче пообещал албанцам. За кулисами интриги стоял министр иностранных дел Галеаццо Чиано граф фон Кортеллацо. Своими подстрекательскими советами губернатор Албании укрепил итальянских государственных мужей в их искреннем заблуждении, что одной только демонстрацией военной силы можно заставить греков уступить.

Фюрер назвал эту экстравагантную выходку наших «братьев по оружию» форменным безумием, принял решение развернуть поезд и выехать через Мюнхен на встречу с Муссолини. Срочные дела заставили меня вылететь в Берлин. Вечером следующего дня я вернулся в Мюнхен и едва не опоздал к отправлению, буквально вскочив в последний вагон набиравшего скорость поезда.

Встреча состоялась 28.10.1940 во Флоренции. Муссолини приветствовал Гитлера приобретшей широкую известность фразой: «Фюрер, мы выступили и следуем походом!» Было уже слишком поздно что—нибудь изменить: за несколько часов до начала встречи итальянские войска пересекли греческую границу. Зная о возможной реакции фюрера, дуче просто решил поставить нас перед свершившимся фактом.

Во Флоренции наступило время многочасовых двусторонних переговоров «большой четверки» — с каждой стороны присутствовали министры иностранных дел. Я убивал время в долгих беседах с генералом Антонио Гандином, начальником оперативного управления итальянского генштаба, единственным итальянцем, сносно владевшим немецким. К моему удивлению, взаимные консультации проходили в непринужденной обстановке. Общее настроение еще более улучшилось, когда дуче получил первое донесение главнокомандующего группой армий «Албания» генерала Себастьяна Висконти Праска и зачитал вслух Гитлеру и мне хвастливый рапорт об успешном развитии начавшегося на рассвете наступления, само собой разумеется, на немецком — единственном языке общения с итальянцами.

Сразу после завтрака мы отправились в обратный путь. Перед отправлением я приказал нашему военному атташе ежедневно информировать ОКВ об истинном развитии событий на албано—греческом театре военных действий. В поезде фюрер дал выход накопившемуся раздражению по поводу «безумной авантюры дуче», как он называл самоуправство наших итальянских союзников. Он ведь неоднократно предупреждал дуче не относиться к проблеме с таким легкомыслием. Это же безумие

чистой воды — штурмовать греческие предгорья двумя—тремя дивизиями;[70] и еще в такое время года — скоро их остановит даже не сопротивление греков, а погода. Он считает, что все закончится полной катастрофой. Муссолини пообещал, что незамедлительно усилит армию вторжения, если окажется, что малыми силами справиться не удается. Однако, по его собственным словам, переброска морем дополнительного контингента займет несколько недель из—за низкой пропускной способности допотопных албанских портов. Если уж он решил воевать с бедной Грецией, почему бы не высадиться на Мальте или Крите. По крайней мере, это имело бы хоть какой—то смысл в рамках войны с Британией, учитывая откровенно незавидное положение итальянцев в Северной Африке. Единственный позитивный момент во всей этой истории заключался в том, что дуче попросил об отправке танковой дивизии в Африку — после консультаций с нашим генералом Функом маршал Грациани подтвердил возможность боевого использования танков на африканском театре.

Думаю, что Гитлер никогда не был так откровенен с Муссолини, как со мной. Он щадил самолюбие итальянского «дилетанта от стратегии» и молился на него, как на икону. Муссолини сразу же распознал эту слабость и беззастенчиво эксплуатировал доверие и авторитет фюрера в своих корыстных целях.

Все, чего так опасался фюрер, произошло ровно через две недели. На фоне сложных метеорологических условий и труднодоступной местности итальянское наступление малыми силами и без достаточных резервов захлебнулось, и вскоре фронт вторжения рухнул под контрударами греков. Гитлер собрался было отправить в Грецию горнострелковую дивизию, но переброска морем (равно как и через Югославию) была решительно невозможна. Мы передали итальянцам наши последние грузовые флотилии кригсмарине и транспортные эскадрильи люфтваффе, базировавшиеся в Средиземноморье. Если бы наступившая зима не остановила также и продвижение греческих армий, «итальянская авантюра» закончилась бы полным разгромом уже через полтора месяца.

Верный своему союзническому долгу, Гитлер не мог оставить Муссолини в беде — в аналогичной ситуации дуче не пошевелил бы и пальцем. Так родился план весенней кампании вермахта, предполагавший отправку одной или нескольких армий на помощь итальянцам через Венгрию и Болгарию. Предполагалось, что до тех пор Италия сумеет продержаться, по крайней мере, в Албании. Гитлер наотрез отказался от соблазнительного варианта

переброски войск кратчайшим путем через Югославию, поскольку нарушение нейтралитета этого балканского государства затрагивало, в первую очередь, интересы самих итальянцев…

В конце октября мы перебрались из Берхтесгадена в Берлин — у меня наконец появилась возможность объединения под одной крышей всех управлений ОКВ, которые с мая месяца вели «полуавтономное» существование. Значительно разросшийся штаб оперативного руководства уже не помещался в служебных помещениях военного министерства, поэтому мне пришлось перевести мое ведомство в административное здание кавалерийско—танкового училища в Крампнице. В Далеме «воссоединилась» и семья генерала Йодля, который перевез свою супругу Ирму Йодль в оставшуюся со времен фон Бломберга служебную квартиру… Мы энергично взялись за дело и всю зиму занимались разработкой плана операции «Марита» (вторжения в Грецию).

В начале ноября (19)40[71] по личной просьбе фюрера состоялся визит народного комиссара иностранных дел Молотова в Берлин для обсуждения международного положения. Я находился среди участников торжественного приема в здании рейхсканцелярии. После церемонии представления всех пригласили в обеденный зал, где фюрер давал завтрак в честь прибывших русских гостей. Мое место за столом оказалось рядом с сопровождавшим Молотова господином Деканозовым.[72] Однако мне так и не удалось побеседовать с ним по вполне прозаической причине — рядом не оказалось ни одного переводчика! Еще один прием министра иностранных дел состоялся в ресторане одной из берлинских гостиниц — и я опять оказался рядом с Деканозовым, однако на этот раз нам удалось поддержать беседу через советского переводчика. Я рассказал о своей поездке в Москву и на маневры в 1932 г., вспоминал те дни и отвечал на его вопросы — хоть и не без труда, но пообщаться удалось.

После отъезда русской делегации я поинтересовался у фюрера результатами переговоров — он охарактеризовал их как неудовлетворительные. Тем не менее Гитлер так и не отдал приказ о начале подготовки к войне, поскольку ждал официальной реакции Сталина на встречу в Берлине. Для меня было очевидно: мы взяли курс на войну с Россией; и в связи с этим меня интересовал только один вопрос: все ли сделал фюрер, чтобы ее избежать? Вопрос войны и мира был напрямую увязан с нашими обязательствами по отношению к Румынии, Болгарии и Прибалтике — не думаю, что фюрер отказался бы от каких—либо из них. Возможно, Гитлер был прав и на этот раз: кто знает, какую

позицию занял бы Сталин через год—два, когда его армия была бы полностью отмобилизована и готова к войне с любым противником, если уже в 1940 г. России было по плечу решать свои геополитические проблемы с позиций силы в Болгарии, Финляндии и Дарданеллах. Разгром Франции за 6 недель спутал все планы Сталина, и он надеялся выиграть время. Я бы не стал даже упоминать эту гипотезу, если бы наш превентивный удар летом 1941 г. не подтвердил всю серьезность агрессивных намерений русских.

Можно только предполагать, каким был бы ход событий, не накажи нас бог союзом с Италией. Все бы ничего, если бы Муссолини соблюдал «доброжелательный» нейтралитет и не лез в войну на Балканах. Но раз уж мы имели несчастье обзавестись таким воинственным союзником, что было бы, если бы Гитлеру удалось предотвратить безответственный «поход» дуче против Греции? Нам бы не пришлось помогать итальянцам в их лишенной какого—либо смысла авантюре. Не исключено, что и в нейтральной Югославии не произошли бы известные события — переворот и приход к власти антигерманских сил, стремившихся не допустить военного союза с державами «Оси». Можно только гадать, каким было бы соотношение сил в русской кампании и что мог означать для нас выигрыш двух наиболее благоприятных в военном отношении месяцев. В конце ноября мы стояли в 30 км от окруженной с севера, запада и юга Москвы — наши дивизии безнадежно увязли в русских снегах при температуре –45 °С. Какой оборот приняли бы события, если бы до наступления дьявольских холодов — первая зима стала самой суровой за все время кампании — у нас в запасе было бы не менее 8 недель?

Воистину неисповедимы пути Господни! Само собой разумеется, что всякий государственный деятель и полководец должен держать в уме факторы случайности и неопределенности, однако кто мог предположить тогда, какую лавину последствий повлечет за собой вступление Югославии в «Тройственный пакт»? Решение лежало на поверхности, но никто не захотел увидеть его: во что бы то ни стало Германия должна была заключить мир с Англией — пусть даже ценой всех завоеванных к тому времени побед. Пошла бы на этот шаг Англия, только что потерявшая своего главного континентального союзника — Францию — и связанная договорными обязательствами с Москвой? Думаю, что нет, учитывая традиционную антигерманскую направленность политики Британской Империи в Центральной Европе. Черчилль вряд ли выпустил бы нас из западни, имея за плечами Америку и безоговорочную поддержку Москвы.

В начале декабря 1940 г. Гитлер принял решение о

подготовке войны против СССР таким образом, чтобы с середины марта 1941 г. он в любой момент мог отдать приказ о планомерном развертывании вермахта на германо—советской границе, что было равнозначно открытию военной кампании в начале мая… Одновременно мы занимались разработкой комбинированного наземного и воздушного удара по Гибралтару с испанской территории, однако уже 11.12.1940 поступило указание отменить подготовку и проведение операции «Феликс». С этого момента ОКВ всецело посвятило себя разработке планов войны против России.

3 февраля 1941 г. я и Йодль присутствовали на совещании в штаб—квартире фюрера, на котором начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер во всех подробностях изложил оперативный план русской кампании, разработанный ОКХ. Гальдер доложил о последних данных стратегической и армейской разведок о положении противника, пограничных инцидентах на демаркационной линии и пропускной способности железных дорог в пограничных областях. Последний пункт особенно заинтересовал Гитлера, поскольку он намеревался осуществить переброску танковых соединений, находящихся на переформировании, перевооружении и доукомплектовании в Средней Германии, а также передислокацию вновь сформированных танковых дивизий в последнем эшелоне «остова развертывания». Доклад Гальдера представлял собой впечатляющую картину состояния военных приготовлений Советского Союза — при этом я обратил особое внимание на зафиксированную фронтовой разведкой и пограничной охраной передислокацию усиленных русских дивизий в районы на западной границе СССР. Нельзя было сказать со всей определенностью, готовились ли русские к внезапному нападению или же усиливали оборонительные порядки. Приподнять завесу секретности могло только… немецкое наступление.

Война на уничтожение

30 марта 1941 г. в Берлине, в здании рейхсканцелярии, состоялось совещание старшего начальствующего состава трех составных частей вермахта в связи с предстоящим открытием Восточного фронта. С определенным трудом мне удалось добиться, чтобы программную речь фюрера смогли услышать и все начальники управлений ОКВ. В небольшом зале для

совещаний были, как для доклада, расставлены ряды стульев, в центре была установлена трибуна для оратора. Появился Гитлер, необыкновенно энергичный и собранный, и произнес одну из своих безукоризненно отшлифованных и тщательно продуманных речей.

Военно—политическое положение рейха и откровенно агрессивные намерения западных держав — Англии и Америки — поставили нас перед неизбежностью войны с Россией. Каждый день промедления только ухудшает наше и без того сложное положение, изменяет соотношение сил — и опять не в нашу пользу: военно—стратегические запасы противника неисчерпаемы, в то время как мы уже использовали практически все наши кадровые и материальные резервы. Решение остается неизменным — нанести упреждающий удар и ликвидировать угрозу.

Рано или поздно противостояние двух диаметрально противоположных мировоззрений должно было привести к открытому столкновению. Мы не можем закрывать глаза на угрозу общеевропейского масштаба. Проблему нужно решать сейчас, а не откладывать ее до лучших времен. Никто после него в Германии не будет обладать достаточным авторитетом, чтобы взять на себя ответственность за превентивную войну, никто не сможет остановить большевизм, прежде чем тот окончательно не поглотил Европу. Как никто другой в Германии, он знает разрушительную мощь коммунизма, потому что всю свою жизнь борется против него и отдает все силы за будущее Германии и рейха. Это будет война не на жизнь, а на смерть; война, в которой решится судьба немецкого народа, поэтому он требует забыть о традиционных правилах и неписаных законах ведения рыцарской войны — так, как это принято делать у большевиков, а наилучшим подтверждением его слов являются агрессивные действия коммунистов в Прибалтике, Бессарабии и Финляндии. Коммунистическое правительство не признает Гаагскую конвенцию о ведении сухопутной войны и не считает обязательным исполнять Женевское соглашение о военнопленных. Он требует не считать комиссаров солдатами и соответственно не обращаться с ними, как с военнопленными, а расстреливать на месте. Комиссары — становой хребет коммунистической идеологии, полномочные представители Сталина в войне против собственного народа, наделенные неограниченной властью над жизнью и смертью простых солдат — должны быть уничтожены. Ликвидировать их — значит сохранить драгоценную германскую кровь на фронте и в тылу.

Особая статья — обращение с гражданским населением на

оккупированных территориях и подсудность военнослужащих, «совершивших наказуемые акты, вызванные озлоблением против еврейско—большевистской системы». Он наделяет главнокомандующих властью не отдавать солдат и офицеров вермахта под суд. Советские военнопленные не подлежат отправке на территорию рейха, поскольку их использование в качестве рабочей силы представляет определенную опасность, прежде всего, из—за негативного политического влияния, от которого ему уже удалось избавить немецкий рабочий класс, и, наконец, из—за угрозы прямого саботажа.

Гитлер приблизительно представлял себе, какую реакцию могут вызвать его слова в офицерской среде, поэтому закончил свою речь небезызвестной тирадой:

«Я вовсе не требую, чтобы генералы понимали скрытый смысл моих приказов, я требую безоговорочного повиновения…»

Тогда же и появился проект пресловутого приказа «Об особых областях» в дополнение к основополагающей директиве № 21 «Барбаросса» — о подготовке к войне на Востоке. Наряду с особыми полномочиями Геринга вышеупомянутые документы командования возлагали всю полноту исполнительной власти на восточных территориях на главнокомандующего сухопутной армией, а также рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Генриха Гиммлера как гаранта безопасности в тылу немецкого фронта. Против предоставления особых полномочий последнему я безуспешно боролся со времен польской кампании, поскольку был убежден, что в своем стремлении к власти Гиммлер не остановится перед злоупотреблением служебным положением со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Несмотря на многочисленные протесты и поддержку Йодля мне так и не удалось убедить Гитлера изменить свое решение.

Только через несколько дней я обменялся с Браухичем впечатлениями от речи фюрера. Браухич не скрывал, что генералитет не приемлет таких методов ведения войны, и сразу же спросил: «Будут ли изданы письменные приказы?» Я объяснил, что без четких и недвусмысленных указаний Гитлера ни при каких обстоятельствах не подпишу подобного рода документы; на мой взгляд, они не только излишни, но и представляют собой немалую угрозу. В конце концов, все слышали, что сказал фюрер, — этого вполне достаточно. Я решительно против любой бумаги в таком щекотливом и небесспорном деле.

Видимо, мне не удалось убедить Браухича, поскольку уже в мае появился проект разработанного ОКХ и одобренного Гитлером приказа «Об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками» —

печальной памяти «приказ о комиссарах». Вскоре появилась и была разослана другая директива — «О применении военной юрисдикции в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск».

Первый документ родился в недрах ОКХ и был отправлен в войска после соответствующего одобрения Гитлером, второй — плод деятельности правового отдела ОКВ, и под ним действительно стоит моя подпись (после настоятельных требований фюрера). Оба приказа стали тягчайшим обвинительным материалом на Нюрнбергском процессе во многом потому, что были изданы за 6 недель до начала войны и не могли быть вызваны или обусловлены характером военных действий. Главный инициатор и единоличный автор этих документов, Адольф Гитлер, мертв, во многом поэтому я и предстал перед этим судом.

Директива № 25 — операция «Марита»

Перегруппировка войск и развертывание Восточного фронта начались в середине марта. Уже была названа и предварительная дата начала наступления — 12 мая 1941 г., хотя сам приказ о начале военной операции издан еще не был. И в этом заключалась главная метода фюрера: вплоть до самой последней минуты не подписывать приказ о пересечении границы, оставляя за собой свободу маневра на случай непредвиденного развития ситуации.

Тем временем армия Листа… форсировала Дунай и следовала маршем по дорогам Болгарии, правда, по—зимнему холодная погода и состояние автострад существенно замедляли темпы продвижения. Одновременно проходили и политические переговоры о присоединении Югославии к «Тройственному пакту». Итальянская армия потерпела новое сокрушительное поражение в Албании… В Триполи высадились первые соединения вермахта… Фюрер непрерывно требовал усиления оккупационных сил в Норвегии и развертывания не менее 200 батарей береговой артиллерии всех калибров.

Список мероприятий можно было бы продолжить до бесконечности, если бы… терпело время…

В конце марта я сопровождал Гитлера во время поездки в Вену, в замок Бельведер, где с соблюдением всех церемониалов состоялось торжественное подписание Югославией теперь уже «четырехстороннего» пакта…

Поздно вечером фюрер вызвал меня к себе. Он пребывал в благостном настроении и был вполне удовлетворен развитием политических событий. «Думаю, что больше никаких неожиданностей на Балканах не предвидится», — сказал он с видимым удовольствием. Потом он прочитал мне только что надиктованное им письмо Муссолини со множеством рекомендаций военного характера, в первую очередь с настоятельным требованием навести наконец порядок на морских коммуникациях. Он предлагал переоснастить устаревшие эсминцы и крейсера и использовать их в качестве быстроходных плавбаз и транспортных судов. Фюрер спросил, не выглядят ли его пожелания чересчур радикальными, учитывая… известную обидчивость дуче. Я категорически возразил:

«Если кто—то и имеет право указать дуче на его промахи, то только вы, мой фюрер. Мы не имеем права ставить боеспособность немецких войск в зависимость от организации подвоза снабжения итальянцами…»

Ночью мы выехали в Берлин.

Через два дня в Белграде произошел офицерский мятеж, в результате которого были свергнуты правительство Цветковича и прогермански настроенный принц—регент Павел. Последовал срочный вызов в рейхсканцелярию, где я появился одновременно с Йодлем. Гитлер вошел в зал для совещаний, потрясая полученной из Белграда телеграммой, и с порога заявил, что не намерен оставлять подобную измену безнаказанной и уничтожит Югославию, несмотря на лицемерные заверения путчистов о лояльности. Он уже вызвал Риббентропа и Браухича, а когда все соберутся, отдаст необходимые приказы. Не вызывает никакого сомнения, что речь может идти только о нанесении концентрического удара. Немедленно вызовите венгерского посла — Венгрия обязана принять участие в военной операции, если ее по—прежнему интересует Банат…

Немедленно атаковать Югославию, и как можно быстрее. Армия Листа совершает захождение правым флангом и наносит удар усиленным северным флангом в направлении на Белград с юго—востока. Немецкие и венгерские дивизии форсируют Дунай и атакуют Белград с севера. Из Остмарка на югославское направление следует немедленно перебросить еще одну армию из последнего эшелона «остова развертывания» Восточного фронта. Фюрер категорически отверг предложение Йодля предъявить жесткий ультиматум новому югославскому правительству и не дал произнести и слова фон Риббентропу. Браухич получил указание не форсировать передислокацию дивизий на Восток, чтобы временно разгрузить ж.—д. и прочие коммуникации.

Гитлер покинул зал для совещаний вместе с министром иностранных дел для консультаций с венгерским посланником, который уже поджидал фюрера внизу. После короткого обмена мнениями между Гальдером и Йодлем нам осталось только… руководствоваться последним напутствием фюрера:

«Планы определены, задачи поставлены, за работу, господа!»

Ровно через 9 дней, 6.4.1941, одновременно с бомбовым ударом по Белграду дивизии вермахта пересекли югославскую границу. Если учесть, что незадолго до того были временно отложены, перенесены и свернуты планы развертывания на восточной границе, поход на Грецию и военная помощь Италии, а все разработки новой операции начались в порядке импровизации (новая диспозиция, соотношение сил, перегруппировка войск, организация снабжения и т. п.), я всегда расценивал результаты работы оперативных штабов ОКВ, ОКХ и ОКЛ как шедевр немецкого стратегического планирования. Фюрер часто называл генеральный штаб «главным источником всех бед», однако югославская кампания — целиком и полностью заслуга генштаба сухопутных войск.

Было решительно невозможно оборудовать за столь короткий срок ставку фюрера, поэтому штаб—квартирой кампании стал спецпоезд Гитлера, который стоял на тупиковой ветке одноколейной ж.—д. в лесу под Земмерингом. Штаб оперативного руководства разместился в небольшой гостинице по соседству. Я и Йодль поселились в штабном вагоне, который стал нашим домом на ближайшие 5 недель — от начала югославского, затем греческого походов и вплоть до капитуляции обоих государств.

17.4.1941 фельдмаршал Лист принял капитуляцию Югославии в соответствии с приказом фюрера и распоряжением ОКВ. Гитлер взял под свой личный контроль заключение перемирия с Грецией: считаясь с интересами своего итальянского союзника и щадя болезненное самолюбие дуче, он отправил в Афины генерала Йодля, которому было поручено обеспечить почетные условия капитуляции мужественно сражавшейся греческой армии.

Вступление победителей в Афины было окрашено в трагикомические тона. В знак признания воинской доблести греков фюрер хотел ограничиться вхождением в город немецких героев—победителей под Фермопилами. Однако Муссолини настоял на торжественном вступлении в греческую столицу итальянских частей. Ко всему прочему, итальянцы отстали на несколько дневных переходов от преследовавших британцев немецких дивизий. Фюрер уступил настоятельным просьбам дуче,

так что совместное вступление в город немецких и итальянских частей состоялось. Все это выглядело едва ли не насмешкой над греками, которые наголову разбили итальянцев в честном бою.

Испытывая определенное беспокойство за поддержание на должном уровне боеспособности «Африканского корпуса» генерала танковых войск Эрвина Роммеля, усиленного под его командованием… до танковой дивизии полного состава, фюрер приказал обеспечить неприкосновенность средиземноморских коммуникации и бесперебойное снабжение немецкого контингента в Северной Африке. Пока Роммель своими энергичными действиями ликвидировал непосредственную угрозу Триполи, у Гитлера созрел план: неожиданным ударом отбить у деморализованных поражениями англичан Крит или Мальту. Реализация этого стратегического замысла была возможна только в ходе парашютно—десантной (посадочно—десантной) операции с одновременной или последующей высадкой морского десанта. Причем реальная поддержка со стороны итальянцев выглядела довольно проблематичной. Возможно, Гитлер хотел показать Муссолини, как нужно воевать в Средиземноморье.

Я однозначно высказался за операцию на Мальте, которую мы с Йодлем считали стратегически более опасным для нас опорным пунктом британцев. Поскольку «право первой ночи» было предоставлено люфтваффе, Геринг, по совету командующего люфтваффе в Италии Кессельринга,[73] избрал местом проведения операции Крит, в первую очередь, потому, что выполнение этой задачи показалось ему менее проблематичным.

Тем временем Гитлер перенес день «Х» на середину июня, что означало скорейшее высвобождение задействованных на балканском театре частей и их включение в «остов развертывания» Восточного фронта. В результате пришлось ограничиться поверхностной «зачисткой» югославской территории, на которой по призыву и при поддержке Сталина развернулась… целая армия бандитов. Немецкие войска обеспечения тылов, слабо укомплектованные и не пригодные для ведения крупномасштабных боевых действий, не сумели задушить эту малую войну в зародыше, так что со временем возникла необходимость привлечения регулярных сил. Самонадеянные «римляне», которые могли избавить нас хотя бы от этих забот, оказались малопригодными даже для полицейских операций, мало того, в результате поражений, которые они терпели по всему фронту, итальянцы фактически снабжали трофейным оружием главаря коммунистических банд Тито. Русские и британцы прилагали все усилия, чтобы связать

немецкие войска в новых очагах напряженности…

В начале июня (1941) мы ненадолго вернулись из Берхтесгадена в Берлин. В течение нескольких недель я получил возможность руководить «объединенным» ОКВ. Я не мог разорваться, и со временем берлинский «филиал» ОКВ (кроме штаба оперативного руководства) получил большую самостоятельность, чем мне бы того хотелось, хотя я постоянно контролировал его деятельность посредством курьеров и телефонной связи. Возможно, моя главная ошибка заключалось в том, что мне не удалось убедить фюрера в настоятельной необходимости моего постоянного пребывания в Берлине. И это было не моей прихотью, а непременным условием успешного руководства войсками в военное время. Однако Гитлер буквально не отпускал меня от себя и срочно отзывал из любой командировки, если я, не дай бог, отсутствовал свыше двух дней. Вследствие этого было решительно невозможно разграничить полномочия внутри самого ОКВ — между штабом оперативного руководства и военно—министерскими командными инстанциями. Я выступал в роли «связующего звена» и был незаменим на этом посту. Если бы сразу же после вступления в должность я предусмотрел иную форму организации высшего командования вооруженными силами Германии на период войны, возможно, и удалось бы найти выход из создавшегося положения…

14 июня 1941 г. Гитлер в последний раз перед началом войны на Востоке собрал высший комсостав Восточного фронта. В очередной раз фюрер изложил собравшимся свое видение «идеологической войны на уничтожение». В своем выступлении он особо отметил ожесточенное сопротивление, которое было оказано немецким войскам в ходе кампании на Балканах. Он склонен расценивать это как результат излишне мягкого обращения с гражданским населением. Югославы ошибочно приняли добрую волю за проявление слабости, что и послужило причиной гражданского неповиновения. В свое время он хорошо изучил методы, с помощью которых старая австро—венгерская монархия приучила придунайские державы с должным уважением относиться к имперскому величию. Не исключено, что нас ожидает нечто гораздо худшее в затравленной коммунистами России, где гражданское население и шага боится ступить под бичами комиссаров. Поэтому безжалостность и жестокость окажутся наиболее гуманным решением вопроса — отсекая нездоровую плоть, мы спасем организм. Он сам справился с террором компартии не с помощью законников, а только благодаря необузданной жестокости СА.

Наверное, в тот день я впервые задумался о той роли, которую суждено будет сыграть Адольфу Гитлеру в истории Германии. Все соображения на этот счет я изложил в памятной записке на имя доктора Нельте на Рождество 1945 г.[74] Гитлер был одержим идеей, что его главная миссия заключается в уничтожении коммунизма как системы, прежде чем тот сам успеет окончательно уничтожить Германию. Он был твердо убежден в том, что не может быть и речи о длительном союзе с русскими коммунистами. Германии грозила реальная экономическая катастрофа, если бы не удалось разорвать смертоносную петлю, которую все туже затягивал Сталин в союзе с западными державами.

Гитлер с пренебрежением отверг мир с Западом любой ценой и пошел ва—банк: война! Он знал, что весь мир повернется к Германии спиной, если наша «русская» карта окажется бита. Он прекрасно понимал, что значит воевать на два фронта! Он взвалил на себя неподъемный груз ответственности и… просчитался с реальной оценкой большевизма, сталинской империи и русского промышленного потенциала. Так он погубил себя самого и созданный им же Третий рейх!

Летом 1941 г. русский колосс был готов обрушиться под ударами немецкого оружия: еще до осени стальные жернова германского наступления перемололи первую и, пожалуй, лучшую регулярную армию русских, с чудовищными потерями откатывавшуюся все дальше на восток. Тысячи русских орудий и танков оставались ржаветь на полях первых боев на окружение бесполезной грудой металла, число захваченных нами пленных перевалило за миллион. Возникает вопрос: какая еще армия в мире смогла бы удержаться на ногах после таких сокрушительных ударов, не приди ей на помощь бесконечные русские просторы, неисчерпаемые людские резервы и… русская зима?

В конце июля Гитлер уже не сомневался в том, что в результате сокрушительного удара уничтожена не только регулярная армия, но и военная экономика России. Никакое «восстановление хозяйства» уже не в состоянии исправить положение — от нанесенного ущерба ей не оправиться уже никогда. Фюрер отдал примечательный с точки зрения истории приказ о переводе основных производственных мощностей оборонной промышленности — кроме танковой — на производство вооружений для кригсмарине (подводные лодки) и люфтваффе (боевые самолеты и зенитная артиллерия) в рамках приготовлений к войне с Великобританией. Растерзав единый фронт русской обороны, наша Восточная армия приступила к планомерной ликвидации вражеских сил. Дальнейший план

кампании заключался в следующем: не давая неприятелю ни минуты передышки, связывать его разрозненные силы непрерывными боями вплоть до полного уничтожения, обходясь наличествующим личным составом на второстепенных направлениях, но при удвоении бронесил на главных участках боевого соприкосновения с противником.

В «Волчьем логове»

В ночь на 22 июня спецпоезд Гитлера остановился в лесу под Растенбургом. Здесь, в специально оборудованной ставке фюрера, предстояло провести ближайшие недели и месяцы мне, Йодлю, нашим адъютантам и ограниченному кругу особо приближенных лиц из высшего военно—политического руководства рейха. В 20 км от «Вольфсшанце» («Волчьего логова») в барачном лагере в лесу располагалась штаб—квартира ОКХ. Главнокомандование люфтваффе разместилось в штабном вагоне рейхсмаршала Геринга в Йоханнисбургском бору. Связь между главнокомандующими составными частями вермахта могла быть установлена в любую минуту; в случае экстренного вызова дорога в ставку фюрера занимала не более часа, а перелет на «Шторхе» — и того меньше.

Штаб оперативного руководства разместился в спецлагере, примерно в километре от бункера фюрера — за внешним кольцом «запретной зоны № 1». Я неоднократно пролетал над территорией ставки и, несмотря на то, что точно знал месторасположение объектов, не смог зафиксировать ни один из них визуально — только безлюдная лесистая местность и узкая полоска одноколейки, которую можно было разглядеть в просветах между деревьями. В 3–4 км находился аэродром, там в подземных ангарах стояли наготове спецсамолеты фюрера, эскадрильи связи и курьерские самолеты ОКВ. Сейчас я даже затруднюсь сказать, сколько раз мне пришлось вылетать отсюда за 4 года войны — с 1941 по 1944 г. включительно. Насколько мне известно, за все время случилось только одно ЧП со смертельным исходом, когда в январе 1942 г. сразу же после взлета на взлетно—посадочную полосу рухнул Хе–111 с рейхсминистром вооружений и боеприпасов доктором Фрицем Тодтом на борту.

По установленному распорядку на ежедневных дневных докладах в ставке обсуждалась оперативная обстановка на фронтах согласно утренним донесениям генштабов составных частей вермахта, в свою очередь представлявших свои рапорты на основе итоговых вечерних сводок, поступавших от командующих группами армий. Только главнокомандующие экспедиционными войсками в Финляндии, Норвегии и Северной Африке докладывали об оперативной обстановке на вверенных им театрах военных действий непосредственно ОКВ и одновременно, в порядке ознакомления, — ОКХ.

Если на дневном докладе по каким—либо причинам

отсутствовали главнокомандующий сухопутной армией и начальник генштаба, первым докладывал генерал—оберст Йодль — в остальных случаях с докладом об оперативной обстановке выступал Гальдер. После того как 19.12.1941 фюрер возложил на себя обязанности главнокомандующего сухопутной армией, ежедневно о положении на Восточном фронте докладывал начальник его генерального штаба, который получал директивные указания фюрера лично или посредством телефонограмм. В случае обострения ситуации в его обязанности вменялось присутствие и на вечерних докладах, которые происходили около полуночи и в узком кругу — в этом случае доклад об оперативной обстановке делал Йодль. Все поступившие указания фюрера обрабатывались в штабе оперативного руководства и этой же ночью отправлялись в войска.

Обычно фюрер не ограничивался обсуждением только оперативной обстановки и отдавал основополагающие указания и директивы по всем «смежным» областям, так или иначе связанным с проблемами ведения военных действий. Сумбурные совещания, на которых Гитлер в своей обычной манере, перескакивая с пятого на десятое, по собственной инициативе умудрялся завалить нас лавиной не имевших к ОКВ никакого отношения проблем, растягивались на долгие часы (не менее 3 часов днем и ни разу меньше 1 часа ночью) — в то время как собственно обсуждение оперативно—тактических вопросов заняло бы лишь малую толику потраченного впустую времени. Несмотря на то, что я регулярно получал утренние и вечерние сводки, мне никак не удавалось даже под благовидным предлогом уклониться от пустопорожних совещаний, рапортов и докладов: всегда находилось множество вопросов, проблем и задач — подчас не имевших ни малейшего отношения ни к тактике, ни к стратегии, ни даже к политике, а уж тем более к компетенции начальника штаба ОКВ.

Какое—то время я был склонен объяснять существующий порядок вещей и удивительный «дар» фюрера буквально на ровном месте сталкивать лбами своих подчиненных неупорядоченностью мышления и неумением организовать работу. Только значительно позже я понял, что все это — тщательно продуманная, поверенная опытом многих поколений автократов политика, главный лозунг которой: divide et impera! [75]

Не проявляя инициативы, и даже более того, противясь этому, насколько это было возможно, я оказался втянут в орбиту партийно—бюрократического аппарата.

«Фюрер направил меня к вам…», «во время моего доклада

фюрер заметил, что это имеет непосредственное отношение к вермахту…», «не хотели бы вы довести до сведения вермахта…», «к кому мне обратиться в ОКВ…» — я и мои адъютанты слышали подобного рода стереотипные обращения десятки раз на дню. Никто из просителей не различал ОКВ и ОКХ — и одно, и другое значило для них — Кейтель! Показательно, что даже бывший начальник главного правового управления вермахта доктор Леман сказал моему защитнику доктору Нельте: «Но ведь ваш подзащитный действительно совал нос в дела, которые не имели к нему ни малейшего отношения».

Видимо, в момент издания приказа мне следовало оборвать Гитлера на глазах 25 подчиненных и заявить: «Мой фюрер, так дело не пойдет. Поручите это лучше своему секретарю!» Наверное, аналогичным образом должны были действовать и другие офицеры, получавшие указания фюрера: «Нет, с этим мы к Кейтелю не пойдем. Да он просто вышвырнет нас вон!» Все было значительно сложнее, и не мои добродушие и мягкотелость были тому причиной, а порочность самой системы.

Разве мог я предположить в свое время, чем обернется мертворожденная идея учреждения должности «начальника ОКВ». Во время 1–й мировой войны я два года был Ia штаба дивизии и вместе с командирами разделял ответственность за судьбы операций и наших бравых солдат. Во время 2–й мировой войны я стал фельдмаршалом и имел под своим началом… водителя и адъютанта. Теперь я принужден отвечать за все приказы, которые издавались не мной, во многом вопреки моим убеждениям и совести, за которые я не нес и не могу нести никакой ответственности…

Операция «Тайфун»

После первых побед на Восточном фронте вновь обострились отношения между Гитлером и фон Браухичем — на этот раз из—за расхождений по поводу стратегических планов кампании. ОКХ однозначно высказывалось за концентрацию сил на участке группы армий «Центр» и нанесение главного удара в направлении на Москву с последующим овладением Валдайской возвышенностью, перерезав главную коммуникацию русских «Москва — Ленинград». Гитлер же планировал еще до наступления зимы закрепиться на линии «Одесса — Орел — Чудское озеро», перегруппировать силы, усилить группу армий «Юг» за счет определенного ослабления группы армий «Центр»

(пехотные и танковые дивизии) и захватить Донбасс, нефтяные промыслы Краснодара и Майкопа, в то время как усиленная группа армий «Север» должна была взять штурмом Ленинград и соединиться на севере с Финляндией.

Объективно более слабые, чем группа армий «Центр», группы армий «Юг» и «Север» были не в состоянии решить поставленные фюрером задачи без значительного усиления. Оперативный план Гитлера представлял собой триединство экономических (Донбасс), политических (Финляндия) и стратегических (война на море) аспектов. Как таковой Ленинград с его миллионным населением и мировая слава северной столицы России мало интересовали Адольфа Гитлера: речь шла о базах Балтфлота и крепости Кронштадт, представлявшей собой немалую угрозу немецкому подводному флоту и нашим транспортным коммуникациям в Балтийском море…

Гитлер принял решение вылететь в Борисов, в штаб—квартиру группы армий «Центр», и вызвал на доклад командующих танковыми группами (армиями) генерал—оберстов Гейнца Гудериана и Германа Гота. Я сопровождал фюрера и присутствовал во время этого совещания вместе с главнокомандующим группой армий «Центр» Федором фон Боком. Узнав о намерениях Гитлера забрать в распоряжение ставки одну или обе танковые группы, генералы танковых войск выступили единым фронтом и в один голос заявили, что вверенные им части измотаны в боях и нуждаются в 2–3–недельном отдыхе, последующем ремонте, доукомплектовании и т. п. Мы были не в состоянии проверить, соответствуют ли действительности заявления Гота и Гудериана. Генералы стояли на своем и после вручения обоим «Дубовых листьев» к «Рыцарскому кресту», категорически отрицая возможность боевого использования танковых соединений, тем более на другом участке фронта. Фон Бок был меньше всех заинтересован в ослаблении своей группы армий и как заведенный повторял вслед за ними одно и то же: ослаблены, измотаны, недоукомплектованы… Мне было доподлинно известно, что все они были прекрасно осведомлены о плане ОКХ и видели в нем единственный путь достижения оперативно—стратегических целей кампании.

В других обстоятельствах Гитлер пренебрег бы мнением генералов и добился бы своего, однако сейчас позиции ОКХ, группы армий «Центр» и приданных ей танковых групп были несокрушимы. Гитлер стерпел столь явное пренебрежение со стороны генералитета и на этот раз, однако затаил обиду против ОКХ и особенно против Браухича. Был найден компромисс,

который тем не менее поставил крест на стратегических намерениях фюрера, во всяком случае относительно Ленинграда. Гитлер категорически запретил продолжать наступление на Валдай, заявив, что это рецидив устаревшей генштабовской тактики борьбы за господствующие высоты. С тем мы и расстались.

Взрыв накопившегося негодования Гитлера вызвало донесение фон Бока о частной операции группы армий «Центр» по обеспечению свободы маневра на левом фланге фронта: в ней была задействована «измотанная» танковая группа Гудериана, которая оказалась полностью боеготовой через несколько дней после совещания в Борисове.

Гитлер решительно вмешался в действия ОКХ. В результате в тесном взаимодействии с группой армий «Юг» восточнее Киева состоялось сражение на окружение и уничтожение мощной группировки советских войск. Впоследствии мне не раз приходилось выслушивать сетования фюрера на своевольных и неуправляемых генералов, однако следовало признать, что, несмотря на блестящее завершение киевской операции, на этот раз именно Гитлер выступил «могильщиком» своих собственных стратегических планов. С учетом приближающейся осени, неизбежной распутицы и многонедельной перегруппировки войск в перспективе было потрачено драгоценное время, которого до наступления зимних холодов нам в конечном итоге и не хватило.

К разряду спорных я бы отнес и согласие Гитлера на операцию группы армий «Центр» по двойному окружению русских армий под Вязьмой и Брянском — ОКХ по—прежнему не желало отказываться от планов овладения Москвой до наступления зимы. Однако зима наступила, причем в последний раз столь низкие температуры были зафиксированы в Центральной России в XIX веке. Итоги операции известны: вермахт «вмерз» во льды и снега, что едва не закончилось для нас полной катастрофой уже на первом году войны…

С точки зрения военной истории представляется весьма любопытным рассмотрение следующего допущения: каким бы был дальнейший ход кампании на Востоке, если бы возобладала стратегическая концепция Гитлера? Это тем более интересно, если учесть, что уже после войны один офицер русского генштаба рассказал мне, что осеннее наступление на Москву, запланированное ОКХ, было без особого труда просчитано русским командованием, и на московском направлении уже были сосредоточены оперативные резервы русского главнокомандования, дальневосточные дивизии и т. д…

Летом 1941 г. резко ухудшилась ситуация на всех театрах

военных действий: участились случаи гражданского неповиновения на оккупированных территориях, резко возросло число нападений на военнослужащих и армейские учреждения. Разгул бандитизма на Балканах приобрел угрожающие размеры во многом благодаря поддержке Англии и СССР, что потребовало проведения частных операций и привлечения регулярных частей вермахта для ликвидации бандитских центров. Серьезную угрозу безопасности стали представлять акции саботажа во Франции и Бельгии. Высадка агентов, заброска парашютистов и диверсионных групп, применение взрывчатых веществ, нелегальная транспортировка оружия и боеприпасов, снабжение агентуры переносными коротковолновыми радиостанциями стали характерными признаками развязанной противником «малой войны».

Главным инспиратором «народных волнений» на Западе была, без сомнения, Великобритания. Подстрекая мирное население к нанесению ущерба оккупационным властям, актам диверсий и саботажа, британцы вынуждали оккупационную администрацию на адекватные ответные меры, что создавало благодатную почву для так называемого «движения Сопротивления». Если первоначально французская полиция оказывала содействие оккупационным властям при ликвидации бандформирований, то вскоре последовала явная «переоценка ценностей», и французские правоохранительные органы стали на путь откровенного игнорирования приказов немецкого командования в части обеспечения безопасности гражданского населения и борьбы с террористами и саботажниками.

Призыв к усилению войск обеспечения тылов и полицейских формирований на оккупированных территориях стал звучать все настойчивее. Настоятельная необходимость обеспечения собственной безопасности вынуждала оккупационную администрацию ввести институт заложников и прибегнуть к усилению репрессий против гражданского населения. Вскоре ситуация на Балканах потребовала срочного усиления контингента оккупационных войск, а по мере продвижения вермахта на восток численность войск обеспечения тылов в России уже давно перестала соответствовать уровню угрозы со стороны террористов, саботажников и их пособников.

Гитлер потребовал ужесточения оккупационной политики, применения драконовских мер и проведения показательных акций устрашения, пока положение окончательно не вышло из—под контроля.

Так летом и осенью 1941 г. появились первые приказы, направленные на борьбу с бандитами, террористами,

парашютистами, агентами секретных служб, преступниками и всяким сбродом «рыцарей топора и кинжала», разбавленных впоследствии полукриминальным идеалистическим элементом, которых сегодня почему—то принято именовать «патриотами».

Среди этих приказов, директив и распоряжений — «приказ о заложниках», или «кодекс Штюльпнагеля», разработанный оккупационной администрацией; директива «О коммунистическом повстанческом движении в оккупированных областях», подписанная мной; приказ фюрера «Мрак и туман», который я подписал по его распоряжению. Кроме того, было еще несколько вариантов жесточайших приказов, представлявших собой нашу попытку дать адекватный ответ извращенным методам ведения военных действий со стороны противника, истинный масштаб и характер которых можно было осознать только в центральной командной инстанции, куда стекались донесения со всех театров военных действий. Нам пришлось взять на себя малопочетный труд объяснить немецким офицерам, воспитанным на иных, «рыцарских», представлениях о войне, что там, где убийство из—за угла стало нормой, а террор против оккупационных властей и гражданского населения считается знаком особой доблести, решительно невозможно обойтись без жесточайших репрессий. Жестокость и террор можно победить только еще большей жестокостью и безжалостным террором…

С началом кампании на Востоке Гитлер возложил на себя (т. е. на ОКВ) оперативное командование финским, норвежским, западноевропейским, североафриканским и балканским театрами военных действий, чтобы максимально разгрузить ОКХ для войны на Восточном фронте. В 1941 г. боевые действия имели место только в Финляндии, Северной Африке и на Балканах, а на остальных фронтах, получивших название «театры военных действий ОКВ», проводились операции полицейского характера.

Фюрер предпринял этот шаг, во многом руководствуясь тем, что на всех вышеупомянутых участках немецкого фронта, кроме побережья Атлантики, мы сражались плечом к плечу с союзниками, т. е. принимали участие в коалициях. Из соображений политического характера Гитлер оставил за собой командование этими фронтами, чтобы иметь возможность корректировать ход кампании на уровне глав государства и держать под постоянным контролем генеральные штабы союзников. Подобного рода регламентация оперативного командования значительно облегчала деятельность ОКХ, хотя в компетенции армии по—прежнему оставались решение организационных вопросов, практическая боеспособность войск, весь спектр проблем, связанных с тыловым обеспечением, и пр.

Я находил не особенно удачным укоренившееся в обиходе ставки выражение «театры военных действий ОКВ» во многом потому, что оно давало несколько искаженное представление о функциях ОКВ как высшей командной инстанции трех составных частей вермахта на всех театрах этой войны. После того как фюрер напрочь «отлучил» ОКВ от разработки и проведения кампании на Восточном фронте, кроме Финляндии, выражение «театры ОКВ» окончательно утратило какой—либо смысл.

В то время мне представлялось целесообразным наделение всей полнотой командной власти главнокомандующих фронтами, т. е. осуществление ответственного командования сухопутными частями, формированиями кригсмарине и люфтваффе под общим руководством ОКВ. Я отдавал себе отчет, что это только мои несбыточные мечты: для реализации моих идей нужно было как минимум изменить программу подготовки офицеров генштаба, а генералитету проникнуться осознанием необходимости триединства наших вооруженных сил. Даже затрудняюсь представить себе, какую реакцию главнокомандующих кригсмарине и люфтваффе вызвало бы решение об оперативном подчинении их самих и главных штабов вверенных им составных частей «сухопутному генералу». Ни гросс—адмирал Редер, ни рейхсмаршал Геринг ни при каких обстоятельствах добровольно не отказались бы от своих командных полномочий. И в этом случае вполне уместно было бы фюреру воспользоваться своим авторитетом и сказать свое веское слово.

Таким образом, общее руководство кампанией на Восточном фронте осуществляло ОКХ, вернее сказать Адольф Гитлер. Я столь подробно рассмотрел этот вопрос, руководствуясь исключительно соображениями восстановления исторической истины, поскольку СССР, как минимум в ходе Нюрнбергского процесса, исходил из ложного допущения, что общее руководство Восточным фронтом осуществлялось Кейтелем и ОКВ.

Союзники

Из союзных и дружественных нам государств с первых же дней кампании на Восточном фронте непосредственное участие в походе на Россию приняли Румыния и Финляндия, после открытия фронта — Италия, Венгрия и Словакия. Каждый из союзников выставил скромный контингент, представлявший собой экспедиционный корпус, сопоставимый с моторизованным корпусом неполного состава, а словаки — легкую пехотную

дивизию. Вместе с командующим 11 армией генерал—лейтенантом Евгением фон Шобертом и начальником военной миссии в Румынии генералом кавалерии Ханзеном я принял участие в состоявшихся в Мюнхене переговорах, на которых фюрер заключил соглашение с Антонеску. Тот сделал правильные выводы и принял активное участие в усилении учебных дивизий немецкой миссии. Румыны были кровно заинтересованы в возвращении Бессарабии, однако из соображений секретности было принято решение не сообщать им о планах и сроках нападения на СССР.

В мае 1941 г. в Зальцбурге я провел переговоры с генерал—лейтенантом Эриком Хайнриксом, начальником финского генштаба, о беспрепятственном прохождении через финскую территорию армии «Норвегия» генерал—оберста Николауса фон Фалькенхорста. Хайнрикс сказал мне, а несколько позже и Йодлю, проводившему с ним согласование оперативных частностей, что Маннергейм[76] настроен самым решительным образом и намеревается внести коррективы в итоги зимней войны с Россией 1939/40.

Фюрер запретил проводить переговоры политического характера (равно как и на уровне генеральных штабов) с союзными нам Венгрией и Словакией, опасаясь утечки информации и разглашения военной тайны. Мне не известно, насколько венгерский генштаб был посвящен в подробности подготовительных мероприятий операции «Барбаросса».

Следует особо подчеркнуть, что начало наступательной операции вермахта на Восточном фронте 22 июня 1941 г., возможно, и было тактической неожиданностью для советского главнокомандования, но ни в коей мере — оперативной…

В расчете на передел государственных границ в Европе Венгрия и Словакия сформировали экспедиционные корпуса и предоставили их в распоряжение ОКХ. Однако уже в сентябре 1941 г. в штаб—квартире фюрера меня посетил начальник венгерского генштаба генерал Штромбатели и заявил, что венгерская моторизованная бригада (дивизия) не экипирована для ведения военных действий в условиях русской зимы и должна быть отозвана с передовой еще до форсирования Днепра. После соответствующего переформирования и переоснащения можно вести речь о боевом использовании дивизии… в будущем году.

Генерал изрядно повеселил меня «глубокомысленными» и с претензией на язвительность замечаниями о «неправильном», на его взгляд, использовании венгерской дивизии на фронте. Мне осталось только порекомендовать ему вначале отучить своих солдат от мародерства и воровства, а потом уже переходить к

обсуждению оперативных вопросов. Впрочем, уяснив, что такие номера здесь не проходят, венгр тут же перестроился и рассыпался в похвалах ОКХ и фюреру, «который произвел на него неизгладимое впечатление». Вечером Штромбатели договорился с Гальдером о принятии компромиссного решения и отправке в тыл венгерских частей.

В конце января 1942 г. я вылетел в Будапешт по поручению фюрера. Мне предстояла в высшей степени непростая миссия — добиться мобилизации венгерской армии (мирного времени) и отправки по меньшей мере 50 % личного состава венгерских вооруженных сил на Восточный фронт для участия в летнем наступлении вермахта 1942 г. К этому времени в составе вермахта воевали 23 венгерские горнострелковые и кавалерийские бригады (на стадии переформирования в дивизии неполного состава) и ограниченный контингент оккупационных сил (подразделений обеспечения тылов), которые уже находились в распоряжении ОКХ, а также те из них, чья скорейшая отправка в Россию была обещана главнокомандованию сухопутных сил. Переговоры с венграми свелись к закулисным торгам о поставках немецкого оружия. Я был официально уполномочен проявлять по этому поводу максимальную снисходительность и уступчивость, поскольку без противотанковых и пехотных орудий, а также всего прочего вооружения венгры мало что могли противопоставить тяжеловооруженным русским дивизиям. В ходе продолжительных «трехсторонних» переговоров с участием (военного) министра «Гонведа» фон Барта и начальника генштаба Штромбатели удалось прийти к соглашению: венгры сформируют и с нашей помощью оснастят 10 дивизий для летней кампании на Восточном фронте.

На следующий день меня принял регент Хорти. 74–летний адмирал пребывал в приподнятом настроении, был предупредителен и сердечен. Затем немецкий посланник в Будапеште капитан 3 ранга в отставке Дитрих фон Ягов дал завтрак в мою честь, который запомнился мне, прежде всего, беседой с венгерским премьер—министром Ладислаусом фон Бардосси. Бардосси высказался в том смысле, что вполне удовлетворен результатами переговоров и одобряет идею отправки на Восток 10 венгерских дивизий наряду с усилением частей обеспечения тылов, однако не вполне представляет себе, как сможет объяснить парламентариям и всему венгерскому народу столь активное участие Венгрии в войне Германии против СССР. Венгры не готовы к войне даже с пропагандистской точки зрения, особенно если речь идет не о войне против… Румынии. Я ответил ему приблизительно следующее: «Как можно думать

сейчас о сведении счетов с румынами, когда вся Европа сражается с большевизмом не на жизнь, а на смерть…»

Румынские части отменно зарекомендовали себя в бою, после того как в ходе ожесточенных и кровопролитных сражений 11 армия генерала фон Шоберта, выступившая с территории Румынии, очистила от противника Бессарабию и соединилась с группой армий «Юг». Встреча Гитлера и Антонеску состоялась в штаб—квартире фельдмаршала фон Рундштедта. После обсуждения оперативной обстановки в узком кругу фюрер вручил румынскому маршалу «Рыцарский крест». Это была заслуженная награда: по сообщению командования группы армий, образцовые действия Антонеску на поле боя и его личный пример оказали огромное влияние на румынских солдат.

Само собой разумеется, что Муссолини не мог остаться в стороне от происходящих событий: он предложил фюреру отправить на Восточный фронт (частично моторизованный) подвижной корпус в порядке исполнения союзнических обязанностей и в ответ на переброску в Африку танкового корпуса Роммеля. ОКХ было вне себя от такой, с позволения сказать, «помощи»: летом, при крайне напряженной обстановке на ж.—д. магистралях, переброску итальянцев можно было осуществить только за счет насущных нужд немецкого переднего края.

Пока итальянские войска находились на марше, Муссолини выехал на фронт по приглашению Гитлера. Их встреча состоялась в Галиции — второй ставке фюрера на Востоке: спецпоезда фюрера и дуче остановились в специально построенном для этой встречи туннеле. На рассвете на нескольких самолетах, в сопровождении эскадрильи прикрытия, мы вылетели в расположение войск фон Рундштедта под Уманью.

После короткого доклада и описания сражения за Умань все выехали встречать итальянские дивизии. Дефилирование войск и выправка «братьев по оружию», несмотря на зычное «Evviva Duce», стали настоящим потрясением для фюрера и всех нас, немецких солдат. Внешний вид «офицеров—переростков», давно выслуживших все мыслимые и немыслимые сроки, произвел на нас крайне удручающее впечатление, в очередной раз заставляя задуматься о сомнительной ценности вспомогательных итальянских войск. Каким образом сумеют противостоять русским эти «полусолдаты», если их разбили наголову убогие греческие пастухи? Фюрер верил в дуче и его революционное дело, но Муссолини не мог олицетворять весь итальянский народ, а итальянцы так и остались «макаронниками». Союзная Италия обходилась нам очень дорого, а впоследствии итальянцы не

только бросили нас в беде, но и пошли на предательство…

Судьба наносила мне один удар за другим: в июле под Смоленском во время воздушной атаки русских штурмовиков получил тяжелое ранение и скончался от ран мой младший сын Ханс—Георг, лейтенант 29 артиллерийского полка. Через несколько дней после трагической гибели сына из—под Смоленска поступило еще одно печальное известие: на поле боя, во время штурма вражеских укреплений, пал мой ближайший друг фон Вольф—Вустервиц, командир Померанского пехотного полка…

Эпидемия отставок

Создавалось впечатление, что после громких побед немецкого оружия в сражениях на окружение под Брянском и Вязьмой неприязненное отношение Гитлера к Браухичу несколько смягчилось, однако уже первые неудачи вызвали настоящий взрыв эмоций.

Со временем поиски козла отпущения за неудачи на фронте стали манерой командования фюрера, даже если главным виновником поражения был он сам. Так, как это произошло на фронтах групп армий «Юг» и «Север», когда вначале фон Рундштедт под Ростовом—на—Дону, а затем и фон Лееб под Тихвином принуждены были вернуть на исходные позиции ударные группировки вермахта — и в этом не было ни капли вины главнокомандующих и ОКХ. Фон Рундштедт категорически возражал против приказов «подневольного» ОКХ об отводе войск к Миусу. Браухич не преминул показать Гитлеру составленную в резкой форме телеграмму, вовсе для него не предназначенную. В ответ фюрер незамедлительно снял фон Рундштедта с должности, естественно, не из—за злополучной телеграммы, а потому что тот, даже не предполагая, что за приказами ОКХ стоит сам Гитлер, позволил себе усомниться в полководческих талантах последнего.

Гитлер пришел в ярость. Решив, что Рундштедт выступает против него лично, он немедленно подписал приказ о назначении фон Рейхенау командующим группой армий «Юг», а сам вместе со Шмундтом вылетел в Мариуполь. Гитлер сказал мне, что хочет увидеть верного «Зеппа» Дитриха, командира лейбштандарта СС «Адольф Гитлер», чтобы тот «правдиво» доложил ему о положении наших войск и, как он искренне думал, «неправильном» руководстве со стороны командных инстанций

сухопутных войск. К чести своей, группенфюрер СС действительно правдиво доложил об оперативной обстановке и убедил Гитлера в том, что тот несколько погорячился. На обратном пути фюрер встретился с Рундштедтом, и, хотя отставка все же состоялась, взаимное доверие было восстановлено.

Сразу же после возвращения в беседе со мной Гитлер выразил удовлетворение благополучным разрешением конфликта с Рундштедтом и… резкое недовольство действиями своего друга фон Рейхенау. Фельдмаршал решил воспользоваться своим новым назначением для оголтелых нападок на ОКХ и все военное руководство рейха, однако добился прямо противоположных результатов: Гитлер сказал мне, что, наверное, я прав и Рейхенау совершенно не подходит для назначения на пост главнокомандующего сухопутными силами. Теперь я твердо знал, что в случае отставки фон Браухича эта должность Рейхенау не светит!

В декабре на фронте группы армий «Север» по указанию фюрера и вопреки мнению ОКХ было предпринято наступление на Тихвин. Без обеспечения должной внезапности операция изначально была обречена на провал. Если бы даже и удалось овладеть городом, удержать его было решительно невозможно. Оперативная цель операции — прорывом к Ладоге соединиться с финнами и перерезать тыловые коммуникации ленинградского гарнизона — достигнута не была. Могу засвидетельствовать, что во время телефонных разговоров с фюрером фельдмаршал фон Лееб неоднократно просил разрешения на отвод войск к Волхову, сокращение линии фронта и сохранение сил. Группа армий сражалась до последнего, но в конечном итоге уступила противнику все, что была не в состоянии удержать. Фон Лееб прибыл в ставку фюрера и попросил отставки — он слишком стар, и нервы не выдерживают подобной нагрузки. Гитлер не возражал, поскольку это его вполне устраивало.

Мне представляется, что весь этот маскарад с увольнением двух командующих группами армий был затеян Гитлером с одной —единственной целью: не признавая своих собственных ошибок, оправдаться перед «судом истории», имея под рукой «двух главных виновников» поражения.

Уныние первых кризисных дней русской кампании растаяло без следа и сменилось безудержным оптимизмом после того, как Япония объявила войну Америке. Пользуясь случаем, хочу опровергнуть утверждения о том, что Гитлер якобы не только знал об этом шаге партнеров по «Оси», но и оказал давление на микадо. Если я ошибаюсь, значит, актерские дарования Гитлера превзошли мою проницательность! Гитлер следил за ходом япono

—американских переговоров в Вашингтоне, и Перл—Харбор стал для него настоящей неожиданностью. Помню, как посреди ночи он ворвался к нам с Йодлем в кабинет, размахивая телеграммой. У него буквально гора свалилась с плеч; во всяком случае, то напряжение, которое испытывали все в связи со скрытым участием Америки в войне на европейском театре, несколько ослабло.

Тем временем стали давать о себе знать накопившаяся в войсках усталость и повсеместное похолодание в России. В ОКХ уже давно поняли, что взять Москву до наступления зимы не удастся, — оставалось только сообщить об этом фюреру…

Оправившись после сердечного приступа, сохранявшегося в строжайшей тайне от общественности, фон Браухич выехал на фронт. Впоследствии мне стало известно, что он обсуждал с командующими вопросы сокращения линии фронта и обустройства «зимних квартир», если запланированное наступление… сорвется по каким—либо причинам. Новый сердечный приступ, на этот раз осложненный истощением нервной системы, свалил главнокомандующего сухопутной армией и на несколько дней приковал его к постели. Гитлер не мог не почувствовать приближения нового кризиса, однако продолжал делать вид, что ничего страшного не происходит.

Тем временем температура продолжала падать, что повсеместно привело к тяжелым случаям обморожения среди личного состава. Гитлер предъявил ОКХ тягчайшие обвинения в том, что интендантские службы заблаговременно не озаботились выдачей зимнего обмундирования, печей для обогрева стрелковых окопов и т. п. А ведь он не мог не знать, что в ходе непрекращающихся боев армия давно уже испытывает затруднения не только со снабжением зимним обмундированием, но и продовольствием и боеприпасами из—за ставшего настоящим бичом нашей армии транспортного кризиса…

19 декабря 1941 г., после почти что двухчасового разговора с фюрером один на один, взволнованный и подавленный Браухич, вышел из его кабинета и сказал мне: «Отправляюсь домой… Он отправил меня в отставку… Я больше так не могу…» На мой вопрос, что же теперь будет, Браухич устало ответил: «Не знаю, спросите у него…»

Через несколько часов фюрер вызвал меня к себе и зачитал короткий повседневный приказ, составленный вместе со Шмундтом: он принимает на себя командование сухопутными войсками с немедленным оповещением об этом действующей армии. Следом за ним последовал второй, секретный, приказ, согласно которому генеральный штаб сухопутных войск

подчиняется отныне непосредственно фюреру, а ОКХ передает все дела мне (ОКВ) как высшей командной инстанции, но с тем ограничением, что в своих действиях я руководствуюсь указаниями верховного главнокомандующего. В заключение Гитлер заявил, что текст данного приказа будет передан для ознакомления Гальдеру и дальнейшему распространению не подлежит.

Общественность не была оповещена о том, что отставка главнокомандующего сухопутными войсками состоялась по обоюдному согласию и даже взаимной инициативе сторон. Было совершенно очевидно, что главный «виновник» отступления, разразившегося кризиса и поражения в битве за Москву — в 25–30 км от пригородов русской столицы — найден, хотя имя его так и не названо…

Глава 3. На Восточном фронте 1941–1943 гг

В Кейтель
20.9.46
Господину адвокату доктору Нельте!

При сем некоторые подробности организации верховного главнокомандования с 19.12.41 до зимы 42/43 в бытность Адольфа Гитлера главнокомандующим сухопутной армией. Прилагаю данные записи в порядке дополнения материалов защиты, расширения моих показаний на процессе и уточнения данных Вам устных пояснений.

В. Кейтель

«Ни шагу назад!»

Перспективы плодотворного сотрудничества фюрера и ОКХ вызывали самую серьезную озабоченность — с некоторых пор лично я больше не верил в будущность связки «Гитлер — Гальдер». В узком кругу фюрер часто высмеивал своего начальника генштаба, представляя Гальдера человеком недалеким и поверхностным. Не драматизируя эту не лучшую из привычек фюрера — превращать отсутствующего в объект злых насмешек, — повторюсь: вряд ли эта упряжка была в состоянии потянуть тяжелый воз военных проблем.

Тогда я предложил Гитлеру назначить начальником штаба сухопутных войск генерала Йодля, которого он успел хорошо

узнать за время совместной работы и к которому относился с должным уважением, а начальником штаба оперативного руководства (т. е. генштаба вермахта) — генерала фон Манштейна, произведя соответствующее разграничение полномочий его и моих как начальника штаба ОКВ. Принципиальных возражений не последовало — Гитлер обещал обдумать предложение, посоветоваться со Шмундтом и т. д.

Больше мы к этой теме не возвращались, однако через некоторое время Шмундт передал мне, что фюрер решил оставить Йодля в ОКВ и работать с Гальдером: все наладится, дело пойдет — по крайней мере, Гальдер честен, лоялен, надежен и исполнителен.

Мне стало ясно — да и Шмундт это косвенно подтвердил: как бы высоко Гитлер ни ставил Манштейна и с каким бы уважением к нему ни относился, он всерьез опасался непреклонности и самостоятельности одного из лучших своих генералов — двум сильным личностям было не ужиться рядом друг с другом. Этой же точки зрения придерживался и Йодль, заметивший по поводу моего предложения: «С Манштейном дело не пойдет…» После того как окончательное решение было принято, я в интересах дела буквально встал горой за Гальдера: старался давать ему советы там, где это было возможно, а если вдруг мне становились известны какие—либо планы фюрера, я старался заблаговременно сообщить их начальнику генштаба, чтобы тот мог избрать верную линию поведения.

11 декабря мы вернулись в ставку из Берлина, с внеочередного заседания рейхстага по поводу вступления Японии в войну. Буквально за несколько дней распутица на Востоке сменилась чудовищными морозами со всеми вытекающими последствиями для действующей армии. Самое страшное заключалось в том, что вслед за автопарком отказал и железнодорожный транспорт: немецкие локомотивы и водокачки превращались в глыбы льда…

В этой тяжелейшей ситуации Гитлер отдал первый приказ по Восточному фронту: держаться, ни шагу назад! Отступление — неважно, на 5 или 50 км — означало бы невосполнимую утрату тяжелого вооружения, что делало армию практически беззащитной перед лицом противника. Инстинктивно принятое, это решение фюрера было в целом правильным: чтобы не повторить печальную судьбу отступавшей без тяжелого вооружения «Великой армии» Наполеона в 1812 г., следовало не отступать и, стиснув зубы, сражаться. Это не исключало тем не менее организованного отхода на заранее подготовленные позиции.

Скованные льдами, оба фронта застыли в зимнем оцепенении — только западнее Москвы и на центральном участке группы армий «Центр» имели место бои местного значения.

Ночью в моем присутствии состоялся телефонный разговор командующего группой армий «Центр» фон Бока[77] и Гитлера. Фельдмаршал жаловался на самоуправство командующего 4 танковой армией генерал—оберста Хеппнера, вопреки указаниям фюрера отдавшего приказ об отводе своей армии и подставившего таким образом под удар северный фланг армии Клюге. Гитлер пришел в неистовство и приказал (в этот момент Гальдер находился в штаб—квартире ОКХ) немедленно уволить Хеппнера из рядов вермахта за «злостное и преднамеренное невыполнение приказов». Гитлер бушевал всю ночь в штабной читальне — поносил «не обученных безоговорочному повиновению генералов». Он даст предметный урок обнаглевшему генералитету. Повседневный приказ об увольнении появится уже сегодня, и пусть он послужит предостережением тем, кто не считает для себя обязательным выполнение распоряжений вышестоящих командных инстанций…

Аналогичная история произошла с генералом Гудерианом накануне Нового 1942 г. 2 танковая группа атаковала Москву с тульского направления до тех пор, пока буквально не вмерзла в лед! Тем временем группа армий «Центр», с ведома фюрера, решила отвести танки Гудериана на запад для прикрытия бреши на южном фланге 4–й армии (фон Клюге). Однако у генерала был свой собственный план: он решил отходить на юг вдоль полосы наступления 2 танковой группы, подорвав большую часть безнадежно увязшего в русских снегах танкового парка. Фон Бок тщетно пытался повлиять на Гудериана, ссылаясь на приказ Гитлера, однако строптивый генерал отказался выполнять его как невозможный. Гитлер подписал приказ о смещении Гудериана с должности и вызвал его в ставку.

Беседа фюрера и генерала происходила в моем присутствии. Гудериан стоял на своем: он не мог выполнить распоряжение группы армий, равно как и приказ Гитлера; его главной заповедью была и останется забота о солдатах; он убежден в том, что действовал правильно. Гитлер, который на этот раз удивил меня своим самообладанием, смягчился и отпустил Гудериана с пожеланием, чтобы тот привел в порядок расшатанные чудовищной нагрузкой нервы. Тем не менее приказ об отправке в резерв «до особого распоряжения» остался в силе. Насколько мне известно, генерал чрезвычайно тяготился своим вынужденным бездействием.

Наконец, еще одно ЧП случилось на левом фланге группы

армий «Центр», в полосе наступления 9 армии генерал—оберста Адольфа Штрауса. В ходе тяжелых оборонительных боев командир 6 корпуса генерал Ферстер и один из его дивизионных командиров, на мой взгляд, растерялись и попросту не совладали с нервами. Один раз Гитлер уже проявил несправедливость по отношению к Ферстеру во время скандала со строительством «Западного вала». Проявил он ее и на этот раз. Я даже не хочу вдаваться в подробности этой неправедной отставки, главной причиной которой послужили ошибочные донесения… воздушной разведки люфтваффе.

Я бы погрешил против истины, если бы не отметил, что полной катастрофы удалось избежать только благодаря силе воли фюрера, его настойчивости и не знающей снисхождения безжалостности. Если бы Гитлер не перечеркнул своей твердой рукой планы поэтапного отступления группы армий «Центр» — действительно оказавшейся в крайне сложном положении, но руководствовавшейся исключительно своими узкими эгоистичными интересами, а не беспокойством о судьбе всего Восточного фронта в целом, — то последствия были бы непредсказуемыми, а немецкой армии уже в 1941–м пришлось бы повторить судьбу своих французских «предшественников». Заявляю об этом со всей определенностью как живой свидетель и непосредственный участник событий тех страшных для немецкой армии недель: оставив на поле боя тяжелое вооружение, бронетехнику, мототранспортные средства и орудия, войска превратились бы в неуправляемое стадо, движимое только одним желанием — спасти свою жизнь, а безжалостный преследователь методично уничтожал бы одну немецкую дивизию за другой…

Только в начале января 1941 г. удалось изменить декабрьскую диспозицию и добиться относительной стабилизации оборонительного фронта. Однако не могло быть и речи ни о какой зимней передышке: русские проявляли необыкновенную активность на многих направлениях. Наши измотанные войска несли тяжелые потери в кровопролитных оборонительных боях. Инициатива полностью перешла к противнику.

Борьба за пополнение

После трагической гибели министра вооружений и боеприпасов Тодта в январе 1942 г. и назначения на эту должность Альберта Шпеера мне удалось добиться от нового

рейхсминистра высвобождения почти четверти миллиона солдат регулярной армии, в свое время мобилизованных для нужд оборонной промышленности. С этого момента началась перманентная битва за пополнение, которая так и не закончилась до последнего месяца войны.

Только за первые месяцы зимы число безвозвратных потерь сухопутных войск превысило 100.000 человек, в декабре 1941 г. и январе 1942 г. — вдвое больше. Из резервной армии были призваны в действующую все призывные возраста вплоть до 1922 года рождения включительно. Я предложил не трогать хотя бы 1923 г.р. — фюрер, во всяком случае на словах, полностью поддержал меня.

Все эти полумеры не могли решить проблему восполнения потерь Восточной армии. Со временем нам пришлось пойти на сокращение штатного состава дивизии с 9 до 7 батальонов и резкое уменьшение численности личного состава нестроевых служб. Собственно, с этой февральской акции и началась борьба за кадры с министерством военной промышленности — борьба за сохранение боеспособности вермахта и, прежде всего, сухопутных войск.

По сравнению с армией потребность в молодом пополнении люфтваффе и кригсмарине была сравнительно небольшой. Что же касается войск СС, то здесь складывалась совершенно иная картина: из года в год Ваффен СС как ненасытные кровопийцы «высасывали» молодую немецкую кровь. С молчаливого одобрения и согласия фюрера они где посулами, где давлением, а где и прямым обманом заманивали в свои ряды, возможно, лучших представителей немецкой молодежи, лишая армию унтер—офицерских и офицерских кадров.

Мои попытки изменить ситуацию ни к чему не приводили. Фюрер был непреклонен: он знает наше недоброжелательное отношение к Ваффен СС, а ведь они — элита, идеологические солдаты партии, воспитанные в духе национал—социалистического мировоззрения; странно, что именно это армия и отвергает; СС получали и будут получать в свое распоряжение отборную молодежь — он категорически запрещает ограничивать поток добровольцев. В ответ на мое замечание, что вербовщики СС пользуются незаконными средствами, используя неприкрытое давление на родственников призывников и прямой шантаж, Гитлер вспылил еще больше и потребовал доказательств, которые я, само собой разумеется, предъявлять ему не стал, поскольку чисто по—человечески пожалел отцов и преподавателей гимназий, — как правило, жалобы на СС «рассматривались»… в гестапо.

В поисках дополнительного пополнения изыскивались все новые и новые методы призыва на действительную службу. Нам даже приходилось прибегать к так называемым «вычесываниям» — выявлению всех пригодных к строевой службе в тылу. В народе эти акции получали недвусмысленное название «этапы»! Стоит ли говорить о практической ценности мобилизованного таким образом контингента?

Ближе к концу войны мне уже самому приходилось просить фюрера о мобилизации всех призывных возрастов, поскольку теперь я видел в этом единственный способ урегулирования кадровых отношений между армией и министерством военной промышленности. Фюрер соглашался, но дальше этого дело не пошло. Тем временем Шпеер добился того, что работодатели оборонных предприятий получили право «бронирования» наиболее ценных в профессиональном отношении кадров, отправляя в армию наименее квалифицированный элемент. Фриц Заукель, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы, чье ведомство заполняло образовавшиеся в промышленности бреши за счет немецких рабочих низкой квалификации и рабсилы с оккупированных территорий, «по секрету» признался мне, что промышленники скрывают и прячут от мобилизации квалифицированные кадры «про запас». По его самым приблизительным подсчетам, число незаконно «забронированных» работников составляло не менее полумиллиона человек!

Что означали эти 500.000 человек для истекающего кровью Восточного фронта? Для каждой из 150 задействованных в России дивизий это значило усиление… на 3000 солдат — ровно вполовину от штатного состава! Вместо этого мы восполняли фронтовые потери обозниками и русскими «Hiwi».[78]

При желании можно было бы написать отдельную книгу о ежедневных кадровых сражениях трех последних лет войны. Приведу только несколько цифр: в среднем наши ежемесячные безвозвратные потери (без учета потерь в дни генеральных сражений) составляли 150–160 тысяч человек; ежемесячно в армию приходило пополнение — в среднем 90–100 тысяч человек; контингент новобранцев одного призывного возраста в последние годы войны составлял около 550 тысяч человек, из которых около 90 тысяч призывников шли добровольцами в войска СС и около 30 тысяч — в люфтваффе…

Операция «Блау»

Только в начале апреля, вслед за наступившей распутицей, прекратились доставлявшие нам столько беспокойства набеги русских. За ними не прослеживалось четкого оперативного плана — удары наносились на всем протяжении линии фронта, главным образом в районах крупных административных центров. Непосредственную оперативную угрозу прорыва немецкого фронта создавал глубокий клин южнее Орла, не меньшие опасения командования вызывал и Демянский котел. Было решено отложить операцию по деблокированию окруженной под Демянском группировки до лучших времен, что же касается наших перспектив на юге, южнее Полтавы, то они выглядели весьма обнадеживающими, предоставляя возможность в сжатые сроки провести операцию на окружение и уничтожение вражеской группировки. Кроме того, погодные условия и состояние дорог позволяли нам начать наступательную операцию на 4 недели раньше, чем на фронтах групп армий «Центр» и «Север». Перегруппировав и усилив свой Южный фронт, русские сами обозначали для нас привлекательную в оперативно—тактическом смысле цель! В дополнение к плану генерального летнего наступления на Восточном фронте Гитлер отдал приказ о проведении отдельной операции по ликвидации угрозы прорыва танкового клина русских к Полтаве.

С учетом понесенных нами потерь и необходимости держать оборону план операции, выдвинутый непосредственно Адольфом Гитлером,[79] не предполагал развития генерального наступления на всю ширину стратегического развертывания Восточного фронта. Речь шла о прорыве танковыми клиньями на всю глубину оборонительных порядков русских на северном фланге группы армии «Юг» фельдмаршала фон Бока.[80] После прорыва танкового клина вермахта к Воронежу на реке Дон, последующей перегруппировки и значительного усиления северного фланга ударной группировке предстояло нанести сокрушительный удар вдоль Донского фронта противника с выходом к Волге в районе Сталинграда и одновременным захождением южным крылом фронта в направлении кавказских предгорий с целью оседлать перевалы через Кавказский хребет и захватить районы нефтепромыслов.

Одновременно с прорывом к Сталинграду предстояло начать наступательную операцию в Крыму — с Керченского полуострова — с последующим захватом нефтеносных кавказских регионов. С марта 1942 г. ОКХ приступило к разработке оперативных планов.

Суть оперативно—стратегического замысла фюрера заключалась в следующем: на подготовительном этапе операции следовало ввести русских в заблуждение, связать их резервы и

перерезать коммуникации, обозначив Москву главной целью летней кампании. Затем, примерно на полпути между русской столицей и излучиной Северского Донца, совершить стремительное захождение на юг, вверх по течению Дона. В случае успешной реализации планов наступательной операции нам бы удалось не только захватить Донбасс и кавказские нефтепромыслы, но и перерезать Волгу, главную транспортную артерию, по которой, собственно, и осуществлялось снабжение бакинской нефтью русских армий, дислоцировавшихся в центральных регионах СССР. Союзные нам Румыния, Венгрия и Италия должны были выставить около 30 дивизий для прикрытия северного фланга фронта немецкого наступления и в случае необходимости удерживать оборону на рубеже реки Дон.

Вопрос участия Румынии в весенне—летней кампании 1942 г. я обсуждал с Антонеску еще в октябре 1941 г. на параде в Бухаресте по случаю взятия Одессы — давней мечты нескольких поколений румынских политиков и военных. Тогда мне не составило особых трудов добиться принципиального согласия румынской стороны, пребывавшей в состоянии эйфории в связи с возвратом Бессарабии и захватом черноморского города—порта. Само собой разумеется, что Антонеску не преминул свести переговоры к обычному торгу и начал выклянчивать оружие и амуницию.

Антонеску крайне болезненно переживал решение Венского арбитража 1940 г. об отторжении Северной Трансильвании в пользу Венгрии и требовал, чтобы и Хорти выставил не меньший контингент войск, чем Румыния. В случае несоблюдения паритета и ослабления румынской армии венгры получат прекрасную возможность для реализации своих агрессивных намерений — о чем недвусмысленно свидетельствует передислокация крупных войсковых соединений венгерской армии к румынской государственной границе. Он будет вынужден принять ответные меры, что существенно затруднит и ограничит участие Румынии в кампании на Восточном фронте. Однажды я уже выступал в роли «миротворца», правда, в переговорах с венгерским союзником! Примерно в тех же выражениях я попытался отговорить от опрометчивого шага и Антонеску. К счастью, бессмысленного вооруженного конфликта между Румынией и Венгрией удалось избежать…

Антонеску подтвердил отправку на Восточный фронт примерно 15 дивизий, если Германия возьмет на себя обязательства по переоснащению и перевооружению румынского контингента. Оснастить румын современным немецким оружием в полном объеме не удалось, однако, учитывая, что на

вооружении румынской армии стояли преимущественно французские образцы, мы решили эту серьезную проблему за счет трофейного оружия.

Собственно, мой визит состоялся только потому, что Гитлер по каким—то причинам отклонил официальное приглашение румынского правительства, а Геринг категорически отказался от поездки… из—за недавнего конфликта с Антонеску по поводу недопоставок румынской нефти для нужд люфтваффе… Так я оказался в Бухаресте и принял участие в параде победы как официальный представитель вермахта. Мне отвели покои во дворце юного короля Михая I. Антонеску как глава государства представил меня Их Высочествам королю и королеве—матери, супруге Кароля II, который после изгнания на долгие годы утешился в объятиях мадемуазель Елены Лупеску. Король, недавно достигший совершеннолетия, неловкий, но в высшей степени симпатичный молодой человек, и королева—мать, рафинированная аристократка со следами былой красоты, произвели на меня благоприятное впечатление. После церемонии вручения высшего румынского ордена мы с Антонеску выехали принимать парад.

Он все допытывался у меня, как я нахожу его гвардейцев, которых по немецким понятиям иначе как мизерабельными и назвать—то было нельзя. Однако я нашел способ, как уклониться от ответа, не обидев маршала, и сказал, дескать, войска только что вернулись с передовой после трудного марша, поэтому не в выправке дело, а в том, с каким обожанием фронтовики «едят глазами начальство», мол, именно это и произвело на меня самое благоприятное впечатление…

Прознав об участии в летней кампании румынских и венгерских экспедиционных частей, Муссолини решил, что Италия никак не может остаться в стороне от событий. Дуче, без каких—либо намеков с нашей стороны, немедленно заявил, что намерен выставить не менее 10 «элитных» дивизий. К сожалению, фюрер не проявил присущую ему непреклонность и не отказался от услуг итальянских союзников. По донесениям нашего полномочного представителя в Риме генерала фон Ринтелена, речь шла об отправке на Восточный фронт 4–6 горнострелковых и 3–4 пехотных дивизий — действительно лучших сил итальянской армии. Мы могли осуществить их переброску на Восток только летом, поскольку накануне весенне—летнего наступления обстановка на железных дорогах была крайне напряженной.

Зимой 1941/42 только создание спецкомиссии по военным перевозкам спасло систему тылового обеспечения и снабжения войск от полного краха. Бывали дни, когда от страшных морозов

выходили из строя до 100 локомотивов ежесуточно. Немецкая техника оказалась неприспособленной к экстремальным погодным условиям. При отступлении русские повсеместно уничтожали склад—базы железнодорожного инженерного имущества и железнодорожно—строительных материалов, что заставляло нас еще и перешивать русские пути на немецкую колею…

Проблемы железнодорожных перевозок при стратегическом развертывании и эксплуатация железных дорог стали предметом специального совещания в ставке фюрера. Начальник управления военных перевозок генерал Герке справедливо жаловался на нежелание административных служб государственных железных дорог своевременно обновлять вышедшие из строя локомотивы и ремонтировать железнодорожные сооружения и инженерное оборудование. Выслушав обе стороны, Гитлер принял беспрецедентное решение: железнодорожные перевозки в России — от погрузки до разгрузки транспортов в районах сосредоточения военных грузов для действующей армии, обслуживания обменных пунктов и т. п. до сопровождения составов и их охраны, — переходят в компетенцию администрации государственных железных дорог. Генерал Герке был достаточно опытен и умен, чтобы не выдвигать никаких возражений, сняв с себя и вермахта всякую ответственность по этому поводу. Чтобы не быть голословным, приведу несколько цифр: суточная потребность сухопутной армии (без люфтваффе) в подвозимом довольствии составляла 120 эшелонов; во время активизации боевых действий, когда возрастала потребность в подвозимых боеприпасах и возникала необходимость отправки раненых в тыл, количество грузовых составов значительно увеличивалось; ежедневно на фронт отправлялось до 100 эшелонов, да и то не всегда, если учесть, что партизаны совершали иной раз до 100 подрывов железнодорожного полотна за ночь.

От Полтавы до Сталинграда

Весенняя операция на полтавском направлении началась, когда, воспользовавшись вдавленностью немецкого фронта, русские создали угрозу прорыва глубоким вклиниванием в наши ослабленные и растянутые оборонительные порядки. Фельдмаршал фон Бок намеревался задействовать предназначенные для нанесения контрудара силы и

перебрасываемое подкрепление на западном фланге фронта, где как раз и обозначилась реальная угроза прорыва. Фюрер как главнокомандующий сухопутной армией отдал приказ о нанесении удара по основанию дуги, с тем чтобы отрезать и уничтожить находившиеся там силы противника. Фон Бок опасался, что может не успеть с упреждением русского прорыва.

Тогда Гитлер решительно вмешался и провел операцию в соответствии со своим планом — и оказался прав: после того как противник ввел в бой и частично израсходовал свои силы, наш внезапный удар оказался для него полной неожиданностью, в одночасье изменив кризисную ситуацию на этом участке фронта. Мы добились решающей победы, захватив много пленных.

У меня уже нет времени, чтобы подробно описать ход проведенной в соответствии с планами фюрера операции, которая началась под Полтавой, а закончилась на Волге, у стен Сталинграда, став поворотным пунктом всей кампании на Востоке. Расскажу только о некоторых наиболее запомнившихся мне эпизодах.

Операция началась с совершенно дикой истории, когда вражеская пресса частично опубликовала… план немецкого наступления. По крайней мере, одна из фраз директивы фюрера была воспроизведена дословно, так что у нас не возникло никаких сомнений в прямой измене. Фюрер и раньше испытывал недоверие к штабам, принимавшим участие в разработке операции на предварительной стадии, теперь же он называл генштаб не иначе как «гнездом заговорщиков и предателей». Уже следующей зимой выяснилось, что предателем оказался офицер разведотдела оперативного штаба люфтваффе, призванный на действительную службу из запаса. Главному управлению имперской безопасности удалось выйти на след разветвленной организации государственных преступников и изменников родины, действовавшей в Берлине. В декабре 1942 г. в верховном военном трибунале состоялся процесс, завершившийся вынесением справедливых приговоров членам шпионской организации, главным образом, гражданским лицам — мужчинам и женщинам. Руководителем и организатором шпионской сети, так называемой «Красной капеллы», был тот самый вышеупомянутый офицер люфтваффе, некий оберстлейтенант Харро Шульце—Бойзен. Вместе со своей женой Либертас, внучкой князя Филиппа Ойленбургского, он установил связь с советской разведкой и передавал коммунистам секретную оперативно—стратегическую информацию. Однако вплоть до вынесения приговора фюрер несправедливо обвинял в измене генеральный штаб.

19.6.1942 г. «Шторх» майора генерального штаба Райхеля, Ia 23 танковой дивизии, был подбит огнем зенитной артиллерии противника и совершил вынужденную посадку на нейтральной полосе. Райхель был убит на месте. За несколько дней до начала немецкого контрнаступления в руки русской контрразведки попали секретные приказы по развертыванию 40 танкового корпуса генерала кавалерии Штумме на 1–м этапе операции «Блау». Взбешенный Гитлер отдал под суд военного трибунала под председательством Германа Геринга всех, кто имел хоть маломальское отношение к злополучному перелету — командира корпуса Штумме, начальника штаба оберста Франца и командира 23 дивизии генерал—лейтенанта фон Бойнебург—Ленгсфельда. Только благодаря рейхсмаршалу и моему заступничеству удалось так или иначе смягчить наказание всем офицерам, обвиненным в халатности и несоответствии занимаемым должностям. Генерал Штумме, например, был назначен заместителем Роммеля (и вскоре погиб в Северной Африке).

В ходе трехдневных боев танковым дивизиям фон Бока удалось прорвать глубоко эшелонированную оборону противника. Вскоре немецкие войска вели ожесточенные бои за донские переправы, а передовые части ворвались в пригороды Воронежа. Однако фюрер начал проявлять первые признаки нетерпения и недовольства, считая, что Бок топчется на месте, в то время как нужно атаковать в южном направлении, вверх по течению Дона, без оглядки на тылы и фланги, не заботясь о судьбе Воронежа.

Я чувствовал, что назревает очередной кризис главнокомандования и конфликт с Гальдером, поэтому предложил фюреру самому встретиться с фельдмаршалом и разобраться в ситуации непосредственно на месте. Фюрер с энтузиазмом отнесся к моей идее, и в тот же день, 4.7.42, мы вылетели в штаб—квартиру фон Бока вместе с офицером оперативного отдела ОКХ, которого отправил вместе с нами… Гальдер. Фюрер в необыкновенно деликатной манере изложил свою точку зрения и внес некоторые коррективы в ход операции. Внешне обсуждение положения и последующие оперативные совещания проходили в обстановке корректности и дружелюбия, однако я чувствовал, что фюрер крайне недоволен и уже принял определенное решение, и, в общем, не ошибся: буквально через несколько недель фон Бок был отправлен в отставку, а командующим группой армий «Б» (бывшей «Юг») был назначен генерал—оберст барон Максимилиан фон унд цу Вейхс ан дем Глон.

После переформирования группы армий «Юг» для операции на кавказском направлении были сформированы группа армий

«А» и штаб оперативного руководства. Вопрос о назначении командующего оставался открытым. Гальдер и я, независимо друг от друга, предложили фюреру назначить на этот пост фельдмаршала Вильгельма Германа Листа. Гитлер все тянул и тянул с принятием решения, не объясняя, что он, собственно говоря, может иметь против опытного офицера—фронтовика. Когда вышли последние сроки, мы с Гальдером предприняли последнюю попытку добиться от Гитлера вразумительного ответа. Наконец фюрер с видимой неохотой подписал приказ о назначении. Однако уже первые бои на фронте группы армий «А», наступавшей в направлении на Ростов—на—Дону с последующими концентрическими ударами и выходом в Предкавказье, привели к необоснованным упрекам и обвинениям в адрес генерал—фельдмаршала со стороны фюрера. Совершенно неожиданно Гитлер заговорил о том, что Лист своими маловразумительными приказами фактически помешал ворваться в Ростов танкам лейбштандарта СС, сам же выступил поздно, атаковал вяло и т. д. При том, что каждый из нас знал: Лист действовал в строгом соответствии с полученными указаниями, и действовал хорошо.

С 16.7.1942 г. передовая ставка фюрера «Вервольф» располагалась в лесах под Винницей. 31.8.1942 г. Гитлер вызвал фельдмаршала на доклад — в этот момент я находился в Берлине. Сразу же после возвращения фюрер обрушился на меня с упреками: зачем я порекомендовал ему совершенно никчемного человека, который произвел на него самое отрицательное впечатление. Это просто уму непостижимо: явиться на доклад с картой масштабом 1:1.000.000.000, без условных обозначений. В ответ на мое замечание, что он сам запретил брать в полет оперативные документы, фюрер разъярился еще больше. Присутствовавший при этой вспышке безудержного гнева Геринг был шокирован происходящим. Совершенно не к месту Гитлер вспомнил об инспекционной поездке Листа в Норвегию, инициатором которой был опять я, а он, фюрер, еще тогда заподозрил неладное и остался решительно недоволен результатами и т. д.

Кризис назревал. Последней каплей, переполнившей чашу терпения фюрера, стала инспекционная поездка Йодля на Кавказ, в штаб—квартиру 49 горнострелкового корпуса, штурмовавшего горные перевалы на главном направлении удара. Обсудив положение с командиром корпуса генералом горнопехотных войск Конрадом и фельдмаршалом Листом, Йодль вернулся в ставку и доложил фюреру, что разделяет точку зрения Листа — поставленная боевая задача выполнению не подлежит… Опуская

подробности, скажу, что таким фюрера мне еще видеть не приходилось, а самыми мягкими выражениями были — «саботаж», «заговор», «измена» и т. п. Тактическая идея фикс фюрера, от которой он категорически не желал отказаться, заключалась в преодолении западных отрогов Кавказского хребта и прорыве к Черноморскому побережью. О том, какие сложности вызывает организация подвоза довольствия и боеприпасов в условиях горной местности, он и знать ничего не желал…

Так как «инициатором» инспекционной поездки Йодля был опять я — я стал и главным «виновником» событий. Гитлер приказал мне на следующий день вылететь в Сталино и сообщить Листу об отставке и зачислении в «резерв фюрера»… до его личного распоряжения.

Я так никогда и не узнал, кто был инициатором откровенной травли фельдмаршала Листа — опытного боевого офицера, прекрасно проявившего себя в ходе французской и балканской кампаний. Не исключено, что корни застарелой неприязни Гитлера уходили в далекий 1931 г., когда, будучи комендантом Дрезденского пехотного училища, Лист резко выступал против национал—социалистов. Допускаю также, что инициаторами отставки вполне могли быть рейхсфюрер СС Гиммлер или начальник партийной канцелярии Мартин Борман. Сие тайна великая есть…

Последствия всей этой истории были весьма плачевными: на некоторое время Йодль был вынужден «исчезнуть» подальше от начальственных глаз — до меня доходили слухи о намерениях Гитлера заменить его командующим 6 армией Паулюсом; я окончательно «утратил» доверие, но в отставке или использовании в другом качестве мне было отказано — Геринг пообещал похлопотать, но безрезультатно. В связи с «делом Листа» в опалу попал и Гальдер. «Полночные чаепития» и «застольные беседы» прекратились. Отныне все официальные и неофициальные речи фюрера стенографировались. Только 30.1.1943, здороваясь с нами, Гитлер протянул руку вначале Йодлю, потом мне, однако до полного восстановления доверия было еще очень далеко!

Операция на Кавказе сорвалась. Не оправдались и наши надежды на то, что группе армий «Центр» удастся сковать значительные силы русских западнее и юго—западнее Москвы и облегчить положение немецкого Южного фронта — именно на этих направлениях Красная армия нанесла массированные контратакующие удары. Гальдер оценивал положение как неудовлетворительное — несмотря на то, что в ходе наступления мы взяли под контроль гигантские территории, он опасался

введения в бой стратегических резервов русского главнокомандования. Изменился и сам характер боевых действий: противник научился избегать клещей, охватов и фланговых обходов — число захваченных нами пленных в битвах на окружение стало незначительным по сравнению с первым этапом войны. Неприятель оказывал упорное сопротивление только на сталинградском направлении и в предгорьях Кавказа — на всех остальных участках фронта активно маневрировал и всячески избегал боевого соприкосновения и огневого контакта.

Тем временем наши союзники вместе с отдельными немецкими дивизиями заняли оборонительные позиции на рубеже реки Дон, обеспечив прорыв 6 армии Паулюса к Сталинграду. Однако не могло быть и речи об активизации боевых действий и применении массированных подвижных соединений — сил хватало только на частные операции в районах нефтедобычи и бои местного значения на волжском направлении. Серьезные опасения Гальдера вызывал донской оборонительный фронт — особенно участки примыкания венгерских и итальянских дивизий южнее Воронежа и укрепрайон западнее Сталинграда, где дислоцировались румынские части. Гитлер разделял опасения Гальдера, поскольку всегда был крайне невысокого мнения о практической боеспособности союзников, однако считал естественную водную преграду — Дон — достаточно серьезным препятствием на пути русских армий, по крайней мере до зимы, и был готов пойти на определенный риск.

Столь редкая в последнее время ситуация, когда фюрер не только не принял точку зрения начальника генштаба в штыки, но и высказал свое принципиальное согласие с генералами, вовсе не означала восстановления доверия между ними — уже очень давно отношения Гитлера и Гальдера строились не на взаимной симпатии, а на голом прагматизме. Более того, по мере ухудшения ситуации неконструктивная критика и откровенная грубость фюрера только усиливались. Его повышенную раздражительность и неумение владеть собой доктор Морель, главный эскулап Гитлера, объяснял… в том числе и жарким континентальным климатом Винницы, совершенно фюреру противопоказанным. Медицинские препараты не помогали, даже специально установленная на территории ставки дождевальная установка, равно как и регулярные влажные уборки служебных и жилых помещений фюрербункера, приносили ему только временное облегчение, за которым все равно следовал срыв.

Гальдер практически ежедневно докладывал фюреру о появлении на фронте вновь сформированных дивизий русских, о ждущих своего часа оперативных резервах РККА, о ежедневно

увеличивающемся бронепарке Красной армии и ежемесячном выпуске танков предприятиями оборонной промышленности и производственных мощностях уральского региона. Данные управления военной экономики ОКВ генерала Томаса, на которые ссылался Гальдер, серьезно расходились с теми, которые фюрер привык получать от рейхсминистра Шпеера, что еще больше обостряло неприязненные отношения между ним и начальником генштаба.

Мне было официально запрещено пользоваться «пораженческими» донесениями Томаса. Это безудержные фантазии потерявшего связь с реальной действительностью генерала; или же Гальдер успел заразить меня нытьем и пессимизмом, как это произошло с большинством командующих группами армий; он не допустит… и т. п. Не вызывало никаких сомнений: поиски «главного виновника» находятся в самом разгаре, а вскоре последуют и организационные выводы.

Через некоторое время фюрер в присутствии генерала Шмундта уведомил меня, что намерен наконец избавиться от Гальдера. Я нарушил слово, данное самому себе после скандальной истории с Листом, — ни при каких обстоятельствах не давать кадровых рекомендаций фюреру — и предложил ему назначить Манштейна начальником генерального штаба сухопутных войск. Гитлер отклонил предложение, мотивируя на этот раз тем, что не может позволить себе такую роскошь — лишиться прекрасного фронтового командира. Тогда я настоятельно стал предлагать ему кандидатуру Паулюса. Последовал категорический отказ. Уже решено, что после завершения боев за Сталинград Паулюс сменит генерала Йодля. Вопрос решен: все оговорено со Шмундтом — и ноги Йодля в штабе оперативного руководства больше не будет. И вообще завтра Шмундт вылетает в Париж за генералом Цайцлером, который станет преемником Гальдера. Я попытался объяснить, что на посту начальника штаба группы армий «Запад» фон Рундштедта генерал Цайцлер решительно незаменим, и предостерег фюрера от принятия подобного решения, поскольку генерал — не тот человек, который требуется армии в сложившихся обстоятельствах. Я имел полное право на подобного рода заявление, поскольку слишком хорошо знал Цайцлера, хотя и считал его блестящим штабным работником уровня армии или группы армий.

24.9.1942 г. в моем присутствии Гитлер вызвал Гальдера в ставку. Фюрер произнес длинный монолог. Он искренне пытался наладить отношения, но больше работать так не может, поэтому решил взять нового начальника генштаба. Гальдер молча

выслушал, встал и вышел из кабинета фюрера со словами: «Что же, в таком случае я убываю из генштаба!»

Через два дня началась «эра» Цайцлера в тесном союзе со Шмундтом, главным инициатором этого назначения. Нужно заметить, что генерал уже давно привлекал пристальное внимание фюрера. Цайцлер хорошо зарекомендовал себя во время польской кампании на посту начальника штаба корпуса, затем служил под началом Клейста (прорыв танковой группы через Седан на Абвиль), был одним из организаторов обороны побережья на «Атлантическом вале», отличился при отражении британского десанта под Дьепом летом 1942 г. В конце концов, я сам был заинтересован в том, чтобы начальником генерального штаба сухопутных войск оказался человек, облеченный доверием фюрера.

Йодль и я надеялись, что отныне наше сотрудничество с ОКХ станет более гармоничным: в свое время Цайцлер в течение ряда лет был Іа Йодля и не только был знаком с нашей точкой зрения на организацию высшего командования вооруженными силами, но и разделял ее. К сожалению, нашим ожиданиям не суждено было сбыться: во—первых, Цайцлер с самого первого дня подчеркнуто соблюдал дистанцию между нами; во—вторых, сразу же предпринял попытку отстранить нас от оперативно—штабной работы на восточном направлении.

Цайцлер считал, что Йодль односторонне заинтересован в положении на других театрах военных действий, следовательно, как лицо пристрастное он, а вместе с ним и я, будем оказывать «неправильное» влияние на фюрера, поэтому с некоторых пор генерал стал докладывать оперативную обстановку Адольфу Гитлеру в наше отсутствие.

Новому начальнику генштаба досталось тяжелое наследие. Единственным более или менее благополучным театром военных действий была Северная Африка, где двум танковым и одной легкой пехотной дивизиям Роммеля при использовании нескольких итальянских соединений и при поддержке воздушным флотом Кессельринга удалось добиться ошеломляющих успехов. Что касается Восточного фронта, то здесь наше положение было угрожающим: ожесточенные и бесперспективные бои на северных отрогах Кавказа, крайне неустойчивое положение слабого степного фронта между кавказскими предгорьями и Сталинградом, кровопролитные бои на подступах к Волге и в самом Сталинграде, готовый вот—вот рухнуть донской фронт союзников. И не дающие покоя вопросы: где русские резервы? когда и при каких обстоятельствах начнется их контрнаступление?

Сталинградская мясорубка перемалывала одну дивизию за другой. Хотя нашим войскам удалось прорваться к Волге с севера, юга и в самом городе, в Сталинграде развернулись ожесточенные уличные бои за каждый дом, каждую улицу, каждый квартал. Победы немецкого оружия, за которые пришлось заплатить такой дорогой ценой, блестящие многоходовые контрудары между Волгой и излучиной Дона подстегивали желание немецких солдат покончить с последними защитниками последних городских кварталов и поставить победную точку в летней кампании 1942 г.

Отвлекающий маневр Красной армии в ноябре 1942 г., когда в ходе своевременно начатого контрнаступления русских оказалась наголову разбита 3 румынская армия, резко изменил оперативную обстановку на этом участке фронта: теперь, когда тылы 6 армии Паулюса оказались без прикрытия, возникла реальная угроза ее окружения. Катастрофы все еще можно было избежать — для этого требовалось незамедлительно сдать город, берег Волги и прорываться на запад. Только такой ценой можно было спасти 6 армию и, вероятно, разбить русских.

Со Сталинградом связаны мои самые страшные воспоминания о минувшей войне: запрещение попытки прорыва, идти на который было уже все равно поздно; тщетные попытки люфтваффе установить воздушный мост с осажденными; запоздалые и робкие попытки деблокирования сталинградского котла… К сожалению, не могу подробно описать те драматические события, не имея под рукой необходимых документов.

Сдача Сталинграда означала потерю целой армии и утрату стратегической инициативы, кроме того, она наносила невосполнимый ущерб германскому престижу. Как бы гениально ни были задуманы и разработаны планы летнего наступления, проигрыш одного только сражения был равносилен поражению во всей кампании 1942/43. Неудивительно, что наши недоброжелатели оживились, а русские получили прекрасный стимул для продолжения войны, выбив у нас из рук последний козырь.

Совершенно очевидно, что в тот момент речь шла о большем, чем сохранение или утрата 6 армии, — здесь, на Волге, решалась судьба всего Восточного похода. На мой взгляд, единственным выходом из создавшегося положения было максимальное сокращение линии фронта, стратегическое отступление и развертывание оборонительного фронта на рубеже от Черного моря или Карпат до Чудского озера. Для подготовки и укрепления новой линии обороны следовало использовать все имеющиеся силы, средства и резервы. В то время все это было

нам еще по силам…

29.9.1946[81]

Глава 4
Документы и письма 1939–1945 гг
Письма с фронта

В. Кейтель — жене

Ставка фюрера, 3.8.1943

…Не следует обсуждать по телефону воздушную войну, развязанную против наших городов. Последствия бомбардировки Гамбурга чудовищны, а минувшей ночью состоялся новый налет. Боюсь, что похожая судьба уготована и Берлину. Особенно сейчас, когда ночи становятся длиннее, а дальность полетов бомбардировочной авиации противника увеличивается. Пожары в черте города еще опаснее, чем фугасы, поэтому я хочу, чтобы ты как можно быстрее выехала из Берлина…

Мне становится по—настоящему страшно, когда я представляю себе картины объятого пламенем города, потоки горящей нефти и фосфора, просачивающиеся в подвалы… Когда все вокруг в дыму, а температура повышается на десятки градусов, выбраться из бомбоубежища практически невозможно. Поверь мне, это не трусость, а осознание собственного бессилия на фоне разбушевавшейся в городских кварталах безжалостной стихии…

Других новостей нет — все идет своим чередом. Посмотрим, как пойдут дела в Италии. Бадольо уверяет, что Италия продолжит войну на нашей стороне, мол, только на этих условиях он и согласился возглавить новое правительство. По—прежнему никто не знает, куда подевался Муссолини…[82]

В. Кейтель — жене

Ставка фюрера, 29 авг. 1943 г.

…Никому не дано знать, когда же в нашей жизни наступит благословенный покой. Пока что уже четвертый год идет война!! Трудно сказать, когда нам удастся поставить большевиков на колени, но очевидно и другое: до тех пор ни о каком мире не может быть и речи!!

Ты можешь позволить себе поразмышлять обо всем в час досуга, а я буквально раздавлен обрушившимся на меня грузом неотложных дел, и с каждым днем их становится все больше. У нас установилась холодная дождливая погода, а в преддверии зимы чувствуешь себя еще неуютнее. На Восточном фронте сейчас сам черт ногу сломит.[83] Я рассчитываю на передышку, но не

раньше чем через 4–6 недель, когда наступит распутица, т. е. в середине октября. Видимо, тогда штаб—квартира и перебазируется на юг.[84]

Церемония государственных похорон в Софии состоится в середине следующей недели, я буду представлять там вермахт — вероятнее всего, придется лететь.[85]

В. Кейтель — жене

Ставка фюрера, 25.9.43

…22 сент., по случаю моего 61–летия, не было недостатка в поздравлениях и пожеланиях — дальнейшие подробности, в общем—то, малоинтересны. Отмечу только, что большинство эпистол мило и дружелюбно, и, как всегда, не обошлось без формальных посланий.

Утром — праздничный стол с адъютантами и комендантом поезда: подавали вареные яйца, холодную жареную утку и мясной салат — прямо—таки лукуллов пир! В 11.00 был у фюрера и принял его поздравления, затем получил от него приглашение на ужин.

В 11.30 выехал через Велау в лесничество Пфайль в округе Либава, восточнее Кенигсберга. Меня радушно встречали, а оберегермейстер Шерпинг пригласил на лосиную охоту в имение Геринга. Посидели за столом около получаса, а потом полтора часа езды в направлении на Тильзит.

О самой охоте стоит рассказать отдельно — события развивались самым драматическим образом. Как мне сказали в ибенхорстском лесничестве, в этом сезоне в охотничьем угодье Тавелленбрюк был разрешен отстрел только 2 лосей, но один из них — мой! Правда, взять его оказалось не так—то просто! Во время охоты (на тяге) выяснилось, что продраться через заросли ольховника и выйти на дистанцию прицельного выстрела решительно невозможно, а подкрадываться по просекам — бесполезно: хитрый зверь чует нас и уходит. В общем, я выстрелил с 350 м и… промазал! Началась гонка с преследованием! Только через 2 часа лось подставил мне бок, и я свалил его двумя выстрелами примерно со 150 м. Потрясающий экземпляр: 2 м в холке и вес около 4 центнеров…

Только поздно вечером я вернулся в штаб и едва успел переодеться к ужину у фюрера…

В. Кейтель — жене 26.9.43

…Таких напряженных рабочих недель до сих пор еще не было. Адъютанты[86] поражаются, как это у меня до всего доходят руки! Приходится работать не только по вечерам, но и

засиживаться до поздней ночи, а точнее — до раннего утра! Пока удается урвать несколько часов для сна, ничего — держусь. Феликс Бюркнер прислал подробное письмо: Шмундт не торопится с его новым назначением из—за каких—то проблем с «арийским параграфом». Для меня решительно невозможно даже попытаться посодействовать ему через фюрера…

В. Кейтель — жене

Ставка фюрера, 24.10.44

…Не уверен, что уже сегодня удастся дописать и отправить тебе письмо, но главное — начало положено! Особых новостей нет, разве что вчера майор медицинской службы доктор Либерле остался вполне доволен моим артериальным давлением, что же касается беспокоящего меня время от времени сердечного невроза, говорит, что в остальном все в порядке и органических изменений нет.

Теперь о событиях малоприятных: Эрвин Роммель погиб в автомобильной катастрофе во время инспекционной поездки на фронт.[87] Невосполнимая потеря — он был полководцем от Бога. Вчера в аварию попал Кессельринг. Подробности мне не известны, но, судя по всему, он выведен из строя на несколько месяцев, если вообще останется в живых. Ночью его машина столкнулась с тяжелым орудием, сам он получил травму черепа и в бессознательном состоянии доставлен в госпиталь. Будем надеяться, что все обойдется.

Русские уже в Восточной Пруссии — прорвались с двух сторон в Роминтернскую пустошь. Думаю, что и на этот раз удастся локализовать прорыв, однако требуется усиление, так что войска уже на подходе.

Присутствие фюрера действует на местное население весьма ободряюще — русским и в голову не может прийти, что ставка до сих пор здесь, а это, в свою очередь, придает уверенности и нам, тем более что подразделений сопровождения и охранных отрядов здесь вполне достаточно…

В. Кейтель — жене

Ставка фюрера, 1.11.44

…Сегодня ночью выезжаю в Торгау. Собираюсь представить и ввести в должность нового председателя имперского военного трибунала генерала пехоты Ханса Карла фон Шеле, а также присутствовать на его «тронной» речи! К сожалению, не удастся заехать домой — в Берлине буду только проездом: на ходу, в салон—вагоне, приму доклады и высажу господ в Фюрстенвальде. После всех тягот и забот последних лет нам остается только

уповать на светлое и счастливое будущее, думаю, что это было бы для тебя самым лучшим подарком.[88] В конце концов, пережили же наши предки Тридцатилетнюю войну, а чем мы лучше их? Относительно безоблачные времена были у нас только после 1914 г., да и то с некоторыми перерывами. Наше поколение и наши дети своей кровью заслужили право на жизнь под мирным небом…

Совещание в Тарвизе

Стенографическая запись совещания рейхсминистра иностранных дел фон Риббентропа и министра иностранных дел Италии Рафаэле Гуарилья в присутствии генерал—фельдмаршала Кейтеля, начальника штаба ОКВ, и генерала армии Витторио Амброзио, начальника штаба «Командо Супремо»

…Фон Риббентроп открыл совещание официальным заявлением немецкого правительства по поводу последних событий в Италии и произошедших в связи с «уходом» дуче изменений, вызвавших негативную реакцию фюрера и оказавших серьезное воздействие «на морально—политическую ситуацию в немецком обществе». Он уполномочен получить разъяснения относительно общего положения в стране и ближайших намерений вновь сформированного правительства Италии.

Гуарилья подчеркнул, что в данном случае речь идет «исключительно о внутренних проблемах Италии»: после того как Большой фашистский совет вынес вотум недоверия дуче и практически прекратила существование фашистская партийная организация, король принял решение о формировании нового правительства во главе со старым солдатом, маршалом Бадольо, который первым делом заявил, что Италия продолжит войну и «сдержит данное его правительством слово». Всякое сомнение в верности один раз данному слову задело бы чувство национальной гордости итальянского народа.

Риббентроп заверил Гуарилья, что у него нет поводов для сомнений в искренности итальянского союзника, однако последние события дают пищу для серьезных размышлений. Италия стоит перед угрозой возрождения старых партий, в первую очередь коммунистической партии.

Гуарилья охарактеризовал положение как «нормализующееся и стабилизирующееся» и опроверг слухи о проведении официальными властями сепаратных переговоров с западными противниками «Оси».

По настоянию рейхсминистра генерал Амброзио доложил о военных планах правительства Бадольо. Со своей стороны он подтвердил намерения короля и самого Бадольо продолжать войну на стороне Германии. Он особо подчеркнул, что переворот не внес никаких изменений в военную политику руководства: и ныне, и впредь офицерский корпус Италии останется вне политики. Военное сотрудничество будет развиваться на тех же принципах, на которых оно стояло до сих пор. Итальянское главнокомандование выражает озабоченность в связи с передислокацией в страну большого числа немецких дивизий без предварительного оповещения командных инстанций, как это имело место прежде, и крайне удивлено формой и методами расквартирования немецких войск.

По словам генерала, итальянцы перестают быть хозяевами в своей собственной стране; не соблюдаются и руководящие высказывания фюрера об усилении подразделениями вермахта оборонительных порядков итальянской армии на направлениях «север—юг» и «юг—север», высказанные им в двухчасовой речи на совещании в Фельтре под Вероной. Теперь немецкие дивизии прибывают без уведомления и согласования, подчас выдвигаясь на позиции с применением силы. Развертывание немецких войск перестало отвечать союзным интересам, а отвечает теперь исключительно интересам Германии — в качестве примера можно привести сосредоточение германских дивизий вокруг Рима.

Фельдмаршал Кейтель заметил, что присутствовал на совещании в Фельтре, где фюрер объявил о намерениях рейха «оказать Италии любую посильную помощь», даже если это приведет к отсрочке запланированных немецким командованием мероприятий на других театрах военных действий. 9–10.7.43 г. англо—американский десант высадился в Сицилии, чрезвычайно обострив ситуацию на этом направлении. Это обстоятельство потребовало от немецкой стороны перегруппировать все дислоцирующиеся в Италии немецкие войска для поддержки и усиления сицилийского контингента вермахта, который в одиночку противостоит союзнической армии вторжения после того, как итальянские части продемонстрировали свою полную несостоятельность и откровенное нежелание воевать. Вот почему ОКВ перебрасывает в Италию немецкие подразделения с других фронтов. Сразу же после посадки в аэропорту, в ответ на просьбу генерала Амброзио, он (фельдмаршал Кейтель) пообещал дополнительно отправить в Италию 4–6 дивизий, поэтому ему не совсем понятны жалобы «на переброску немецких частей без предварительной договоренности»… Не говоря уже о том, что данное утверждение не соответствует действительности по чисто

техническим причинам: немецкие войска пересекают государственную границу Италии по железной дороге или в пешем строю только после согласования с соответствующими инстанциями итальянской пограничной службы.

Странно слышать, что переброску с Восточного фронта танковых соединений и передислокацию вновь сформированных во Франции частей господин генерал представил как доказательство того, что «итальянцы перестали быть хозяевами в своей собственной стране». Это тем более неприятно, поскольку намерение ОКВ оказать содействие в наведении элементарного порядка воспринято как вмешательство во внутренние дела, совершаемое якобы вопреки воле итальянского народа. Видимо, речь идет о недоразумении, связанном с напряженным положением на ж.—д. транспорте и плохим состоянием итальянских дорог. Жалобы на недопустимое поведение немецких войск немецкое командование будет рассматривать только в тех случаях, если наказуемые действия не были спровоцированы итальянской стороной.

Вступление немецких войск в Южную Италию (группы армий «Центральная Италия» и других соединений) будет зависеть от расторопности служб подвоза снабжения. Эшелоны с дивизиями растянулись в настоящий момент от перевала Бреннера до Калабрии. Особую озабоченность вызывает передислокация 26 и 29 танковых дивизий и отдельных полков дивизии «Герман Геринг»…

Июльский заговор 1944 г.

Вопросы адвоката доктора Нельте г—ну В. Кейтелю, генерал —фельдмаршалу в отставке, в связи с событиями 20.7.1944 г.

Вопрос: Не известно ли вам, что послужило главной причиной путча 20 июля 1944 г.?

Ответ: Недовольство Гитлером, политической системой, а также методами ведения войны. Было категорически исключено, что Гитлер добровольно сложит с себя полномочия главы государства, поэтому заговорщики решили устранить его насильственным путем. Тем самым они хотели освободить военных и гражданских лиц от присяги на верность фюреру. Об их планах переустройства политической системы Германии я ничего не знал, равно как и о так называемой «государственной программе». Судя по всему, заговорщики не намеревались завершить войну полной и безоговорочной капитуляцией. Как

известно, фон Вицлебен, попытавшийся узурпировать власть «верховного главнокомандующего вермахтом», отправил в войска один—единственный приказ — «О внутренних беспорядках», однако ни одна из командных инстанций не приняла его к исполнению. Аналогичные приказы были отправлены и в штабы военных округов, но с тем же результатом.

В.: Можно ли было предположить заранее о составлении заговора с целью свержения государственной власти по той информации, которая поступала к вам по служебным каналам, или из каких—либо других источников?

О.: Для меня и ОКВ это было невозможно, Гитлер не располагал информацией о готовящемся на него покушении. Ни до, ни после событий 20 июля он никогда не беседовал со мной на эту тему. В ходе предварительного следствия было установлено, что несколько высокопоставленных офицеров ОКХ и центрального аппарата абвера в Берлине знали, но не донесли о готовящемся покушении.

В.: Я бы не хотел останавливаться на подробностях путча, поскольку в данный момент это несущественно для организации вашей защиты на процессе. Скажите, не было ли среди заговорщиков хотя бы одного командующего—фронтовика?

О.: Нет. Так до конца и не выяснено, участвовал ли в заговоре кто—нибудь из командующих армиями или группами армий. Насколько мне известно, никто. Генерал Бек предпринимал определенные попытки в этом направлении, но безрезультатно.

В.: Имели ли вы какое—нибудь касательство к событиям 20 июля?

О.: Во время взрыва бомбы я находился рядом с фюрером, затем по его приказу отдал необходимые указания командованию составных частей вермахта и военных округов.

В.: Я так подробно расспрашиваю вас о событиях путча только потому, что на предварительном следствии в ваш адрес были выдвинуты обвинения о виновности в смерти или причастности к смерти фельдмаршала Роммеля. Что вы можете показать в связи с этим обвинением?

О.: Роммель был изобличен показаниями одного из главных соучастников заговора, некоего оберстлейтенанта из штаба главнокомандующего оккупационными войсками во Франции генерала Карла фон Штюльпнагеля. Фюрер показал мне протокол допроса и приказал вызвать Роммеля через своего шеф—адъютанта и начальника управления кадров вермахта генерала Вильгельма Бургдорфа. Роммель заявил, что в настоящий момент состояние здоровья не позволяет ему явиться к фюреру. Тогда Гитлер отправил к фельдмаршалу своего шеф—адъютанта

Бургдорфа, вручив ему протокол допроса и письмо, написанное мной под диктовку фюрера. Фюрер оставил на усмотрение Роммеля: явиться к нему, если он невиновен, или готовиться к аресту со всеми вытекающими последствиями. Необходимые выводы ему следует сделать самому.

Ознакомившись с протоколом, Роммель спросил, известно ли фюреру его содержание; затем попросил генерала Бургдорфа дать ему время на размышление. Бургдорф получил личное указание фюрера не допустить самоубийства из огнестрельного оружия и дать Роммелю капсулу с ядом. Такая смерть не вызовет подозрений общественности, поскольку даст возможность объяснить кончину фельдмаршала последствиями черепно—мозговой травмы. Фельдмаршал уйдет из жизни, не запятнав свою честь и сохранив популярность в народе.

Во время поездки в Ульм, якобы на прием к врачу, Роммель принял яд в присутствии Бургдорфа. Истинная причина смерти фельдмаршала не разглашалась, Гитлер приказал устроить ему государственные похороны со всеми почестями.

«Суд чести»

Судебное дело против офицеров—изменников, участников заговора «20 июля»

Памятная записка адвокату доктору Нельте от 9.5.1946 г.

После покушения 20.7.44 г. у многих, кто находился в этот момент в ставке фюрера, создалось такое впечатление, что заговор и подложенная бомба — дело рук сухопутной армии, в то время как кригсмарине и люфтваффе к измене непричастны. Поэтому первым же указом фюрер передал Гиммлеру, рейхсфюреру СС и рейхсминистру внутренних дел, все полномочия в отношении Резервной армии и армейских командных инстанций на территории рейха (включая ОКВ), кроме тех, что входили в компетенцию ОКЛ и ОКМ. Настроенный самым решительным образом, Генрих Гиммлер вылетел в Берлин во второй половине дня 20 июля.

Указ фюрера давал ему право санкционировать арест военнослужащих любого ранга, т. е. наделял полномочиями, не входившими до сих пор в юрисдикцию шефа немецкой полиции.

В моем присутствии Гиммлер потребовал особых полномочий для IV управления РСХА (гестапо), учитывая чрезвычайный характер происходящих событий. Фюрер придерживался той точки зрения, что гестапо должно иметь безусловное право на

изоляцию заподозренных в государственной измене военнослужащих, в первую очередь офицеров—предателей, окопавшихся на штабных должностях. Подобного рода практика противоречила всем имевшимся на тот момент указам и постановлениям о подсудности военнослужащих, поэтому, в целях закрепления полномочий Гиммлера в законодательном порядке, фюрер назначил его командующим Резервной армией, т. е. старшим воинским начальником всего института резервистов, в состав которого входило и ОКВ. Особым постановлением Гитлер разрешил рейхсфюреру СС задействовать в оперативно—розыскных мероприятиях вверенные ему полицейские инстанции, поскольку в заговоре принимали участие и гражданские лица. После того как поступила информация об аресте двух офицеров кригсмарине и офицера люфтваффе, участвовавших (заподозренных в соучастии) в заговоре, Гитлер подписал приказ:

«Гестапо (СД) представило главнокомандующим составными частями вермахта списки военнослужащих, чье участие в заговоре не вызывает сомнения и практически доказано. Вышеупомянутые солдаты и офицеры подлежат досрочному увольнению из рядов вооруженных сил (с позором) с их последующей передачей следственным органам гестапо».

Гитлер распорядился учредить специальный «Суд чести» для рассмотрения дел солдат и офицеров сухопутной армии, находящихся под подследственным арестом гестапо согласно приказу командующего Резервной армией рейхсфюрера СС Гиммлера. В состав «Суда чести» вошли 5 генералов вермахта, которым предстояло определить, кто из подследственных подлежит незамедлительному увольнению из армии. Членами «Суда чести» были назначены:

генерал—фельдмаршал фон Рундштедт

генерал—фельдмаршал Кейтель

генерал—оберст Гудериан (начальник генштаба сухопутных войск)

генерал—лейтенант Шпехт (инспектор подготовки кадров комсостава)

генерал—лейтенант Киргхейм (как постоянный заместитель Гудериана)

2 заместителя.

Согласно материалам предварительного следствия «Суд чести» выносил решения и представлял их на утверждение фюреру:

1. Увольнение из рядов вооруженных сил.

2. Отстранение от занимаемой должности (до вынесения

решения Народным трибуналом).

3. Дисциплинарное взыскание, если действиями (или бездействием) не был нанесен значительный ущерб.

4. Освобождение из—под стражи.

Если мне не изменяет память, «Суд чести» заседал 4 раза в августе и начале сентября.[89] Протоколы вел начальник управления кадров вермахта или его постоянный заместитель генерал—майор Майзель из дисциплинарного отдела.

Каждое дело рассматривалось в индивидуальном порядке — решения принимались после тщательного обсуждения и голосования (в подавляющем числе случаев — единогласно, в остальных — большинством голосов) и только потом передавались на утверждение фюреру.

Вначале Гитлер согласился с моим предложением предать виновных суду военного трибунала. Однако затем он изменил свое решение после доклада рейхсминистра Тирака, считавшего, что судебные процессы, в которых наряду с военнослужащими замешаны и гражданские лица, подлежат юрисдикции суда Народного трибунала, в компетенцию которого как раз и входило рассмотрение дел, связанных с фактами государственной измены, шпионажа и прочих политических преступлений.

Таким образом, роль «Суда чести» сухопутной армии сводилась к следующему: суд выносил частное определение о необходимости (или отсутствии таковой) передачи дела в суд Народного трибунала для последующего утверждения Гитлером как главнокомандующим сухопутной армией. В случае согласия фюрера с нашими представлениями и передачей дел Народному трибуналу соответствующая командная инстанция вермахта ходатайствовала о досрочной демобилизации подозреваемого, т. е. принятие окончательного решения оставалось за армией.

Чрезвычайная ситуация, сложившаяся после событий «20 июля», совершенно справедливо и закономерно потребовала применения экстраординарных мер от военно—политического руководства страны. В связи с этим считаю принципиально правильным решение о наделении Гиммлера особыми полномочиями, согласно которым арест, дознание и предварительное следствие проводились органами службы безопасности СС (СД) без привлечения военно—юридических служб вермахта. Правильно и то, что «Суд чести» не выносил приговоры, а на материалах предварительного следствия рекомендовал или не рекомендовал дальнейшее рассмотрение дел судом Народного трибунала…

Насколько мне известно, в ходе заседаний Народного трибунала 3 или 4 обвиняемых были освобождены из—под

стражи и полностью оправданы за отсутствием состава преступления, к 10 военнослужащим были применены меры дисциплинарного воздействия, и в 32 случаях были вынесены смертные приговоры…

«О заговорщиках»

Комментарии к показаниям главного свидетеля обвинения Ханса Бернда Гизевиуса, бывшего вице—консула немецкого посольства в Цюрихе (Швейцария)

1 Генерал—оберст Бек

Решение об увольнении Бека с поста начальника генштаба без права восстановления в должности было принято Гитлером и фон Браухичем еще 4.2.38, однако состоялось только 18 августа 1938 г. Поэтому с самого начала Браухич как главнокомандующий сухопутными войсками поручил разработку плана «Грюн» Гальдеру. Бек почувствовал себя оскорбленным и потребовал увольнения, а не почетной отставки, поскольку считал «невозможным продолжать подготовку офицеров генерального штаба в создавшейся ситуации». Браухич доложил Гитлеру о позиции Бека, и фюрер незамедлительно уволил его именно с такой формулировкой, на которой настаивал генерал, и снял с повестки дня вопрос о назначении Бека командующим группой армий.

2. Генерал—фельдмаршал фон Вицлебен

С августа 1941 г. Вицлебен по состоянию здоровья находился в резерве командного состава. После отбытия последнего в бессрочный отпуск фюрер заметил, что в дальнейшем не будет рассчитывать на услуги обремененного болезнями человека.

Ни Вицлебен, ни Бек авторитетом в армии не пользовались — все считали их отжившими свой век развалинами. Что касается молодого поколения строевых офицеров, то имена вышеупомянутых генералов были им совершенно неизвестны.

3. Генерал пехоты Ольбрихт

Фридрих Ольбрихт, начальник главного управления общих дел сухопутных войск, стал еще одной жертвой начальника своего штаба Штауффенберга. Ольбрихт — образцовый строевой офицер, один из немногих дивизионных командиров, награжденных «Рыцарским крестом» по итогам польской кампании. Граф Штауффенберг использовал в своих низменных целях недовольство Ольбрихта, получившего, на его взгляд, несправедливый выговор от фюрера. Он не относился к породе

ниспровергателей, а был мягким и безвольным человеком, — типичным саксонцем.

4. Оберст граф фон Штауффенберг

Ревностный католик и фанатик от политики, единственный по—настоящему опасный человек среди сонмища нытиков и пессимистов. Из прочих заговорщиков разве что Бек, болезненный и тщеславный старец, выделялся на общем фоне своей активностью и бескомпромиссностью, но и ему не давали покоя лавры Мольтке: он — лучший начальник генштаба, все знает, все предвидит и т. п.

Часть 4. Конец третьего рейха

Глава 1
Воспоминания фельдмаршала 1945 г
Последние дни при Адольфе Гитлере

Как один из немногих уцелевших, переживших драматические события апреля 1945 г. — агонию рейха и падение Берлина, — хочу поделиться воспоминаниями о событиях последних дней жизни Гитлера и его ближайшего окружения, начиная с 20 апреля — последнего дня рождения фюрера.

Центр и восточные кварталы Берлина подвергались одиночному огню сверхдальнобойных орудий легкой артиллерии русских. Над восточными окраинами города безостановочно кружили одиночные бомбардировщики и самолеты—разведчики противника. Авиация союзников проявляла особую активность с наступлением темноты и ночью, но их самолеты держались на почтительном расстоянии от наших стационарных зенитных батарей.[90] Последние успешно поражали воздушные цели и вели обстрел наземных — после засечки дальнобойных орудий русских по вспышкам выстрелов заставляли их замолкать залповым огнем батарей. После того как оборонительные порядки 9 армии Буссе были прорваны под Франкфуртом—на—Одере и Одерский фронт рухнул, русским удалось прорваться в восточные пригороды Берлина, и там уже завязались ожесточенные бои.

Я и Йодль вместе с небольшим штатом сотрудников продолжали работать в Далеме (Сосновый проезд), на старом КП, оборудованном еще во времена фон Бломберга в 1936 г. Штаб оперативного руководства и генштаб сухопутных войск разместились в бункерах ОКХ в Вюнсдорфе (Цоссен). Здесь же, в Далеме — Сосновый проезд, 16 — в доме бывшего чемпиона по боксу Макса Шмеллинга, находились и наши с Йодлем служебные квартиры.

20 апреля около полудня англо—американские воздушные флоты в последний раз бомбили правительственный квартал Берлина. Я, моя жена, супружеская пара Дениц и наши адъютанты с внутренним содроганием наблюдали за апокалиптической картиной уничтожения одного из красивейших городов Европы из сада служебной квартиры гросс—адмирала. Дениц перебрался в Берлин минувшей ночью из—за угрозы захвата передовыми частями Красной армии КП кригсмарине «Коралл» под Эберсвальде.

Эскадрильи англо—американских бомбардировщиков шли плотно и держали строй, как на параде. По команде выходили на цель и вываливали свой смертоносный груз. В небе над Берлином не было ни одного самолета люфтваффе, а наши зенитчики не могли достать идущего на большой высоте противника. Последний налет продолжался около 2 часов, однако ни одного прямого попадания в полуразрушенное здание рейхсканцелярии мы не зафиксировали.

На 16.00 был назначен доклад в бункере фюрера в подвальных этажах рейхсканцелярии. За несколько минут до назначенного срока мы с Йодлем спустились в бункер и неожиданно увидели фюрера, который поднимался наверх, в общие помещения, в сопровождении Геббельса и Гиммлера. Кто—то из адъютантов сказал мне, что фюрер будет вручать «Знаки зенитчика» и «Железные кресты» членам «Гитлерюгенд», особо отличившимся при отражении вражеских налетов на участках ПВО Берлина.

После церемонии награждения фюрер спустился в бункер. Геринг, Дениц, я и Йодль по очереди зашли в его маленькую жилую комнату и поздравили по случаю дня рождения. Со всеми остальными участниками оперативного совещания Гитлер поздоровался за руку при входе в помещение для докладов — при этом о дне рождения больше никто и не вспоминал.

Когда я переступил порог комнаты Адольфа Гитлера, то интуитивно почувствовал, что традиционно—обезличенные поздравления не будут соответствовать драматизму момента, и, преодолевая волнение, произнес, что все мы благодарны судьбе, которая отвела от него предательский удар в июле 44–го. Провидение хранило его, чтобы в час тяжелых испытаний, который пришелся на день его рождения, он предпринял решительные шаги по спасению созданного им Третьего рейха. Нужно действовать, и действовать без промедления, пока Берлин не стал ареной ожесточенных боев.

Я собирался развить свою мысль, но неожиданно он прервал меня и произнес:

«Кейтель, я знаю, чего я хочу. Я уже принял решение и буду сражаться на подступах к Берлину или в самом Берлине. Благодарю за поздравления, и пригласите, пожалуйста, Йодля. У нас с вами еще будет время поговорить…»

В давящей на психику тесноте бункера генерал Кребс, с конца марта исполнявший обязанности начальника генштаба сухопутных войск, доложил об обстановке на Восточном фронте, затем Йодль — о положении на других театрах. Мы с Герингом вышли в несколько более просторное жилое помещение штаб—

квартиры. Рейхсмаршал сказал, что через день—другой «Каринхалле» захватят русские, а «Курфюрст» — штаб оперативного руководства люфтваффе в заповеднике Вердер под Берлином — уже который день остается без связи, поэтому он намеревается перевести свой КП в Берхтесгаден. Лететь опасно — придется добираться на машине, пока русские не перерезали дороги на юг между Галле и Лейпцигом. Мы посоветовались и решили: мне нужно добиться согласия фюрера на перевод КП люфтваффе в Берхтесгаден, поскольку более удобный момент уже вряд ли представится.

Несмотря на критическое положение на итальянском театре, обсуждение происходило в спокойной и деловой обстановке — без обычных в последнее время вспышек гнева со стороны фюрера. Гитлер держал себя в руках и давал четкие и ясные указания. Я предложил ему отправить Геринга на юг, пока русские окончательно не перерезали все коммуникации. Фюрер не возражал и вскоре сам предложил рейхсмаршалу собираться в дорогу.

Моя инициатива в этом вопросе объяснялась довольно просто: я предполагал, что Гитлер вместе со штабом оперативного руководства Йодля отправится вслед за рейхсмаршалом в соответствии с разработанным им самим планом обороны рейха. Это могло произойти либо после стабилизации Берлинского фронта, либо в тот момент, когда положение станет угрожающим и придется вылетать из Берлина ночью — самолеты эскадрильи фюрера давно уже стояли наготове. Необходимые для нормального функционирования ставки оборудование, документация и т. п. уже были отправлены в Берхтесгаден по ж.—д. и автотранспортом. К этому моменту была завершена реорганизация командных структур — ОКВ и ОКХ — и сформированы две оперативные (штабные) группы: штаб «Север» для Деница и «Юг» для фюрера в Берхтесгадене. Дениц принимал на себя всю полноту верховной командной власти в Северной Германии, если бы американцам и русским удалось соединиться южнее Берлина, отрезав север рейха от юга. Соответствующий приказ был подписан фюрером накануне, сам он собирался командовать южным фронтом обороны, поддерживая радиосвязь с Деницем.

На обратном пути в Далем я сказал Йодлю, что уже завтра, 21 апреля, отправлю в Берхтесгаден самолетом весь багаж, без которого можно сейчас обойтись, поскольку спецпоезд ОКВ выехал на юг три дня тому назад. Мой пилот оберштабс—инженер авиации Функ вылетел в светлое время суток курсом на Прагу. На борту самолета находились мой адъютант Шимонски,

начальник центрального управления ОКВ генерал Винтер, доктор Леман, фрау Йодль и моя жена. В пражском аэропорту пассажиры пересели в автомобили и выехали в Берхтесгаден. Мой самолет вернулся на аэродром Берлин—Темпельхоф вечером того же дня. Мы готовились к переезду в Берхтесгаден, во всяком случае в тот момент этот вопрос казался окончательно решенным.

Фельдмаршал Фердинанд Шернер, командовавший группой армий «Центр» на Восточном фронте — крупнейшим на тот момент контингентом немецких войск, удерживавшим позиции от Карпат до Франкфурта, — прибыл с докладом 21.4.(45). Когда мы с Йодлем вошли в бункер фюрера, он как раз прощался с фельдмаршалом. Доклад Шернера явно пошел ему на пользу — Гитлер был бодр, воодушевлен и призвал нас поприветствовать «его самого молодого фельдмаршала».

На оперативном совещании стало ясно: Шернеру удалось внушить фюреру уверенность в боеспособности своего фронта. Гитлер ухватился за эту соломинку, как утопающий, хотя на самом деле фронт группы армий «Центр» давно уже перестал существовать, и речь шла только об организации ожесточенного сопротивления на отдельных участках. Хотя наше положение на Западном фронте и в Италии выглядело безнадежным, а русские уже стояли под Берлином, фюрер испытал очередной приступ оптимизма, когда совершенно неожиданно для нас в бункере появился генерал Вальтер Венк, командующий вновь сформированной 12 армией, и доложил о планах нанесения контрудара по позициям американцев в Гарце и выдвигающимся на рубеж Эльбы союзническим войскам. Венк подтвердил готовность немецких войск выполнить поставленную фюрером боевую задачу: добиться коренного перелома в оперативно—стратегическом положении между Среднегерманскими горами и Эльбой, разбить врага на линии Магдебург — Люнеберг — Брауншвейг и соединиться с танковой группой, которая после форсирования Эльбы ведет бои в районе Юльцена.

Я не мог разделить прекраснодушных планов фюрера и командующего откровенно слабой 12 армией, зная о тяжелом положении, сложившемся для нас на этом направлении. Убежден, что и Венк не верил в возможность кардинального изменения оперативной ситуации, а в лучшем случае рассчитывал на частный успех. С некоторых пор самообман стал главным прибежищем фюрера, а те люди, которым он безраздельно доверял, беззастенчиво пользовались его стремлением принять желаемое за действительное. За годы совместной работы с Гитлером мне сотни раз доводилось быть свидетелем того, как, не отваживаясь сказать правду в глаза, генералы вселяли в него

несбыточные надежды…

22 апреля мы с Йодлем прибыли на дневной доклад в бункер фюрера. Гитлер пребывал в дурном расположении духа, больше всего меня поразил безжизненный взгляд его потухших глаз. Он проявлял крайнюю степень нервозности и дважды выходил из помещения во время доклада Йодля. Причина такого странного перепада настроения выяснилась несколько позже. Оказалось, что еще до нашего приезда генерал Кребс, сменивший Венка на посту представителя генштаба сухопутных войск, докладывал фюреру об обстановке на Восточном фронте и обострении ситуации в битве за Берлин.

До сих пор русским не удалось прорваться в восточные пригороды немецкой столицы. После разгрома 9–й армии Буссе южнее Берлина противник вышел в район Ютербога с угрозой захвата расположенной в этом районе крупнейшей склад—базы вермахта и прорыва в южные предместья «крепости Берлин». Между тем русские наращивали давление и на северном направлении, хотя Одерский фронт генерал—оберста Хайнрици, главнокомандующего группой армий «Висла», все еще держался по обе стороны Эберсвальде. Военный комендант получил личное распоряжение фюрера обеспечить оборону центра города и правительственного квартала.[91]

Йодль постарался закруглиться как можно быстрее: на юге группа армий «Запад» отступает в Тюрингию и ведет ожесточенные бои в районах Веймар, Гота, Швайнефурт; на севере противник теснит ее к Эльбе и в район южнее Гамбурга.

Я попросил фюрера о беседе в присутствии Йодля — требовалось обсудить ситуацию и принять окончательное решение: или капитуляция, прежде чем начались уличные бои в Берлине, или срочный вылет в Берхтесгаден, чтобы оттуда начать подготовку к переговорам. Я попросил всех посторонних удалиться и в какой—то момент остался наедине с фюрером, поскольку Йодля вызвали к телефону. Как это уже не раз бывало, он не дал мне произнести и двух слов и заявил примерно следующее:

«Знаю, о чем вы хотите со мной говорить. Нужно определяться с решением. Решение уже принято: я остаюсь в Берлине и буду защищать город до последнего. Если Венк отбросит за Эльбу вцепившихся мертвой хваткой американцев, я отдам приказ сражаться за столицу рейха; в противном случае я разделю судьбу моих солдат и приму смерть в бою…»

Я возразил, что это безумие, необходимо покинуть Берлин этой же ночью и вылететь в Берхтесгаден, чтобы обеспечить руководство армией и страной — в осажденном Берлине сделать

это будет невозможно.

Фюрер продолжил:

«Я не только не запрещаю, но даже приказываю вам вылететь в Берхтесгаден. Но сам останусь в Берлине! Час тому назад я обратился к немецкому народу по радио и объявил о своем решении. Обратной дороги нет…»

В этот момент в комнате для совещаний появился Йодль. В его присутствии я еще раз повторил, что не намерен вылетать в Берхтесгаден без фюрера. Речь идет даже не об обороне или сдаче Берлина, а о командовании фронтами и вооруженными силами, которое уже невозможно осуществлять из рейхсканцелярии. Йодль поддержал меня: когда противник перережет кабель правительственной связи в Тюрингском лесу, связь с группами армий «Центр» фельдмаршала Шернера, «Юг» генерал—оберста Лотара Рендулича, «Е» генерал—оберста Лера (северо—западная Хорватия), «Ц» генерал—оберста фон Витингхофф—Шеля (Италия) и «Запад» фельдмаршала Кессельринга все равно прервется. Совершенно безнадежное занятие пытаться обеспечить ее по рации. Как это предусмотрено самим фюрером, нужно лететь в Берхтесгаден и брать командование в свои руки.

В ответ Гитлер вызвал Бормана и повторил свой приказ: этой же ночью нам троим следует вылететь в Берхтесгаден; Кейтелю взять на себя командование вместе с Герингом — его официальным представителем и преемником. Мы отказались. Я со всей решимостью заявил:

«Мой фюрер, мы работаем вместе вот уже 7 лет. За это время я ни разу не отказался выполнить ни одного вашего приказа, но на этот раз я отказываюсь подчиняться. Вы не можете и не должны бросать армию на произвол судьбы, тем более в таком положении».

Фюрер оставался непреклонным:

«Я остаюсь здесь. Вопрос закрыт. Отныне я связан публичным заявлением. Я сделал это намеренно, не ставя вас в известность, чтобы вам не удалось меня уговорить. Нужно вести переговоры — Геринг сделает это лучше, чем я. Я намерен выиграть битву за Берлин или погибнуть в Берлине. Это мое окончательное решение. Вопрос закрыт и дальнейшему обсуждению не подлежит».

Я убедился, что продолжать разговор с Гитлером в его нынешнем состоянии бессмысленно. Я только сказал ему, что завтра же выезжаю на фронт к Венку и прикажу ему свернуть все операции и выдвигаться в направлении на Берлин на соединение с 9–й армией Буссе. Завтра на дневном докладе я доложу ему, фюреру, о принятых мерах, а дальше видно будет. Гитлер

одобрил мой план, увидев в нем, возможно, единственный выход из того ужасного положения, в которое поставил себя и всех нас.

Я вкратце обсудил создавшееся положение с Йодлем. Мы были абсолютно единодушны в том, что наш выезд в Берхтесгаден отменяется, поскольку мы не можем оставить фюрера одного, однако нам необходимо незамедлительно покинуть фюрербункер и Берлин, чтобы в условиях полного окружения окончательно не утратить связь с войсками. Я дал указания Йодлю, чтобы он немедленно связался с заместителем начальника штаба оперативного руководства генерал—лейтенантом Винтером, организовал перевод оперативных штабных групп ОКВ и ОКХ — «Юг» — из Вюнсдорфа в Берхтесгаден и принял командование южным сектором обороны. Сегодня же вечером оперативной штабной группе «Север» надлежит перебазироваться в Крампниц под Потсдамом, куда вскоре прибудем и мы с Йодлем. Вплоть до особого распоряжения крампницкая группа будет играть роль рабочего штаба фюрера, поддерживая постоянную радиосвязь с рейхсканцелярией, с ежедневными докладами оперативной обстановки. На прощание Йодль пообещал связаться по рации с Венком и предупредить его о моем приезде.

Я выехал в расположение 12 армии Венка прямо из рейхсканцелярии на служебном автомобиле. Меня сопровождал майор генерального штаба Шлоттман, а за рулем — унтер—фельдфебель Менх, мой никогда не унывающий водитель. Прямой путь на юг, в штаб—квартиру Венка, пролегал через Науен—Бранденбург, превращенный в груду дымящихся развалин эскадрильями американских «Б–29». Мы долго блуждали по улицам города, объезжая завалы и воронки, в поисках свободного проезда. Штаб—квартира Венка располагалась в лесничестве под Визенбургом. С большим трудом мы попали туда около полуночи, да и то благодаря счастливому стечению обстоятельств: по дороге нам попался мотоциклист связи из штаба 20 корпуса генерала кавалерии Карла—Эрика Келера. Вначале мы оказались в штабе корпуса, затем генерал дал нам сопровождающего, который лесными тропами вывел нас в расположение штаба командования армией.

С глазу на глаз я кратко обрисовал Венку сложившуюся под Берлином ситуацию и добавил только, что вижу единственный путь спасения фюрера в прорыве его армии к столице и соединении с 9 армией. Теперь все зависит от него, в противном случае останется только пойти против воли фюрера и «похитить» его из рейхсканцелярии…

Венк вызвал начальника своего штаба оберста генштаба

Гюнтера Райххельма. На штабной карте я показал им обстановку на берлинском направлении, во всяком случае ту, что была там сутки тому назад. Потом оставил их вдвоем, а сам отправился ужинать, пока Венк диктовал приказ по армии, копию которого я собирался отвезти фюреру. Через час мы отправились в Берлин. На обратном пути я намеревался передать приказ Венка генералу Келеру и за ночь объехать КП дивизионных командиров, чтобы лично разъяснить всю важность стоящей перед ними задачи. Так Венк стал единственным человеком, который узнал о моем намерении спасти фюрера и вытащить его из Берлина, пока судьба немецкой столицы не была еще окончательно решена.

За ночь мне удалось побывать на КП передовой дивизии «Шарнхорст» в Кранепуле южнее Бельцига и штабе 41 танкового корпуса, которым командовал мой сослуживец по 6 артиллерийскому полку генерал—лейтенант Рудольф Хольсте. Корпус Хольсте держал оборону на эльбском рубеже, выполняя приказ фюрера препятствовать форсированию Эльбы американскими частями. Своей властью я подчинил танкистов Хольсте командованию 12 армии и объяснил своему бывшему однополчанину, что от его успеха или неудачи в конечном итоге зависит судьба 12 армии и столицы рейха.

Около 11.00, едва передвигая ноги от усталости, я приехал в Крампниц. Переговорив с Йодлем, я передал адъютантам фюрера, чтобы нас записали на доклад на 14.00.

По сравнению с моим прошлым визитом фюрер производил впечатление уравновешенного и здравомыслящего человека. Это вселяло определенные надежды на то, что мне удастся воззвать к его разуму и убедить отказаться от безрассудного решения. После доклада генерала Кребса о положении на Восточном фронте, практически не изменившемся за минувшие сутки, и Йодля — на других фронтах состоялось оперативное совещание в узком кругу. В присутствии Йодля и Кребса я доложил фюреру о своей поездке на фронт…

В конце совещания я попросил фюрера уделить мне несколько минут для разговора наедине. Гитлер согласился разговаривать со мной только в присутствии Йодля и Кребса. Я понял, что он хочет заручиться поддержкой свидетелей. Спокойно и с чувством глубокой внутренней убежденности он еще раз изложил уже известные мне мотивы. Он остается в Берлине. В какой—то мере его присутствие удержит население от паники и заставит солдат сражаться до последнего человека и последнего патрона. Так, как это было в Восточной Пруссии. Войска держались только за счет боевого духа до тех пор, пока ставка находилась в Растенбурге. Фронт рухнул, как только он был

вынужден покинуть передний край. То же самое будет и в Берлине — от его присутствия на переднем крае обороны зависит успех деблокирования немецкой столицы и судьба рейха. В заключение Гитлер приказал мне завтра же выехать в расположение штаб—квартиры Венка и еще раз объяснить командирам, что фюрер и верховный главнокомандующий не сомневается в том, что они выполнят свой долг и защитят столицу рейха. На этом разговор закончился, он молча пожал мне руку и покинул нас.

Я не оставлял надежды еще раз попытаться переговорить с фюрером наедине, и вскоре такая возможность представилась. Я без вызова зашел в комнату отдыха и буквально с порога обрушил на него град вопросов. Что делать нам, Йодлю и мне, если русские прорвутся с севера, отрежут Крампниц от Берлина и мы потеряем связь со ставкой? Отдан ли приказ о начале переговоров с противником? Если да, то кто будет их проводить? и т. д. Фюрер совершенно спокойно ответил, что время думать о капитуляции еще не настало. Что касается переговоров, то их следует начинать, как только под Берлином будет достигнут хотя бы частный успех. Я был не вполне удовлетворен разъяснениями фюрера — тогда он добавил, что по его распоряжению рейхсминистерство иностранных дел уже давно ведет зондаж почвы на предмет заключения соглашения с Великобританией по итальянскому вопросу. Сегодня он даст дополнительные инструкции фон Риббентропу, а большего он пока сказать не может.

Мне оставалось только откланяться и уведомить фюрера, что завтра же доложу ему обстановку после возвращения с фронта. С этими словами я вышел из комнаты, не подозревая о том, что вижу Гитлера в последний раз…

В штаб—квартире «ОКВ—Норд»

На обратном пути в Крампниц мы с Йодлем обсудили все мыслимые и немыслимые варианты спасения фюрера, например его «похищение» из рейхсканцелярии. Верный Йодль с грустью признал этот план совершенно бесперспективным из—за усиленной охраны СС и преданного Гитлеру окружения из числа сотрудников СД — без их поддержки любые наши действия в этом направлении были бы обречены на провал. Кроме того, нам бы пришлось преодолевать сопротивление людей типа генерала Бургдорфа и Бормана, а также адъютантов от сухопутных войск и

СС.

Отныне мы связывали все наши надежды с Германом Герингом. 22 апреля вечером Йодль во всех подробностях проинформировал генерала Коллера, начальника генштаба люфтваффе, о намерениях Гитлера остаться в Берлине и отправил его в штаб—квартиру рейхсмаршала в Берхтесгадене. Теперь все зависело от Геринга и оперативности его действий. Я был крайне признателен Йодлю за проявленную инициативу. Признаюсь, до сих пор такая идея мне в голову не приходила.

За то время, что нас не было в Крампнице, наш объединенный штаб, т. е. штаб оперативного руководства ОКВ и оперативная штабная группа ОКХ, переформированные Йодлем в «ОКВ—Норд», в срочном порядке эвакуировались. Без приказа вышестоящей командной инстанции, руководствуясь неподтвержденными данными о прорыве русской кавалерии севернее Крампница, комендант барачного лагеря приказал личному составу и служебному персоналу штаб—квартиры ОКВ срочно покинуть крампницкие казармы, подорвав при этом огромную склад—базу вермахта. Мне было некогда разбираться с обезумевшим паникером, ко всему прочему оставившему берлинский гарнизон без боеприпасов. Я предоставил это Йодлю, а сам выехал на фронт по науенскому шоссе, надеясь проскочить, пока дороги не окажутся запруженными отступающими немецкими колоннами или даже перерезанными неприятелем.

За минувшие сутки Венк перевел свой КП в Зеленсдорф, севернее Бранденбурга. Все это время командующий 12 армией тщетно пытался выйти на связь с приданной ему танковой дивизией «Клаузевиц» генерал—лейтенанта Мартина Унрайна, ведущей ожесточенные бои с американцами на западном берегу Эльбы. Я приказал ему завершить перегруппировку и наступать в направлении на Берлин. Судьба фюрера решится в битве за столицу рейха, а не в ходе успешного танкового рейда по вражеским тылам.

В штабе меня дожидалась телефонограмма Йодля, которому пришлось оставить Крампниц ввиду угрозы вражеского прорыва. Кроме двух танковых рот, никаким другим боеспособным резервом Йодль, к сожалению, не располагал. Он эвакуировал штаб—квартиру ОКВ, т. е. наш КП, в Ной—Рофен, между Рейнсбергом и Фюрстенбергом, на запасной командный пункт рейхсфюрера СС, оборудованный всеми необходимыми средствами связи. Естественно, мне было нечего возразить, тем более что Йодль поддерживал постоянную радиосвязь с рейхсканцелярией. Ясно, что как только противник окончательно отрежет Крампниц от Берлина, прекратятся и ежедневные

доклады оперативной обстановки в фюрербункере, однако изменить что—либо я был не в состоянии.

Еще раз объяснив Венку всю важность предстоящей операции и обязав его регулярно докладывать фюреру обо всех изменениях оперативной обстановки, я выехал в расположение корпуса Хольсте. С ним я обсудил стоящую перед его танкистами задачу: перебросить главные силы корпуса на северный фланг 12 армии для обеспечения тылового прикрытия и отражения русских контратак, выставив минимальное охранение вдоль эльбского оборонительного рубежа, поскольку американцы, судя по всему, отказались от намерений форсировать Эльбу в ближайшее время.

Мне представлялась вполне реальной возможность деблокирования столицы с юго—запада, на направлении Потсдам — Крампниц — Берлин. Для осуществления плана операции требовалось:

1. 12 армии Венка нанести удар в направлении Потсдама, отбить город у противника и восстановить пути сообщения и линии связи с Берлином.

2. 12 армии установить связь и соединиться с 9 армией Буссе южнее Берлина.

3. Завершить прорыв 11 танкового корпуса СС обергруппенфюрера СС Феликса Штайнера с севера в направлении на рокадное шоссе Берлин — Крампниц (на сильно пересеченной, танконедоступной и оборудованной противотанковыми заграждениями противника местности). Главной задачей Хольсте было установление связи с группой армий генерал—оберста Хайнрици и танковым корпусом СС Штайнера северо—западнее Берлина. В случае удачи нам бы удалось закрыть образовавшуюся брешь и удерживать позиции даже сравнительно небольшими силами, имея в качестве фланкирующего прикрытия танконедоступные болотистые луга долины Хафеля. Я заверил Хольсте в том, что отдам соответствующие приказы Хайнрици, и с наступлением ночи отправился в обратный путь. На рассвете мы миновали Рейнсберг, тихий и мирный городок. Только около 08.00, после многотрудных поисков, мне удалось добраться на КП под Ной—Рофеном. Барачный лагерь располагался в стороне от автострад и населенных пунктов, в густом лесу, и был настолько хорошо замаскирован, что попасть сюда можно было только с проводником или хорошо знающим местность старожилом.

С большим трудом еще в первой половине дня мне удалось дозвониться до рейхсканцелярии и переговорить с одним из военных адъютантов фюрера, а потом с Кребсом. Я сказал генералу, что хотел бы поговорить лично с Гитлером, если он

того пожелает.

Примерно около полудня 24 апреля меня срочно вызвали к телефону. У аппарата был Адольф Гитлер. Я доложил ему о поездке к Венку и об успешном начале наступления 12 армии в направлении на Потсдам. Я высказал намерение ближе к вечеру прибыть в рейхсканцелярию с докладом. Гитлер категорически запретил мне пользоваться наземным транспортом, но не возражал, чтобы я вылетел самолетом в Гатов, где располагался аэродром училища люфтваффе. Он передал трубку оберсту фон Белову, адъютанту от люфтваффе, с которым я обговорил условия перелета — мой самолет должен был совершить посадку не раньше наступления сумерек.

Сразу же после этого я позвонил в Рехлин и приказал пилоту подготовить мой старый добрый Ю–52 ко взлету с полевого аэродрома под Рейнсбергом.

Вскоре после телефонного разговора с фюрером состоялось первое обсуждение оперативной обстановки под моим руководством. Генерал Детлефтсен[92] доложил обстановку на Восточном фронте, Йодль — на других театрах. Сохранялась устойчивая связь с командующими фронтами — так что вся информация поступала оперативно и в полном объеме. Йодль незамедлительно передавал поступавшие донесения в рейхсканцелярию по телефону, сообщал о принятых мной решениях начальнику генштаба сухопутных войск Кребсу и, как правило, получал через него санкцию на их осуществление от Гитлера.

Во второй половине дня я выехал из Фюрстенберга на КП танкового корпуса СС Штайнера, расположенный несколько южнее города. К этому моменту в расположение корпуса прибыла только одна из двух доукомплектованных танковых дивизий, вторая все еще находилась на марше. Корпус Штайнера только что вырвался из озерного дефиле и готовился к перегруппировке сил. К сожалению, прорыв танкистов Штайнера не остался не замеченным вражеской разведкой — тем самым танковые полки СС лишились своего главного козыря — фактора внезапности, и «обреченный» на успех прорыв так и не состоялся.

После возвращения на ЗКП я начал готовиться к поездке на полевой аэродром. Неожиданно позвонил оберст фон Белов и передал приказ (фюрера) отложить вылет до наступления темноты в связи с осложнением воздушной обстановки в районе Гатова. Я перенес вылет на 22.00, но и он не состоялся: опустившийся на взлетно—посадочную полосу густой туман сделал полет невозможным. Мне пришлось перенести его на вечер 25 апреля.

С утра я выехал на передовую, на КП генерала Хольсте. После доклада я связался с Венком и узнал от него, что он опять перенес свой командный пункт и добился определенного прогресса на узком участке фронта. Ударный кулак рассек оборону противника, и авангард Венка вышел в озерную долину южнее Потсдама. Резервов катастрофически не хватало, и генерал не мог развить первоначальный успех наступления, поскольку его главные силы вели ожесточенные бои с американцами за переправы через Эльбу севернее Виттенберга. 12 армия оказалась слишком слаба для того, чтобы выполнить поставленную боевую задачу — прорваться к Берлину и соединиться с 9 армией. В этой сложной оперативной обстановке я приказал Венку отозвать одну дивизию с эльбского фронта, перебросить ее на берлинское направление и по рации доложить фюреру о принятом мной решении.

Во второй половине дня я отправился на ЗКП. Примерно на полпути между Бранденбургом и Науеном шофер решил спрямить путь, и мы свернули на Ратенов. У въезда в город нам преградили путь отступавшие немецкие войска. Старший офицер доложил мне, что русские части вот—вот ворвутся в город, который подвергается массированному обстрелу вражеской артиллерии. Я не слышал характерной канонады и решил убедиться в происходящем своими собственными глазами. По абсолютно пустому шоссе мы въехали прямо в город. На Рыночной площади рота фольксштурма занимала позиции в окопах неполного профиля. Поле обстрела составляло какую—то сотню метров до близлежащих домов! Во дворах стояли взятые на передок орудия всех калибров — полевые гаубицы, пехотные орудия и 37–мм зенитные пушки. Все они были накрыты маскировочными сетями, похоже, были замаскированы от обнаружения с воздуха. Группы солдат слонялись без дела между расставленными во дворах тягачами и грузовиками. Противник действительно накрывал одиночными залпами городские окраины.

Я обнаружил коменданта, кадрового офицера инженерных войск, в окружении группы из 10–12 офицеров. Мое появление не только удивило, но и озадачило его. Он доложил мне, что сразу же после взрыва моста на восточном въезде вверенный ему гарнизон начнет отступление ввиду угрозы прорыва русских танков. Я наорал на него, как на новобранца: как можно удирать из города, испугавшись нескольких выстрелов; где боевое охранение, и почему до сих пор не проведена разведка боем; почему пушки стоят во дворах, а солдаты толпятся без дела… Вместе со всей честной компанией мы вышли на окраину и не увидели ничего, кроме разрывов одиночных снарядов. Комендант

отдал приказ готовиться к бою, затем под моим наблюдением артиллеристы выкатили орудия на открытые позиции…

Я вернулся в наш лагерь в Ной—Рофене только к концу дня и сразу же приказал пилоту готовить самолет к ночному вылету в Берлин. Вскоре Йодль передал мне телефонограмму из рейхсканцелярии: аэродром Гатов не принимает, поскольку… находится под огнем вражеских батарей. В самом Берлине осталась одна—единственная «взлетно—посадочная полоса»: участок шоссе между Бранденбургскими и Шарлоттенбургскими воротами. С наступлением темноты здесь совершали посадку транспортные «Юнкерсы» люфтваффе — и это был единственный путь снабжения берлинского гарнизона оружием и боеприпасами. Именно по этому воздушному мосту в Берлин должны были прибыть 2 роты эсэсовских добровольцев, выразивших желание победить или погибнуть в осажденной столице.

Мой вылет был назначен в промежутке между полуночью и рассветом. С 24.00 на борту Ю–52 я ждал разрешения на взлет на аэродроме в Рейнсберге. Вместо разрешения последовал категорический приказ коменданта Берлина отменить все запланированные на эту ночь вылеты: многочисленные пожары в черте города накрыли район Тиргартена непроницаемой пеленой дыма, гари и копоти — посадить самолет в таких условиях невозможно.

Не изменил ситуации и мой телефонный звонок в рейхсканцелярию. Мне еще раз разъяснили: все вылеты отменены, из—за густой дымовой завесы разбились при посадке или потерпели аварию уже несколько самолетов. Вернувшись в лагерь, я связался с Берлином еще раз и попросил дать разрешение на дневной вылет. На этот раз мне передали личный запрет фюрера, так как вчера при дневной посадке потерпел аварию самолет с генерал—оберстом Греймом[93] на борту, а сам он получил ранения.

Вечером у меня состоялся долгий разговор с генералом Кребсом. Он сообщил мне, что Геринг смещен со всех постов, лишен званий, наград и права считаться преемником фюрера в случае его смерти за то, что 24 апреля рейхсмаршал отправил из Берхтесгадена радиограмму, в которой просил у Гитлера полномочий на проведение переговоров с представителями вражеских держав. Гитлер был вне себя и приказал командиру роты охраны СС в Бергхофе немедленно арестовать Геринга и расстрелять на месте.

Я был потрясен этим известием и сказал Кребсу, что, по всей видимости, это недоразумение. Вечером 22 апреля фюрер в моем присутствии сказал, мол, это даже хорошо, что Геринг в

Берхтесгадене, — рейхсмаршал проведет переговоры лучше, чем он сам. В этот момент совершенно неожиданно для меня в трубке раздался вкрадчивый голос Бормана: «Помимо всего прочего, Геринг смещен и с поста имперского егермейстера…»

Ситуация была слишком серьезной, чтобы реагировать на это глумливое замечание, поэтому я промолчал. Теперь для меня окончательно прояснилась и причина вызова в рейхсканцелярию генерал—оберста фон Грейма: Гитлер решил назначить его преемником Геринга на посту главнокомандующего люфтваффе.

В ту страшную ночь я так и не смог сомкнуть глаз и уже не сомневался в том, что за кулисами этой грязной истории стоит Борман. В душной атмосфере рейхсканцелярии «серый кардинал» умело пользовался угнетенным состоянием духа фюрера и искусно плел интриги, как паук — паутину. Если Гитлер ищет смерти в Берлине, неужели он хочет дотянуться до Геринга из могилы и увлечь его за собой? Я решил встретиться с фюрером при любых обстоятельствах и вылететь в столицу не позднее вечера 26 апреля. Раз уж это удалось сделать фон Грейму, почему бы не попробовать и мне?

26 апреля в первой половине дня в штаб—квартиру ОКВ прибыл гросс—адмирал Дениц. Он отправил радиограмму Гиммлеру и от моего имени пригласил его в Ной—Рофен для обсуждения положения на фронтах. Я, Йодль и прибывшие господа не сомневались в том, что Гитлер будет продолжать упорствовать в своем желании остаться в Берлине, но нам следует предпринимать попытки вызволить его оттуда до тех пор, пока существует хоть маломальская возможность. Американцам так и не удалось форсировать Эльбу под Магдебургом, по крайней мере, особых приготовлений для этого они не предпринимали; позиции Шернера были достаточно прочны для того, чтобы командующий группой армий «Центр» мог проводить перегруппировку сил и даже перебросить несколько дивизий со своего южного фланга на северный — к Берлину. Мы пришли к единодушному и довольно парадоксальному выводу: насколько бесперспективно и катастрофично положение наших войск в целом, настолько не безнадежно оно на берлинском фронте. С тем мы и расстались…

Я был преисполнен решимости уже сегодня ночью поставить фюрера перед альтернативой: покинуть Берлин или передать командование Деницу (северное направление) и Кессельрингу (южное направление). Хотя в подчинении Кессельринга находился генерал—лейтенант Винтер из ОКВ, исполняющий обязанности начальника штаба группы армий «Италия», в создавшемся на фронтах положении обоим командующим

требовалась большая самостоятельность и свобода маневра.

Вылететь в Берлин не удалось и на этот раз: по метеорологическим условиям полеты, а точнее посадка на шоссе, были невозможны и в эту ночь. Не только транспортники, но и истребители, и разведчики возвращались на свои базы. Из—за тумана и низкой облачности главный ориентир — Бранденбургские ворота — не удавалось обнаружить даже пилотам штурмовой авиации.

В этой ситуации я принял решение связаться с фюрером и предложить ему хотя бы разделить командные полномочия с вышеупомянутыми командующими. Гитлер отклонил мои предложения как необоснованные. Думать об этом преждевременно, по крайней мере до тех пор, пока русские не перерезали линии правительственной связи. Нецелесообразным, с его точки зрения, было мое предложение о подчинении Восточного фронта — групп армий Шернера, Рендулича и Лера — Кессельрингу. У него достаточно забот на западном театре. Оборону Берлина он возлагает на себя. Я должен позаботиться о снабжении берлинского гарнизона оружием, боеприпасами и продовольствием — большего он от меня не требует. Я не стал уговаривать его покинуть Берлин — да это и было бы бесполезной тратой времени.

Сразу же после отъезда Деница и Гиммлера я выехал на КП командующего группой армий «Висла» генерал—оберста Хайнрици. До сих пор оборона Берлина и общее командование одерским оборонительным фронтом находились в ведении генерала Кребса. Ранее оборона столицы находилась в компетенции группы армий, а в эти последние дни Гитлер назначил командующим Берлинским фронтом бывшего командира 58 танкового корпуса генерала артиллерии Хельмута Вейдлинга, который получал приказы непосредственно от него.

Несколько дней подряд Хайнрици настойчиво требовал подчинить ему танковую группу СС Штайнера и в особенности корпус Хольсте для прикрытия южного фланга. Йодль был категорически против, справедливо возражая Хайнрици, что не может обеспечить охранение его флангов за счет тылового прикрытия армии Венка. Около 13.00 я был на КП Хайнрици в лесу севернее Бойценбурга. Он и начальник его штаба генерал—майор Иво Тило фон Трота доложили обстановку, обострившуюся в результате прорыва русских севернее Штеттина. Резервов для того, чтобы отрезать ударную группировку от главных сил противника, у них не было. Я пообещал изучить вопрос и, возможно, оказать им посильную помощь. В очередной раз я отклонил просьбу о переподчинении им корпуса Хольсте, в свою

очередь, потребовав подчинения группы армий «Висла» непосредственно ОКВ — с докладами о положении на КП «ОКВ—Норд» и пр. На том мы распрощались, если и не в полном согласии, то как старые боевые друзья.

Вечером позвонил Хайнрици, сообщил о резком ухудшении положения на участке русского прорыва и заклинал нас перебросить к нему хотя бы одну дивизию из состава танковой группы СС Штайнера. Коротко переговорив со Штайнером, удалось выяснить, что его единственный резерв — 7 танковая дивизия — находится на марше, однако непосредственно после прибытия обергруппенфюрер СС намеревался использовать ее на главном направлении удара. Мне было хорошо известно, какие надежды возлагает фюрер на прорыв танковых дивизий СС, поэтому решение отозвать 7 дивизию в резерв ОКВ далось мне не без внутренних колебаний. Ничего нельзя было сделать: в противном случае через 2–3 дня противник выйдет в тыл танковой группы СС и южного фланга группы армий «Висла».

В 04.00 27 апреля я выехал к обергруппенфюреру СС Штайнеру. Одновременно я собирался с его помощью найти штаб 7 танковой дивизии и обсудить возможность начала наступления на берлинском направлении ограниченными силами. Дивизия как в воду канула! Было выдвинуто предположение, что группа армий «перехватила» танкистов еще на марше, во всяком случае командир 7 дивизии так и не доложил Штайнеру о прибытии, кроме того, не было никаких танков и на указанном мной исходном рубеже развертывания.

Я возвращался на свой КП другой дорогой, размышляя о судьбе «исчезнувшей» дивизии. Где—то на полпути нам повстречались пехотный и артиллерийский штабы в конном строю. Я получил исчерпывающую информацию о местонахождении 7 танковой дивизии и подумал, что… меня хватит удар! Выяснилось, что южный фланг группы армий Хайнрици вторую ночь подряд без огневого соприкосновения с противником организованно отступает на запад и уже сегодня выйдет в район Фюрстенберга. Во всяком случае, они получили приказ развернуть артпозиции именно на том рубеже. Отступали и танкисты, которых так недоставало сейчас ослабленной группировке Штайнера…

В 08.00 я вернулся в Ной—Рофен, чтобы обсудить с Йодлем коренное изменение ситуации и положения штаб—квартиры ОКВ: не сегодня — завтра мы окажемся полностью беззащитными перед угрозой русского наступления. Я связался с Хайнрици и приказал ему прибыть в Нойбранденбург для встречи с командующим 3 танковой армией генералом танковых войск

Хассо фон Мантойфелем. Затем, отдав необходимые распоряжения Йодлю, и сам выехал к месту запланированной встречи…

Беседа с Хайнрици в присутствии Мантойфеля состоялась во второй половине дня и проходила в нервозной обстановке. В жестких выражениях я высказал генералу все, что думаю по поводу совершенного им откровенного введения в заблуждение главнокомандования и несанкционированного отступления вверенных ему войск. Хайнрици объяснил отвод южного фланга группы армий оперативной необходимостью, присовокупив, что держит под строгим контролем как запланированное сокращение линии фронта, так и все перемещения и перегруппировку войск. В ответ я обрисовал ему ситуацию на фронте, сложившуюся в результате его самоуправства и самовольного отхода с позиции. В крайне тяжелом положении оказались не только Венк, Штайнер и Хольсте, но и резко ухудшилась оперативная обстановка в районах севернее и северо—западнее Берлина. Хайнрици пообещал не совершать опрометчивых шагов, следовать указаниям ОКВ и действовать впредь в рамках общей оборонительной концепции. Мы расстались внешне доброжелательно, а перед самым отъездом я еще раз напомнил ему о нашей старой боевой дружбе и данном им слове.

Я вернулся в лагерь уже затемно. Йодль доложил мне о резком ухудшении обстановки на южном фланге фронта — севернее Берлина. У меня состоялся продолжительный разговор с Кребсом, поскольку фюрер переадресовал меня к нему. Переговорить с самим Гитлером так и не удалось.[94] Было очень плохо слышно — связь постоянно прерывалась и исчезала. Начальник службы связи вермахта генерал войск связи Праун разъяснил мне, что в настоящий момент все телефонные линии связи перерезаны и пока удается обеспечить только радиосвязь: связь осуществляется посредством приемо—передающего устройства, установленного на привязном аэростате вблизи нашего лагеря, и аналогичного ему устройства на берлинской радиобашне. Пока цела башня и не подбит наш аэростат, можно будет поддерживать связь с рейхсканцелярией. Кроме того, как и прежде, поддерживается связь с фюрербункером посредством коротковолновых радиопередатчиков.

Йодль предложил перенести наш КП на новое место не позднее следующего дня.[95] Я был категорически против, поскольку не хотел без крайней на то нужды увеличивать и без того немалое расстояние между штаб—квартирами фюрера и ОКВ. Кроме того, мне бы не хотелось лишиться с таким трудом налаженной радиосвязи. Впрочем, буквально через несколько

часов артиллеристы развернули позиции поблизости от нашего лагеря, и залпы тяжелых батарей положили конец моим сомнениям — похоже, наше пребывание в Ной—Рофене действительно подошло к концу. С наступлением темноты и до самого рассвета артиллеристы вели беспокоящий огонь по позициям противника. Тем временем Йодлю удалось связаться с бункером и переговорить с фюрером, который подтвердил мои распоряжения о незамедлительном прекращении отступления Хайнрици и приказал перейти в контрнаступление 7 танковой дивизии.

Примерно около полуночи позвонил генерал—оберст Хайнрици и заявил, что после нашей встречи ситуация на его участке фронта продолжает ухудшаться с каждым часом и он вынужден отдать приказ об отступлении группы армий. Я ответил ему, что не нахожу слов от возмущения и расцениваю его действия как неповиновение и невыполнение приказа. Хайнрици завопил в трубку, что в таком случае не желает нести или разделять ответственность за судьбу вверенных ему войск. Я заметил, что, по моему глубочайшему убеждению, он никогда и не был достоин столь высокого командного поста, и пусть он сию же минуту передает командование старшему офицеру.[96] Далее я сказал, что сам сообщу фюреру о снятии его с должности, и повесил трубку. Йодль счел смещение Хайнрици вполне оправданным. Я отправил радиограмму в Берлин с сообщением об отставке командующего группой армий «Висла» и объяснением причин. Ночью пришел ответ Кребса с подтверждением получения текста радиограммы фюрером…

Новое правительство Деница

К утру 28 апреля[97] гул артиллерийской канонады стал хорошо слышен в расположении нашего КП. Вместе с начальником службы связи Йодль завершил последние приготовления к эвакуации еще ночью. После переговоров с рейхсфюрером СС Гиммлером последний выразил готовность освободить для нас свой командный пункт в Мекленбурге. Мы выслали вперед спецкоманду для приема участка расквартирования и намеревались последовать вслед за нею. В ночь с 27 на 28 апреля хлынул сильный дождь, и мы были вынуждены опустить аэростат на землю, так что никакой связи с Берлином не было. Поднять его в воздух удалось только во второй половине дня 28.4, поскольку сильно отсырела и

соответственно потяжелела оболочка.

Наш лагерь отстоял от линии фронта на каких—то 10 км. Прекрасный солнечный день и великолепная летная погода способствовали активизации вражеских ВВС — над нашим лагерем безостановочно кружили русские истребители и разведчики…

Как только связисты подняли аэростат в воздух, я сразу же связался с рейхсканцелярией. Со мной разговаривал генерал артиллерии Вейдлинг, бывший командующий одерским фронтом под Кюстрином. Тот самый генерал, который едва не стал жертвой интриг ведомства Гиммлера: Гитлеру доложили, что он и его штаб отступили в лагерь Дебериц, в то время как вверенные ему войска ведут кровопролитные бои между Одером и Берлином. Гитлер отдал приказ Кребсу немедленно арестовать и расстрелять «дезертира». К счастью, Вейдлинг узнал об этом, немедленно выехал в рейхсканцелярию и добился приема у фюрера. В результате фюрер отстранил прежнего командующего берлинским гарнизоном и назначил Вейдлинга комендантом «Большого Берлина», наделив неограниченными полномочиями и выказав полное доверие. Такими, с позволения сказать, «методами» СС дискредитировали армейских генералов перед Гитлером, болезненно реагировавшим на такого рода доносы. В случае с Вейдлингом только решительные действия самого генерала не дали свершиться неправедному суду.

После моей беседы с генералом Йодлю удалось связаться с фюрером — я слушал их разговор через наушники. Гитлер был само спокойствие и деловитость. После доклада оперативной обстановки он высказал желание переговорить со мной. Еще во время доклада в наушниках был слышен какой—то подозрительный шум, а вскоре связь и вовсе прервалась. Через несколько минут начальник службы связи доложил мне, что русские истребители сбили аэростат — резервного не имеется, телефонную радиосвязь восстановить не удастся.

Это малоприятное во всех отношениях донесение облегчило нам тем не менее принятие решения об экстренной эвакуации. На восстановление телефонной радиосвязи рассчитывать больше не приходилось, в свою очередь, наши радисты могли развернуть коротковолновые радиостанции практически на любом участке марша, поэтому можно было трогаться в путь сразу же после ужина. Я сожалел только о том, что мне так и не удалось переговорить с фюрером, хотя Йодль успел обсудить с ним самые важные вопросы. Мы отправили в Берлин радиограмму о смене места дислокации и попросили впредь радировать на наш новый КП, в расположение которого мы рассчитывали выйти к вечеру.

К полудню шум боя стал слышен еще отчетливее — сражение явно перемещалось в нашем направлении. Активизировалась и бомбардировочная авиация противника — русские бомбили узловой пункт Рейнсберг, а их штурмовики жгли отступающие автоколонны. Мы разбили личный состав ОКВ на маршевые группы и наметили отдельные маршруты движения для каждой из них. Йодль, я и несколько ближайших сотрудников покидали лагерь последними; накануне наши адъютанты провели рекогносцировку местности и нанесли на карту удобный маршрут следования: лесными дорогами, в обход забитых транспортом автострад. Мы выступили в 14.00,[98] следом за нами — связисты и радиостанция. На следующий день связисты доложили: русские патрули появились в лесу примерно через час после нашего отъезда, когда они заканчивали демонтаж аппаратуры, поэтому им пришлось бросить автомашину связи и все телефонное имущество, а самим в срочном порядке ретироваться.

В этот по—настоящему весенний и солнечный день мы пробирались тайными лесными тропами в направлении Варена на встречу с генералом фон Типпельскирхом для обсуждения дальнейших действий его группы армий.

Типпельскирх решительно возражал против этого назначения, поэтому потребовался специальный приказ о введении его в новую должность. Попутно я объяснил, что уже вызвал из Голландии генерала Штудента, так что речь идет о временном исполнении служебных обязанностей. Типпельскирх сообщил, что его 21 армией временно командует группенфюрер СС Штайнер, а танковым корпусом СС — оберст генштаба Курт Фетт, офицер связи ОКВ. После того как я подробно ввел генерала в курс дела и обрисовал стоящий перед ним и его войсками круг задач, Типпельскирх попросил прикомандировать или назначить начальника его бывшего армейского штаба начальником штаба группы армий. Йодль с удовольствием согласился, памятуя о систематических конфликтах с фон Трота, так что я с легким сердцем освободил его от занимаемой должности.

Затем мы продолжили свой путь в Доббин — имение англо—британского «нефтяного короля», президента «Royal Dutch Shell Company» сэра Генри Детердинга. Перед смертью промышленный магнат, известный противник большевизма, предоставил имение в распоряжение имперского наместника и гауляйтера Мекленбурга Фридриха Хильдебрандта.

Около 21.00 мы прибыли в Доббин и застали там Гиммлера и его штаб. Рейхсфюрер собирался выехать на рассвете, так что в первую ночь всем нам пришлось испытать серьезные неудобства и ночевать в ужасной тесноте. Однако связь работала прекрасно, во

всяком случае меня уже поджидала шифрограмма фюрера:

1. Каково положение группы армий «Висла»?

2. Как обстоят дела с наступлением Штайнера?

3. Что вам известно о судьбе 9 армии? (Нам не удается установить с ней связь.)

4. Каково местонахождение 12 армии Венка? Когда начнется наступление на потсдамском направлении?

5. Чем занимается и где находится корпус Хольсте?

За ужином мы обсудили с Йодлем возможные варианты ответов — первый из них я составил сам.

По—солдатски, без сглаживания и в полном соответствии с серьезностью создавшегося положения я доложил о безнадежности попыток освобождения Берлина. В результате отходного маневра левого крыла группы армий «Висла» на запад Штайнер не может развивать наступление на Берлин и вместе с корпусом Хольсте вынужден теперь обеспечивать тыловое прикрытие группы армий северо—западнее Берлина, активно противодействуя угрозе русского удара с тыла и полного окружения. 10.000 солдат и офицеров Буссе (без тяжелого оружия и техники) в ходе ожесточенных арьергардных боев пробились через лесные заставы русских и вышли в расположение 12 армии Венка на восточном фланге оборонительного фронта. О местонахождении главных сил 9 армии Теодора Буссе нам ничего не известно. Сам Венк не рассматривает пробившихся из окружения солдат в качестве неожиданного усиления своей армии, поскольку считает абсолютно безнадежными перспективы наступления в озерном дефиле южнее Потсдама. В заключение я написал:

«Считаю безнадежными попытки деблокировать Берлин и пробить коридор с западного направления. Предлагаю прорываться через Потсдам на соединение с Венком, во всех остальных случаях — незамедлительный вылет фюрера в Южную Германию. Ожидаю вашего решения».

Около полуночи в Доббин прибыл новый главнокомандующий люфтваффе фельдмаршал фон Грейм — с перебинтованной ногой, в остальном здоровый и невредимый. 28.4 Ханна Райч благополучно вылетела из осажденного Берлина и посадила самолет с Греймом на борту на аэродроме в Рехлине. Прямо оттуда он выехал ко мне на автомобиле, чтобы сообщить о последних событиях в рейхсканцелярии. Положение в Берлине крайне тяжелое и практически безнадежное. Геринг смещен. Фюрер настроен самым решительным образом, сохраняет хладнокровие и абсолютную невозмутимость. Несмотря на старую дружбу ему так и не удалось убедить фюрера покинуть

столицу.[99] Он получил приказ связаться со мной и обсудить положение. 30.4 он вылетает в Берхтесгаден для вступления в должность главнокомандующего люфтваффе.

29 апреля мы провели в Доббине. Я надеялся получить ответ фюрера на отправленную шифрограмму. Из рейхсканцелярии пришло подтверждение получения радиограммы и… больше ничего. Видимо, это следовало понимать как отказ.

Уже на следующее утро, в 04.00, нам пришлось покинуть Доббин. Только несколько часов мне удалось полежать на белоснежных простынях и даже принять ванну.

Буквально за день до нашего приезда управляющий имением и его штат съехали, любезно предоставив нам свои служебные и личные помещения. Гофмейстер и домоправительница приложили немало стараний, чтобы обустроить к нашему приезду современное здание напротив старого дворца, переоборудованное в казарму для иностранных рабочих, и даже принесли несколько бутылок вина из коллекции Детердинга. Даже не сомневаюсь в том, что знаменитые винные погреба замка опустошили впоследствии русские…

Я назначил оперативное совещание на 30.4, на 10.00, в Висмаре, где со вчерашнего дня в бывших полковых казармах разместился наш объединенный рабочий штаб (ОКВ и ОКХ). Затем я принял в офицерском клубе генерала Штудента, только что прилетевшего из Голландии,[100] ввел его в курс дела и обсудил стоящие перед ним задачи, особо подчеркнув важность удержания балтийских портов для транспортных судов кригсмарине, прибывающих из Восточной Пруссии с войсками и беженцами на борту.

Штудент принял командование с искренним желанием навести порядок и пресечь ничем не обоснованную панику, очевидцами которой нам довелось стать на пути в Висмар. На дорогах, забитых бесконечными автоколоннами, «обозами 2–го разряда» и беженцами, нам подчас приходилось прибегать к самым решительным мерам, чтобы хоть чуть продвинуться вперед. Дважды нам пришлось спешно бросать машины и залегать в кювете — британские штурмовики на бреющем полете обстреливали колонны из всех видов бортового оружия — пулеметов и автоматических пушек. Часами мы едва плелись черепашьими темпами, стиснутые со всех сторон машинами, повозками и людьми. Вместо лоцмана нашу колонну «проводил» блестящий офицер полевой жандармерии в открытом автомобиле.

Во второй половине дня 30.4 все наши разрозненные «маршевые группы» постепенно собрались в Нойштадте — нашей новой штаб—квартире «ОКВ—Норд». Нам отвели рабочие

помещения в казармах кригсмарине с прекрасно оборудованным узлом связи. Я надеялся встретиться здесь с гросс—адмиралом Деницем, но, к моему величайшему сожалению, он перенес свою штаб—квартиру в дом отдыха кригсмарине, в курортное местечко Плен, располагавшееся примерно в часе езды от нас. Обустроившись на новом месте, я выехал в адмиральский штаб.

Я прибыл как раз вовремя: Дениц проводил совещание с генерал—фельдмаршалом Бушем, командующим Северо—западным фронтом (от Киля до голландской границы). Там же я встретил и рейхсфюрера СС Гиммлера, который занимался тем, что в своей обычной манере искал «подходы» к гросс—адмиралу. Чего, собственно, он добивался, я не знаю. Видимо, старался держать нос по ветру и быть в курсе происходящих событий.

Вечером я встретил в Плене фельдмаршала фон Грейма и его личного пилота Ханну Райч. Он перенес вылет в Берхтесгаден еще на один день, чтобы обсудить с Деницем вопросы дальнейшего взаимодействия кригсмарине и люфтваффе. Ханна Райч рассказала мне, что Гитлер приказал расстрелять Германа Фегеляйна за то, что полицейский патруль арестовал его в ночном берлинском ресторане — пьяного и в гражданской одежде.[101]

Мы с Деницем обсудили наше положение и пришли к единодушному выводу, что оно абсолютно безнадежно. Он показал мне радиограмму Бормана, согласно которой завещание фюрера вступило в силу и отныне он — преемник Гитлера на посту главы государства. Курьер уже в пути, он и доставит полный текст документа самолетом. Неожиданно я подумал о том, что сыграл свою роль в появлении этого документа. Наверное, моя шифрограмма фюреру из Доббина о безнадежности оперативно—стратегического положения стала тем катализатором, который и определил дальнейшую реакцию. Мы не сомневались, что битва за Берлин вступила в свою решающую и завершающую фазу, несмотря на более чем оптимистичные заверения фон Грейма о стабильности положения.

Я возвращался в Нойштадт, терзаемый мучительными сомнениями: вдруг я на самом деле сгустил краски, и моя радиограмма повлекла за собой череду больших и малых ошибок и неправильных выводов. В конце концов я пришел к выводу, что действовал сообразно моменту и не имел права на безответственное умаление грозящей опасности. По возвращении я поделился возникшими вдруг сомнениями с Йодлем. Он полностью поддержал меня, сказав, что, окажись он на моем месте, действовал бы точно так же.

В ночь на 1 мая 1945 г. Дениц пригласил меня в Плен к 08.00. Гросс—адмирал принял меня наедине и показал две новых радиограммы:

1. Радиограмму Геббельса со списком членов нового правительства и самим рейхсминистром пропаганды в качестве «рейхсканцлера». Она начиналась словами: «30 апреля безвременно ушедший от нас фюрер…»

2. Радиограмму Бормана о том, что события, оговоренные в особом порядке, наступили и Дениц назначается преемником фюрера.

Итак, свершилось, чему суждено… Судя по телеграмме Геббельса, фюрер покончил жизнь самоубийством — в противном случае он бы употребил иной оборот, чем «безвременно ушедший». До сих пор в Плене так и не появился курьер Бормана с текстом завещания.

Дениц сразу же заявил, что как новый глава государства он никому не позволит указывать или навязывать ему состав правительства. Я поддержал его позицию как в высшей степени справедливую и добавил, что расцениваю действия Геббельса и Бормана как попытку поставить его перед свершившимся фактом. Уже сегодня нужно составить воззвания к немецкому народу и вермахту. Приведение к присяге вооруженных сил в настоящих условиях невозможно. Я предложил формулировку: фюрер и рейхсканцлер назначил его своим преемником, следовательно, присяга, принесенная Гитлеру, действительна и по отношению к новому главе государства.

В первой половине дня в приемной Деница появился Гиммлер. Я сразу же обратил внимание на то, что в списке членов «кабинета Геббельса» его фамилия не фигурирует. Мне показалось, что рейхсфюрер считает само собой разумеющимся свое кооптирование в состав правительства Деница, поскольку он спросил меня, как относится к нему армия. Думаю, он метил не меньше чем на пост военного министра. Я ответил, что не даю подобного рода консультаций — лучше бы ему обговорить все вопросы с новым верховным главнокомандующим вермахтом. Затем добавил, что сам буду просить Деница об отставке сразу же после назначения новых главнокомандующих кригсмарине и люфтваффе.

Узнав о прибытии Гиммлера, гросс—адмирал вызвал меня для беседы наедине. Дениц прямо спросил, что я думаю об избрании Гиммлера в состав нового правительства. Я ответил, что расценил бы такое назначение как некорректное. Мы договорились оставить высказанное мнение между нами. Дениц сообщил мне, что хочет назначить графа Шверин фон Крозига,

занимавшего пост министра финансов, своим первым советником и министром иностранных дел. С ним он намеревался обсудить и состав нового кабинета.

Полная и безоговорочная капитуляция

После того как был составлен текст радиообращения к немецкому народу и вермахту, я вернулся в Нойштадт. Мы обсудили с Йодлем богатый событиями день. Отныне нами владела одна мысль: закончить войну, и как можно быстрее — пока еще есть возможность эвакуации войск из Восточной Пруссии и спасения солдат и офицеров Восточной армии. Мы решили уже на следующий день обсудить этот вопрос с Деницем.

Мы только укрепились в правильности принятого нами решения, когда вечером 1 мая Дениц получил и зачитал в нашем присутствии пространную телефонограмму фельдмаршала Кессельринга о только что завершившейся капитуляции группы армий «Италия».

Далее Кессельринг добавил, что потрясен самоуправными действиями командующего группой армий «Ц» генерал—оберста фон Витингхоффа и его несанкционированной капитуляцией, однако принужден взять ответственность на себя. Итальянский фронт рухнул. Непосредственная угроза нависла и над группой армий «Балканы» генерал—оберста Лера. Никаких надежд на ее спасение не осталось.

2 мая я снова выехал в Плен. Дениц разделял точку зрения ОКВ о необходимости скорейшего прекращения военных действий на всех фронтах. Я предложил перевести штаб—квартиру «ОКВ—Норд» в Плен. Поскольку реальная необходимость сосредоточения и восстановления работоспособности высшего командования назрела уже давно, Дениц дал свое безусловное согласие. Однако разместиться на сравнительно небольшой территории дома отдыха кригсмарине наша штаб—квартира уже не могла, поэтому гросс—адмирал отдал приказ о немедленном перебазировании «ОКВ—Норд» во Фленсбург. Я вызвал в Плен генерала Йодля и адъютантов, в то время как наш штаб в полном составе последовал во Фленсбург форсированным маршем.

2 мая Дениц вызвал генерал—адмирала фон Фридебурга в Рендсбург.[102] Вечером он выехал туда, чтобы назначить адмирала главнокомандующим кригсмарине. Мы переночевали в штаб—квартире гросс—адмирала в Плене, а в 04.30 3 мая отправились во Фленсбург—Мюрвик. Здесь, в казармах

кригсмарине, ОКВ получило, судя по всему, последнее прибежище в ходе этой войны. Наши с Йодлем кабинеты располагались рядом с приемной гросс—адмирала Деница. Начальник оперативного отдела штаба оперативного руководства генерала Йодля оберст генштаба Мейер—Детринг занимался театрами военных действий ОКВ, а генерал Детлефтсен — театрами ОКХ. Воздержусь от описания подробностей тогдашней оперативной обстановки. Оба офицера владели ситуацией лучше, чем я — им еще предстоит написать свои воспоминания.

Следует отметить, что все меры, принимаемые Деницем, все его приказы и указания преследовали одну цель: закончить войну. При этом мы пытались спасти как можно большее число беженцев и солдат Восточного фронта, способствуя их эвакуации в центральные районы Германии. Было очевидно, что от нас потребуют остановить войска на тех позициях, которые они будут занимать к моменту заключения перемирия и подписания капитуляции. Соответственно возникала задача перемещения максимального числа солдат и офицеров трехмиллионной Восточной армии в американскую оккупационную зону, дабы избавить их от ужасов русского плена.

Для осуществления вышеупомянутых планов гросс—адмирал уполномочил фон Фридебурга провести предварительные переговоры с командующим 21 группой армий вооруженных сил Великобритании фельдмаршалом сэром Бернардом Монтгомери. Переговоры состоялись 3 или 4 мая. Вслед за отклонением британской стороной особых условий капитуляции последовали переговоры с американцами, начатые фон Фридебургом и завершенные Йодлем. Как известно, капитуляция рейха перед англо—американскими союзниками была подписана 7.5.45 в штаб—квартире генерала Дуайта Эйзенхауэра в Реймсе. Единственное послабление, которого удалось добиться Йодлю, заключалось в короткой отсрочке и вступлении в силу условий капитуляции с 00.00 часов 9 мая.

Йодль прислал мне радиограмму из ставки Эйзенхауэра и в иносказательной форме дал понять, каким реальным запасом времени мы располагаем, чтобы переместить восточную группировку войск в западном направлении.

Руководствуясь полученной от Йодля информацией, я оповестил командующих Восточной армией, в первую очередь дислоцирующуюся в Восточной Чехии группу армий Шернера, о необходимости отвести войска на запад за максимально короткие сроки — не более 48 часов. Соответствующее указание было отправлено в войска еще до полуночи 7.5.45. Фактически Шернер начал готовиться к отступлению уже 6 мая благодаря

решительным действиям оберста Мейер—Детринга — его отважному перелету в Чехию при полном господстве противника в воздухе и стремительному броску на передний край.

В свою очередь, оберстлейтенант Ульрих де Мезьер, начальник оперативного отдела сухопутных войск объединенного штаба ОКВ—ОКХ, проинформировал командующего группой армий «Курляндия» (Прибалтика) генерал—оберста Карла Хильперта. Все раненые и больные были эвакуированы в рейх последними транспортными судами из Либау. Де Мезьер передал мне последний привет от сына Эрнста—Вильгельма, с которым разговаривал незадолго до отлета во Фленсбург. Фельдмаршал Буш (Северо—западный фронт) и генерал горнострелковых войск Франц Беме, командующий 20 армией в Норвегии, прибыли в Плен и получили инструкции непосредственно от Деница.

До сих пор нам удавалось поддерживать устойчивую связь с фельдмаршалом Кессельрингом, по—прежнему командовавшим южным крылом немецкого фронта в Италии.

Во Фленсбурге постепенно собирались члены нового кабинета, среди них был и новый министр иностранных дел граф Шверин фон Крозиг. Я увидел рейхсминистра Шпеера и демонстративно примкнувшего к нему генерала фон Трота, уволенного мной с поста начальника штаба группы армий «Висла».

Гиммлер по—прежнему не отказался от попыток втереться в доверие к Деницу. После беседы с гросс—адмиралом я возложил на себя довольно щекотливое поручение «отказать от дома» рейхсфюреру СС и просить его не досаждать впредь своими визитами, а лучше всего — уехать из ставки. Первоначально Гиммлер, скорее по инерции, продолжал исполнять свои обязанности как шеф немецкой полиции — впоследствии он был ограничен и в этих полномочиях. Генрих Гиммлер был полностью чужеродным элементом в составе нового правительства Деница. Об этом я и сказал ему — коротко и ясно.

Рейхсфюрер уже не ориентировался в политической ситуации и даже не осознавал, насколько скомпрометированы он сам и его СС. Дошло до того, что из штаб—квартиры СС, местоположение которой было нам неизвестно, Гиммлер отправил во Фленсбург армейского офицера связи со своим личным посланием на имя генерала Эйзенхауэра и просьбой к ОКВ передать письмо американцам. Офицер получил разрешение ознакомиться с текстом письма на тот случай, если его придется уничтожить и передавать смысл послания на словах. Рейхсфюрер предлагал свои услуги и намеревался сдаться на милость победителей, если только Эйзенхауэр даст твердые гарантии, что вопрос его

экстрадиции русским властям будет решен благоприятным для Гиммлера образом. Я нисколько не удивился такому повороту событий, поскольку во время последней беседы с рейхсфюрером СС в присутствии Йодля мне уже довелось услышать нечто подобное от него самого. Посланнику Гиммлера достало благоразумия больше в штаб—квартиру СС не возвращаться, поэтому рейхсфюрер так никогда и не узнал о том, что его письмо было уничтожено нами сразу же после прочтения. Офицер связи Гиммлера привез письмо, в котором рейхсфюрер просил меня передать Деницу, что исчезнет из Северной Германии и «ляжет на дно» минимум на полгода. Как известно, Гиммлер был арестован британским военным патрулем в Люнеберге и покончил жизнь самоубийством 23.5.45, приняв яд.

8 мая 1945 г., на следующий день после возвращения Йодля из штаб—квартиры Эйзенхауэра в Реймсе, я вылетел в Берлин с предварительным актом о капитуляции на транспортном самолете Королевских ВВС. По поручению гросс—адмирал Деница, главы государства и верховного главнокомандующего вермахтом, мне предстояло подписать акт о полной и безоговорочной капитуляции перед представителями Советского Союза. В состав немецкой делегации входили: генерал—адмирал фон Фридебург от кригсмарине, генерал—оберст Ханс—Юрген Штумпф, командующий воздушным флотом «Рейх» (противовоздушная оборона страны), от люфтваффе. Кроме того, меня сопровождали вице—адмирал Бюркнер, начальник иностранного отдела ОКВ, и оберстлейтенант Бем—Теттельбах, Ia генштаба люфтваффе при штабе оперативного руководства вермахта. Последний вылетел с нами потому, что бегло говорил на английском и русском, а также сдал экзамен на квалификацию военного переводчика.

Мы приземлились на дозаправку в Штендале. Там же была сформирована эскадрилья сопровождения в составе пассажирских самолетов британского маршала Королевских ВВС и полномочного представителя генерала Эйзенхауэра. Совершив своего рода круг почета над Берлином, мы приземлились на аэродроме Темпельхоф — мой самолет последним. В честь прибытия британской и американской делегаций русские выстроили батальон почетного караула с военным оркестром. Мы наблюдали за церемонией издалека, с места посадки самолета. Меня сопровождал русский офицер — как мне было сказано, начальник отдела генерального штаба, представитель маршала Жукова. Он сидел в головной машине рядом со мной, остальные следовали за нами.

Мы пересекли Бельальянсплац и проследовали через

пригороды в Карлсхорст. Около 13.00 машины остановились у небольшого, но просторного особняка, примыкавшего к зданию инженерно—саперного училища. Мы были предоставлены самим себе. Появился репортер и сделал несколько снимков, время от времени появлялся наш русский переводчик. Я попытался расспросить его о порядке подписания капитуляции — текст на немецком языке был вручен мне сразу же после посадки, — однако точное время церемонии было ему не известно.

Я сравнил копию с предварительным актом, парафированным Йодлем в Реймсе, однако не нашел существенных изменений.[103] Единственно важным дополнением было внесение пункта о карательных санкциях против тех частей или соединений вермахта, которые к оговоренному условиями капитуляции сроку не разоружатся и не сдадутся. Через русского офицера—переводчика я потребовал направить ко мне полномочного представителя маршала Жукова, поскольку не буду подписывать дополнение без предварительных согласований. Через несколько часов русский генерал — думаю, что это был начальник штаба Жукова — действительно появился и выслушал мои возражения в присутствии русского переводчика.

Причину нашего несогласия с изменениями в тексте капитуляции я объяснил тем, что не смогу гарантировать своевременного поступления соответствующего приказа в войска и выразил справедливое опасение: полевые командиры откажутся подчиниться выдвинутым требованиям. Я потребовал внести дополнение: соглашение (капитуляция) вступает в силу через 24 часа после поступления приказа в войска; советская сторона обязуется применять карательные меры к нарушителям только по истечении этого срока. Ровно через час генерал вернулся и заявил, что Жуков согласен, но дает отсрочку не 24 часа, а только 12. Затем генерал потребовал предъявить мои полномочия для ознакомления представителей держав—победительниц, пообещав сразу же их вернуть, и уведомил нас о том, что подписание акта капитуляции состоится вечером.

Наше терпение подвергалось жестокому испытанию. Около 15.00 русская девушка сервировала обильный завтрак. Около 17.00 нас перевели в другое помещение и подали полдник. По—прежнему ничего не происходило. Мне вернули документы со словами «все в порядке», однако о сроках церемонии дополнительно никто ничего не сообщал. Около 22.00 я потерял последние остатки терпения и сделал официальный запрос, когда же наконец состоится подписание акта? На этот раз удалось получить более—менее конкретный ответ: примерно через час. Я распорядился принести из самолета наш скромный багаж,

поскольку рассчитывать на то, что нам удастся вылететь этим же вечером обратно, уже не приходилось.

Незадолго до 24.00 — часа вступления в силу капитуляции — немецкую делегацию пригласили в офицерскую столовую. Мы вошли в зал с последним двенадцатым ударом старинных часов через широкие боковые двери. Нас подвели к длинному столу, стоявшему прямо напротив дверей, с тремя свободными стульями — для меня и двух сопровождающих меня офицеров вермахта. Для остальных членов делегации места не нашлось, и они остались стоять за нашими спинами. Освещенный ярким светом юпитеров зал был переполнен: ряд стульев поперек и три ряда вдоль были заполнены сидящими офицерами и гражданскими.

Когда начальник штаба Жукова положил передо мной акт о капитуляции на трех языках, я потребовал объяснений, почему в текст документа не внесены дополнения об отсрочке санкций. Он подошел к Жукову и после короткой беседы, за которой я наблюдал со своего места, вернулся со словами: маршал Жуков со всей определенностью подтверждает отсрочку санкций на 12 часов.

Торжественная церемония началась недолгой вступительной речью, затем Жуков спросил меня, прочитал ли я акт о капитуляции. Я ответил утвердительно. Второй вопрос гласил: «Готовы ли вы признать документ действительным и засвидетельствовать это своей подписью?» Я громко и отчетливо произнес «Да!» Началась церемония подписания акта, затем подтверждение под присягой, как только я скрепил документ своей подписью. После завершения церемонии мы покинули зал через ближайшую дверь позади нас.

Мы вернулись в маленький особняк. В помещении, где мы провели вторую половину дня, был сервирован стол с винами и холодными закусками. В соседних комнатах были устроены импровизированные спальни — отдельная постель с чистым бельем для каждого. Русский офицер—переводчик сообщил об ожидаемом визите русского генерала — ужин будет сервирован сразу же после его прихода. Через четверть часа появился представитель Жукова, встречавший нас на аэродроме, извинился за опоздание и пригласил нас к столу. Меню было значительно скромнее, чем мы к тому привыкли, однако пришлось удовольствоваться и этим. Однако я не преминул заметить, что мы к такой «роскоши» не привыкли. Русский генерал почувствовал себя весьма польщенным. Мы полагали, что называемая русскими «закуска» на этом завершена, и мы будем предоставлены сами себе. Вскоре выяснилось, что «последний обед приговоренного к смерти» еще и не начинался! Когда все мы

давно уже были сыты, подали первую перемену блюд — мясное жаркое и т. п. На десерт — свежезамороженная клубника, которую я попробовал первый раз в жизни. Наверняка эта клубника попала на наш стол из берлинского ресторана Шлеммера, поскольку и вина были немецких марок. Наконец после ночной трапезы русский переводчик, игравший роль гостеприимного хозяина, оставил нас. Я назначил вылет на 06.00, и все отправились отдыхать.

Мы поднялись в 05.00 и скромно позавтракали. Я намеревался выехать в 05.30, однако сопровождавшие попросили дождаться начальника штаба Жукова, который хотел переговорить со мной по поводу отлета немецкой делегации. Мы вышли на улицу и ждали его приезда у готовых к отъезду машин. Генерал предложил мне задержаться в Берлине и отсюда попытаться установить связь с Восточным фронтом и отдать приказ о капитуляции, а также оповестить полевых командиров об отсрочке карательных санкций, о чем я говорил вчера маршалу Жукову. Я ответил, что это не займет много времени, если мне будет гарантирована устойчивая связь и… немецкие шифровально—кодовые таблицы. Генерал отправился на консультацию к Жукову. Через некоторое время он вернулся с известием, что в настоящий момент отправка радиограмм невозможна по техническим причинам, тем не менее Жуков настоятельно просит меня задержаться в Берлине на некоторое время.

Все стало на свои места — теперь мне стал понятен скрытый смысл всех этих проволочек. Я потребовал незамедлительного вылета во Фленсбург. Мне нужно срочно связаться с войсками и сообщить им об изменениях условий капитуляции. В противном случае я не могу нести ответственность за последствия. Я подписал акт о капитуляции, только заручившись солдатским словом маршала Жукова. Пусть это ему и передадут.

Генерал вернулся через 10 минут и сообщил, что самолет будет готов к вылету через час. После этих слов я сразу же сел в машину с Бюркнером, Бем—Теттельбахом и переводчиком. Из разговоров с коллегами выяснилось, что неуклюжие попытки задержать меня под любым предлогом выглядели со стороны еще более заметными, чем это показалось мне в самом начале. Они рассказали мне, что русские хорошо покутили минувшей ночью, и, судя по всему, гулянка в столовой еще в самом разгаре.

Переводчик спросил меня, какой дорогой я хотел бы проехать на аэродром. Мы поехали через центр: мимо ратуши, замка, по Унтер—ден—Линден и Фридрихштрассе. Следы чудовищных разрушений и уличных боев были особенно заметны между

Линден и Бельальянсплац: сожженные немецкие и русские танки, полузасыпанные обломками рухнувших домов, перегораживали Фридрихштрассе во многих местах. Мы вылетели прямым рейсом во Фленсбург и испытали некоторое облегчение, когда британская машина поднялась в воздух. Около 10.00 транспортный самолет Королевских ВВС совершил посадку на аэродроме Фленсбурга.

Для упорядочения служебных сношений в ходе прекращения военных действий и сдачи немецких войск на продиктованных победителями условиях мы обменялись рабочими группами офицеров с Монтгомери и Эйзенхауэром. В субботу, 12 мая, прибыли американцы. Мы разместили их на роскошном пассажирском теплоходе «Патрия» — первые консультации должны были начаться на следующий день около полудня. Дениц был приглашен к 11.00, я — к 11.30.

После того как Дениц завершил свой короткий визит, на борт «Патрии» поднялся я. Американский генерал Рукс сообщил мне, что в 14.00, т. е. через два часа, я буду взят под стражу и препровожден в лагерь военнопленных. Мне следует сдать дела генералу Йодлю. В качестве сопровождающего мне разрешено взять с собой офицера, но не генерала, денщика и 150 кг личного багажа.

Я поднялся из—за стола, отсалютовал маршальским жезлом и отправился в штаб—квартиру в сопровождении приехавших со мной Бюркнера и Бем—Теттельбаха. Я доложил Деницу о предстоящем убытии — о моем аресте его оповестили заранее — и назначил в качестве сопровождающих меня лиц 1–го адъютанта начальника штаба ОКВ оберстлейтенанта Эрнста Йона фон Фройнда и моего водителя Менха, тем самым обеспечив им вполне сносное пребывание в плену. Я передал Йодлю бумаги и ключи, Шимонски должен был отвезти на курьерском самолете личные вещи и письмо моей жене в Берхтесгаден. К сожалению, все мои вещи, включая письмо жене и книгу учета личных расходов, были конфискованы у моего верного «Шимо» британцами.

Мы летели в не известном мне направлении через пол—Германии и вечером совершили посадку на люксембургском аэродроме. В Люксембурге со мной впервые стали обращаться как с военнопленным и отправили в Мондорф, в лагерь для интернированных лиц. Незадолго до моего прибытия сюда был препровожден Зейсс—Инкварт.

Еще во Фленсбурге я располагал полной свободой — генерал Детлефтсен сопроводил меня на аэродром в моей собственной машине. За два часа до отлета, в моей прошлой «бесконвойной»

жизни, я мог совершенно свободно покончить жизнь самоубийством. Не сделал этого только потому, что даже и предположить не мог, куда приведет и где закончится мой скорбный путь.

До 13.5.45 я содержался под стражей в лагере военнопленных в Мондорфе, с 13.5.45 — в одиночной камере Нюрнбергской тюрьмы. 13.10.46 ожидаю приведения в исполнение смертного приговора.

Закончено 10.10.1946.

Глава 2
Документы и последние письма
Воззвание к ОКВ после пленения

Генерал—фельдмаршал Кейтель
Лагерь военнопленных, 15.5.1945

Ко всем офицерам, военным чиновникам, солдатам и вольнонаемным служащим штаба верховного главнокомандования вооруженными силами Германии

В полдень 13 мая я был взят в плен по приказу генерала Эйзенхауэра, верховного главнокомандующего войсками союзников в Европе.

За два часа, оставшиеся до моего отлета в лагерь военнопленных, мне не удалось проститься с моими боевыми товарищами, преданно и самоотверженно прошагавшими со мной трудными дорогами войны. Хочу сделать это сейчас, разлученный с вами километрами и обстоятельствами.

Хочу выразить искреннюю благодарность и признательность каждому из вас — не только за ваш самозабвенный труд и плоды тяжелой солдатской работы, но и за испытанную в боях надежность и преданность, а также за оказанное мне личное доверие. Только возможность безраздельно положиться на вас во всех моих начинаниях давала мне силы в многотрудном исполнении моих служебных обязанностей. И если нам удалось превратить ОКВ в образцовую командную инстанцию и содружество единомышленников, то это отнюдь не моя, а ваша общая заслуга.

Мне очень тяжело осознавать, что отныне я принужден навсегда покинуть тесный круг соратников и друзей. Как военнопленному мне предстоит предстать перед судом по обвинению в совершении воинских преступлений. Однако мое сокровенное желание — избавить каждого из вас от такой судьбы. На этом моя военная карьера завершилась, видимо, и жизненный путь подошел к концу.

Пока стучат ваши сердца, а ОКВ по—прежнему служит нашему Отечеству, требую от вас во исполнение моей последней воли сделать все от вас зависящее, приложить все ваши усилия и послужить верховному главнокомандующему вермахтом гросс—адмиралу Деницу во имя будущего Германии!

Генерал—фельдмаршал Кейтель

Последние письма из Нюрнберга

В. Кейтель — старшему сыну

12.1.46

…Ты все узнаешь о моей дальнейшей судьбе, а процесс будет продолжаться еще долгие недели. Это суровая проверка на прочность и мое последнее обязательство перед немецким народом и историей…

В. Кейтель — доктору Нельте

21.5.46

После уничижительной характеристики моей скромной персоны со стороны гросс—адмирала Редера моя защита вступает в новую стадию при полностью изменившихся обстоятельствах. В самом деле, всегда можно выстроить убедительную линию защиты против конкретных и предметных обвинений, выдвинутых посторонними лицами, и даже добиться снисхождения со стороны суда. Редер же ни разу не говорил со мной о моих упущениях и недостатках в работе. А ведь он просто был обязан это сделать и предъявить законные претензии, если, по его разумению, мои действия наносили ущерб интересам вермахта. В Берлине я неоднократно бывал в его кабинете на обсуждениях разнообразных вопросов, в том числе и министерского характера, достаточно часто присутствовал во время его докладов в ставке фюрера. У него было немало возможностей честно и открыто указать мне на ошибки или же обосновать опасность проводимого мной курса на посту начальника штаба ОКВ, тем более что я не раз обращался к нему за советом в стремлении завоевать его доверие или же сохранить его приязнь.

После всех вскрывшихся на суде обстоятельств и получив столь сокрушительный удар в виде обличительной характеристики, данной мне одним из представителей высшего военного руководства Германии, считаю, что не найду в этом суде понимания тех непреодолимых противоречий между моим искренним стремлением к возрождению отечества и субъективной невозможностью реализовать мои намерения в

сочетании с допущенными ошибками, что, в конечном итоге, и определяло характер моей деятельности в ОКВ.

Организация моей защиты на процессе представляется мне отныне неразрешимой этической проблемой. Зная о том, какими благороднейшими мотивами руководствовались вы, дав согласие выступать на процессе в роли моего адвоката, хочу облегчить вам принятие решения и уверяю, что вполне пойму вас, если вы откажетесь представлять интересы столь сомнительной личности.

Я испытываю искреннее чувство стыда и только поэтому не решился высказать вам мои соображения при встрече.

С чувством глубокой благодарности и почтения.

Искренне ваш В. Кейтель

В. Кейтель — Луизе Йодль

9.6.46

Глубоко уважаемая, дорогая моя госпожа Йодль!

У меня возникла настоятельная потребность рассказать вам, как порадовала меня защита на прошлой неделе. Твердость, достоинство и непоколебимая убежденность в незыблемости солдатской чести были для меня не менее важны, чем четкость, внятность и довлеющая мощь неопровержимых доказательств. Колоссальный труд и ваша неоценимая помощь не остались втуне, а будут сторицей вознаграждены. Все, что мне не удалось высказать или же было упущено, сохранено в протоколах и документах. К счастью, главные позиции моего обвинения не имеют никакого отношения к Йодлю и могут быть легко опровергнуты его защитой. Мне остается только вспоминать об этом воистину историческом дне с чувством глубочайшего удовлетворения и благодарности.

В. Кейтель — доктору Отто Нельте

1.10.46

Смертный приговор не стал для меня неожиданным, а вот способ его исполнения, откровенно говоря, потряс. Настоятельно прошу вас в очередной раз оказать мне бескорыстную и самоотверженную помощь и подать прошение о замене повешения достойной солдата смертной казнью. Нецелесообразно просить большего… Хочу в очередной раз засвидетельствовать свое непоколебимое доверие к практикуемым вами методам защиты и поблагодарить за бесценные советы и рекомендации. Думаю, что ни один другой защитник не смог бы представлять интересы своего клиента с такой личной заинтересованностью, неутомимостью и самоотверженностью.

Лиза Кейтель — доктору Нельте

1.10.46

…Только что написала мужу последнее письмо и надеюсь, что вам удастся передать его. Приговор был именно таким, каким мы и ожидали его услышать. Надеюсь, что мужу и Йодлю будет явлена «Божеская милость» и они уйдут из жизни приличествующим солдату образом. В противном случае — и это очень важно — никаких прошений о помиловании…

В. Кейтель — старшему сыну

3.10.46

Видимо, это мое последнее письмо к тебе. Полагаю, что приговор будет приведен в исполнение через 14 дней после утверждения. У меня было достаточно времени, чтобы переосмыслить весь мой жизненный путь и держаться на процессе именно так, а не иначе. Я не раскаиваюсь ни в одном из произнесенных мной в Нюрнберге слов и не отрекусь ни от одного из них. Отвечая на любые, самые нелицеприятные, вопросы, я стремился говорить правду и только правду. Тем и горжусь, что чист перед своей совестью, перед будущими поколениями немцев и перед лицом истории…

Вице—адмирал Бюркнер — фельдмаршалу Кейтелю

4 октября (19)46

Господин генерал—фельдмаршал!

Все хорошее и доброе, что было сделано вами в жизни, да и в этой злополучной войне, не канет в Лету, пусть сегодня это могут постичь далеко не все, ибо было сказано: «Да воздастся каждому по делам его…»

Благодарен судьбе за то, что она свела меня с таким человеком, как вы, за все доброе и хорошее, что видел от вас я и все ваши сослуживцы за годы совместной службы. Они всегда будут помнить вас и думать о вас, как это делаю я…

Преданный вам Леопольд Бюркнер

Генерал—фельдмаршал Кейтель — Контрольному совету[104]

5 октября 1946

Если моя жизнь станет той искупительной жертвой, которая пойдет на благо немецкого народа и послужит снятию вины с вермахта, я с чувством исполненного долга и без колебаний положу ее на алтарь Отечества.

У меня есть только одно желание — принять смерть от пули…

Надеюсь, что члены Контрольного совета, старые солдаты—фронтовики, проявят понимание того, что моя вина выросла из

основы всех основ любой армии мира — исполнительности, солдатского долга и верности присяге. Если в порыве усердия я перешагнул границы солдатской добродетели, что, собственно, и стало предметом судебного разбирательства на этом процессе, то готов искупить свою ошибку кровью и принять смерть, приличествующую солдату во все времена.

Последнее слово подсудимого Кейтеля

Со скамьи подсудимых на этом процессе я не раз пытался очертить границы моей ответственности в рамках исполнения непосредственных служебных обязанностей, сущность и содержание которых изложены в моих показаниях, материалах следствия и заключительной речи моего защитника.

Я не собираюсь отрицать или умалять степень моей вины в том, чему суждено было случиться.

Во имя свершения правосудия и торжества справедливости считаю своим долгом перед историей прокомментировать некоторые ошибочные суждения, прозвучавшие в заключительных речах обвинения.

В заключительной речи господина главного обвинителя от Соединенных Штатов Америки, Роберта Джексона, прозвучали слова:

> «Кейтель, безвольное и послушное орудие, передал партии орудие агрессии…»

«Передача» вермахта партии не имеет никакой связи с моими функциями ни до 4.2.1938, ни после, когда Гитлер провозгласил себя верховным главнокомандующим вермахтом и безраздельно властвовал над армией и над партией. Не могу припомнить, чтобы в ходе этого процесса суду были предъявлены изобличающие меня в совершении этого правонарушения доказательства.

Представленные суду доказательства подтвердили ложность утверждения:

«Кейтель руководил вооруженными силами при осуществлении ими преступных намерений».

Это утверждение противоречит и заключениям англо—американской экспертизы, согласно которым я не имел командных полномочий.

Поэтому решительно неправ и господин британский обвинитель Хартли Шоукросс, охарактеризовавший меня как:

«…фельдмаршала, отдававшего приказы вермахту…»

И если он ложно приписывает мне слова, что я «…не имел представления о том, к каким практическим результатам это могло привести», то я имел в виду нечто другое, когда давал показания со скамьи подсудимых, а именно:

«Если приказ был отдан, я действовал в соответствии с моим пониманием служебного долга, не давая сбить себя с толку размышлениями о возможных, но не всегда предсказуемых последствиях».

Доказательный материал не дает оснований утверждать, что:

«Кейтель и Йодль не могут отрицать ответственности за действия отдельных спецподразделений, в тесном контакте с которыми вели боевые действия их командиры».

ОКВ было отстранено от командования на советско—русском театре военных действий, не подчинялись ему и командиры полевых частей.

Господин французский обвинитель Шампетье де Риб заявил в своей заключительной речи:

«Необходимо вспомнить страшные слова подсудимого Кейтеля о том, что «человеческая жизнь на оккупированных территориях абсолютно ничего не стоит».

Эти «страшные слова» — не мои. Не я их сочинил, равно как не я положил их в основу приказа. Однако испытываю угрызения совести, потому что мое имя оказалось запятнано этим «приказом фюрера».

Господин де Риб развивает свою мысль:

«Исполнение этого приказа — речь идет о борьбе с партизанами — осуществлялось на основании распоряжений командующих группами армий, в свою очередь, руководствовавшихся прямыми указаниями подсудимого Кейтеля».

Опять появляются пресловутые «указания Кейтеля», хотя в обвинительном заключении французской стороны черным по белому записано, что:

> «Кейтель как начальник штаба ОКВ не имел права отдавать приказы непосредственно главнокомандующим составными частями вермахта».

В заключительной речи главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко говорится:

> «Начиная с документов о расстреле политических работников Кейтель, этот солдат, как он любит себя называть, игнорируя присягу, беззастенчиво врал на

предварительном следствии американскому обвинителю, утверждая, что этот приказ носил характер ответной репрессии и что политических работников отделяли от остальных военнопленных по просьбе последних. На суде он был изобличен».

Конец цитаты.

Речь идет о документе 884–PS.

Упрек во «лжи» лишен каких—либо оснований. Советско—русское обвинение упустило из виду, что протокол моего допроса в связи с данным вопросом не принят судом военного трибунала в качестве документального свидетельства. Таким образом, он не может быть использован и в заключительной речи обвинителя. Я не видел протокол предварительного допроса, не знакомо мне и содержание документа. Если текст протокола допроса аутентичен, то он должен содержать и разъяснение заблуждения, возникшего в результате того, что он мне так и не был предъявлен.

На завершающей стадии процесса в мой адрес были выдвинуты тяжелые обвинения в том, что якобы я имел отношение к подготовке бактериологической войны. Свидетель, бывший генерал—майор медицинской службы доктор Шрайбер, показал:

«Начальник штаба ОКВ фельдмаршал Кейтель издал приказ о развязывании бактериологической войны против Советского Союза».

Давая показания на процессе, свидетель заговорил о «приказе фюрера». Однако и это ни в коей мере не соответствует истине.

Показания оберста Ульриха Бюркера, руководителя организационного отдела штаба оперативного руководства, приобщенные к материалам защиты с согласия представителей обвинения, свидетельствуют, что осенью 1943 г. я резко и категорически отклонил предложения военно—санитарного управления вермахта и управления вооружений сухопутной армии об активизации опытов с бактериологическими штаммами, поскольку это запрещено конвенциями.

То же самое может засвидетельствовать и генерал—оберст Йодль. Подобного рода приказы никогда не издавались в Германии, более того, Гитлер неоднократно отклонял предложения о развертывании бактериологической войны. Таким образом, показания свидетеля доктора Шрайбера можно квалифицировать как заведомо ложные.

Я взял себе за правило говорить правду и одну только правду даже в тех случаях, когда свидетельствовал против самого себя,

во всяком случае способствовал установлению истины по всему кругу рассматриваемых вопросов, несмотря на объемы практической деятельности начальника штаба ОКВ.

По завершении процесса мне хотелось бы столь же открыто и беспристрастно высказаться по поводу его главных итогов. В ходе судебного процесса мой защитник сформулировал два принципиальных вопроса — первый из них еще несколько месяцев назад:

«Вы не исключаете такую возможность, что смогли бы отказаться от славы триумфатора в случае успешного завершения войны?»

Я ответил:

«Ни при каких обстоятельствах, а наоборот, почел бы за честь…»

Наконец, второй вопрос:

«Как бы вы поступили, доведись вам оказаться в аналогичной ситуации?»

Я ответил:

«Я бы не позволил втянуть себя в грязную и преступную игру и, скорее всего, избрал бы смерть».

Я готов выслушать приговор Высокого Суда на основании этих двух ответов.

Я верил, и я заблуждался. Я был не в состоянии предотвратить то, что следовало предотвратить. И в этом моя вина.

Печально сознавать, что солдатские добродетели — исполнительность и преданность — были использованы в столь низменных целях. Печально и то, что мне так и не удалось определить ту границу, за которой выполнение солдатского долга превращается в свою противоположность.

Это мой рок!

Хочется верить в то, что, осознав и переосмыслив гибельность причин и чудовищность последствий войны, немецкий народ воспрянет к новому и прекрасному будущему в мировом сообществе народов.

«Таков конечный вывод мудрости земной»

Для того чтобы дать правильную оценку занимаемой мной и многими военными позиции, ставшей предметом судебного разбирательства на данном процессе, требуется предварительно исследовать такие вопросы, как воинский менталитет немецкого

народа в целом и его офицерского корпуса в частности, а также влияние идей национал—социализма.

Мне бы не хотелось останавливаться на подробном анализе причин и следствий, которые заставляли нас, немцев, издревле поселившихся в центральноевропейских областях, жить в вечном напряжении и воспитывать подрастающие поколения в духе постоянной боеготовности. Причины известны. Воинственной нацией немцев сделали традиции, обстоятельства и национальный склад характера. Именно немцы явили миру выдающегося философа войны генерала Клаузевица. Его учение о войне признавалось верным не только в Германии, но и в других странах — теоретиками и практиками военного дела, как в прошлом, так и в настоящем. Мы, немецкие генералы, были воспитаны на его трудах. Главные положения его военной философии были для нас святыми и неприкосновенными.

Напомню некоторые из них:

> «Война — это продолжение политики другими средствами».
>
> «Если война — составная часть политики, то она неизбежно приобретает характер таковой».
>
> «Лучшая стратегия — быть сильным везде».
>
> «Война опирается на могучие внутренние силы нации».
>
> «Во время войны нет ничего важнее, чем повиновение».

Адольф Гитлер усердно изучал военную науку и считал, что учение Клаузевица является военной формой выражения основополагающих партийных принципов национал—социализма. Гитлер руководствовался учением Клаузевица при строительстве вермахта и ведении военных действий, равно как и доктринами Людендорфа — ярого поборника тотальной войны. Людендорф говорил:

> «Война и политика — последствия и проявления инстинкта самосохранения народа».

Для того чтобы понять некоторые приказы Гитлера, следует задуматься над его словами:

«Самое безжалостное оружие гуманно, если ведет к скорейшей победе».

> «Если я принимаю решение нанести удар по противнику, то не веду с ним многомесячных

переговоров, а молниеносно обрушиваюсь на него всей мощью моих дивизий».

Когда Гитлер и его партия пришли к власти, Германия переживала тягчайший финансово—экономический кризис и находилась в состоянии морально—идеологического застоя. Вооруженные силы были деморализованы и унижены грабительскими условиями Версальского договора. Гитлер воплотил в себе мечты нескольких поколений немцев о возрождении, а весь немецкий народ — независимо от партийной принадлежности — поверил, что энергичный лидер в состоянии поднять с колен лежащее в руинах отечество.

Спасение отечества считается у всех народов высшим моральным долгом каждого гражданина. Гитлер поставил перед собой несколько целей: возродить национальный характер и достоинство немецкого народа, укрепить гражданскую дисциплину и реформировать вооруженные силы. Шаг за шагом, по словам Черчилля, — от ремилитаризации Рейнской зоны до восстановления военного суверенитета рейха и введения всеобщей воинской повинности — Гитлер демонстрировал Европе, что в состоянии добиться своих целей мирным путем. Он заключил с Англией военно—морское соглашение, что было воспринято в обществе с энтузиазмом и оптимизмом.

Не буду скрывать, что я вместе с другими представителями вооруженных сил был убежден в том, что перевод экономики на военные рельсы в целях укрепления национальной безопасности есть веление времени и настоятельная государственная необходимость.

В конце концов, все мы надеялись на то, что в рамках ревизии условий Версальского договора Гитлеру действительно удастся вернуть в состав рейха аннексированные немецкие земли.

В этом смысле я разделял позицию фюрера и был его единомышленником, как и миллионы немцев, для кого эти цели были первоочередными и священными. Каждый из нас трудился во имя этой цели в меру своих профессиональных возможностей. В случае победоносного завершения войны каждый из нас с чувством законной гордости и исполненного долга мог сказать, что он тоже внес свой скромный вклад в достижение великой цели. Именно поэтому мне и представляются недостойными попытки некоторых лиц под любыми предлогами и посредством вымышленных доказательств отмежеваться от принадлежности к «группе лиц, связанных круговой порукой», если воспользоваться лексикой национал—социалистического новояза.

Еще раз повторю: все мы с воодушевлением восприняли идеи

реформирования вооруженных сил. Излишне оспаривать тот факт, что неправедные условия Версальского договора гнетущим образом действовали на нас, солдат. Мы всячески пытались обойти ограничения еще до прихода Гитлера к власти, а после восстановления военного суверенитета делали все возможное, чтобы усилить, оснастить и вооружить армию как качественно, так и количественно. Тогда я считал это своим долгом, продолжаю считать так и сейчас.

Оказалось, что идеи национал—социализма способствуют воспитанию солдат и офицеров в духе дисциплинированности, жертвенности и высокой сознательности. Однако это не означало безоговорочного признания нами всех пунктов национал—социалистической программы, многие из которых противоречили нашим убеждениям.

Партийные инстанции не имели к нам никакого отношения, однако вермахт был пропитан теми идеями, выразителем которых был сам Адольф Гитлер.

Личность фюрера, обладавшая могучей силой внушения, и его экзальтированное поведение не могли не оказать влияния на меня и ближайшее окружение Адольфа Гитлера. Это тотальное психологическое давление перевернуло все наше бытие и сознание, поскольку мы видели, каких выдающихся успехов добивается он на военно—политическом поприще.

Даже генералитет, первоначально относившийся к нему сдержанно, а в некоторых случаях — негативно, со временем стал его приверженцем и почитателем.

Однако было бы ошибкой представлять все так, будто бы нам, солдатам, было известно абсолютно все, что творилось за кулисами рейха, и мы были активными участниками тех противоправных действий, о которых мы узнали, главным образом, из документов обвинения на этом процессе. Что касается меня лично, то события, непосредственно предшествовавшие началу войны с Польшей, стали известны мне только сейчас — я испытал настоящий шок, когда осознал, что можно было избежать этой самой ужасной из всех войн.

Я не пытаюсь уйти таким образом от ответственности, а только высказываю предположение, что знание всех обстоятельств дела могло существенным образом изменить расстановку сил на высшем военно—политическом уровне.

Начало польской кампании представляется мне тем поворотным пунктом, после которого колесо истории покатилось под уклон — и так до самого горького конца. Чтобы не допустить развязывания войны против Советского Союза, я однажды предпринял демарш за спиной фюрера и высказал свои резкие

возражения рейхсминистру иностранных дел, а затем вручил докладную записку самому Гитлеру. Однако все это было напрасно. По идеологическим причинам — несмотря на мои неоднократные выступления против конфронтации с Россией — фюрер считал войну с Советами неизбежной. Сейчас мне ясно, что Гитлер не был свободен в принятии решений и не располагал свободой действий, хотя никогда и не признавал этого. Даже при осознании чудовищной ответственности перед собственным народом он никогда не рассматривал единственно возможную альтернативу: остановиться и положить конец военным приготовлениям. Следует признать, что принятие такого решения на фоне наших значительных военных успехов было довольно непростым делом, если не сказать — невозможным, учитывая неумение просчитать возможные последствия военной авантюры и заниженную оценку военно—промышленных потенциалов наших главных противников — Советской России и США. Кроме того, отказ от войны означал бы для фюрера и отречение от идеалов национал—социализма, что было в принципе невозможно.

Только эта жертва позволила бы нам сохранить рейх и уберечь Германию, да и остальной мир, от всего происшедшего, чему нет и не может быть оправдания. Человечество еще не нашло слов, чтобы описать весь ужас и размах чудовищных катаклизмов, потрясших основы цивилизации.

В то время военные, исключенные из дипломатического процесса, имели весьма смутное представление об оборонном потенциале стран вероятного противника. Все мы находились под гипнотическим влиянием личности фюрера, и армия покорно следовала за своим верховным главнокомандующим — факт, решительно непостижимый для посторонних, особенно иностранцев. Невероятные успехи в ходе польской, а потом и французской, кампании произвели на военных — в том числе и на меня — настолько сильное впечатление, что мы уверовали в его военный гений и безоговорочно доверялись ему там, где опыт и здравый смысл должны были бы подсказать нам прямо противоположные действия. В этом наша вина, и мы несем ответственность перед Богом, миром и нашим многострадальным народом.

С этого момента и начался процесс дегенерации военного искусства. Все, что происходило на Востоке, можно объяснить только партийно—политической ненавистью Гитлера к мировоззренческому врагу. Гитлер и генералы, руководствовавшиеся его выступлениями, были убеждены в том, что речь идет о жизни и смерти целых народов. Отсюда —

безжалостность приказов, прежде всего приказа от 17.6.1941 г., который я всячески пытался смягчить, как при отправке в войска, так и при его исполнении. Гитлер был убежден: обычаи войны и уложения военного права утратили свой первоначальный смысл и не будут играть сколько—нибудь заметной роли в битве на Востоке. Советская Россия не признает международных конвенций и не намерена соблюдать писаные и неписаные законы войны.

Ясно, что вышедшие из—под его пера указы и директивы по мере прохождения по инстанции приобретали все более зловещий характер, ибо в действие вступал фактор непредсказуемости: личное отношение среднего командного звена и интерпретация приказов младшим начальствующим составом. Контроль над исполнением такого рода приказов стал невозможен, а впоследствии вышел за рамки компетенции высшего военного руководства.

Достоверно известно, что многие генералы и полевые командиры отказались от буквального исполнения приказов фюрера и руководствовались в своих действиях накопленным боевым, да и жизненным, опытом. В личных беседах с офицерами я часто повторял, что приказы фюрера — не карт—бланш и не индульгенция с отпущением будущих грехов, а, в конечном итоге, дело их совести и вопрос здравого смысла. Заключение о том, умиротворена или усмирена подконтрольная им территория, — их частное решение, соответственно, вопрос применения или ограничения указов находится в их исключительной компетенции.[105] Как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад, поэтому зло свершилось.

Считаю своим долгом заявить, что до начала похода против России уровень правосознания в войсках был достаточно высок и вермахт воевал в строгом соответствии с духом и буквой законов о формах и методах ведения боевых действий. Приказы, подобные тем, которые отдавал генерал фон Рейхенау,[106] были исключением из правил. Я убежден, что строгие меры принимались только в тех областях, где того требовала оперативная необходимость, а также для обеспечения безопасности собственных войск в условиях элементарной нехватки сил и растянутости фронта.

Наибольшее зло в ход войны на Восточном фронте привнесли чуждые солдату партийно—политические структуры, с которыми вермахт находился в состоянии перманентного внутреннего противостояния.

Я глубоко потрясен масштабами репрессий и злодеяниями этих неармейских организаций в Советской России. Верховное

главнокомандование вермахта не несет непосредственной ответственности за совершенные преступления. Фронтовая и прифронтовая полосы входили в сферу компетенции главнокомандования сухопутных сил и рейхсминистерства Розенберга, назначавшего гражданских комиссаров— уполномоченных по управлению оккупированными территориями. Я не снимаю с себя вины, насколько она может быть вменена передаточному звену, отправлявшему в войска приказы и прочие распоряжения и указания фюрера.

К вопросу о развязывании агрессивной и захватнической войны замечу следующее: генерал—оберст Йодль записал в дневнике:

10.8.1938:

«Ностальгирующий генштаб предается реминисценциям, считая себя ответственным за принятие политических решений — вместо того чтобы молча повиноваться и заниматься своими непосредственными служебными обязанностями».

13.9.1938:

«Генералитет против наступления на Чехию».

Главное — повиновение. В свое время и я разделял точку зрения Йодля. Как я уже говорил, мы воспринимали себя как рабочий штаб фюрера, предназначенный для реализации разработанных им оперативно—стратегических планов и не имевший ничего общего с политическими мотивами и подоплекой событий.

Я не собираюсь защищать «политические игрища», оправдывать методы дипломатической маскировки и дезинформации, а также многочисленные нарушения взятых на себя обязательств и данных обещаний. Не соответствовало бы истине и утверждение о том, будто бы мы пребывали в неведении относительно этих и других проявлений «высокой политики». Истина же заключается в том, что по служебной линии мы действительно не имели ни малейшего касательства к этим вещам. Совершенно недвусмысленно Гитлер дал нам понять, что политическая сторона дела нас не касается. Ваше дело — это выполнение оперативных приказов, так называемых «директив», указаний и распоряжений верховного главнокомандующего вооруженными силами рейха.

Я не отрицаю, что я знал обо всех приказах — независимо от того, подписаны они мной или нет — и обсуждал их вместе с фюрером и Йодлем. Не отрицаю и того, что отправлял их главнокомандующим соответствующими составными частями вермахта и контролировал исполнение.

Генерал—оберст Йодль и я не всегда соглашались с

оперативными решениями верховного главнокомандующего, однако беспрекословно принимали их к исполнению. В беседах с фюрером термины «оборонительная война» или «наступательная война» нами никогда не употреблялись. В соответствии с вышеизложенной точкой зрения, это в круг наших служебных полномочий и обязанностей не входило.

Готов понести ответственность за такую линию поведения и образ действий.

Приложение

Один из мифов сталинской и постсталинской историографии представлял партийных, государственных и военных руководителей Третьего рейха недоучками и в целом психически неполноценными людьми. Вопрос о дееспособности нацистской элиты возник перед организаторами процесса в Нюрнберге. Группа американских судебных психиатров и военных психологов провела тестирование подследственных по армейским методикам и технологиям, разработанным на основе теста «Векслер—Беллвью». Проверку выдержали все — даже Гесс, изображавший из себя душевнобольного. По заключению авторитетной медицинской комиссии, его действия носили «характер преднамеренно—умышленной симуляции». Все испытуемые показали результаты, превышающие средний уровень — 90/100 по 160–балльной шкале. Ялмар Шахт, президент Рейхсбанка, рейхсминистр экономики (1934–1937) и экономический советник Гитлера по перевооружению Германии, Артур Зейсс—Инкварт, министр внутренних дел Австрии и рейхсминистр иностранных дел в последние дни войны, Карл Дениц, гросс—адмирал, главнокомандующий кригсмарине и преемник Гитлера, и Герман Геринг, рейхсмаршал, главнокомандующий люфтваффе, показали уровень интеллекта, граничащий с гениальностью!

Для проверки подследственных применялась немецкоязычная версия теста, включавшая в себя:

I. Вербальные тесты памяти и использование понятийных категорий

1. Объем памяти (запоминание серии чисел).
2. Арифметические действия возрастающей сложности.
3. Тест на логические связи.
4. Тест на ассоциативные связи.

II. Тесты на наблюдательность и сенсорно—моторную координацию

1. Подстановочный тест.
2. Сборка предметов (головоломки и т. п.).
3. Преобразование изображений (кубики, мозаика и т. п.).
4. Реконструкция изображений.

Результаты тестирования уровня интеллекта

Ялмар Шахт[107]

143
Артур Зейсс—Инкварт
141
Герман Геринг
138
Карл Дениц
138
Франц фон Папен[108]
134
Эрих Редер[109]
134
Ганс Франк
130
Ганс Фриче
130
Бальдур фон Ширах
130
Иоахим фон Риббентроп
129
Вильгельм Кейтель
129
Альберт Шпеер
128
Альфред Йодль
127
Альфред Розенберг
127
Константин фон Нейрат
125
Вальтер Функ
124
Вильгельм Фрик
124
Рудольф Гесс
120
Фриц Заукель
118
Эрнст Кальтенбруннер
113
Юлиус Штрейхер[110]
106

Таблица 1. Чины вермахта и звания в РККА

Генералы
Рейхсмаршал /Соответствующего звания нет
Генерал—фельдмаршал/Маршал Советского Союза
Генерал—оберст/Генерал армии
Генерал артиллерии (пехоты и т. д.) /Генерал—полковник
Генерал—лейтенант /Генерал—лейтенант
Генерал—майор/Генерал—майор

Штаб—офицеры

Оберст /Полковник
Оберстлейтенант/Подполковник
Майор/Майор

Капитаны

Гауптман/Капитан
Ротмистр/Капитан кавалерии

Лейтенанты

Оберлейтенант /Старший лейтенант
Лейтенант/Лейтенант

Унтер—офицеры с офицерским темляком

Штабс—фельдфебель /Соответствующего звания нет
Штабс—вахмистр/Соответствующего звания нет
Гауптфельдфебель/Ротный старшина (должность)
Гауптвахмистр/Эскадронный (батарейный) старшина
Обер—фенрих /Кандидат в офицеры (выпускник училища)
Обер—фельдфебель /Старшина (пехота)
Обер—вахмистр /Старшина (арт., кав. и танк. войск)
Фельдфебель /Старший сержант (пехота)
Вахмистр/Старший сержант (арт., кав. и т. д.)
Фенрих /Кандидат в офицеры после 1 курса воен. Училища
Унтер—фельдфебель /Сержант (пехота)
Унтер—вахмистр /Сержант (артиллерия и т. д.)
Унтер—офицер /Младший сержант
Обер—егер (унтер—офицер егерской части) / Соответствующего звания нет

Рядовые

Главный ефрейтор (люфтваффе) /Соответствующего звания нет
Штабс—ефрейтор /Соответствующего звания нет
Обер—ефрейтор /Соответствующего звания нет
Ефрейтор /Ефрейтор
Обер—гренадер (пехота) /Соответствующего звания нет
Обер—канонир (артиллерия) /Соответствующего звания нет
Обер—райтер (кавалерия)/Соответствующего звания нет
Гренадер /Рядовой боец
Канонир /Соответствующего звания нет
Райтер /Соответствующего звания нет

Таблица 2. Обозначение отделов штаба

Ia
оперативный отдел
Ib
отдел тыла
Ic
разведывательный отдел
IIa
дела начсостава
IIb
дела младшего начальствующего и рядового составов
III
юридический отдел
IVa
отдел интенданта (снабжения)
IVb
санитарная часть
IVc
ветеринарная часть
IVd
отдел духовенства
IVZ
финансовый отдел
V
автотранспортный отдел

notes

1

Старинные немецкие земельные меры: 1 морген — 0,25 га, 1 рута — 14 кв. м.

2

Горный мастер.

3

От латинского «шестой» — первый класс гимназии при нумерации классов в нисходящем порядке.

4

От латинского «первый» — два старших класса гимназии.

5

Сравнительную таблицу воинских званий см. на с. 410. *Изд.*

6

1–й офицер оперативного управления генерального штаба.

7

См. Приложение: «Нюрнбергский тест».

8

Некоторые письма начинаются с обращения «Дорогой отец» и заканчиваются «Твой преданный сын Вильгельм». Адресаты — Карл Кейтель в Хельмшероде (1853–1934) и Арманд Фонтен в Вюльфеле (1845–1920). Большинство писем Лизы Фонтен адресовано ее матери Анне Фонтен, урожденной Берге. Значительная часть писем В. Кейтеля отцу посвящена сельскохозяйственным проблемам — лошади, урожай и т. д. В письмах Лизы Кейтель главное внимание уделяется семейным делам, реже — каким—либо другим проблемам. Повышенный интерес вызывают те отрывки из писем, где супруга фельдмаршала описывает психологическое состояние мужа или комментирует те или иные его воззрения и поступки. Письма хранятся в архиве семьи Кейтель.

9

В сентябре 1914 г. оберлейтенант Кейтель получил осколочное ранение предплечья от разорвавшейся гранаты и находился в краткосрочном отпуске по болезни.

10

Подразумеваются карминные лампасы на форменных брюках, знак различия офицеров генерального штаба

11

Подразумевается наступательная операция французской армии в феврале 1915 г. в Шампани — первый опыт ведения активных боевых действий с использованием подвижного заградительного огневого вала; то, что впоследствии военные историки назовут «технической войной на уничтожение».

12

Письмо написано во время летнего наступления 1915 г. в Галиции. Гауптман генерального штаба Кейтель принимал в нем участие в составе группы армий «Юг» генерала фон Линзенгена.

13

Рихард Хенч (1869–1918) в 1914–1916 был начальником службы разведки генерального штаба сухопутных войск, проявил себя в сражении на Марне в 1914 г., в 1915 г. готовил операцию по форсированию Дуная группой армий Макензена в рамках сербской кампании.

14

Приказом от 21.12.1917 гауптман генштаба Кейтель был назначен 1–м офицером штаба Морского корпуса адмирала Людвига фон Шредера во Фландрии, став самым молодым Ia немецкой армии.

15

5.10.1918 имперское правительство Германии обратилось к американскому президенту с предложением о заключении перемирия.

16

Томас Вудро Вильсон (1856–1924) — с 1913 по 1921 г. был 28–м президентом США от Демократической партии.

17

Принц Максимилиан и маркграф фон Баден (1867–1929) — немецкий рейхсканцлер с 3.10.1918 по 9.11.1918.

18

Правительство канцлера графа Георга фон Хертлинга (1843–1919) с 1917 по 1918 г.

19

Представители Независимой социал—демократической партии Германии, меньшинство немецкой социал—демократии, выступавшие за радикальное преобразование общества.

20

Бегство Вильгельма II в Голландию и восстание, поднятое флотскими офицерами, оказались не более чем досужими слухами.

21

В бывшем герцогстве Брауншвейг под руководством Зеппа Оертера сформировалось одно из самых радикально—революционных правительств послевоенного периода.

22

В начале 1919 г. в Веймаре вновь созванному Национальному собранию предстояло не только принять новую конституцию, но и разработать закон о рейхсвере.

23

Барон Альбрехт фон Рехенберг (1861–1935), бывший генерал—губернатор немецкой Восточной Африки, в марте 1919 г. руководил немецкой делегацией на переговорах с поляками о демаркационной линии между немецкими пограничными частями и вновь сформированной польской армией. Еще 6.2.1919 г. Германия и Польша заключили соглашение о перемирии, после нарушения которого польской стороной главнокомандование сухопутными силами под командованием генерал—фельдмаршала фон Гинденбурга и 1–го генерал—квартирмейстера генерал—лейтенанта Гренера (после перевода штаб—квартиры из Вильгельмсхое в Кольберг) подписали приказ о выступлении против поляков. Первоначально немецкое наступление развивалось успешно, но в феврале было остановлено.

24

В архивах семьи Кейтель не сохранились письма за период с 1919 по 1925 г., которые представляли бы интерес для читателя и содержали общественно—политическую и военную информацию.

25

Управление рейхсвера — неофициальный генеральный штаб, запрещенный условиями Версальского договора, — состоял из 4–х отделов.

26

Пауль Кейтель (1860–1934), полковник Королевской медицинской службы, лейб—медик принца—регента Альбрехта Брауншвейгского, дядя Вильгельма Кейтеля, проживал в берлинском пригороде Шарлоттенбург.

27

Подразумевается брат Вильгельма Кейтеля Бодевин, бывший в то время гауптманом штаба управления 2 военного округа в Касселе.

28

Американский промышленник Оуэн Д. Янг (компания «Дженерал Электрик») предложил план реформирования репарационных выплат Германии, утвержденный на 2–й Гаагской конференции по репарациям и ратифицированный немецким рейхстагом в марте 1930 г. Согласно «плану Янга» пик выплат приходился на 1966 г., а к 1987–1988 гг. Германия должна была перевести на зарубежные счета 116 млрд. рейхсмарок золотом.

29

30 мая 1932 г. правительство Генриха Брюнинга (1885–1970) ушло в отставку. Новым рейхсканцлером стал консервативно—католический политик Франц фон Папен (1879–1969).

30

30.8.1932 г. на открытии осенней сессии рейхстага Адольф Гитлер, лидер самой мощной в парламенте фракции НСДАП, намеревался требовать для себя пост канцлера немецкого правительства.

31

3–4 августа 1932 г. 150.000 участников 1–й мировой войны из «Стального шлема» — Союза немецких солдат—фронтовиков — провели крупнейшую манифестацию в берлинском Темпельхофе, закончившуюся столкновениями с полицией.

32

С 1 по 3 июля 1933 г. в Бад—Райхенхале проводилось совместное совещание рейхсканцлера Гитлера, начальника штаба «штурмовых отрядов» (СА) Эрнста Рема, рейхсфюрера «охранных отрядов НСДАП» (СС) Генриха Гиммлера, рейхсминистра труда Франца Зельдте и делегации рейхсвера под руководством генерал—майора Вальтера фон Рейхенау по поводу возможности подключения СА к «вневойсковой подготовке призывников».

33

Подразумевается назначение генерал—майора Кейтеля начальником управления вермахта в военном министерстве.

34

Оригинал воспоминаний генерал—фельдмаршала хранится в архиве семьи Кейтель. Планы описать события 1919–1932 гг. так и не были реализованы. Вступление датируется 8.9.46, но работа над основным документом началась 1.9.1946.

35

Фактическая ошибка, о возможности которой предупреждал во вступлении генерал—фельдмаршал Кейтель, писавший воспоминания без справочной литературы. Генерал Вальтер Рейнхард вышел в отставку вслед за Гансом фон Сектом и скончался 8 августа 1930 г, за три года до описываемых выше событий.

36

Прусский орден «За заслуги» — знак высшего военного отличия.

Ханс—Георг Кейтель (1919–1941), младший сын фельдмаршала, погиб в России в чине лейтенанта.

Эрика Кейтель (1912–1942) — младшая дочь фельдмаршала Кейтеля, скоропостижно скончавшаяся от туберкулеза.

Аполлония (Нона) Кейтель (1911) — старшая дочь фельдмаршала — после смерти деда вышла замуж за управляющего имением Хельмшероде Фридриха Иллинга (после наложения ареста на движимое и недвижимое имущество фельдмаршала Кейтеля британской военной администрацией управлял имением по поручению доверителя в 1945–1952).

Карл—Генрих Кейтель (1914), старший сын фельдмаршала, избрал профессию шталмейстера, а к началу войны поступил в кавалерийский полк.

Эрнст—Вильгельм Кейтель (1915), средний сын фельдмаршала, во время войны служил офицером 6 артполка в Миндене.

38

Неточность: в Лигнице формировалась 18 пехотная дивизия, а 12 дислоцировалась в Шверине. В Бремене базировалась 22 дивизия рейхсвера (будущая 22 посадочно—десантная дивизия).

39

Сенат — правящий городской совет в старинных ганзейских городах Берлине, Гамбурге и Бремене.

40

Зейдлиц—Курцбах командовал армейским корпусом в «Сталинградском котле». В советском плену стал организатором «Союза немецких офицеров» при комитете «Свободная Германия».

41

7 съезд НСДАП, так называемый «съезд свободы», на котором были приняты печальной памяти «Нюрнбергские законы о гражданстве и расе», ограничивавшие гражданские права евреев в Третьем рейхе, проходил с 10 по 16 августа 1935 г., т. е. до начала маневров в Мюнстерлагере. Хронологическое несоответствие в воспоминаниях фельдмаршала, объясняющееся отсутствием справочной литературы.

42

По всей видимости, речь идет о документе от 8.12.1945 г. «Начальник штаба ОКВ». См. «Кейтель: солдат и политик».

43

Фельдмаршал подразумевал Эриха фон Манштейна. Об этом свидетельствуют его записи военного времени и заявления о необходимости учреждения должности начальника генерального штаба вермахта.

44

Речь идет о замке Бранденштайн и его владельцах графе Александре фон Бранденштайн—Цеппелин и его супруге, графине Хелене, урожденной фон Цеппелин, дочери изобретателя дирижабля системы «Цеппелин» генерала от кавалерии графа Фердинанда фон Цеппелин

45

Неточность фельдмаршала: гражданская война в Испании началась 17 июля 1936 г. Гитлер принял решение о выступлении на стороне генерала Франсиско Франко Баамонде в Байройте.

46

После инцидента на мосту «Марко Поло» 7 июня 1937 г. Япония объявила войну Китаю.

47

Хронологическая ошибка фельдмаршала: немецкие военные советники были отозваны из Китая в 1938 г.

48

Намек на помолвку старшего сына фельдмаршала, кавалерийского офицера Карла—Хайнца Кейтеля, с Доротеей фон Бломберг, дочерью военного министра, официально одобренную родителями жениха и невесты.

49

Фон Бломберг получил чин генерал—фельдмаршала 20 апреля 1936 г.

50

Подразумевается Эрна Грун, хотя в обширной историографической литературе супругу фельдмаршала фон Бломберга часто и ошибочно именуют «Евой»

51

Непонятно, почему фельдмаршал фон Бломберг называет профессию своей тещи «гладильщица». Хотя полицейское досье Эрны Грун не обнаружено до сих пор (скорее всего, оно было изъято и уничтожено в 1938 г.), достоверно известно, что ее мать была владелицей так называемого «массажного салона». Какого рода услуги предоставляли подобные заведения — ни для кого не было тайной.

Подразумевается 4 группа армий.

53

Иоганн Вольфганг Гете «Фауст».

54

Директива цитируется по служебному архиву доктора Нельте, адвоката Вильгельма Кейтеля на Нюрнбергском процессе. В связи со спецификой организации юридической защиты фельдмаршала сведения о люфтваффе и кригсмарине отсутствуют.

55

Речь идет не об августовском меморандуме 1937 г. барона фон Фрича, а о памятной записке главнокомандующего сухопутными войсками от 7 марта 1938 г., уточняющей отдельные положения известного меморандума. Известны только ссылки на текст памятной записки — сам документ не найден.

56

Официально документ разработан в управлении «Л» ОКВ (штаб оперативного руководства) и подписан оберстлейтенантом Йодлем. Манера письма, расстановка знаков препинания, употребление отдельных слов и выражений позволяют предположить как минимум причастность к разработке данного документа генерала Кейтеля. С точки зрения содержания документ созвучен идеям генерала в отставке Эриха Людендорфа, сформулированным в работе «Тотальная война» (Мюнхен, 1935), и стратегическим воззрениям Адольфа Гитлера.

57

Карл Дениц — с 30 января 1943 г. гросс—адмирал и главнокомандующий военно—морским флотом.

На самом деле ротация командно—управленческих кадров приняла достаточно широкий размах: были отправлены в отставку «инертные в национал—социалистическом отношении» начальник управления кадров сухопутной армии генерал фон Шведлер, 1–й помощник начальника генштаба сухопутной армии генерал—лейтенант фон Манштейн, адъютант вермахта при штаб—квартире фюрера оберст Хоссбах, командиры корпусов генералы Франц фон Лееб, Эвальд фон Клейст и Кресс фон Крессештайн.

59

Король умер, да здравствует король! (фр.)

60

На самом деле отец Гитлера Алоис Шикльгрубер, служащий австрийской таможни, был переведен в таможенное отделение Линца в 1890 г. — через год после рождения сына. Шестилетний Адольф поступил в 1 класс народной школы городка Фишльхам под Линцем в 1895 г.

61

«Меморандум Бека» состоял из трех частей: 1) преамбула с анализом общеевропейской ситуации; 2) ожидаемая реакция Франции в случае вторжения вермахта; 3) сравнительный анализ военно—промышленных потенциалов Германии и Чехословакии.

62

Эмиль Гаха (1872–1945) — в 1938/39 — президент Чехословацкой республики. После подписания Мюнхенского соглашения с 1939 по 1945 г. был президентом правительства протектората Богемия и Моравия. 1.6.1945 г. умер в пражской тюрьме.

63

Во время Судетского кризиса 1938 г. Польша «под шумок» аннексировала Олзскую область Чехии!

64

Теодор Морель (1890–1948), дерматовенеролог, лечащий врач Адольфа Гитлера наряду с доктором Брандтом и доктором фон Хассельбахом.

65

17 сентября 1939 г. части РККА вступили на территорию Восточной Польши. По официальной версии советского руководства — «в целях укрепления западных рубежей» и «воссоединения» Западной Украины и Западной Белоруссии с Украинской и Белорусской ССР. Не соответствует действительности утверждение о несостоявшемся соединении вермахта и Красной Армии: на самом деле после выхода на демаркационную линию «Нарев — Висла — Сан» союзники вступили в соприкосновение под Брестом, где и провели совместный парад.

66

Принц Вильгельм Прусский (1906–1940), оберстлейтенант резерва 1 пехотного полка, 23.5.1940 получил тяжелое огнестрельное ранение под Валансьеном — через три дня скончался от ран.

67

Визит наркома иностранных дел Вячеслава Молотова в Берлин состоялся 12–13.11.1940.

68

Подразумевается казнь маршала Тухачевского и целой плеяды высших офицеров РККА в июне 1937 г. и в ходе последующих «чисток» комсостава Красной армии.

69

«Кошмар коалиций» — выражение, приписываемое Отто Бисмарку.

К началу операции численность группы армий «Албания» составляла 9 дивизий, две из них прикрывали югославскую границу.

71

12–13.11.1940

72

Спецуполномоченный советского правительства по включению Литвы в состав СССР, последний посол Советского Союза в Берлине до 22.6.1941. Проходил по «делу Берия» и был расстрелян в 1953 г.

73

Генерал—фельдмаршал люфтваффе Альберт Кессельринг командовал в это время 2–м воздушным флотом в Северной Франции, на побережье Ла—Манша. 2 возд. фл. был перебазирован в Италию в конце 1941 г.

74

В архивах доктора Нельте не обнаружены документы, датированные декабрем 1945 г., однако об отношении В. Кейтеля к Адольфу Гитлеру можно судить и по другим материалам.

75

Разделяй и властвуй! (лат.)

76

Барон Карл Густав Маннергейм, маршал Финляндии, главнокомандующий вооруженными силами. Согласно договору с Германией Финляндия «не воевала против СССР, а принимала участие в военных действиях на стороне рейха».

77

18.12.1941 командующим группой армий «Центр» был назначен генерал—фельдмаршал фон Клюге. Федор фон Бок был отправлен в отпуск «по состоянию здоровья».

78

От немецкого «Hilfswillige» — «добровольные помощники» — иностранные военнопленные, служившие на нестроевой должности в вермахте. Несколько десятков русских добровольцев служили даже в танковой армии «Африка» генерал-фельдмаршала Эрвина Роммеля.

79

Директива Гитлера № 41 от 5.4.1942 «О летнем наступлении вермахта». Наступательная операция получила кодовое обозначение — «Блау» (с 30 июня 1942 г. — операция «Брауншвейг»)

80

Фон Бок получил новое назначение, после того как генерал—фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау скончался 17.1.1942 в штаб—квартире группы армий «Юг» в Полтаве от перенесенного инфаркта и последствий черепно—мозговой травмы.

81

На этом воспоминания генерал—фельдмаршала Кейтеля обрываются. 1.10.1946 был оглашен, а 16.10.1946 приведен в исполнение смертный приговор. В промежутке между 1 и 10 октября были сделаны записи о последних неделях войны.

82

25 июля 1943 г. Бенито Муссолини был арестован по приказу короля Виктора Эммануила III и препровожден в отель «Кампо Императоре» в Абруццких Альпах. 12.9.43 освобожден отрядом парашютистов СС под командованием гауптштурмфюрера СС Отто Скорцени. (См. об этом кн.: О. Скорцени «Секретные задания», Ростов н/Д: Феникс, 1999)

83

Подразумеваются ожесточенные арьергардные бои на фронтах групп армий «Юг» фон Манштейна и «А» фон Клейста на днепровском рубеже.

Т.е. в Бергхоф под Берхтесгаденом.

85

28.8.1943 г. скоропостижно скончался болгарский царь Борис III. По официальной версии, смерть наступила в результате апоплексического удара, по неофициальной — в результате отравления. Во всяком случае, царь Борис скончался весьма своевременно для Сталина. До совершеннолетия царя Симеона II государственная власть перешла в руки регентского совета.

86

Майор пехоты Эрнст Йон фон Фройнд и гауптман люфтваффе Герхард фон Шимонски.

87

17.7.44 г. при возвращении с переднего края автомобиль генерал—фельдмаршала Эрвина Роммеля, командующего группой армий «Б» Нормандского фронта, был атакован двумя британскими истребителями—бомбардировщиками. Роммель получил многочисленные осколочные ранения, перелом основания черепа, двойной перелом височной кости, осколочный перелом скуловой кости, сотрясение мозга и т. д. Оказался замешан в «заговоре 20 июля» и по требованию Гитлера покончил жизнь самоубийством 14.10.44. (См. об этом кн.: Лутц Кох «Лис пустыни. Эрвин Роммель», Ростов н/Д: Феникс, 1999)

88

Письмо написано ко дню рождения жены, 4.11.44

89

Заседания «Суда чести» состоялись 4.8, 14.8, 24.8 и 14.9.1944. Всего было с позором уволено 55 офицеров (в том числе 11 генералов) — многие из них задним числом, после расстрела или самоубийства. Майор генерального штаба Кун, IIс 28 горнострелковой дивизии, снабжавший заговорщиков взрывчаткой, дезертировал и перебежал к русским.

128–мм спаренные зенитные пушки Flak–40 поступали на вооружение частей обеспечения ПВО Берлина, Гамбурга и Вены. Зенитные батареи внешнего оборонительного кольца «крепости Берлин» размещались на огневых позициях, представлявших собой железобетонные башни. Кроме того, на вооружение частей ПВО берлинского гарнизона поступали СЗУ «Вирбельвинд» («Смерч») со счетверенными 20–мм пушками Flak–38, которые устанавливались на шасси танка T—IV, и СЗУ «Оствинд» («Восточный шквал») с 37–мм автоматической зенитной пушкой на башенной установке.

91

С 22.4.45 обязанности военного коменданта «крепости Берлин» исполнял генерал—лейтенант Рейман. Комендантом «центрального оборонительного района» Берлина был в этот момент 30–летний генерал—майор Эрих Беренфенгер, один из «фюреров» «Гитлерюгенд».

92

Генерал—лейтенант Эрих Детлефтсен, начальник оперативной штабной группы ОКХ с 23.3.1945 по 24.4.1945 г.

93

Генерал—оберст Роберт фон Грейм, командующий 6 воздушным флотом «Восток», 26.4.45 был доставлен в Берлин на «Арадо–60» пилота—инструктора люфтваффе Ханны Райч. Гитлер произвел его в фельдмаршалы и назначил новым главнокомандующим люфтваффе вместо смещенного со своих постов Германа Геринга.

94

В ночь с 28 на 29 апреля 1945 г. состоялось бракосочетание Адольфа Гитлера и Евы Браун. Утром 29.4 фюрер продиктовал своему секретарю фрау Гертруде Юнге два документа: политическое завещание и последнюю волю.

95

Фактически эвакуация штаб—квартиры ОКВ в Доббин (Южный Мекленбург) началась 29.4.1945 в 19.00.

Первоначально на пост командующего группой армий «Висла» намечался генерал—оберст люфтваффе Карл Штудент, но в связи с невозможностью его немедленного прибытия 29.4.45 преемником генерал—оберста Хайнрици стал генерал пехоты Курт фон Типпельскирх, командующий 21 армией (бывшей 4 армией) в Восточной Пруссии.

97

Согласно проверенному и исправленному журналу боевых действий ОКВ базовой точкой отсчета для нижеописанных событий должно быть 29.4.45 г.

98

По уточненным данным (журнал боевых действий ОКВ), эвакуация штаб—квартиры ОКВ в Доббин состоялась 29.4.45 в 19.00.

99

Грейм стал самым молодым летчиком 1–й мировой войны, награжденным прусским орденом «За заслуги». В марте 1920 г, во время «Капповского путча», доставил в Берлин Адольфа Гитлера и поэта—националиста Дитриха Эккарта, которые намеревались баллотироваться в состав нового национального правительства.

100

Генерал—оберст Курт Штудент, командующий группой армий «Х» на Западном фронте (с ноября 1944 по январь 1945 г.). С 10.4.45 по 28.4.45 г. — командующий парашютно—десантной армией.

101

Группенфюрер СС и генерал—лейтенант Ваффен СС Герман Фегеляйн, представитель рейхсфюрера СС Гиммлера в ставке фюрера, был женат на Грете Браун — сестре Евы Браун, метрессы Гитлера. Адольф Гитлер предполагал, что его свояк замешан в переговорах Гиммлера и представителя шведского Красного креста графа Бернадотта в Швейцарии, и заподозрил его в попытке бежать из Берлина, переодевшись в гражданскую одежду.

102

Генерал—адмирал Ханс Георг фон Фридебург (1895–1945) — последний главнокомандующий кригсмарине Третьего рейха (2.5.45–9.5.45). Покончил жизнь самоубийством 23 мая 1945 г. во Фленсбург—Мюрвике.

103

Непонятно, почему фельдмаршал говорит о «предварительном акте». Капитуляция вермахта была подписана в союзнической штаб—квартире в Реймсе, но Сталин настоял на повторении церемонии подписания акта о капитуляции в Берлине.

104

Контрольный совет, орган союзнического управления в Германии (1945–1948), отклонил прошение.

105

Речь идет о подписанных Кейтелем приказах «Об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками» от 12.5.1941 и «О применении военной юрисдикции в районе «Барбаросса» от 14.5.1941.

106

Так называемый «жесткий приказ» генерал—фельдмаршала фон Рейхенау «О поведении войск на оккупированных территориях».

107

Учитывая возраст испытуемых, к показанным ими результатам были добавлены 15–20 баллов.

Учитывая возраст испытуемых, к показанным ими результатам были добавлены 15–20 баллов.

109

Учитывая возраст испытуемых, к показанным ими результатам были добавлены 15–20 баллов.

Учитывая возраст испытуемых, к показанным ими результатам были добавлены 15–20 баллов.